



СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

UNIVERSITAS TARTUENSIS

SLAVICA TARTUENSIA VI

SLAVICA TARTUENSIA
VI

UNIVERSITAS TARTUENSIS
TARTU ÜLIKOOL ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Slaavi filoloogia õppetool Кафедра славянской филологии

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

**К XIII МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ
СЛАВИСТОВ
(ЛЮБЛЯНА, 15–21.08.2003)**

SLAVICA TARTUENSIA
VI

TARTU 2003

Редактор серии *Slavica Tartuensia* и ее VI тома А. Д. Дуличенко
Технический редактор Э. Романчик
Над томом также работали: Л. А. Рябова, И. В. Абисогомян, И. Ю. Табакова

Редакция серии *Slavica Tartuensia*: Estonia, 50090 Tartu, Näituse, 2,
Tartu Ülikooli slaavi filoloogia õppetool. Prof. dr. Aleksandr D. Duličenko.
Tel. 372 7/375 351; fax 372 7/376 352;
e-mail: aleksd@ut.ee, aleksd@list.ru

Рецензенты тома: доктор филол. наук, проф. Г. А. Лилич (С.-Петербургский ун-т), доктор филол. наук, проф. В. М. Мокиенко (Греифсвальдский ун-т)

Сборник посвящен исследованию славянских языков в диахронии и синхронии. Таковы доклады эстонской делегации на XIII Международный съезд славистов, касающиеся ц.-славянского, русского и словенского языков. Статьи других авторов связаны с социолингвистическими и интралингвистическими аспектами ц.-славянского, русского, чешского, сербско-хорватского и кашубского языков. Последний раздел («К 10-летию кафедры славянской филологии Тартуского университета, 1992–2002») занимают: хроника, программы спецкурсов, перечни докладов, дипломных сочинений и магистерских диссертаций, библиография трудов сотрудников кафедры.

© Авторы статей и редактор, 2003

ISSN 1406–3522

Tartu Ülikooli Kirjastus/Tartu University Press
Tiigi 78, EE2400 Tartu, Eesti/Estonia
Order no. 412

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКЛАДЫ ЭСТОНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ К XIII МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ (ЛЮБЛЯНА, 15–21.08.2003)

Н. А. Нечунаева (Tallinn)

Рукопись из собрания А. Ф. Гильфердинга Q.п.1.25
и рукопись Q.п.1.28 «Листки Амфилохия» — болгарская
Минея праздничная, май – июнь XII–XIII вв. 9

А. Д. Дуличенко (Tartu)

Неизвестная рукопись 1773 г. о словенском языке
Юрия Япеля 19

С. Б. Евстратова (Tartu)

Национально-культурная специфика фразеологизмов
в аспекте славяно-финно-угорских взаимоотношений 43

Л. В. Дуличенко (Tartu)

Русская антропологическая парадигма: некоторые вопросы
внутрисистемных семантических отношений 54

II. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

С. И. Рагрина (Tallinn)

Анализ пересекающихся фрагментов при календарно-
циклическом исследовании славянских рукописей 67

Н. Б. Мечковская (Minsk)

Какие даты в истории письменно-литературных традиций
наиболее значимы для социолингвистической типологии
славянских языков? 81

О. В. Никитин (Москва)

Дневник русского моряка Николая Протопопова 1770-х гг.
как памятник литературного языка XVIII в. (предваритель-
ные наблюдения) 97

И. В. Абисогомян (Тарту)

Становление чешской лексикографии в эпоху
национального Возрождения: борьба концепций 104

* * *

Н. Г. Самсонов (Якутск)

О функционировании русского языка как государственного
языка Российской Федерации в Республике Саха (Якутия)... 112

А. М. Бушуй (Самарканд)

Русский язык в современном Узбекистане 119

Д. Д. Шайбакова (Алматы)

О русском языке в Казахстане 133

М. Okuka (München)

Kud plovi bosanski (bošnjački) jezički brod? (O uspostavljanju
i propagiranju bosanskog književnog jezika) 140

III. НЕКОТОРЫЕ ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

R. Comtet (Toulouse)

La singularisation des morphèmes grammaticaux dans
le russe contemporain 174

Ю. С. Кудрявцев, В. П. Щаднева (Тарту)

Взаимосвязь семантики и формообразования в
современном русском глаголе *быть* 184

М. Sybułski (Gdańsk)

Kaszëbsczé czasniczi o znaczeniach *b'ic* 194

Е. А. Покровская (Ростов-на-Дону)

Синтаксис модернистского дискурса 199

* * *

А. Ф. Журавлев (Москва)

Учитель (Памяти акад. Н. И. Толстого) 208

IV. К 10-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1992–2002)

Несколько слов о создании кафедры славянской филологии
в Тартуском университете. *А. Д. Дуличенко* 214

Хроника кафедры славянской филологии Тартуского
университета (1992–2002). Сост. *И. В. Абисогомян* 218

Программы курсов кафедры славянской филологии Тартуского университета (1992–2002)	248
Научный семинар кафедры славянской филологии Тартуского университета (доклады за 1999–2002 гг.)	296
Библиография научных трудов сотрудников кафедры сла- вянской филологии Тартуского университета (1992–2002)	298
Библиография печатных научных трудов проф. С. Г. Исакова за 1992–2002 гг.	298
Библиография печатных научных трудов проф. А. Д. Дуличенко за 1992–2002 гг.	308
Публикации преподавателей кафедры славянской филологии (1996–2002)	322
Публикации студентов и магистрантов кафедры славянской филологии (1996–2002)	323
Магистерские диссертации, защищенные по кафедре славянской филологии Тартуского университета (1996/97–2002)	325
Дипломные/бакалаврские сочинения по кафедре славянской филологии Тартуского университета (1978–1991, 1992–2002)	327
Приложение 1	
Факсимиле л. 5/об рукописи Ю. Япеля 1773 г.	336
Приложение 2	
Фото сотрудников кафедры славянской филологии Тартуского университета	337

І. ДОКЛАДЫ ЭСТОНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ К XIII МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

(ЛЮБЛЯНА, 15–21.08.2003)

Наталья Алексеевна Нечунаева
Tallinn

РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЯ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА Q.P.125 И РУКОПИСЬ Q.P.128 «ЛИСТКИ АМФИЛОХИЯ» — БОЛГАРСКАЯ МИНЕЯ ПРАЗДНИЧНАЯ, МАЙ – ИЮНЬ XII–XIII ВВ.

Гимнография – Минея – рукопись – устав – архаичный текст – состав рукописи – структура текста – языковые чтения – палеографические, фонетико-графические, грамматические особенности.

Гимнографические тексты составляют значительную часть славяно-русского рукописного наследия XI–XIII вв. По данным Сводного каталога (СК), из 494 рукописей этого периода 111 являются рукописями гимнографических книг: Минеи, Триоди, Октоиха (СК 1984). В иерархической схеме жанров древнеславянской письменности конфессионально-гимнографическая литература находится на втором месте после конфессионально-литургической (Толстой 1988, 167–169). Наибольшее распространение из трех гимнографических книг получили минеи.

Минея (греч. *μηναια* ‘месячные’ — мн. ч. от *μηναιον*) — богослужебная книга и книга для чтения, содержащая прославляющие святых или церковные праздники тексты, расположенные по дням каждого месяца. Минея связана с постоянным кругом церковного календаря, который начинался первого сентября.

Минеи относятся к числу древнейших сохранившихся славянских рукописей. Из семи датированных списков XI в., согласно СК, три приходятся на минеи: Минея на сентябрь 1095 г. (СК № 7), Минея на октябрь 1096 г. (СК № 8), Минея на ноябрь

1097 г. (СК № 9), из недатированных рукописей XI в. — еще два минейных списка, имеющих специальное название в истории русского языка: *Минейя на май* — *Путятиня Минейя*, названная по имени писца и *Минейя на июнь* — *Минейя Дубровского*, получившая наименование по имени ее прежнего владельца.

Однако до конца 90-х г. XX в. в научный оборот практически все минейные списки XI–XIII вв. были введены очень ограниченно. Причина — в их трудной доступности для исследователей разных специальностей, так как они существовали только в рукописях, хранящихся в разных странах. В течение почти столетия изданными были лишь новгородские служебные минеи 1095–1097 гг. (Ягич 1886). Обзор публикаций Минейи, осуществленных в конце XX в., представлен в нашей монографии (Нечунаева 2000, 23–26). К последним по времени изданиям следует отнести выход рукописи *Путятинной Минейи* (ПМ) в жур. «*Palaeoslavica*» (ПМ на май 1998, 114–208; 1999, 136–217; 2000, 123–221) и публикацию части рукописи ПМ (1–10 мая), осуществленную Л. И. Щеголевой (Щеголева 2001, 26–208).

В рукописном собрании Российской Национальной библиотеки хранятся две рукописи, имеющие отношения к истории формирования корпуса гимнографических текстов в Древней Руси — Q.п.1.25 и Q.п.1.28.

В 2001 г. в жур. «*Palaeoslavica*» нами впервые опубликованы тексты рукописей Q.п.1.25 и Q.п.1.28 с их краткой историей (Нечунаева 2001, 83–98). Назовем основные моменты, позволившие определить место этих рукописей в древнем славянском рукописном наследии.

В СК рукопись Q.п.1.25 квалифицирована как *Минейя праздничная, май. Отрывок. Кон. XII – нач. XIII в.* (СК № 156), благодаря её идентификации со второй рукописью — Q.п.1.28 *Минейя праздничная, июнь. Отрывок. Кон. XII – нач. XIII в.* (СК № 157), сделанной В. М. Загребиным. Объем рукописи Q.п.1.25 — 1 лист пергамена, рукописи Q.п.1.28 — 2 листа пергамена.

С момента первого упоминания рукописей Q.п.1.25 и Q.п.1.28 в отчетах Публичной библиотеки С.-Петербурга соответственно в 1873 и в 1880 г. (Отчет 1873, 18; 1880, 57) и вплоть до описания их в 1984 г. в СК обе рукописи не имели точного и постоянного названия, их датировка колебалась от XI в. до XIV в., а ареал написания определялся как сербский, среднеболгарский, болгарский (ПС 1966, 177–272).

Рукопись из собрания А. Ф. Гильфердинга Q.п. 1.25

Первоначально принадлежность рукописи Q.п.1.25 к кругу минейных текстов вообще не была выявлена, ее называли *Листком, содержащим в себе церковные песнопения XIV в.* (Отчет

1873, 18), *Богослужбным текстом* — отрывком XIII–XIV в. в разделе «Рукописи неизвестного происхождения» в описании пергаменных рукописей Публичной библиотеки (Гранстрем 1953, 115) и *Отрывком из Церковных песнопений (из Октоиха?)* XII в. в составленном каталоге собрания А. Ф. Гильфердинга, куда входит и эта рукопись (Мошин 1958, 409–417).

Содержание рукописи, несмотря на фрагментарность текста, позволило выявить в ней Минею на май. Оно установлено по древнейшей Майской Минее — ПМ XI в. (СК № 21, лл. 88–88/об.), начало рукописи — две строки 2-го тропаря — по Минее служебной, май XII в., Син. 166 (СК № 89, л. 130).

Рукопись начинается с конца 2-го тропаря 9-й песни канона из службы 21 мая св. Царям Константину и Елене со слов же истачаеши рѣки: . Далее следует 4-й тропарь 9-й песни канона 21 мая *Безъ начела бесѣрѣтъ црѣоу:*. После тропаря помещена стихира *сти: гѣ: д: по даст зѣмение из той же службы*. Завершается текст началом седальна — *ѣвъ гѣ по върѣ вѣжѣ — Нови ти въ дѣдѣ*.

На обороте листа текст практически смыт, однако отдельные слова из продолжения седальна, выделенные нами курсивом, можно разобрать: *помаза дѣмь тѣ прѣсаав не · просвѣщенок слово же и гѣ и Инѣ* *показа свѣтилѣ дѣвѣ · тако сайце лѣнѣ*.

Рукопись Q.п.I.28 «Листки Амфилохия»

При первом упоминании рукопись Q.п.I.28 была безымянной. Архимандрит Амфилохий, по поручению которого псаломщик военного госпиталя Павел Смирнов приобрел в 1878 г. в Сан-Стефано эту рукопись вместе с несколькими другими древними листами, написанными кириллицей, представляет ее описательно: «Выписка из 1-го отрывка из канона в 11-й день июня св. апостолам Варнаве и Варфоломею» (Амфилохий 1880, 1–10).

Первое название рукописи связано с ее содержанием — *Отрывок из канона в 11-ый день июня св. апостолам Варнаве и Варфоломею XIII в.* (Отчет 1880, 57). Второе название — «Листки Амфилохия» — рукопись получила при палеографическом описании южнославянских памятников, сделанном Л. П. Лавровым (Лавров 1914, 128–129). Далее рукопись теряет оба названия — и содержательное, и личностное, и получает наименование, не определяющее тип текста: «Богослужбный сборник — отрывок. XIII в.» (Гранстрем 1953, 80) и «XIII в. Сборник богослужбный. Отрывок» (ПС № 351). Название рукописи по содержанию присвоено ей лишь в СК (СК №157).

Кроме того, были опубликованы литографированный снимок рукописи Q.п.I.28 (см.: Амфилохий 1880) и фотография одного из фрагментов (см.: Лавров 1914, 129).

На лл. 1/об., 2 рукописи Q.п.I.28 содержатся фрагменты 3–9 песен канонов ап. Варфоломею и Варнаве, память которым помещена под 11 июня. Каждый фрагмент представляет собой один из тропарей соответствующей песни канона св. Варфоломею и другой тропарь из песни канона св. Варнаве. Рукопись начинается с конца 1-го тропаря 3-й песни канона св. Варнаве со слов *варънаво славьне: и потокъ пиш(...)* и *рѣко (...)*ж| *потъче:* (1 л.)

Далее на первом листе расположены:

1-й тропарь 4-й песни канона того же дня, 11 июня св. Варфоломею — *пѣ̄ · д̄ · пришествовав(...)* ѿ двѣ|Низложи (...)*р(...)* мь хвѣмь ограж(...)| вѣсь наго шетаниѣ:

1-й тропарь 4-й песни канона св. Варнаве —

Послаѣд8(...) *велѣвию: вьладчѣнѣ апле вар(...)* |наво прѣхвальне:

2-й тропарь 5-й песни канона св. Варфоломею —

пѣ̄ · е · ходатаи воу и члѣко(...) | Несоздана ста: зани вь тварехѣ вѣвшѣсж

2-й тропарь 5-й песни канона св. Варнаве —

Крѣпость крѣпкѣ: стаго дѣха апле|

1-й тропарь 6-й песни канона св. Варфоломею —

пѣ̄ з вь вездѣхѣ грѣховнѣхѣ | Чюдесь дарование приемь: ицѣлениѣ д(...)|

1-й тропарь 6-й песни канона св. Варнаве —

Вьсиѣв(...) *мирови хѣ вѣ: праведное (...)* |

1-й тропарь 7-й песни канона св. Варфоломею —

пѣ̄ з̄ во против(...) | Прѣвелиж таинж вьроломѣ вжиѣ в(...)|

На обороте первого листа помещены:

конец 1-го тропаря 7-й песни канона св. Варфоломею —

нж единѣмь же вьмѣсти (...) вѣрнимь | нескказано (...) *вѣроуемо же (...)* |

1-й тропарь 7-й песни канона св. Варнаве —

стаго вь стихѣ почивающаго: варна |

2-й тропарь 8-й песни канона св. Варфоломею —

пѣ̄ и: пещи огна иногда вьрѣко же рѣка сиона ишедьши: | црковнаѣ сь| ставлениѣ

1-й тропарь 8-й песни канона св. Варнаве —

Морѣ лоуѣтаго: вьзъмьцати конь си ѣко влагодѣтелж наведе:

1-й тропарь 9-й песни канона св. Варфоломею —

пѣ̄ · ѣ · вѣз начелѣ роу | Словеси слѣжителъ: вь: самовидецъ: оуче| никъ

3-й тропарь 9-й песни канона св. Варнаве —

Вѣрож память ти творимь:

стихира из службы Варфоломею —

стн: гла · д̄ · по ѣко довьа и | Мрѣжеж словесѣ твоихѣ: гласѣ апле: изъ г| лжвини:

На втором листе следует продолжение стихиры со слов *тевѣ давшюу влагодѣтъ:; седален сѣ · гла ӣ по: прѣмьдрос(...)* | Ждицеж словеси: изъвлачивь (...) *из глж| вини неразвнѣ вьпоповно:*

канон 14 июня свв. пророкам Илье и Елисею —

Мца · юунѣ · д̄: ка: стима пророком | илие елисею пѣ̄ д̄: гла д̄: вьспож ти ги вѣ | Вьспож ти ги вѣ мои: ѣко вѣвиль еси на | мь

Арх. Амфилохий отмечал, что подобных канонов с одним тропарем каждому святому ни в рукописях, ни в печатных минеях он не встречал (Амфилохий 1880, 6). Известно, что всякий порядок текста, который не соответствует порядку в службе, архаичен.

Для установления содержания рукописи привлечены списки Минеи на июнь: Соф. 206 XII в. (СК № 92, лл. 32/об.–38) и Минеи Дубровского (МД) XI в. (Das Dubrovskij-Menäum 1999, 63–153). Текст стихиры, отсутствующий в этих рукописях, установлен по греческому тексту: Ἦχος δ'. Ὡς γενναῖον ἐν Μάρτυσι. Τῇ σαγήνῃ τῆς γλώττης σου,* θεορρήμον Ἀποστολε (MHNATA 1889, 263).

Содержание рукописи Q.п.1.28 подтверждает ее квалификацию в качестве Минеи праздничной — книги, состоящей из текстов служб наиболее почитаемым святым и праздникам соответствующего месяца.

Рукопись Q.п.1.28 является июньским фрагментом праздничной Минеи со службами 11 и следующего сразу же 14 дня. Рукопись является образцом «краткого» варианта минейного текста, иначе называемого Минеей праздничной. Из всех разновидностей Минеи — праздничная, служебная (полная, вседневная), общая, четья — Минея праздничная содержит древнейший текст, относящийся ко времени первых переводов на славянский. Праздничная Минея входит в круг необходимых для богослужения книг, перевод которых был осуществлен в кирилло-мефодиевскую эпоху (Нечунаева 2000, 12–13).

Основные параметры для классификации списков Минеи — набор памятей, состав следований дня и маркирующие лексические чтения. Состав рукописи — набор памятей (11 июня ап. Варфоломей и Варнава; сразу следующий канон 14 июня прр. Илья и Елисей) — первый параметр, по которому классифицируются списки Минеи. Для рукописи Q.п.1.28 он является доказательством ее отнесенности к Минее праздничной. К сожалению, единственный лист рукописи Q.п.1.25 не дает возможности квалифицировать ее текст по этому признаку.

Второй параметр — структура текста. Сохранившиеся листы обеих рукописей позволяют описать этот очень важный текстологический признак.

В обеих рукописях текст расположен в следующем порядке: канон — стихира — седален. Порядок следования песнопений в рукописи Q.п.1.25 совпадает с их порядком в ПМ. Именно он позволил нам отождествить текст этой рукописи с текстом ПМ. Такой вариант расположения использовался в самых ранних текстах и не имел широкого распространения, и тем ценнее рукописи, в которых он сохранился.

Помещение канона на первое место свидетельствует об архаичности текста и встречается в ограниченном количестве гимнографических списков. Кроме названных текстов — ПМ, Q.п.1.25 и Q.п.1.28 — таким же образом песнопения расположены в службе Борису и Глебу из Июльской Минеи XI/XII в. (СК № 42), в Минее праздничной XII в. (СК № 76), в Триоди Моисея Киянина XII конца – начала XIII вв. (СК 170), в глаголической Минее библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае № 4/N, в Битольской Триоди второй половины XII в. (София, БАН, № 38), в т. н. Острожницких отрывках, содержащих фрагменты канона св. Дмитрия Солунского XI–XII вв.

По наблюдениям И. В. Ягича, подобного порядка следований нет в известных ему греческих списках: «<...> мне не приходилось видеть ни одной греческой минеи, в которой было бы такое же расположение текста, каким отличается слав. Софийская минея за месяц май XI в., так называемая Путятинна» (Ягич 1886, LXVII). Однако нам известно, что такое расположение текста встречается и в оригинальном тексте — в Триоди XI в. из криптоферратского монастыря (Vat. grec. 771). Все службы сырной недели в этой рукописи следуют в таком порядке: трипеснец – стихира – седален (25 л/об.) Архаичный порядок песнопений в этих рукописях отличается от порядка песнопений в распространенных в этот же период минаех студийской редакции: стихиры — седалны — песнопения других жанров — канон.

Архаичная структура службы проявилась, таким образом, в 10 гимнографических списках: 1 греческий, 5 южнославянский и 4 древнерусский.

Третий параметр — языковые чтения. Архаичное расположение песнопений в рукописях Q.п.1.25 и Q.п.1.28 сопровождается особыми языковыми чтениями, отличающими их текст от текста соответствующих майских и июньских миней, напр.:

1) Безъ начела весмъртъ црю: цръство(...)ша|го спдовися (Q.п.1.25) — Безначальные весмъртне црю: цръства вышшняго спдови. (Соф. 203, л. 103).

2) Порядок слов (црю ты дасть нашемоу · крьсть/црви дасть·| нашемъ крьсть — црви нашемоу дасть · крьсть) и лексические варианты маствио/млафное — члвколювче показывают близость текста ПМ и Q.п.1.25 и их отличие от текста Соф. 204 (СК № 282), имеющей студийский вариант расположения песнопений.

3) Ъко истоцьникъ съ пива дховнаго: (Q.п.1.28, л.2) — ѡко истоцты водъ дхвнъхъ. (Соф. 206, л.63).

4) Текст списка Q.п.1.28 имеет порядок слов, отличающийся от порядка слов в МД и в Соф. 206: слзжителъ: въ: самовидецъ: оученикъ вовидецъ: и проповѣдатель: слово ни въ идеже естъ: — слоужителъ высть и самовидецъ · и проповѣдатель слово нмъ въ идеже естъ · оученикъ во|видецъ (с. 116; л. 35/об.)

Единые текстологические и языковые особенности двух рукописей свидетельствуют о том, что Q.п.I.25 и Q.п.I.28 — это майский и июньский фрагменты одной книги — Минеи праздничной архаичного типа. Палеографические и лингвистические данные только подтверждают эти наблюдения.

Обе рукописи — Q.п.I.25 и Q.п.I.28 — имеют общие палеографические черты, которые позволяют уточнить их датировку и место написания. Самые яркие из них:

- 1) «Висячая» строка, в которой буквы, выходящие за линию строки, написаны по-разному: *црь* — хвостик *ц* почти в строке и *црьствѣ* — хвостик *ц* значительно ниже строки (Q.п.I.25); *самовидецъ* — хвостик *ц* практически на строке (Q.п.I.28); висячая петля у буквы *а*: *апльское* (Q.п.I.25) и *гла* (Q.п.I.28).
- 2) Одна из наиболее заметных по начертанию букв *ѣ* с приподнятыми над линией чертами: *разумѣви* (Q.п.I.25) и *свѣдѣтель* (Q.п.I.28). Эта буква со специфическим начертанием выделяется на всех листах обеих рукописей.
- 3) У буквы *ж* нижняя черточка сдвинута вправо: *вѣрож* (Q.п.I.25) и *Мръжеж* (Q.п.I.28).
- 4) Примечательно объединение *т* и *ш* в лигатуру: *т* приставляется к правой палочке *ш* сверху: *ошѣдри* (Q.п.I.25) и *прѣгнѣша* (Q.п.I.28). Подобное написание П. А. Лавров отмечал лигатуры в Супральской рукописи — четвѣй мартовской Минеи (Лавров).
- 5) Из надстрочных написаний показательное написание *ѣ* над строкой: *смотрение* (Q.п.I.25) и *прѣдлагаема* (Q.п.I.28), а также и другие гласные, особенно *о*: *правѣди* (Q.п.I.25) и *прѣгнѣша* (Q.п.I.28).
- 6) Колону в греческом тексте соответствует двоеточие. Аналогичные палеографические черты характерны для среднеболгарских рукописей XII–XIII вв. (Лавров 1914, 128–129).

Общие палеографические признаки являются еще одним доказательством того, что две рукописи — это листы одной книги, которая по этим признакам может быть отнесена к корпусу среднеболгарских текстов XII–XIII в.

Фонетико-графические особенности рукописи Q.п.I.25 и Q.п.I.28 также имеют среднеболгарские признаки. К самым выразительным из них относятся:

1. *ж* на месте дифтонгического сочетания с носовым: *Орѣжие*, *вѣрож*, *гѣдѣствѣщихъ*, *форфирж*, *имѣж* (Q.п.I.25) и *мжжа*, *Мръжеж*, *сж* (Q.п.I.28). Употребление *ж* встречается как в корне, так и в аффиксах.

Неэтимологическое написание корня в слове *прѣмьдрость* отражает судьбу *ж* в среднеболгарскую эпоху: его замену на гласный *ѣ*: *сѣвѣтѣни* — Боянское Евангелие XIII в., *нѣжда* — Болонская Псалтырь XIII в. Появление *ь* — отражение общей тенденции к «одноеровому» написанию в рукописях Q.п.I.25 и Q.п.I.28. Аналогичное явление прослеживается в разном напи-

сании слова *Орѣжѣ* (Q.п.І.25)/*орѣжѣ* (Q.п.І.28) и в корне слова *възмѣщати* (Q.п.І.28). А преобладающее употребление ж (А редок) свидетельствует об «одноюсовом» характере текста в обеих рукописях.

2. Неразличение њ и ѣ, с преобладающим ѣ: *въсѣхъ*, *оуправиль*, *рогъ*, *честѣни* (Q.п.І.25); *възначельна*, *възмѣщати*, *твоихъ*, *ишедши* (Q.п.І.28). Случай обратной замены ѣ на њ отмечен один раз — *пещѣ* (Q.п.І.28). В данном слове њ написан над строкой, а уже отмечалось, что надстрочный њ — палеографическая особенность рукописи. Кроме того, њ может быть и показателем качества предшествующего согласного: он может свидетельствовать об отвердении щ. Одна из попыток классификации болгарских рукописей связана с различными комбинациями написания њ и ѣ (Лавров 1914, 45–46).

3. Утрата носового признака без изменения фонетических характеристик самого гласного, проявившаяся в написании е на месте ѣ: *начела*, *зачело* (Q.п.І.25) и *възначельна* (Q.п.І.28). В русском языке потеря ринезма у гласного сопровождается изменением его подъема: *начало*, *зачало* *безначальна*.

Из грамматических особенностей рукописей, которые можно отнести к числу классификационных, следует назвать форму причастия *въсѣмѣи/въсемоѣи* (Q.п.І.25). Во всех остальных списках Минеи на май XI–XIII вв. (СК №№ 21, 89, 90, 282, 454) в параллельных местах текста употребляются прилагательные: *млстивѣи*, *млостивѣи*, *млостивѣи* и, *млстиѣи*, *млтѣи/млсрдѣи*, *млостивѣи*.

В списке Q.п.І.25 греческое *παντοδύναμι* переведено лексемой *въсѣмѣи*, в форме *въсемоѣи*, квалифицируемой как моравизм. Лексема *въсемоѣи* образовалась на моравской почве как калька с латинского причастия *omnipotens* и употреблялась в текстах кирилло-мефодиевской эпохи. Она входит в число лексических моравизмов, отмеченных в славянских списках другого гимнографического памятника — Триоди. Моравизм в списках Триоди, перевод которой связан с болгарским периодом древнеславянского языка, свидетельствует об усвоении этого термина в характерной грамматической форме на -ѣи. Такое употребление формы стало традиционным для основного корпуса гимнографических книг, имеющих южнославянское происхождение, и представляет собой «морфологический отголосок» моравской эпохи (Гиппиус 1990, 64).

Заслуживает внимания нестандартный вид формы. В списке Q.п.І.25 моравизм видоизменен — *въсѣмѣи*. Употребление формы на -ѣи вместо обычной на -ѣи (древнерусская передача южнославянского -ѣи, -ѣи) схоже с отмеченным два раза в Добраво Евангелии причастием *сеи* с е вместо ѣ (Селищев

1952, II, 187). В других памятниках, в том числе в МД, зафиксировано причастие *сѣи* от глагола *бѣти*. Корреляция *сѣи/сѣи* напоминает отмеченное в нашем случае несоответствие *въ|сѣм|гѣи* с обычным *въ|сѣмо|гѣи*.

Моравизм *въ|сѣм|гѣи/въ|сѣмо|гѣи* является одним из аргументов в пользу древности текста Q.п.І.25 и его отличительной грамматической приметой, а его форма *въ|сѣм|гѣи/въ|сѣмо|гѣи* относится к тем явлениям, которые пока не находят соответствия в известных нам списках Минеи.

Моравизм *въ|сѣм|гѣи/въ|сѣмо|гѣи* может использоваться как один из аргументов для локализации текста: его употребление связано с кругом памятников, имеющих болгарское происхождение. Появившись в них в эпоху первых переводов, он сохранился в списках Триоди и Минеи как маркирующий элемент.

Единые палеографические черты и фонетико-графические приметы двух рукописей говорят о том, что они являются листами одной книги, которая по этим данным вписывается в круг среднеболгарских рукописей XII–XIII в. А текстология и языковые чтения рассматриваемых списков подтверждают, что рукописи Q.п.І.25 и Q.п.І.28 — фрагменты одной книги. Поэтому есть основание считать, что грамматический архаизм, встретившийся на странице первой рукописи, вполне может быть отнесен к классификационным признакам и второй рукописи (Q.п.І.28), если текст этих рукописей воспринимать неразрывно.

«Минея праздничная, май — июнь конца XII — начала XIII вв.» — такое название можно дать книге, в которую объединяются рукописи Q.п.І.25 и Q.п.І.28. Это Минея с архаичным текстом, о чем свидетельствуют структура службы, не соответствующая порядку, принятому при службе, и языковые чтения. Текст такого типа, попав на Русь непосредственно из Болгарии, проявился в ПМ, Минее праздничной XII в. (СК № 76), в службе Борису и Глебу из Июльской Минеи XII в. (42) и частично в Триоди Моисея Киянина (СК № 170) (неделя о мытаре и фарисее). Он не подвергся правке в XI в. по Алексеевскому Уставу, в нем сохранились болгарские переводческие традиции. Майский фрагмент из книги «Минея праздничная, май — июнь конца XII — начала XIII вв.», сохранившийся в рукописи Q.п.І.25, является болгарским аналогом древнейшего русского списка Минеи на май — Путятиной Минеи, долгое время считавшейся уникальной по текстологическим особенностям. Для июньского фрагмента книги (рукописи Q.п.І.28) русского соответствия пока не обнаружено.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфилохий 1880 — Амфилохий, арх. *Об отрывках из древнеславянских рукописей XI и XII–XIII в.* Москва, 1880.
- Гиппиус 1990 — А. А. Гиппиус. *Из истории взаимодействия региональных изводов церковнославянского в древнейшую эпоху (формы номинатива действительных причастий на *-onts).* Советское славяноведение, Москва, 1990, № 1, 58–69.
- Гранстрем 1953 — Е. Э. Гранстрем. *Описание русских и славянских пергаменных рукописей (ГПБ). Рукописи русские, болгарские, молдавляхские, сербские.* Ленинград, 1953.
- Лавров 1914 — П. А. Лавров. *Палеографическое обозрение кирилловского письма.* [Энциклопедия славянской филологии. 4 (1)]. Петроград, 1914.
- Мошин 1958 — В. А. Мошин. *К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки.* Труды Отдела древнерусской литературы, Москва — Ленинград, 1958, т. 15, 409–417.
- Нечунаева 2000 — Н. Нечунаева. *Минья как тип славяно-греческого средневекового текста.* Таллинн, 2000.
- Нечунаева 2001 — Н. Нечунаева. *Два фрагмента среднеболгарской Миньи праздничной архаичного типа.* Palaeoslavica, Cambridge — Massachusetts, 2001, IX, 83–98.
- Отчет 1873, 1880 — *Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1873 г.* С.-Петербург, 1873, 1880.
- ПС 1966 — *Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР, 1966.* Археографический ежегодник за 1965 г. Москва, 1966, 177–272 (ПС № 72, 351).
- ПМ на май 1998, 1999, 2000 — *Путьятина Минья на май. Подготовка текста и параллели М. Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А. Б. Страхова.* Palaeoslavica, 1998, VI, 114–208; Palaeoslavica, 1999, VII, 136–217; Palaeoslavica, 2000, VIII, 123–221.
- СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.
- Селищев 1952 — А. М. Селищев. *Старославянский язык. Ч. II.* Москва, 1952.
- Толстой 1988 — Н. И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков.* Москва, 1988.
- Щеголева 2001 — Л. И. Щеголева. *Путьятина Минья (XI век) в круге текстов и толкований.* Москва, 2001.
- Ягич 1886 — И. В. Ягич. *Служебные миньи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 годов.* С.-Петербург, 1886.
- Das Dubrovskij-Menäum 1999 — *Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F.n. I 36 (RNB) besorgt und kommentiert von M. F. Murjanov, herausgegeben von H. Rothe.* Opladen — Wiesbaden, 1999.
- Μηναια 1889 — *Μηναια των μαλου και ιουνιου, εν ρομη, 1889.*

Александр Дмитриевич Дуличенко
Tartu

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ 1773 Г. О СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ ЮРИЯ ЯПЕЛЯ

История словенского языка XVIII в. – Х.И.Г. Л. Х. Бакмейстер и его программа сравнения «всех языков Земли» – словенский материал Ю. Япеля – описание рукописи текста о словенском языке – словенские числительные и связанный текст на словенском языке – транслитерационно-транскрипционная передача звучания словенского слова средствами французского и русского письма – сведения о словенцах и словенском языке

К истории возникновения рукописи

В 1773 г. живший в Санкт-Петербурге инспектор академических гимназий, просвещенный человек с научными наклонностями Хартвиг/Гартвиг Людвиг Христиан Бакмейстер (Hartwig Ludwig Christian Bacmeister, умер в 1806 г.) разработал программу «alle Sprachen der Erde zu vergleichen» (Adelung 1815, 24). Программа была опубликована в том же году в брошюре, которая по-латыни названа «Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus». Мы знакомы с экземпляром этого издания, хранящегося в Нижнесаксонской университетской библиотеке в Геттингене. И заглавие, и текст даны на четырех языках — русском, французском, латинском и немецком параллельно. В предисловии автор пишет:

« <...> намъренъ я собирать въ переводѣ на разные новые или живые языки, какіе токмо мнѣ достать можно будетъ»

заранее заданные примеры и тексты, или, как он выражался, «Рѣчи для переводу» (Бакмейстеръ 1773, [2]).

Что же это за «рѣчи»? Под номером 1 идут количественные числительные, а под номером 2 и последующими — предложения, в части своей связанные общим содержанием:

«1) одинъ, два <...>, тысяча. 2) Богъ безсмертенъ. Человекъ жить не долго. 3) Мать цѣлуетъ своихъ дѣтей. У ней в титькахъ много молока. Мужъ ее любить. 4) Эта женщина была брюхата. Она родила, шесть дней тому назадъ, сына. Она еще немощетъ. Дочь ея подтѣ сидитъ и плачетъ <...>» (Бакмейстеръ 1773, [2] и далее).

Брошюра была отпечатана в 600 экземплярах, роздана путешествующим русским и российским ученым, а также разослана по всей Европе тем, кто мог бы сделать необходимые переводы на тот или иной язык. В течение почти полутора десятка лет Бакмейстер получал из разных концов Российской империи и из Европы материалы на разных языках, однако, как писал Ф. Аделунг в монографии «Заслуги Екатерины Великой в области сравнительного языковедения», в конце концов он потерял к этому проекту интерес и собранные материалы так им и не были обнародованы, ср.

«<...> Bacmeister scheint aber unterdessen die Lust zu dieser Arbeit verloren zu haben, wenigstens hat er nie der Welt das Resultat seiner Sammlungen mitgetheilt». Поэтому, продолжает Аделунг, «Da ich so glücklich bin, alle diese Materialien zu besitzen, von denen hier die erste ausführliche Nachricht erscheint» (Adelung 1815, 25).

Каким образом лингвистические материалы Бакмейстера оказались в руках Аделунга, в названной монографии не объясняется. Аделунг извещает, что собрание Бакмейстера распределено им на три части («Klasse»):

- «I. Ganze Uebersetzungen seines Aufsatzes <...>;
- II. Uebersetzungen einzelner Stücke <...>;
- III. Wörterverzeichnis und Sprachbemerkungen <...>» (Adelung 1815, 26–31).

Первая часть, названная «Все переводы», содержит материал 72 языков; во второй части («Переводы отдельных кусков/фрагментов») — 5 и в третьей части («Список слов и языковые замечания») — 24, т. е. в общей сложности Бакмейстеру удалось свое собрание довести до 101 языка. Аделунг сообщил также, что Бакмейстер планировал опубликовать материалы, однако постепенно отходил от этой идеи, переключив свое внимание на русскую историю:

«Aus Bacmeister's Papiereu siehet man, dass er 1786 eine zweite Ausgabe der *Aufforderung* mit andern Exempeln drucken lassen, so wie dass er anfangs grosse Sprachvergleichung lateinisch herausgeben wollte; späterhin bestimmte er sich für die französische Sprache <...> und sammelte zu gleicher Zeit mit grossem Fleisse aus alten und neuern Reisebeschreibungen Nachweisungen über die Art der Herausgabe hatte er schon einen vorläufigen Plan entworfen, als sein Eifer doch endlich durch die grossen Schwierigkeiten, die er fand, immer kühler wurde. Und so entzog er dieser schönen Unternehmung seit dem Jahre 1789 seine lebhaftere Theilnahme, und schränkte nun seinen immer unermüdeten Fleiss fast bloss auf Sammlungen zur Russischen Geschichte ein» (Adelung 1815, 31–32).

Однако нельзя говорить, что о проекте Бакмейстера не знали современники. Об этом писали в некоторых европейских странах. Но самое важное то, что его материалы использовал акад.

С. Паллас при создании знаменитых «Сравнительных словарей всех языков и наречий», инициированных императрицей Екатериной II:

«<...> in Russland wurden seine Materialien schon von Pallas sehr häufig für das grosse *Vergleichende Wörterbuch* benutzt» (Adelung 1815, 32).

Разумеется, словарный материал был значительно дополнен в последующие годы, для чего еще в 1786 г. в Санкт-Петербурге была издана новая брошюра под названием «Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues» (Modèle 1786). Здесь был задан словарный список, к которому нужно было привести эквиваленты на всех известных языках мира. Результатом этой работы явилось издание в 1787–1789 гг. большого двухтомного «Сравнительного словаря всех языков и наречий», в котором нашел свое отражение и словенский язык. Словарь был переработан Янковичем де Мириево и вышел вторым изданием в 1790–1791 гг. (Сравнительные словари 1787–1789; 1790–1791). Если в первом издании словаря к русскому слову приводились эквиваленты «на всех языках», то во втором издании русские слова и их иноязычные эквиваленты приведены «в азбучном порядке», из-за чего пользоваться словарем стало практически невозможно (подробно о «Сравнительных словарях» см., напр.: Adelung 1815; Ягичъ 1910, 70–72 и др.).

Из переписки И. Добровского с Б./В. Копитаром известно, что для «Сравнительных словарей» словенский материал послали в Санкт-Петербург Ю. Япель и Б. Кумердей. Так, в письме Копитара к Добровскому, написанном 7 апреля 1809 г. из Вены, читаем:

«<...> können Sie zu wissen thun, dass sowohl Kumerdej als Japel zur Zeit als von St. Petersburg ein Anruf an alle Sprachgelehrten wegen des von der Kaiserin Katharina II. verlangten Universalwörterbuchs (wenn ich nicht irre unter Prof. Bacmeisters Firma) erging, ihre Beiträge dazu geliefert, und soviel ich mich erinnere, manches aus ihren dazumahligen erst aufkeimenden slavischen Notizen (Anmassungen) haben einfließen lassen. Es ist mir aber nicht bekannt, dass je eine Antwort darauf erfolgt wäre, und ich glaube, dass wirklich keine erfolgt ist; denn schwerlich würden es mir jene Freunde verschwiegen haben, und in ihrem Nachlasse ist auch nichts dergleichen gefunden worden» (Briefwechsel 1885, 59).

Ср. также свидетельство Ягича:

«Оба они [Кумердей и Япель] отозвались, по воспоминаніямъ Цойса, на воззваніе, сдѣланное по случаю изданія Сравнительнаго словаря импер. Екатерины, и прислали какой-то матеріаль въ Петербургъ» (Ягичъ 1910, 178).

Рукопись позднейшего словенского словарного материала, вероятно, еще предстоит разыскать; что же касается непосредственно «языковых проб» Бакмейстера, то они сохранились.

Вообще для нас важна первая, по Аделунгу, часть собрания Бакмейстера, поскольку именно в ней обозначен материал по словенскому языку. В книге Аделунга он стоит под номером 33; помимо языка, указано, кто этот материал представил и через кого: «33. Krainisch, von Japel, durch Hacquet in Leibach» (Adelung 1815, 28).

Юрий Япель (1744–1807) оказал большое влияние на формирование и развитие словенского литературного языка. Это отмечали исследователи еще в XIX в. (напр.: Glaser 1895, 52–58). Он известен прежде всего как переводчик (вместе с Б. Кумердеем и сотрудниками) на словенский язык Нового и Старого Завета [Svetu pismu 1784–1786; Svetu Pismu 1791; Breznik 1928, 77–107; см. также: Rigler 1968, 194–208; Lenček (1982), 251–293]. Известная исследовательница истории словенского литературного языка М. Орожен пишет, что в XVIII – начале XIX вв. в формировании литературных норм решающую роль играли гореньцы, ср.:

«<...> od Japlja do Levstika oblikovanje knjižne norme je domena izobražencev-Gorenjcev» (Orožen 1989, 165).

Исследуя отношение языка переводов Библии Ю. Далматина и Япеля, Орожен устанавливает, что если Далматин нередко отражал «позиционные фонетические варианты» тех или иных фонем, то Япель был в этом отношении более консервативен, предпочитая этимологические решения (Orožen 1984a, 159 и далее; Orožen 1984/85, 217–223; о различиях на лексическом уровне см.: Orožen 1984b, 249–274). При этом Орожен опирается (что и естественно) на тексты Япеля, графико-орфографически сильно отдаленные от звучания составляющих их слов. Обнаруженный нами документ Япеля дает возможность за консервативной графико-орфографической «одеждой» увидеть и почувствовать живое звучание словенского языка конца XVIII в. (об этом подробнее ниже).

Согласно Аделунгу, Япель передал в Санкт-Петербург свой материал через выходца из Франции Балтазара Аке (Balthasar/Belsazar Hacquet, 1739/1749–1815), который с 1773 г. работал учителем физиологии и анатомии в люблянском лицее и занимался не только естествознанием, но и издал по-немецки в начале XIX в. сочинение историко-этнографического содержания «Изображение и описание юго-западно- и восточных вендов, иллирийцев и славян». Это наводит на мысль о том, что Япель был в прямом контакте с Аке, вероятно, прежде всего по причине общих научных интересов. (Подробнее об Аке см.: Novak 1986, 60–123).

Описание Аделунгом двух других частей названного собрания не содержит, как кажется, упоминания о словенском языке.

Находка рукописи

Текст Япеля хранится в фонде Ф. Аделунга (фонд 7, № 21, шифр 81) Отдела рукописей Публичной библиотеки → Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Называется он «Krainisch. CXL».

Рукопись Япеля была обнаружена мною 27 июня 1996 г. — как уже было сказано, в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. Обработка найденного текста была начата 29 июня того же года. Однако 30 июня, переписав лл. 1–4, я вынужден был прервать работу, узнав о неожиданной кончине в Москве акад. Н. И. Толстого. В этот же день я срочно выехал в Москву, чтобы проводить в последний путь своего учителя. Продолжить работу над текстом удалось только несколько лет спустя — в июне 2000 г. Из-за дороговизны услуг по копированию тогда пришлось рукою переписывать весь документ.

Описание рукописи

Листы рукописи представляют собой хорошо сохранившуюся достаточно плотную бумагу. Ее размер: высота 37,5, ширина — 22,5 см. В целом текст написан разборчивым почерком. В некоторых случаях, однако, возникали трудности с прочтением, поэтому нечитаемое берется нами в ломаные скобки.

На л. 1 читаем:

Krainisch.

1) Krainische Uebersetzung — <...> von George [?] Japel (pag. 8) — <...> von Profess. F. Beckmann mit seinem Brief vom 5 Juni 1779 <...> — Traduction en Carniolien, ou Slavonic du Sujet annoncé dans l’Avertissement publié à St. Petersburg. (Имена числительных и предложения на карньюльскомъ языкѣ, переведенныя на французскій съ примѣчаниями, касающ. языка и народности карньюльской)

2) N. T. Slavo-Carniolicum. Labaci 1784. 8. «Pater-Noster»

На л. 2 единственное слово в качестве заглавия: Krainisch.

На л. 3:

Krainisch
Uebersetzung

<...> von G. Japel, (pag. 8.)

durch [?] Hacquet, <...> Medicinæ in Laybach

<...> von Dr. Professor J. Beckmann, mit seinem Brief vom 5 Juni 1779

С л. 4 идет название документа по-французски, а затем следуют числительное в параллельном представлении:

Traduction
en
Carniolien, ou Slavonic du Sujet
annoncé dans l'Avertissement publié à St. Petersbourg.
L'année 1773.
Par Mr Bacmeister

Тексты на лл. 1–3 написаны, по-видимому, Бакмейстером, а также какими-то другими лицами. Рукою Япеля текст начинается с л. 4.

Таким образом, сам текст документа распределяется на следующих листах: 4–4/об, 5–5/об, 6–6/об, 7–7/об, 8–8/об, 9, 10–10/об, 11–11/об, 12, т. е. 2 листа без оборотов и 7 листов с оборотами — итого 9 листов или 16 страниц.

На лл. 3, 4, 5, 8, вправо от текста, у края листов очень мелким почерком в виде ровного вертикального столбца идет по-французски текст, который, к сожалению, нами не прочитан, — необходимо его особое увеличение. На л. 8/об между строк вписаны замечания, которые, к сожалению, нам также не удалось расшифровать. На л. 10/об вправо от текста 2 замечания очень мелким почерком практически не читаемы; подобная запись и на л. 11.

Особенности текста

Основная часть документа содержит словенский лингвистический материал — сначала идут количественные числительные, а затем следуют более или менее связанные тексты и отдельные предложения. Числительные и тексты подаются в виде строк-параллелей:

- 1) сначала идет строка *A* — это французские числительные и предложения («Signification de chaque mot Carniolien»);
- 2) затем следует строка *B* — словенские соответствия в принятом на конец XVIII в. написании («Traduction Carniolienne»);
- 3) ниже строка *C* — произношение (resp. живое звучание) словенских числительных и предложений, передаваемых средствами французской латиницы («Pronunciation à la Française»), и, наконец,
- 4) *D* — произношение, передаваемое кириллицей («Efsai de la Pronunciation en Rufse»).

В конце каждого листа идут «Замечания» («Remarques»), в которых поясняются те или иные особенности слов, их звучание, грамматические формы и пр.

Вот как выглядит первая строка документа (л. 4):

A.	<i>Cinq, Six, Sept, huit, neuf</i>
B.	<i>Pét, fhést, fèdèm, fèdm, ôfsèm (3), devet,</i>

С. *Paite, chaiste, fāidm, aūfsm, devaite,*
 Д. *pét, шéст, сéдм, вóсм, осм девéт,*

Числительные в рукописи представлены на лл. 4–4/об.

Текст с указанными параллелями располагается на лл. 5–7/об, т. е. 5–5/об, 6–6/об, 7–7/об — всего на 6 страницах. Вот образец первых 4 строк (л. 5):

А. 2) <i>Dieu ne meurt pas.</i>	<i>L' homme ne vit pas long temps.</i>
В. <i>Bug ne vmèrje i).</i>	<i>Zhlovèk ne shìvy dolgù</i>
С. <i>Bouh ne vmerye.</i>	<i>Tchloüque ne jevie doügou</i>
Д. БѸХ НЕ ВМѸРѢ.	ЧЛОВК НЕ ЖВНЬ ДОУГЪ

Уже с л. 7/об следует текст о Словении и словенцах (до л. 9). На л. 10 небольшой текст по-немецки, далее идут выписки из каких-то источников и разного рода замечания (лл. 10/об, 11–11/об). На последнем л. 12 «Отче наш» из перевода 1784 г.

О словенских числительных

Последовательно представлены количественные числительные от 1 до 20, затем идут 21 и 22, после чего следуют десятки, перемежаясь со сложно-составными числительными: 30, 40, 50, 50, 70–71, 72, 80, 90–99, далее — 100, 200 и 1000. Таким образом, в целом представлено 35 числительных — простых, сложных и сложно-составных.

Два числительных выступают в вариантных написаниях: *šédèm, šédèm* и *duaisét, duaišt* (последние передаются средствами французского письма как *douaïfsaite* и русского — как *дваicem, дваicm*).

Редкие несовпадения в написании некоторых числительных, ср.: *duaišét, duaišt*, но *eden inù duaišét*.

Числительное «100» подается в виде *štú* — фр. *stou*, рус. *сту*, «200» — *duéštu*, фр. *douaistou*, рус. *двесту*, а «1000» — немецкое заимствование в виде *taushènt*, фр. *taüjnt*, рус. *тавжнт*.

Французская передача словенских числительных (как, впрочем, и слов последующего текста) базируется на традиционных одно- и двузнаковых буквах, ср.: *p* – [*p*], *a* – [*a*], *ou* – [*u*], *ai* – [*e*] — и с указанием на долготу *ai* [*e*]; *j* – [*ž*], *ch* – [*š*] и под.

Русская передача отличается тем, что используется знак *i* (иногда без точки) — у числительных только в тех случаях, когда он оказывается в составе дифтонгического сочетания (за исключением *štirinaist* – *штирнаicm*), ср.: *enaist* – *енаicm*, *duanaist* – *дванаicm*, *duaišét, duaišt* – *дваicem, дваicm*.

Кириллический *ѣ* применяется только при союзе *in*, который в рукописи последовательно передается как *inu* или *inù*: *eden inù duaišét* – *едн инъ дваicém, dua inu duaišét* – *два инъ дваicém*.

В написании словенских числительных Япель использует акцентуационные знаки, однако для разных целей и не всегда последовательно. Так, он подчеркивает глухой характер, напр., среднего *-e-* посредством *-è-*, что соответственно передается французскими и русскими средствами, ср.:

V <i>Edèn</i>		Но: V <i>eden inù duai sèt</i>
C <i>Edn</i>		C <i>edn yne duai fsait</i>
D <i>Edn</i>		D <i>едн инь дваicém</i>

Редукция конечного *-i* в числительном «4» и в связанных с ним сложных числительных специально не обозначается, ср.:

V <i>štiri</i>		V <i>štirinaist</i>
C <i>chtīre</i>		C <i>chtirnaïste</i>
D <i>штур</i>		D <i>штурнаicm</i>

Числительное «7» передано двоем: *šedèm* и *šedm*. Ср., однако, такой случай: *duai fsèt* и *duais ft*. Числительное «8» имеет вид *ô fsèt*, что передано французскими средствами как *āũ fsm* и русскими — как *восм*, *осм* (протетический *в-* в первом случае — вероятно, влияние собственно русского числительного «8/восемь»).

Знак восходящего ударения ' для числительных *Pét*, *šhést*, *šedèm*, *šedm* — и это отразилось в русской передаче типа *Пém*, *шéст*, *сédм*, в то время как числительные от 10–14 приведены без акцентуационного знака; однако знак появляется с числительного «15»: *pétnaïst*, *šhéstnaïst*, *šedèmnaïst*, *devétnaïst*, *duai fsèt* (и *duais ft*), *tride fsèt*, *štiride fsèt*.

Далее акцентуационный подход меняется: числительные подаются с двумя знаками — в первой части сложного числительного и во второй, ср.: *péde fsèt*, *šhède fsèt*, *šedèmde fsèt*, *devétde fsèt*, что отражено также в русской передаче: *nédecém*, *шédecém*, *сédмdecém*, *devédecém*. Числительные «8» и производные представлены таким образом:

V <i>ô fsém</i>		V <i>ô fsèmnaïst</i>
C <i>āũ fsm</i>		C <i>āũ fsmnaïste</i>
D <i>восм</i> , <i>осм</i>		D <i>осмнаicm</i>

То же и в числительном «80».

В комментариях Япель нередко дает полезные советы. Так, по отношению к числительному *duéftu* он замечает, что в Словении («en Carniole») это слово произносится обычно как *duiefst/dveicm*; имеются рассуждения о союзе *inù* в составе числительных и др.

О звучании словенского текста и его составляющих

Сначала коротко о буквах, имеющих те или иные особенности в передаче соответствующих звуков.

Из гласных:

1. -è- = -ø-: *Zhlovèk*, ср. фр. *Tchloüque*, рус. Чловк; *Donès* – фр. *Donse*, рус. Донс;
- 2.1. -ì = -ø: *lubi* – фр. *loube*, рус. лубь; *eniga (fyna)* – фр. *einga*, рус. енга;
- 2.2. -i- = -ø-: *méfsizam* – фр. *maifsetsam*, рус. месцам; *Ogin* – фр. *Ogn*, рус. Огн; *Vidimo* – фр. *vīdmo*, рус. видмо;
- 2.3. -i (конечный, безударный) = -ø: *hoditi* – фр. *hodite*, рус. ходит; *šefšati* – фр. *šefšate*, рус. сечатъ; *(ne šlišsi) govoriti* – фр. *govorite*, рус. говоритъ; *na vsaki roki* – фр. *na vsaque roque*, рус. на всакъ рокъ; *na glavi* – фр. *na glave*, рус. на главъ.

Показательно, что безударный срединный -i- не редуцирован в примере — в отличие от современного языка, ср.: *je bila (nóšezha)* – фр. *yé bila*, рус. ъ била.

3. -ù = -ø: *véliku* [вероятно, -ù] – фр. *velique*, рус. великъ; *málù* – фр. *māle*, рус. малъ; *inù* — фр. *yno* [?!] и *une*, рус. инъ.

Иногда -ù = u (ù), но непоследовательно: *(vfi) dobrù* – фр. *dobre*, рус. добръ; *dolgu* – фр. *doügon*, рус. доугъ.

Из согласных обратим внимание на некоторые наиболее показательные случаи.

1. z [c] – -z-, -z: *v' šefzah, dékliza, méfsizam, ptiza, jaiza, sheriauzo, Méfsiz, fonze, maverzo*;
2. zh [č]: *Zhlovèk, nòšezha, hzhy, nòzhe, mladénzhì, pozhutjo, škazhe, zhetèrti, ozha zhuje, oblizhja, mozhnéiši, erdézha, ozhy, pozhašù, zhérne, špizhast, nozhi, tezhe derézhe, vézhi, Vzhérei vezher*;
3. sh [š] – *sh: šivuy; mósh* – фр. *mauch*, рус. мош/ж; *shena, sheriauzo*;
4. *sh [š]: kùshuje, šnést, šhe, štirji, šlišhi, mozhnéiši, vushnéš, špizhast, mainšhi, šhal déšh*;
- 5.1. *j = j: ne vmerje, kùshuje svoje Otroke, jo lubì, je bila; Jesik* – фр. *Yezeque*, рус. љезик; *je rojena, poje, še šnéju*;
- 5.2. *-i = -j: Tvóì (brat)* – фр. *Tvaui*, рус. Твои, но: *Tvoja sestra* – фр. *Tvoya*, рус. Твоѝа; *Vzhérei* – фр. *Vtchairéi*, рус. Учереи;
- 5.3. -i- (перед согласным) = j: *jaiza* – фр. *yaïtsa*, рус. яѝца; *mainšhi* – фр. *mainche*, рус. маиншѝ;
- 6.1. *l, -l-, -l = [uý]: bolna* – фр. *boüna*, рус. боуна; *dolg* – фр. *doügon*, рус. доугъ; *šhal* – фр. *chou*, рус. шу; *vidil* – фр. *vidou*, рус. виду.

В двух последних примерах $l > \text{ш/у}$ при редукции (или ассимиляции) препозиционных гласных $-a-$, $-i-$.

- 6.2. Переход $lj > l$ (среднее), ср.: *lubi* – фр. *loube*, рус. *лубъ*; *na zémlo* – фр. *na zaimlo*, рус. *на земло*;
7. Сохранение nj : *Njén* – фр. *Gnain*, рус. *Нѣн*; *njè*;
- 8.1. $v- = v-$: *vfi* – фр. *vfi*, рус. *вси*; *vfaki* – фр. *vfaque*, рус. *всакъ*; (*ne*) *vmèrje* – фр. *vmerye*, рус. *вмѣрѣ*; в качестве предлога: *v' fèfzah* – фр. *v' fèfsah*, рус. *въ сѣсцах*; *v' frédi* – фр. *v' fraide*, рус. *въ срдѣ*; *v' njénmo* – фр. *v' gnainmo*, рус. *въ нѣнмо*; *v' perutah* – фр. *v' peroutah*, рус. *въ перутах*;
- 8.2. $-v = [-\text{ш/ѣ}]$: (*pét*) *péristou* – фр. *perstouï*, рус. *пѣрстоу*;
- 8.3. $v- = u-$: *Vzhèrei* – фр. *Vtchairéi*, рус. *Учереи*;
- 8.4. Протетическое $v-$: *v' vustih* – фр. *v' voustih*, рус. *вустих*; *vi-shéfs* – фр. *vouchaïsse*, рус. *вушѣс*;
- 8.5. Утрата начального $v-$: *Lafsje* – фр. *Lafsyai*, рус. *Ласѣ*;
9. Утрата начального $p-$ перед глухим: *ptiza* – фр. *titsa*, рус. *тица*.

Есть и некоторые другие особенности, на которых мы специально в этой статье останавливаться не будем. Сделаем лишь несколько замечаний к кириллической (русской) передаче звучания словенских слов в тексте.

Япелъ последовательнее использует французскую транслитерацию, нежели русскую — видимо, из-за слабого знания русского письма и языка. Так, у него варьирует передача

1. *и* — то как *и*: *инъ*, *Кости*, *Кри*, *киха* и т. д.; то как *i*: *има*, *имамо*, *ходит*, *не слити говоритъ*, *други*, *спиѣ*, но *пиѣ* и под.;

2. *ѣ* передает то собственно *ѣ*: *въ гнѣздѣ* (но *сѣди*), но чаще *-je/-je-*: *не вмѣрѣ* – *не vmèrje*, *ѣ* – *je*, *роѣна* – *rojena*, *спиѣ* и *пиѣ* – *spu* (!), *rije*. Однако ср.: *njéna* – *Нѣна*, *njegôva* – *Нѣгова*.

3. Использование *-ѣ* непоследовательно: *доугъ*, *великъ*, *днѣвъ*, *инъ*, *говоритъ*, *маль*, *въ*, *всакъ рокъ*, *главъ* – *Бух*, *Чловк*, *сѣсцах*, *пер*, *отрок*, *ходит*, *енім лѣтам*, *двѣм месѣам*, *слѣп*, *нас*, *брат*, *Ваш*, *Он*, *нус*, *пѣт*, *ѣзик* и др. И: *предѣ* и *пред*. Нетрудно заметить, что постановка конечного *-ѣ* более последовательна в случаях, когда конечный согласный в словенском языке подвергается сильной редукции, ср.: *доугъ*, *великъ*, *всакъ рок*, *на главъ* и т. д.

В соответствии с проведенным анализом можно дать фонетическую параллель к письменному словенскому тексту. Сделаем это, взяв за основу не «чистую» транскрипцию, а практическую транслитерацию, достаточно близко отражающую звучание:

Bug ne vmèrje. Zhlovèk ne shivy dolgù.
 [Buh ne vmèrje. Človuk ne živi doug]
Mati kùšnuje svoje Otrôke.
 [Mat kšuje svoje otroke]

Ona imá veliku mléka v' fěfzah.

[*Ona imá vèlik mléka v s(e)scah*]

Njén móšh jo lubì. Letá shena je bila nóšezha.

[*Njèn mošž jo lub. Letá žena je bila nóseča*]

Расположив элементы ряда, т. е. предложения, вертикально, мы можем для наглядности выделить знаки и их сочетания, сигнализирующие о письменно-звуковой оппозиции, ср.:

Bug: -g > -h

ne vmèrje: -

Zhlovèk: -vèk > -vk/-uk

ne shivy: -živ- > -žv-

dolgù: -l- > -ḷ-, -ù > -ø

Mati: -i > -ø

kùšhuje: -ù > -ø

fvoje: -

Otroke: -

Добавим также, что применяемая в нашем документе запись словенского текста принципиально не отличается от той графико-орфографической системы, которая применена Ю. Япелем и Б. Кумердеем и их сотрудниками в переводе Нового Завета 1784–1786 гг. Ср. небольшой отрывок из первой части перевода (1784):

Evangeli Jěsu fa Chriřtu fa popiřsan od Světiga Joannesa. I. Pořtava.

1. *V sazhětku je bilá beřseda, inu beřseda je bilá pèr Bógu, inu Bóg je bil ta beřseda.*

2. *Letá je bilá v' sazhětku pèr Bógu.*

3. *Vfě je řkusi njó řturjenu, inu bres njě ny nizh řturjenu, kar je řturjeniga <...> (Svetu pismu 1784, 405).*

Здесь укажем лишь на *ě*, который служит для обозначения, вероятно, *ê*.

Предлагаемый ниже текст памятника поможет словенистам более детально углубиться в особенности как самого лингвистического документа, так и тех комментариев, которые даются Япелем. Как явствует из анализа, ценнейшей чертой текста является попытка передать транслитерационными средствами французского и русского языков живое звучание словенского слова. Для XVIII в. это попытка носит отчетливо новаторский характер.

* * *

В заключение отметим, что весьма полезны и сведения, которые Япель подает после приводимого связанного текста. В частности, он пишет о региональном варьировании этнонимов у словенцев (*Slovénzi, Krainzi, Goreinzi, doléinzi* и т. д.), о делении Словении на исторические области; приводит Япель и список

словенских имен собственных, представляющих собою в большинстве своем адаптацию соответствующих латино-европейских. Завершает документ молитва «Отче наш», относящаяся к 1784 г. и по написанию идентичная системе, принятой в выше названном переводе Нового Завета.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакмейстеръ 1773 — Г. Л. Х. Бакмейстеръ. *Объявление и прошение касающіяся до собранія разныхъ языковъ въ примѣрахъ*. Въ Санктпетербургѣ при Академіи наукъ 1773 года, [19] с.
- Сравнительные словари 1787–1789, 1790–1791 — *Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая*. Въ Санктпетербургѣ, 1787; *Часть вторая*, 1789; *Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Части первая – четвертая*. Въ Санктпетербургѣ, 1790–1791.
- Ягичъ 1910 — И. В./В. Ягичъ. *Исторія славянской филологіи*. (Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 1). Санкт-Петербургъ, 1910.
- Adelung 1815 — F. Adelung. *Catherinens der Grossen verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*. St. Petersburg, 1815.
- Adelung 1820 — F. Adelung. *Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte*. St.-Petersburg, 1820.
- Breznik 1928 — A. Breznik. *Japljev prevod sv. pisma*. Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino, let. VII, Ljubljana, 1928, snopič 1.–4., 77–107.
- Briefwechsel 1885 — *Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar (1808–1828)*. (Источники для исторіи славянской филологіи. Т. I). Hrsg. von V. Jagić. Berlin/Санктпетербургъ, 1885.
- Glaser 1895 — K. Glaser. *Zgodovina slovenskega slovstva. II. zv. Od francoske revolucije do 1848 l. V Ljubljani*, 1895.
- Lenček 1982 — R. Lenček. *The Structure and history of the Slovene language*. Columbus, (1982).
- Modèle 1786 — *Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues*. S.-Petersbourg, 1786.
- Novak 1986 — V. Novak. *Raziskovalci slovenskega življenja*. Ljubljana, 1986.
- Orožen 1984 — M. Orožen. *Gramatična in leksikalna preobrazba Dalmatinovega knjižnega jezika ob Japljevem prevodu Biblije (1584–1784–1802)*. Protestantismus bei den Slowenen/Protestantizem pri Slovencih. Beiträge 3. Slawistentagung der Universitäten Klagenfurt und Ljubljana. Klagenfurt, 26.–28. Mai 1983. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 13). Wien, 1984, 153–179.
- Orožen 1984 — M. Orožen. *Razvojne smernice v besedišču Dalmatinovega in Japljevega prevoda Biblije (1584–1784–1791)*. Zbornik XX. seminarja za slovenski jezik, literaturo in kulturo. Ljubljana, 1984, 249–274.
- Orožen 1984/85 — M. Orožen. *Smernice knjižnega jezikovnega razvoja od Jurija Dalmatina do Jurija Japlja (1584–1784)*. Jezik in slovstvo, Ljubljana, 1984/85, št. 7/8, 217–223.

- Orožen 1989 — M. Orožen. *Preobrazba jezikovne zgradbe od Japljevega do Lampetovega prevoda Biblije v 19. stoletju*. Simpozij «Slovenski jezik v znanosti 2». Zbornik prispevkov. Ljubljana, 1989, 163–185.
- Rigler 1968 — J. Rigler. *Začetki slovenskega knjižnega jezika*. (SAZU. Razred za filološke in literarne vede. Dela 22. Inštitut za slovenski jezik. 10). Ljubljana, 1968.
- Svetu pismu 1784–1786 — *Svetu pismu noviga Testamenta*. <...>. Pars prima – pars secunda. Labaci, 1784–1786.
- Svetu Pismu 1791 — *Svetu Pismu Stariga Testamenta*. <...> per Georgium Japel. Labaci, 1791.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 4

Traduction
en
Carniolien, ou Slavonic du Sujet
annoncé dans l' Avertissement
publié à St. Petersbourg
L'année 1773.
par M^r. Bacmeister

A (: Signification de chaque mot Carniolien)	Un,	deux,	trois,	quatre
B (: Traduction Carniolienne:)	Edèn (1)	dua,	try,	ſhtiri (2)
C/: Prononciation à la Fran./ çoise:	Edn,	doua,	trie,	chtire
D/: Eſſay de la Pronon:- ciation en Ruſſe:/	ѢДН/	ДВА,	ТРИ,	ШТИР
A Cinq, Six, Sept,		huit,		neuf
B Pét, ſhéſt, ſédèm,	ſédèm,	ôſſèm (3),		devet,
C Paite, chaïſte, ſāïdm,		aufſm,		devaite.
D ném, шéſт, сэдм,		восм, осм /		девэт,

Remarques

- 1) Il y a trois Sortes d' e en Carniolien, l'un ſe prononce comē l'é François ouvert, ou l'n Allemand, l' autre eſt l'é, que je marqué avec un accent aigu, et que je trouve marqué ainſi dans les editions Carniolienēs tres anciennes, c' eſt l' e François dans les mots, qui finiſſent en ier [tak!] v. g. metier. dernier. quoique pour éviter la confuſion je l' exprime en François par ai, je l' ai marqué auſſi en Ruſſe avec l' accent aigue: le troiſieme é enfin eſt une Semivoyelle qui ne ſe prononce guerres, ou plutôt comē en Anglois l' i dans le mot bird, dirt, ou l' o dans le mot Newton, je l' ai marqué avec un accent grief (').
- 2) L' i à la fin des mots eſt Semivoyelle, et ne ſe prononce guerres, prèsque comē l' e François à la fin p.: ex dans le mot tire.

- 3) Nous avons aussi trois Sortes d'o: l'un est l'on mali Jllirique ou l'o Anglois dans le mots boy, noise le rest l'on veliki Jllirique, que je marquerai avec l'accentaigue qui est l'au. François ou l'o Allemand. Et le troisieme ô, qui se prononce come vo ou l'ô precedent.

A dix, once / douze, treize, quatorze
 B defset, enaïst / duanaïst, trinaïst, ſhtirinaïst
 C defsaite, enaïste(i) douānaïste, trīnaïste, chtirinaïste
 D десѐт, енаѝст / дванаѝст, тринаѝст, штиринаѝст

A quinze, Seize, dix Sept, dix huit,
 B pētnaïst, ſhēstnaïst, fédēmaïst, ōſsēmaïst,
 C pāitenaïste, chaïstenaïste, ſaidmaïste, āuſsmnaïste,
 D пѐтнаѝст, шѐстнаѝст, сѐдмаѝст, осмнаѝст,

A dix neuf, vingt / vingt et un
 B devētnaïst, duaïſſét, duaïſt (2) eden inù duaïſét (3)
 C devāitnaïste, douaïſsaite, edn yne duaïſsaite
 D девѐтнаѝст, дваѝсѐт, дваѝст, ѐдн инъ дваѝсѐт,

A vingt deux, trente, quarante, cinquante
 B dua inu duaïſét, trideſſét, ſhtirideſſét, pédeſſét
 C doua yne douaïſsaite, trideſsaite, chtirideſsaite, paideſsaite
 D два инъ дваѝсѐт, тридѐсѐт, штирдѐсѐт, пѐдѐсѐт

A Soïſſante, Soixante et dix, Soixante et onze
 B ſhēdeſſét, fédēmdēſſét, edèn inù fédēmdēſſét
 C chaideſsaite, ſaidmdēſsaite, edn yne ſaidmdēſsaite
 D шѐдѐсѐт, сѐдмдѐсѐт, ѐдн инъ сѐдмдѐсѐт

A Soïſſante et douze, quatre vingt, quatre vingt dix,
 B dua inù fédēmdēſſét, ofsēmdēſſét, devētdēſſét,
 C doua yne ſaidmdēſsaite, aufsmdeſsaite, devaideſsaite,
 D два инъ сѐдмдѐсѐт, осмдѐсѐт, дѐвѐдѐсѐт.

A Quatrevingt dixneuf, cent, deux cens, mille
 B devēt inù devētdēſſét, ſtú (4) duēſtu, taushènt
 C devaite yne devaideſsaite, ſtou, douaïstou, taūjnt
 D дѐвѐт инъ дѐвѐдѐсѐт, стү, двѐстү, павжнт

Remarques

- 1) l'a et i il faut lire Separément. come en Allemand, quand je les marque avec un dirosis ()
 2) On prononce comūnement en Carniole ce mot dueïſt двѝст.

3) dans le mot inù le dernier ù est Semivoyelle on ne le prononce donc guerres, ou comè l'e François à la fin, quand il n'y a point d'accent au defsus [defsus?], c'est ce qu'il faut toujours remarquer de nos Semivoyelles.

4) C'est ainsi qu'on parle dans la Capitale de Carniole, dans Ses environs, et dans la basse Carniole, mais dans la haute Carniole on dit fto

л. 5

A 2) Dieu ne meurt pas. L'homme ne vit pas long tems.

B Bug ne vmèrje i). Zhlovèk ne shivy dolgù

C Bouh ne vmerye. Tchloüque ne jevie doügou

D БҮХ НЕ ВМЕРѢ. ЧЛОВК НЕ ЖВНЬ ДОҮГЪ

A 3) La mère baise Ses enfans. Elle a beaucoup

B Mati kùshuje svoje Otroke. Ona imá vèliku

C Mátè quechōuyé svōyé otrōqué. Ona ima velīque

D Мат кѣшѹје своѣ отроке. Она имаъ великъ

A de lait dans le Sein. Son mari l' aime.

B mléka v' šězah. Njén 2) mójh jo lubi

C mlāiqua v' šefstsah. Gnain mauch yo loube

D млѣка въ сѣсцах. Ніен мож іо л҃вѣ

A 4) Cette femme étoit enceinte. Elle est accouchée

B Letá 3) shena je bila 4) nójsezha 5). Ona je rodila

C Letā jena yé bila nofsetcha. Ona ye rodīla

D Лѣтаъ жена ѣ била носѣча. Она ѣ родила

A il y a Six jours, d'un fils. Elle est encore malade.

B pred šhést dnévi enìga :fyna. Ona je šhe bolna.

C prede chaiste dnaive einga Syna Ona yé chez boüna.

D прѣд шѣст днѣвѣ енга сина. Она ѣ шѣѣ бо҃на.

A Sa fille est afsise auprès d'elle et pleure.

B njéna hzhy šědy pèr njè inu se jóka. 6)

C gnaina htchy Sedie per gné yne se yāuqua

D Нѣна хчи сѣди пѣр нїе инѣ се юка

Remarques

1) La negation ne est prononcée par quelques uns dans la haute Carniole comè: na, mais quelque comùn que cela Soit, on écrit toujours ne, et c'est ainsi qu'on le prononce dans la basse Carniole, et qu'il le faudroit prononcer.

2) L'j après un n fait chez nous toujours la Syllabe nasale gna gne gm̄ gno des Italiens et des François.

3) L'accent aigu Sur l'á fait l'a long, et Souvent il donne au mot une Signification toute differente, comé letá Signifie celle ou celui, et léta Sans accent Signifie il vole.

4) bila on prononce ici aufsi blá. ou bioù.

5) nofsezha on prononce aufsi nofshezha, ношеча

6) On dit aufsi au lieu de jokati, plakati.

л. 5/об

A	5) L'enfant ne veut pas teter.	6) Cette fille
B	Otrok nózhe fěsati.	Letá dékliza
C	Otroque nautché fěsate.	Letá daicletsa
D	отрок нѳоче сесаѳь.	Летаѳ дѳклица

A	encore ne peut pas marcher.	Elle est née
B	she nemóre hoditi 1).	Ona je rojena
C	chez nemāuré hodite.	Ona yé rojena
D	шеѳ не море ходит.	Она ѳ роѳна

A	il y a un an, et deux mois.	7) Ces quatre
B	pred enim léitam, inu duém méfsizam.	Leti shtirji
C	prede enim laitam, yne douaim maifsetsam.	Leti chtyryi
D	предѳ enim лѳтам, инѳ дѳѳм месѳам.	Лѳти шѳирѳи

A	jeunes garcons se portent tous bien.
B	mladénzhì se pozhutjo vřì dobrù.*
C	mladamtche se potchoutyo vřì dobre.
D	младѳнци се почѳтио всѳ доврѳ.

A	Le premier court,	le Second Saute,	le troisieme
B	Ta pèrvi tezhe,	ta drugi skazhe,	ta trétji 2)
C	Ta pèrve tetché,	ta drougue Scatché,	ta traitye
D	та прѳи тече,	та дрѳгѳ скаѳе,	та трѳѳѳи

A	chante,	Le quatrieme rit.	8) Cet homē est
B	poje,	ta zhetèrti se sméja.	Letá zhlovèk je
C	royé,	ta tchetèrte se smaiya.	Letá tchloüque yé
D	поѳе,	та четѳртѳи се смеѳа.	Лѳта члѳвѳ ѳ

A	aveugle.	Sa femme est Sourde.	Elle nous
B	slép.	njegóva shena je glúha.	Ona nafs
C	Slaipe.	gnegova jéna yé glóuha.	Ona nafse
D	слѳп.	Нѳегоѳа жѳна ѳ глѳха.	Она наѳ

Remarques

1) Nous difons comūnement: punza ou punzhika quand nous nomons des filles d'un tel age.

2) On prononce ce mot par abus com̄unement: tréki

• C'est la traduction litterale du Sujet François; mais le texte Allemand: diese vier Knaben sind alln gesund Se traduit de la mainére Suivante: Leti shtirji mladénzhi fo vsi sdravi

со всѣ здравѣ

л. 6

A n'entend pas parler. 9) Ton frère éternuë.

B ne slišhi govoriti. Tvõi brat kiha 1)

C ne sliche govorite. Tvaui brate quiha.

D не саіші говорітѣ. Твоі брат кнѣа.

A Ta Soeur dort. Votre père veille.

B Tvoja sestra Spy. Vash ozha zhuje.

C Tvoja sestra Spie. Vache otcha tchõuyë

D твоја сестра спитѣ. Ваш оца чѣѣ.

A Il mange, et boit peu. 10) Le nez

B On jé, inù pije mālù. * Nufs 2)

C On yai, yne pyé mālë. Noufse

D Он ѣ, инѣ піѣ малѣ. нѣс

A est au milieu du visage. 11) Nous avons

B je v' frédi oblizhja. My imamo

C yé v' fraide oblitchya. Mi imāmo

D ѣ въ средѣ обанчя. Ми имамо

A deux piés, et cinq doigts à chaque main.

B dué nogé, inù pét pèrstou na vsaki roki.

C douai noguai, yno paite perstou na vsaque roque

D двѣ ногѣ, инѣ пѣт пѣрстоу на всакѣ рокѣ.

A 12) Les cheveux croissent Sur la tête.

B Lafsjé rastejo 3) na glavi

C Lafsyai rasteyo na glave.

D Ласѣ растею на главѣ.

Remarques

1) On dit aussi: on Kishë кишѣ, mais pas Si regulierement.

2) Dans la haute Carniole on dit: Nofs нос.

3) C'est ainsi qu'on écrit ce verbe; mais on le prononce com̄unement räftejo растею

4) Il faut bien distinguer entre on jé, il mange et entre on je, il est quoique je l'écrive de même en Russe, c'est l'ѣ, et l'е qui marquent la difference.

л. 6/об

A 13) La langue, et les dents Sont dans la bouche.

B Jesik, inu sobje fo v' vustih.

C Yezeque yne zobyāi fo v' voustih.

D Језік инѣ зобѣ со въ вѣстѣх.

- A 14) Le bras droit est plus fort que le gauche.
 B Ta défsna roka je mozhnéifhi kókèr ta léva.
 C Ta daijsna roqua yé motchnéiche coquere ta lāiva.
 D та дэсна рока ъ мочнэйшъ кокер та лэва.

- A 15) Un cheveu est long, et mince, Le Sang
 B En lafs je dolg, inu tenak 1) Кры
 C Ein lafse yé doügue, yne tenaque Crie
 D Ён лас ъ доуг, инъ тенак, Кри

- A est rouge. Les os Sont durs comē la pierre
 B je erdézha. Kosty fo tērde 2) kókèr kamèn.
 C yé erdaitcha. Costie fo tērdé coquére camne.
 D ъ ердэча. Кости со тёрде кокёр камэн.

- A 16) Le poifson a des yeux, mais il n'a point d'oreilles.
 B Riba imá ozhy, pa nima vufhéfs. 3)
 C Riba imá otchie, pa nima vouchaifse.
 D Рѣба іма очѣ, па нѣма вѣшэс.

- A 17) Cet oiseau vole lentement. Il s'abbajse Sur la terre.
 B Letá ptiza lety, pozhaifsù. Ona se vséde na zémlo. 4)
 C Letá titsa letie potchafse. Ona se vsaidé na zaimlo.
 D Лета тица лети почасъ. Она се всэде на зэмло.

[Remarques]

- 1) On dit aufsi: tenèk менèк en feminin tenka менка.
 2) On dit aufsi: kosty fo tērdé тёрдэ.
 3) C'est le partitif, mais l'accusatif de l'Article definitif est: vufhéfsa вѣшэса.
 4) C'est ainsi qu'on le prononce, quand le mouvement se fait vers la terre, mais quand la choze Se trouve Sur la terre on dit: na semli.

л. 7

- A Il a de noires plumes dans les ailes/
 B Ona imá zhèrne peréfsa v' perutah/1)
 C Oná imá tcherné perais v' peroutah/
 D Она іма чэрне перэса в' перутах/

- A pointu bec, et courte queuec, dans Son
 B Shpizhast klun, inù kratèk rep, v' njénmo
 C chpitchaste kloun, yne crateque raire, v' gnainmo
 D шпичасті клун, инъ кратк реп, в' нѣнмо

- A nid il y a de blanc oeufs. 18) L'arbre a
 B gnésdù fo béle jaiza. Dèrvu imá
 C gnaisde fo bailé yaïtsa. Dervōu ima
 D гнэздѣ со бэле яіца. Дэрвѣ іма

- A de vertes feuilles, et de groses branches.
 B s.....elenù lystje 2), inù debéle véje.
 C zelene listyé, yne debailé vaiyé
 D **ЗЕЛЕНУ ЛИСТЪ, ИНЪ ДЕБЕЛЕ ВЕЪ**

- A 19) Le feu brule. Nous voyons la fumée, la flame, et la braise.
 B Ogin gory. My vidimo dim, plemén, inù sheriauzo 3)
 C Ogn gorie. Mi vidmo dme, plemain, yne jeryaütso
 D **ОГН ГОРИ. МИ ВІДМО ДІМ, ПЛЕМÉN, ИНЪ ЖЕРІАУЦО.**

- A 20) L'eau coule rapidement dans la rivière.
 B Voda tezhe derézhe 4) v' Réki
 C Voda tetché deraitché v' Raike
 D **ВОДА ТЕЧЕ ДЕРЕЧЕ v Рéки**

- A 21) La lune est plus grande qu'une étoile, et plus petite que le Soleil
 B Méfsiz je vézhi kókèr ena s....uélda, inu mainšhi koker sonze
 C Méfšitch yé vaitche coquere ena zvaisda, yne mainche coquére
 fontzé
 D **Мéсiц њ véчiъ kóкep eнa звeздa, инъ маiншi kокep сонце**

[Remarques]

- 1) On dit aufsi: repetnize, ou peretnize, et ces mots sont fort en usage.
 2) Ce mot lystje Signifie plutot des feuilles Seches, mais des feuilles vertes on exprime comunement par le mot pérje pépie.
 3) C'est ainsi qu'on appelle la braise; mais du charbon on appelle ogle орле.
 4) C'est ainsi qu'on exprime le mot rapide; mais on trouve encore ici des vestiges du mot Ruſe выстро, parce que nous avons plusieurs fleuves très rapides, qui s' appellent bistriza бiстрiца.

л. 7/об

- A 22) Hier au Soir il plevoit. Aujourd' hui
 B Vzhérei vezher je šhal déšh. Donès
 C Vtchairéi vetchere ye chou deche. Donse
 D **Ўчepéi вeчep iе шџ дéш. Донс**

- A ai je vu un arc-en ciel.
 B Šim jest vidil eno mavérzo.
 C Sme yeste vidou eno mavertso.
 D **Šim њст вiдi ено маверцо.**

- A 23) La nuit il fait Sombre, le jour il fait clair
 B Po nozhi je tèmnu, po dnévi je švètlù.
 C po notche yé tmnou, po dnaive ye švetlou.
 D **По ночi њ тэмнy, по днэвi њ свéтлy.**

Moi le Traducteur de ce Sujet je m'appelle George Japel. je Suis Prêtre Seculier, et Chancelier chez Monseigneur' le Prince Eveque' de Laijbach. Je Suis né à Stein petite ville dans la haute Carniole

éloignée de la Capitale une lieu et demie nomée en Carniolien Kamèk. Je fus élevé dans la Capitale c'est à dire à Lajbach au Seminaire des ci-devant De suites, je fis mes études dans cette Accademie: outre les Sciences neccessaires à mon état je m'appliquai principalement aux langues principales de l'Europe, Savoir: après la maternelle Carniolien ne ou Sclavonique, à la Latine, l'Allemande, la Françoisé, l'Italienne et l'Angloise.

On parle la langue ainsi qu'on le voit dans la Traduction principalement dans les environs de la Capitale, et dans toute la Carniole où je comprends la haute, la basse, la moyenne et la Carniole intérieure, une grande partie du Littoral Autrichien, et du Comté de Gorice. On parle cette même langue dans la basse Stirie jusqu'au de là du fleuve de Draü, dans la basse Carinthie, et dans une partie de la haute, quoiqu'en Carinthie et Stirie on ne l'appelle plus la langue Carniolienne mais din <...> qui à la fin

л. 8

à l'Exception de quelques voyelles, n'est que la Carniolienne. Et pour donner un échantillon de cette diversité, je n'ai qu'à marquer, que par exemple on dit en Carinthie et Stirie den le jour, et en Carniole dan, en Stirie pèfs le chien, et ici pèfs, meglä, et ici meglä la brouillard, shrebèl le clou, et ici shebèl etc. Ainsi toute la diversité consiste presque dans l'accent.

Les peuples qui parlent cette langue s'appellent principalement Krainzi Carnioliens, et puis Slovénzi Sclavoniques. Sous la première denomination Krainzi on comprend les habitans de la haute Carniole Goréinzi, et ceux de la basse doléinzi, les habitans de la Carniole intérieure et moyenne, où on trouve les habitans de Foick (?) piuzheni ceux de Pauft Krařhouzi, et ceux de Vipaque on Vipau, stiggacj, Jpauzi. On pourroit compter entre ceux-ci les habitans d'une grande partie du Comté de Gorice Savoir: ceux de Thallmniu Tomvnzi, et ceux des environs de Gorice.

La dernière denomination Slovénzi, Sclavoniques s'approprient sur tout les habitans de la basse Stirie Shtajerzi, et ceux de la basse Carinthie Korořhzi, come aussi quelques peuplades Sclavoniques de l'Archeveché d'Udine.

Les habitans Susdits nomment les païs mentionés ci dessus:

La Carniole en general Krainska dushëla

La haute Carniole Goréinskù

La basse Carniole Doléinskù

La Carniole intérieure Notreinskù on se serve avssi sourent dans ce dernier mot de enplaud!

mais L's va <...> mien.

q ceux du voisinage de Fiume zhizhi nation tout a fait particuliere et qui a beaucoup d'affinité avec les vrai schites en Transilvanie, comme j'ai vecu entre ces gens j'ai ev a occasion [?] de les connaitre

л. 8/об

La <...>, Pinka
 Le <...>, Krafs, en Italien Il Carfso.
 Le Vipaque, Ipava, ou Vipava
 Le Thalminiu, Tomyn, en Italien, il Tolmino
 La Stirie, Shtajerska dùshela ou Shtajerskù
 La Carinthie, Korofhkù, ou Korofhka dùshela

Les Peuples voisins nous appellend prèsque de même:

Les Allemands nous noment: din <...>, odna din <...>

Les Italiens nous noment: i Cragnuolini, ou Schiavi.

Les Furlains: Sclavs.

Les Croates, et peuples Illiriques nous appellent: Krainaz. et en plur: Krainzi.

La Religion dans ces contrées est partout la Catholique Romame expte du et Uskokes quelques Croates.

Les noms d'hommes, qui Sont le plus en usage en Carniole, à l'exception cependant des noms de batême usités, qui ne varient point en Carniolien, Sont à peu près les Svivans:

Noms d'hommes

Jerni Barthelmi
 Anshe Jean
 Jaka Jaques
 Blashe Blaise

Noms de femmes

Miza
 Mina } Marie
 Marufha }
 Marinka }

Juri	George	shpéla	Elisabethe
Primafh	Prime	Jéra	Gertrude
Josh	Joseph	Nésa	Agnés
Bojhtian	Sebastian	Urfa	Ursula
Franze	François	Cila	Cecile
Mohar	Hermagore	Catra	Catarine
Gréga	Gregoire	Anka	Anne
Naze	Jgnace	Alénka	Helene
Loure	Laurent	Sefa	Joseph
Miklaufh	NiclasRatya		Dorothee
		Resa	Thereze.

л. 9

Du reste on Sait la grande extension des langues Slavoniques [с в Scl-зачеркнуто!], et leur connexion: qu'à comencer de la petite République de Raguse ou peut traverser toute la Dalmatie, et l'Istrie

Autrichienne et Venitienne, la Croatie, la Slavonie, la Transylvanie, la Valachie et presque toutes les frontières de la Turquie, repasser en suite par des peuplades entières Sclavoniques de l'Hongrie, traverser toute la Pologne et la grand Empire Rufse, retourner de là par des peuplades entières Sujetes au Roi de Prufse, et quelques autres en Luszace [зачеркнуто: Saxe], saffer par la Lusace, la Bohême, la Moravie, certaines peuplades en Autriche appelées <...> traverser la Stirie, la Carinthie, la Carniole, et penetrer jusqu'au milieu de la Furlania Venitienne en ne Se Servant que de la langue Slavonique [с в Scl- зачеркнуто!], dont la plus part des racines du moins Sera entendue par tout, come je le vois clairement dans les dictionnaires Rufses, Illiriques, Bohemiens, Polonois et une Gramaire Sclavonique de Lusace, et dans d'autres monuments authentiques.

Touchant ma traduction je n'ai qu'à avertir, que ne Sachant point la prononciation Rufse, j'ai nomée la ligne D Seulement un Efsai, et que j'ai choisi les lettres Rufses principalement à cause de l'Analogie de ces deux langues, come en effèt il n'y a point d'autres lettres, capables de remplacer nos anciennes glagolites, excepté les Rufses. On aura donc la bonté de Suppléer à mon insu fisance.

л. 10 Zu einer Krainischer Uebersetzung.

<...>

Pagina 1.

Note sur ce sujet.

J'ai fait traduire le sujet pr

л. 10/06

«Note sur ce sujet.

«J'ai fait traduire le sujet présent par trois de nos meilleurs connoisseurs de notre langue, mais aucun <...> 'a si bien reussi que Mr. Japel qui a toutè foit la vraie et bonne Orthographe. C'est donc par cette raison que je n'envoye que l'ouvrage du decrier. Depuis quelques années, que j'ai fait voir que notre langue nous pouvoit conduire jusque'en Sibirie, par la connoissance que j'ai faite avec les Rufses dans les campagnes de 1759–1761, ensuite por le long voyage de la Pologne, Slavonie et Illyrie, et par les ouvrages de l'infatigable Pallas, on commence à ne plus la mépriser comme autrefois: car on fut si fort dans l'ignorance qu'on ne voulut jamais croire qu'on se puisse servir de notre langue hors du país La Lettre que je donnai de hors sur le voyage fait en Illyrie dans le 2^{me} volume des Opusculii de Bohême par Born, a fait prendre une autre idée a mes compatriotes. Mais comme l'Editeur a fait imprimer cette lettre, avant que je n'ou fusse averti, elle n'a par des mieux reussi. Je l'ai donné ensuite dans les opuscules de Mixlan, donc j'en joins une copic, si bien' qu'un essait par Komerdej comment on doit translater; mais à dire la verité,

son orthographe n'a pas la pureté de celle de Japel, et de celle qui te trouve dans le premier volume de l'Orvctographia Carnioleia qui a paru cette année avec une Carte Carniolienne Lithologique.

Du troisieme^F j'en joins un essai de Carmes^F, mais l'Orthographe est fautive, et la version des môts souvent absurde, comme Kosi pour Shtuki dont le dernier ne vaut pas mieux que le premier, puisque c'est un mô^t extorque de l'Allemand. Ce moine la aussi doñe une gramaire dans notre langue qui ce très mal réussi. J'espere cependant avec le tems si je reste dans la Carniole que nous donnerons un dictionnaire au jour que nous n' avons pas.

Pagina 3.

л. 11

«Japel a oublié de faire des remarques sur la lettre L, comme vous voyez dans le mô^t dolgu que L chez nous se convertir, dans un ü, surtout dans le haute Carniole; car en Croatie et basse Carniole qui est voisine du premier, on prononce L et on ne le convertit pas on ü. Cependant la plûpart des mots qui finissent avec un L, se prononce chés nous ü comme p. ex. voyez le premier livre de la Genèse dans notre bible Carniolienne donné par Dalmatinus. Vous verrez au second paragraphe

- Inu Bug je rekal — 1
- Inu je bila — 2
- Inu Bug je vidil — 3
- Inu je Luzh imenoval — 4
- Inu jutia bil — 5.
- Inu je reslozhil — 6

Pour ces six mots se prononcent en oü, p. e.

- 1. rekoü. 2. bioü 3. vidoü. 4. imenovouü. 5 bioü. 6 reslozhoü.

De meme Priatel, aussi se prononce Priatoü, mais le Pluriel je prononce comme on l'écrit, c'est a dire Priatel.

On voit donc par cette difference d'ecrire et de prononcer dans notre langue qu'elle a le même défaut que la langue française et Anglaise qui ne sont qu'un jargon d'une même langue, comme la nôtre l'est à la vrare Slavonique; mais cependant nous avons beaucoup plus d'aisance pour comprendre les nations Slavoniques hors de notre país qu'eux l'ont de nous. Moi, je comprends d'abord un Russe, un Polonais, un Croate, un Bohémien, mais tout ces gens ne me comprennent pas si facilement, excepté le Croate et puis la Russe. Il y a un Prêtre qui a donné une gramaire Vendale avec un dictionnaire dehors l'année passée, qui est écrit comme on parle dans.

л. 12

dans la Marque Venede de la Stirie et Carinthie; mais nous avons rejeté sa methode tout à fait, par la même cause que les François l'ont

fait, c'est à dire, qu'avec le tems on ne pourrait plus lire nos vieux livres et documens».

Pagina 9.

«Tout le país est présentement divisé selon la nature du país en trois cercles, en Doloinzku, Goreinzku et Notreinzku, et il n'y a plus de Carniole moyenne, comme on peut voir sur la carte jointe à l'Oryctographie.

La basse Carniole contient plusieurs nations différentes: premièrement des Francs ou vieux Allemands de la Franconie qui se sont réfugiés ici depuis bien du tems. Nous les appellons Motshebr ou en Allemand Gottscheber. Leur langue et leur habillement est tout à fait différent du notre.

En second des Uskok ou Uskohkes, une nation qui se nomme Vlah ou Valaque, qui parlent la langue Slavonienne Illyrique et sont de la religion Greque.

En troisième des Croates ou Hrovashki; habillement et langue tout à fait différent.

En quatrième le vrai Carniolie ou Carnieni des anciens.»

<...>

N. T. Slavo-carniolicum.

Labaci. 1784. 8.

Ozhe nash, kir si v' Nebessih,
 Posvèzhenu bódi tvoje imè —
 Pridi k'nam tvoje krajléstvu.
 Isgodi se tvoja vòla, kakór na Nèbi takú na semli.
 Daj nam danás nash vsakdajni krùh.
 Jnu odpusti nam nash dolgè, kakór tudi my odpušhamo
 nashim dolshnikam.

Inu ne vpeli nafs v' škušhnjàvo.
 Tèmuzh rešhi nafs od hudiga. **Amen.

<...>

Sakaj tvoje je krajléstvu, inu mogózhnost,
 inu zhaft na vékomaj. Amen.

<...>*

* Автор выражает свою благодарность экстраординарному лектору кафедры французской филологии Тартуского университета Эве Тулуз за помощь в прочтении некоторых мест рукописи.

** Факсимиле одного из листов рукописи 1773 г. Ю. Япеля см. в Приложении 1 на с. 336.

Светлана Борисовна Евстратова
Tartu

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Славянские (русский) и финно-угорские (эстонский) языки – национально-культурная специфика фразеологизмов – фразеологизмы с цветообозначением – общее и специфическое в восприятии мира

Язык несет на себе отпечаток духовной и материальной культуры народа, и наиболее ярко это проявляется в лексике и фразеологии. Объект нашего исследования — фразеологизмы, выражающие различные цвета — особенно интересен, когда речь идет о разных, хотя и контактирующих, культурах, отражающихся в разных языках: в данном случае это русский и эстонский языки.

Фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность отражает свое национальное самосознание. Система образов, закрепленных во фразеологизмах, связана с материальной, социальной или духовной культурой народа, а потому может свидетельствовать о его культурно-национальном опыте и традициях. Конечным итогом описания культурно-национального своеобразия фразеологических единиц (ФЕ) является выделение собственно национального, идиоэтнического, и универсального в плане выражения и плане содержания. Исследования, посвященные культурно-национальному аспекту семантики фразеологизмов, включают в себя и сведения о характерных чертах менталитета.

Можно предположить, что в языке фразеологизируются и закрепляются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами и при функционировании в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет. Сохраняя форму, ФЕы консервируют и содержание национальных обычаев, поверий, исторических преданий, образное видение мира. Комментирование самого прозрачного оборота речи не-

редко может дать повод для описания ярких национальных реалий. Опираясь на мотивировку идиом, можно реконструировать картину мира носителей того или иного языка, отраженную в зеркале фразеологии. В историко-культурном плане ФЕы играют неочевидную роль, поскольку являются «говорящими» свидетелями прошлого. Восстановление фразеологизированного образа — это углубление в культуру и быт народа, создавшего язык, это постижение народного духа и народной философии.

В. Н. Телия выделяет восемь источников культурологической интерпретации фразеологизмов: 1) ритуальные формы народной культуры (сватовство, поминки, поверья, мифы, заклинания); 2) паремиологический фонд, поскольку большинство пословиц отражает стереотипы народного самосознания; 3) систему образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях типа *глуп, как баран; как с гуся вода* и отражающих определенное мировидение; 4) слова-символы, когда языковая единица наделяется устойчиво ассоциируемым с ней смыслом: *черный* — как психологически и жизненно тяжелый; 5) христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами; 6) интеллектуальное достояние нации и человечества в целом: философия мироздания, осмысление истории, литературы; 7) явно выраженные в словах-компонентах фразеологизмов сведения о таких реалиях, которые служат предметом описания в страноведчески ориентированных словарях: это слова типа *сокол (гол как сокол), баня (задавать баню)* и т. д.; 8) обычные для жизни народа обиходно-бытовые ситуации, которые послужили образными прототипами для фразеологизмов (Телия 1996, 49). Часть этих источников мы будем использовать при описании своего материала.

В своем исследовании мы рассматриваем русские и эстонские ФЕы, в составе которых употребляются цветоименования:

черный — *must* (22 ед.), *белый* — *valge* (20 ед.), *синий, голубой* — *sinine* (12 ед.), *красный* — *punane* (12 ед.), *зеленый* — *roheline* (12 ед.), *серый* — *hall* (6 ед.), *розовый* — *roosa* (3 ед.), *желтый* — *kollane* (3 ед.), *коричневый* — *pruun* (1 ед.).

Источниками для сбора материала послужили новейшие словари: Фразеологический словарь 1978; Бирих и др. 1998; Фразеологический словарь 1995; Õim 1993; Õim 1998; Reitsak 1975.

Приведенные выше цветообозначения связываются не только с общими для носителей обоих языков представлениями, но и с идиоэтническими понятиями и ситуациями, закрепленными лишь за одной из контактирующих культур.

«Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода 'нишей' для кумуляции мировидения и так или

иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» (Телия 1996, 215).

Связь цветообозначений с определенными понятиями, представлениями дает возможность рассматривать восприятие цветовой гаммы как своеобразный концепт мировидения, отражение универсального и идиоэтнического в сознании носителей того или иного языка. Символика цвета имеет большое значение в национально-фольклорной и поэтической традиции и может способствовать выражению тех или иных воззрений. Специфика каждой этнической культуры воплощается и в цветовых предпочтениях. В культуре цвет — один из элементов, при помощи которых создается модель мира: в ней цвет приобретает символические характеристики, дополняемые символическим значением реалий.

Самой многочисленной оказалась группа ФЕ с цветообозначением *черный* – *must* (в эстонском языке *must* — это и черный, и грязный), причем с общими для носителей обоих сопоставляемых языков представлениями связаны следующие универсальные примеры-эквиваленты с одинаковым лексическим наполнением, в основе которых лежат одинаковые образы: *черная кошка пробежала* – *must kass on kellegi vahelt läbi jooksnud* — выражение восходит к одному из распространенных суеверий древности — наделять злых духов способностью воплощаться в черную кошку или зайца; *черным по белому* – *must valgel*; *в черном цвете* – *mustades värvides*; *на черный день* – *mustadeks päevadeks*; *выдавать черное за белое* – *musta valgeks tegema* — фразеологизм восходит к стихам Овидия (Бирих и др. 1998, 311, 621).

Референция черного цвета, за исключением второго примера, связана с представлением о чем-то потустороннем, мрачном, недобром. Обращаясь к мифологическому материалу, мы находим подтверждение этому: у язычников-славян смерть — это злая сила, восприятие которой сближается с представлением о мраке, холоде; отсюда родственность корней *смерть* – *мор* – *мрак* (Маслова 1997, 163). В балто-славянской мифологии упоминается злой бог — Чернобог, приносящий несчастья. Стабильность определенных семантических категорий в языках и культуре неувидительна — ведь «фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на общем человеческом опыте, у нас одни» (Вежбицкая 1996, 284). Из общего контекста выпадает пример *черным по белому* – *must valgel*, означающий использование чернил из смеси сернокислой железной соли с чернильным орешком при нанесении текста на белый пергамент, когда крепкий раствор таких чернил оставляет хорошо видимый слой (Бирих и др. 1998, 621–622).

Остальные примеры данной группы распределяются следующим образом: одной ФЕ русского языка соответствует эстонский фразеологизм-аналог, имеющий сходный смысл, но другое лексическое наполнение: *черная неблагодарность* – *kisendav tänamatus* ‘вопиющая неблагодарность’. Еще у трех русских фразеологизмов есть соответствия, не являющиеся ФЕами: *черная кость* – *alamast soost <olema>* ‘быть более низкого происхождения’; *держать в черном теле* – *kedagi vaeslapse osas pidama, kellelegi mitte armu andma* ‘не давать кому-либо милости’: в русской традиции происхождение оборота связано со старинной коневодческой терминологией, использованной в XVIII столетии; *наводить черную краску* – *kedagi või midagi mahategema* ‘расправляться с кем-то или чем-то’. Аналогом эстонского фразеологизма *musta pesu pesema* ‘стирать черное/грязное белье’ является не содержащая цветообозначения ФЕ *рыться/копаться в грязном белье* — вероятно, это кальки с английского *to wash up one's dirty linen in public* (Бирих и др. 1998, 46). Но основная часть эстонских ФЕ с цветообозначением *must* не имеет эквивалентов или аналогов в русском языке: *must ots* ‘черный конец’ в значении ‘незаконная, идущая в противоречие с законом работа или услуга’; *musta kurja vanduma* ‘клясться черным злом’ → ‘страстно клясться’; *must mure* ‘черная забота’ → ‘большая проблема’; *must surm* ‘черная смерть’ → ‘чума’; *musta ega valget <mitte ütleva>* ‘не говорить ни белого, ни черного’ → ‘ничего не говорить’; *must nagu karusitt* ‘черный, как медвежий экскременты’ → ‘очень темный’; *maailm läheb mustaks* ‘мир становится черным’ → ‘падать в обморок’; *must südametunnistus* ‘черная совесть’ → ‘нечистая совесть’; *läbi mustade prillide nägema* ‘видеть сквозь черные очки’ → ‘видеть в мрачных тонах’; *must nimekirj* ‘черный список’ → ‘список неугодных лиц’; *must turg* ‘черный рынок’ → ‘тайная торговля’; *must lammas* ‘черная овца’ → ‘личность, отторгаемая коллективом’; *must kassa* ‘черная касса’ → ‘неофициально собранная денежная сумма для общего пользования’. Следует отметить, что последние четыре фразеологизма широко используются в речи носителей русского языка, но не зафиксированы в словарях. Во всех перечисленных случаях черный цвет имеет негативные коннотации. Большое количество эстонских ФЕов с цветообозначением *must* подтверждает обоснованность наблюдений о том, что в цветовой гамме эстонского языка особое значение имеют черный, белый и серый цвета — именно они составляют ядро наиболее «активных» элементов спектра; менее важны красный и синий: это указывает на большую роль ночной темноты, мрака и связанных с ними явлений в формировании мировидения древних эстов (Viires 1983, 302).

В сопоставляемых языках содержится достаточно большое количество ФЕ с цветообозначением *белый* – *valge*. Черный и белый цвета обычно находятся в антонимичных отношениях: белый цвет у разных народов чаще всего может означать чистоту, невинность (хотя у некоторых восточных народов это — цвет траура), а черный, как мы говорили, ассоциируется с несчастьем, грязью (в эстонском языке понятия ‘черный’ и ‘грязный’ обозначаются одной лексемой *must*). У эстов белый тоже мог быть как цветом траура, так и цветом церемониальных одежд (Viires 1983, 300). Как известно, первоначально прилагательное *белый* имело значение «ясный», «чистый», «блестящий». Оппозиция *белый* – *черный* объяснима как *хороший* – *плохой*, *верх* – *низ* и т. д. И русские, и эстонцы связывают с белым цветом надежды и мечты о будущем. Белые одежды характерны для духов, мифологических персонажей: только черт одет в черное и сам черен. Белые животные, белые птицы считаются особыми, колдовскими или царями над своими сородичами (Славянские древности 1995, I, 151–154). Белый цвет в эстонских народных песнях выступает как обозначающий красивое, доброе, молодое: так, красивая внешность новорожденного в эстонских народных песнях описывается при помощи прилагательного *valge*. Хотя, по мнению В. Сарапик, значение белого как красивого относится все-таки к довольно ограниченному контексту (Sarapik 1994, 641–649).

Сказанное выше явственно отражается на форме и значении ФЕов, особенно на универсальных фразеологизмах-эквивалентах: *белая ворона* – *valge vares*, *белое пятно* – *valge laik* как обозначение неизведанной, нетронутой территории. К числу фразеологизмов-аналогов можно отнести следующие: *свету белого не видеть* – *valget päeva mitte nägema* ‘белого дня не видеть’; *доводить до белого каления* – *kedagi marru ajama* ‘доводить кого-то до бешенства’; *шито белыми нитками* – *oskamatult kokku klopsitud* ‘неумело сколочено’; *сказка про белого бычка* – *nokk kinni, saba lahti* ‘клюв закрыт, хвост открыт’; *белые мухи* – *valged lumihelbed* ‘белые снежинки’; *белая кость* – *kõrgemast soost inimene* ‘человек знатного происхождения’. *Белая ворона* — интернационализм, калька с латинского *alba avis*, универсальным образом является представление о птицах-альбиносах как о чем-то уникальном, резко выделяющемся (Бирих и др. 1998, 98–99); *белая кость* — прилагательное имело положительное значение, вытекающее из одобрительной оценки белого цвета в русском языке. *Белый свет* — в выражении отражено противопоставление светлых и темных частей суток; в образовании оборота в значении «этот» свет, солнечный мир живых боль-

шую роль сыграла символика белого цвета, в целом она была положительной.

«С точки зрения древнерусской эстетики, белое лицо, белые руки и белое тело являлись непременным условием человеческой красоты». Исходное значение сочетания — ‘яркий дневной свет’ (Мокиенко 1999, 334–335).

Эти и многие другие примеры — отражение древнейшего цветового противопоставления *белый* (положительный) – *черный* (отрицательный). *Сказка про белого бычка*: существуют различные толкования данного оборота (Мокиенко 1999, 356–364), но в любом случае мы имеем дело с идиоэтническим выражением.

Ряд эстонских ФЕ не имеет соответствий в русском языке, что указывает на их идиоэтничность в данном сопоставлении: *valge pass = valge pilet* ‘белый паспорт’ = ‘белый билет’ — в русском языке жителей Эстонии данное выражение, ставшее смысловым единством и означающее непригодность к воинской службе, возникло, вероятно, под влиянием эстонского языка; *valged jänesed* ‘белые зайцы’ — ‘пенные гребешки волн’; *vana valge* ‘старая белая’ — белая водка; *valge leht* ‘белый лист’ — ‘больничная справка об уходе за больным’; *valge joove* ‘белое опьянение’ — ‘наркомания’; *käsi on valge* ‘рука белая’ — выражение, означающее победу на соревнованиях; *valget laeva ootama* ‘ждать белый пароход’ — ‘ожидать спасителя со стороны’; *valgele tooma* ‘выносить на свет, на белое’ — ‘делать публичным, известным общественности’; *lai valge väljas* ‘бело снаружи’ — ‘во дворе светло, бело’. В данной группе идиоэтнических ФЕ в национальной окрашенности проявляется прежде всего влияние экстралингвистических факторов; образы, лежащие в основе фразеологизмов, отражают специфику реального мира, в котором живут носители языка.

Как отмечает В. М. Мокиенко, два словосочетания с эпитетами-цветообозначениями — *красная девица* и *белый свет* — являются излюбленными в русском фольклоре (Мокиенко 1999, 327). Напомним, что исходное значение эпитета *красный*, как и *белый*, — отнюдь не цветообозначение.

Два фразеологизма с цветообозначением *красный* – *punane* связываются с общими для носителей обоих языков представлениями, основанными на общем человеческом опыте: *проходить красной нитью* – *punase niidina läbima* — вероятно, выражение восходит к роману И. В. Гете «Wahlverwandtschaften» (1809); *пускать красного петуха* – *punast kukke räästasse pistma* — выражение восходит к древней языческой символике огня и известно как в славянских, так и в балтийских и германских языках; *стать красным до ушей* – *kõrvuni punaseks minema* — о сильно покрасневшем человеке. Далее начинаются расхожде-

ния, и данная группа фразеологизмов представляет особый интерес как источник информации о своеобразии той или иной культуры. Часть ФЕов, связанных с особенностями русского быта, не имеет эстонских соответствий: *красный угол* — в русских избах так называли внутренний угол дома, где помещались стол и иконы (эпитет *красный* здесь выступает в устаревшем значении 'почетный'); *красная девица* — эпитет сохраняет значение 'красивый', фольклорная формула превратилась в идиому; *красная горка* — реалия первого праздника весны, Фомина воскресенья (эпитет используется в значении 'веселый, радостный, молодой'); *под красную шапку* — выражение связано с цветом шапок у солдат-рекрутов на Руси; *с красной строки* — прилагательное имеет значение 'красивый, раскрашенный яркими, преимущественно красными красками' (Бирих и др. 1998, 129, 443, 555).

Для носителей эстонского языка красный цвет наделен особыми коннотациями, он стал символом коммунизма, и это отражается на мировосприятии носителей языка, отсюда появление таких фразеологизмов, как *punane palavik* = *punane nakkus* 'красная лихорадка' = 'красная зараза'; *punased leerid* — «красная» конfirmация, Летние дни молодежи, в отличие от «белой», церковной конfirmации; *punane supp* 'красный суп' — кровь; *hari läheb punaseks* 'гребешок становится красным' — 'о рассерженном человеке'; *pole <mitte> punast krossigi* = *punast pennigi* — выражение построено на обыгрывании цвета соответствующей денежной купюры. В эстонском фольклоре улавливается связь *punane* с жизненной силой, красотой (Saaripik 1994, 641–649), но в рассмотренных нами ФЕах такое значение не было зафиксировано.

Значение красного цвета как неординарного обусловлено семантикой *красный, красивый*. В эстонском фольклоре красный цвет играет особую роль: этот цвет имеет важное значение в костюме невесты и вообще в свадебных обрядах, во время траура красный цвет был запрещен (Jaago 1997, 54–72). В славянской свадебной обрядности также реализуется символика красного: невесте поверх платка надевали фату или накидку красного цвета (Славянские древности 2000, II, 647). В эстонских народных песнях эпитет *punane* звучит часто, но, как правило, он не несет в себе значения цвета, а отражает значение 'красивый'. Цвет на определенной стадии развития может присоединяться в сознании говорящих то к одной, то к другой модели: как видно из приведенных примеров, после революции, напр., красный цвет наделяется коннотациями, что отразилось и на ФЕах. Идиоэтнические идиомы представляют особый интерес как источник информации о своеобразии той или иной культуры.

Русское прилагательное *синий, голубой* приобретает значение 'созданный воображением, нереальный' в результате семантического калькирования с немецкого и французского языков (Бирих и др. 1998, 377), отсюда выражения *голубая мечта, голубой цветок* как символ высокой и несбыточной мечты. Данные ФЕы не имеют соответствий в эстонском языке, но в обоих сопоставляемых языках есть фразеологизмы-эквиваленты *синяя птица* – *sinine lind* как символ счастья, несбыточной мечты — от названия пьесы М. Метерлинка (1908); *голубая кровь* – *sinine veri* — 'о человеке аристократического происхождения'; *синий чулок* – *sinine sukk*, возникшее в Англии в XVIII в. и заимствованное другими языками.

Идиотничным русским фразеологизмом является *синь порох* (что (как) *синь порох в глазу, ни синь пороха (нет)* и т. п.) 'о самой малости, мельчайшей частице' — слово *синь* здесь сохраняет древнее общеславянское значение 'черный, темный' (Бирих и др. 1998, 464–465). В эстонской традиции *синий* цвет может обозначать смерть (на островах *синий* цвет являлся цветом скорби, в песнях *сету* поется о том, что покойников нужно хоронить в сине-желтых одеждах), слабость, пассивность, в отличие от, напр., красного (Jaago 1997, 54 и далее). Данные проведенного нами психолингвистического эксперимента показывают, что ассоциативные образы, связанные с этим цветообозначением, изменились (Мельцер-Евстратова 1999, 161), что отразилось и на составе ФЕ. Вообще в последнее время *sinine* активизируется в сознании носителей языка, порождая такие идиотничные фразеологизмы, как *sinine leht* 'синий лист' — 'больничный лист'; *sinine esmaspäev* 'синий понедельник' — выражение, не прижившееся в русскоязычной диаспоре Эстонии и означающее 'похмельный день'; <nii> *et silm sinine ootama* 'ждать до тех пор, пока глаз не посинеет' — 'ждать очень долго, напряженно'; *pole <mitte> sinist sentigi* 'ни синего цента' — 'быть совсем без денег'; *oh sa sinine saatan!* 'ох ты, синий дьявол!' — восклицание. Однако фразеологизм *sinine lint* 'синяя лента' как награда кораблю, быстрее всех пересекающему Атлантику, имеет другую, позитивную окраску, а цвет ленты, которая когда-то использовалась вместо кубка, ассоциируется с синевою океана.

Группа фразеологизмов с цветообозначением *зеленый* – *roheline* насчитывает 6 примеров, причем универсальным является один из них: *зеленая улица* – *roheline tee* — названа по цвету сигнала светофора, имеющего универсальное значение. К исконно русским выражениям, имеющим национально-культурную специфику, относятся *елки зеленые* (эстонский аналог *ragan võtaks!* переводится как 'черт бы побрал!'), поскольку оно

связано с тем, что до революции в России на кабацких вывесках изображались еловые ветки (Бирих и др. 1998, 180); *зеленый змей* (не имеет эстонского соответствия); *молодо-зелено* (нет эстонского соответствия) — оборот является частью пословицы *молодо-зелено — гулять велено*.

Эстонские фразеологизмы с амбивалентной семантикой цветообозначения *roheline*, не имеющие русских соответствий, — *näost roheline* ‘зеленый с лица’ — ‘о разгневанном человеке’; *roheline kuld* ‘зеленое золото’ — ‘о древесине’: вероятно, во внутренней форме этой ФЕы нашла свое отражение та большая роль, которую в жизни эстонцев играет лес. Как мы видим, цветообозначение *зеленый* — *roheline* связано «прежде всего с обозначением травы, растений или растительного мира в целом» (Вежбицкая 1996, 253; Viires 1983, 296), хотя, безусловно, диапазон зеленого цвета не ограничивается лишь обозначением данной группы реалий. В. Сарапик добавляет характерную для эстонского языка семантику ‘блестящий’; в славянских культурах также отмечено восприятие зеленого цвета как блестящего, сияющего. Символика зеленого цвета проявляется и в весенней, и в свадебной обрядности; в магии и гаданиях зеленый цвет выступает как символ того света (Славянские древности 2000, II, 308–311), но эти значения не зафиксированы в выделенных нами фразеологизмах. По сравнению с другими описанными группами уменьшается общее количество ФЕ с цветообозначением *зеленый* — *roheline* в сопоставляемых языках.

Употребление слова *hall* — *серый* в значении ‘седой’ характерно только для эстонского языка; в русском языке эту семантику выражает слово *белый*. Посмотрим, как названные цветообозначения функционируют во фразеологизмах. В данной группе лишь две ФЕы, отражающие особенности национально-культурной ориентации носителей русского языка: *серая скотинка* (нет эстонского соответствия) — пренебрежительное название солдат в дореволюционной России, объясняется серым цветом шинелей у солдат (Бирих и др. 1998, 528); *некто в сером* как символ рока, судьбы из пьесы Л. Андреева «Жизнь человека» (там же, с. 523). Аналог *до седых волос — on juba hall habe suus* ‘борода уже седая’ образован метонимическим переносом, который отражает являющиеся универсальными временные отношения через характерную деталь. Эстонские фразеологизмы *halli sõitma* ‘ехать в серость’ — ‘болеть малярией’; *halliks ootama* ‘ждать до появления седины’ — ‘ждать безнадежно и долго’; *endale halle juukseid kasvatama* ‘давать вырасти седым волосам’ — ‘быть очень озабоченным’, имеют пессимистический оттенок, в соответствии с тональностью серого цвета как одного из наиболее распространенных в цветовой картине мира

древних эстов (Viires 1983, 302). *Hallivatimees* ‘мужичок в серой одежке’ в эстонских народных сказках — это и волк, и воробей.

Достаточно редко встречаемое в ФЕах цветообозначение *желтый* – *kollane*, являясь теплым цветом, также отягощено негативными коннотациями, напр.: *желтый дом* – *vaimuhaigla* ‘больница для душевнобольных’ — отражает национально-культурную ориентацию носителей русского языка, так как дом назван желтым по окраске Обуховской больницы в Петербурге. Интернациональные фразеологизмы *желтая пресса* – *kollane press* — о низкопробной печати (калька с английского *yellow press*); *желтый билет* – *kollane pass* — о паспортах проституток, печатавшихся на желтых бланках.

В народных приметах желтый цвет ассоциируется с несчастьями, болезнью или смертью; напр.: кто весной увидит желтую бабочку, будет в этом году несчастлив и слаб здоровьем (Славянские древности 2000, II, 202).

В отличие от желтого, цветообозначение *розовый* – *roosa* во фразеологизмах сопоставляемых языков придает ФЕ-эквивалентам *смотреть сквозь розовые очки* – *läbi roosade prillide nägeta*, *в розовом свете* – *roosas valguses* мажорное звучание и не отражает идиозтнических различий, как и не имеющее русского соответствия выражение *roosas vatis hoidma* ‘держать в розовой вате’. Розовый цвет ассоциируется с добрым здоровьем и благополучием.

Цветообозначение *коричневый* – *pruun* в обоих сопоставляемых языках выступает лишь в одном универсальном фразеологизме *коричневая чума* – *pruun katk* — ‘о фашизме’ (по цвету фашистской униформы).

Итогом нашего сопоставительного анализа является вывод о том, что лишь малая часть ФЕ с цветообозначениями сходна в своей образной основе, большая же их часть представляет особый интерес как источник информации о своеобразии той или иной культуры. Взгляд на мир, запечатленный в языке, развертывается в культуре народа, изучение которой способствует так необходимому сейчас взаимопониманию.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахилина 1975 — Н. Б. Бахилина. *История цветообозначений в русском языке*. Москва, 1975.
- Бирих и др. 1998 — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. С.-Петербург, 1998.
- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. Москва 1996.

- Маслова 1997 — В. А. Маслова. *Введение в лингвокультурологию*. Москва, 1997.
- Мельцер-Евстратова 1999 — С. Б. Мельцер-Евстратова. *Восприятие цветообозначений носителями эстонского и русского языков (на материале ассоциативного эксперимента)*. *Fenno-Ugristica* 22. Tartu, 1999, 156–163.
- Мокиенко 1999 — В. М. Мокиенко. *Образы русской речи*. С.-Петербург, 1999.
- Славянские древности 1995–2000 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого*. Москва, 1995, т. 1; 2000, т. 2.
- Телия 1996 — В. Н. Телия. *Русская фразеология*. Москва, 1996.
- Фразеологический словарь 1978 — *Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова*. Москва, 1978.
- Фразеологический словарь 1995 — *Фразеологический словарь русского литературного языка под ред. А. И. Федорова*. Новосибирск, 1995.
- Jaago 1997 — T. Jaago. *Mis seal tõuseb, soost sinine, maast punane? Mäetagused* 5, Tallinn, 1997, 54–72.
- Reitsak 1975 — A. Reitsak *Valimik vene fraseologisme eesti vastetega*. Tallinn, 1975.
- Sarapik 1994 — V. Sarapik *Valge ja must. Keel ja kirjandus*, Tallinn, 1994, № 5, 641–649.
- Viires 1983 — A. Viires. *Eestlaste värvimaailmast. Keel ja kirjandus*, Tallinn, 1983, № 6, 290–302.
- Õim 1993 — A. Õim. *Fraseoloogiasõnaraamat*. Tallinn, 1993.
- Õim 1998 — A. Õim. *Väljendiraamat*. Tallinn, 1998.

Людмила Васильевна Дуличенко
Tartu

РУССКАЯ АНТРОПОЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРИСИСТЕМНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Антрополоксическая система (парадигма) русского языка – антрополоксемы с негативным значением – пути расширения негативного семантического объема – синонимические отношения в рамках антрополоксической микросистемы

Русский язык, как, впрочем, и другие славянские языки, обладает достаточно развитой лексической микросистемой, в которую включаются слова со значением лица в его различных проявлениях. В литературе эту микросистему или же отдельные ее единицы называют по-разному: *наименования лица, существительные со значением лица, личные существительные* и под. Нами для этих целей предлагается термин *антрополоксемы*, а совокупность антрополоксем обозначается терминами *антрополоксическая микросистема* или же *антрополоксическая парадигма* (Дуличенко 2000а; 2000б). В русистике этой группе лексики посвящена большая литература. (Обзор этой литературы помещен в раб.: Дуличенко 2000а, 2–7; литература вопроса здесь же, с. 165–182). Тем не менее всегда остаются вопросы, которые носят либо дискуссионный характер, либо требуют более углубленного рассмотрения.

В настоящей работе берутся во внимание лишь антрополоксемы с негативным значением, которые были нами лексикографированы, т. е. представлены в отдельном словаре (Дуличенко 2000в). Таких антрополоксем оказалось более полутора тысяч — большинство из них отражено в т. н. Малом академическом словаре (МАС). Обратимся, находясь в рамках обозначенного типа антрополоксем, к некоторым семантическим аспектам. Здесь возникает несколько проблем.

Прежде всего обратимся к словам, которые «пошли» по пути расширения своего негативного семантического объема. В нашем материале имеется около 60 антрополоксем, которые содержат по два отрицательных значения, а в нескольких случаях

даже по три. Негативная семантика в рамках одного слова имеет тенденцию к разрастанию, как, впрочем, и любая другая семантика.

В антрополоксемах с негативным значением второе значение появляется чаще всего как производное от первого. Так, *внешние физические черты (недостатки)* могут стать основой для значения, выражающего *внутренние свойства лица*, ср.:

- пентюх* м. 1) Прост., презр. 'Неповоротливый, неуклюжий человек, увалень'. → 2) 'Медленно соображающий, непонятливый человек';
губошлеп м. 1) Прост. 'Человек с большими отвислыми губами, неразборчиво говорящий'. → 2) *употр. также как бранное слово*. 'Разиня, растяпа'.

Внешний физический вид может быть связан с *характером поведения, аморальными поступками*:

- свинтус* м. Разг. 1) 'О грязной, неопрятной женщине, неряхе'. → 2) 'О человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко';
пижон м. Разг. *неодобр.* 1) 'Молодой человек, занятый своей внешностью, одетый по последней моде; щеголь, франт'. → 2) 'Тот, кто выставляет себя напоказ, склонен к шик'; также и *пижонка* ж.

Значения, связанные с тем или иным *предосудительным занятием*, влияют на *характер, внутренние свойства и принципы поведения*:

- злыдень* м. 1) Обл. 'Плут, мошенник, злодей'. → 2) Прост. 'Злой человек';
проститутка ж. 1) 'Женщина, занимающаяся проституцией; публичная женщина'. → 2) м. и ж. Разг. 'О продажном, крайне беспринципном человеке'.

Предосудительные занятия и образ жизни лица влияют на его *принципы жизни, деятельность, пристрастие к чему-л.*:

- крахобор* м. 1) 'Скупой человек, собирающий всякую мелочь и надеющийся на этом разбогатеть'. → 2) 'О том, кто кропотливо занимается мелочами, забывая о главном'; также и *крахоборка* ж.;
бродяга м. и ж. *употр. также как бранное слово*. 'Бездомный человек, скитающийся без определенных занятий'. → 2) Разг. 'О любителе странствовать, менять местожительство'.

Предосудительные наклонности и привычки влияют на *внутренние свойства* лица:

- ротозей* м. Разг. 1) 'Тот, кто из праздного любопытства любит смотреть на кого-л., что-л.; зевака'. → 2) 'Рассеянный, невнимательный человек; разиня'; также и *ротозейка* ж.

Внутренние свойства могут быть связаны с *характером лица*.

- придурак* м. Прост. 1) 'Глуповатый, умственно ограниченный человек'. → 2) 'О человеке с норовом, причудами'.

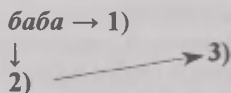
Негативное значение, ограниченное какой-либо сферой, может перерасти в общеотрицательное значение, срав.:

изувер м. 1) 'Человек, доходящий до крайней степени жестокости из религиозной нетерпимости, яростный фанатик'. → 2) 'Человек, доходящий до крайней степени жестокости; изуверг'; также и *изуверка* ж.; *политикан* м. *Презр.* 1) 'Беспринципный политик, неразборчивый в средствах для достижения своих целей'. → 2) 'О человеке, проявляющем ловкость и предусмотрительность в отношениях с другими в достижении своих корыстных, карьеристских целей'.

Случаев с тремя негативными значениями несколько:

баба ж. 1) *Прост*, обл. 'Жена'; 2) *Прост.*, обычно *пренебр.* 'Женщина вообще'; 3) Употр. также по отношению к мужскому полу. *Разг. презр.* 'О слабом, нерешительном мужчине, мальчике'.

Схема семантических связей этого слова может быть представлена таким образом:



Т. е. первое («конкретно-женское») и второе («обобщенно-женское») значения стали основой для третьего, «мужского», значения. Такова же схема семантических переходов и антрополоксеммы

хищник м. 1) 'Тот, кто наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-л.'; 2) 'Тот, кто с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств, к истреблению рыб, зверей'; 3) *Устар.* 'Похититель, вор'; также и *хищница* ж.

С тремя негативными значениями выступают антрополоксеммы *мазила*, *разбойник*, *чистоплюй*.

Интересно также отметить, что негативно воспринимаемые характерные черты во внешнем виде, образе жизни и деяниях некоторых народов были распространены и на человека вообще, ср.:

дикарь м.: 'человек, принадлежащий племени, находящемуся на ступени первобытной культуры' → 1) *Устар.* 'О некультурном, невежественном человеке'. → 2) *Разг.* 'О нелюдимом, очень застенчивом человеке'; также и *дикарка* ж.;

пигмей м.: 'человек, принадлежащий к какому-л. из низкорослых племен, входящих в экваториальную расу' → *Презр.* 1) 'О человеке очень низкого роста'. → 2) 'Ничтожный человек, ничтожество';

вандал м.: *вандалы* — 'древнегерманские племена, завоевавшие часть Римской империи и подвергшие Рим разгрому и разграблению'. → 1) 'Разрушитель культурных ценностей'. → 2) 'Некультурный, невежественный человек'. Срав. также:

варвар м. 1) 'У древних греков и римлян: пренебрежительное название чужеземцев, стоявших на более низкой ступени культурного развития'. → 2) 'Невежественный человек'; также и *варварка* ж. (ко второму значению).

Подобным же образом специфические черты *мифологических существ* дали почву для формирования негативной семантики таких слов со вторичным значением, как:

кощей м.: 'мифологический персонаж сказок: худой, костлявый старик' → 1) *Разг.* 'О тощем, высоком человеке, чаще старике'. → 2) *Разг. неодобр.* 'О скупом человеке, скряге';

чудище ср.: 'фантастическое существо необычно устрашающего вида' → *Разг.* 1) 'О человеке с уродливым внешним видом'. → 2) 'О человеке с крайне отрицательными, отталкивающими моральными качествами'; также и *чудовище*.

Т. е.: мифологема → лицо по его внешнему виду



лицо по внутреннему свойству

Наблюдается также и семантический переход от связи *лица с какой-либо конкретной деятельностью* (первое, исходное, значение) к *лицу вообще* (вторичное значение) при сохранении содержания слова:

пасквилянт м. 1) 'Автор пасквиля, т. е. произведения оскорбительного, клеветнического характера'. → 1) 'Человек, склонный к распространению оскорбительных измышлений о других';

провокактор м. 1) 'Тайный агент, действующий путем провокации'. → 2) 'Подстрекатель, действующий с целью предательства'; также и *провокаторша ж.*

Срав. также: *лицо вообще* → *женщина-лицо* (т. е. сужение семантического объема):

фуфыра ж. 1) *м. и ж. Прост, устар.* 'Привередливый, чванливый человек'. → 2) *ж. Прост.* 'Франтиха, щеголиха'; также и *фуфыря ж.*

Собирательность распространяется на лицо с предосудительными действиями:

свалочь ж. употр. также по отношению к мужскому полу; *употр. также как бранное слово. Груб. прост.* 1) 'Сброд, подлые, скверные люди'. → 2) 'Скверный, подлый человек, негодяй'.

По два негативных значения развивают и слова, попавшие в антропологическую микросистему путем *метафорического переноса* на основе следующих семантических переносов:

а) *род занятий, деятельности* → *моральные качества*:

торгаш м.: *Разг.* 'Мелочный торговец'. → *Разг. пренебр.* 1) 'Торговец, купец вообще'. → 2) 'Беспринципный человек, торгующий своей совестью, убеждениями, талантом';

б) *поведение, поступки* → *внутренние свойства характера*:

фокусник м.: 'артист, показывающий фокусы' → *Разг.* 1) 'Ловкий человек, способный на неблагоприятные проделки; ловкач'. → 2) 'Капризный, привередливый человек';

в) *внешний вид* → *уровень интеллекта и воспитания*:

свинья ж. //употр. также по отношению к мужскому полу: 'парнокопытное млекопитающее с крупным телом, короткими ногами и удлинённой мордой с круглым хрящевидным носом' → 1) Разг. 'О грязном, неопрятном человеке, неряхе'. → 2) 'О человеке невежественном, некультурном, грубом и неблагодарном';

г) *особенности характера* → *аморальное поведение*:

сучка ж.; *употр. также как бранное слово: уменьш.-ласк. к сука* (самка домашней собаки, а также других животных семейства псовых) → 1) 'О злой, сварливой, неприятной по характеру женщине'. → 2) 'О гулящей женщине, проститутке';

д) *особенности характера и интеллектуального уровня* → *аморальное поведение и поступки*:

кукла ж.: 'детская игрушка в виде фигуры человека' → 1) Разг. 'О бездушном и пустом человеке'. → 2) 'Человек, слепо действующий по воле других; марионетка'.

Наблюдается параллельное развитие двух отрицательных значений, срав.:

а) *профессиональное занятие* (исходное значение) → *непрофессиональный уровень и предосудительные занятия, действия, речевое поведение*:

сочинитель м.; *Устар.* 'Создатель литературных или музыкальных произведений' → 1) Разг. 'О плохом, малообразованном писателе'; 2) 'Тот, кто выдумывает то, чего не было; выдумщик, лгун';

б) *профессиональное занятие* (исходное значение) → *особенности характера, поведения и непрофессиональный уровень*:

стрекулист м.: *Прост, устар. пренебр.* 'Мелкий чиновник, канцелярский служащий' → *Прост, устар. пренебр.* 1) 'Пронырливый человек, ловкач'; 2) 'Писака' (обычно плохой, но плодовитый);

в) *название животного* (исходное значение) → *особенности внешнего вида, действий и уровень воспитанности и поведения*.

медведь м.; 'крупное животное млекопитающее с большим грузным телом, покрытым шерстью' → 1) 'О крупном, сильном, но грузном, неуклюжем, неловком человеке'; 2) 'О невоспитанном человеке';

г) *предмет определенного вида и свойства* (исходное значение) → *лицо по внешнему виду и лицо по интеллектуальному уровню*:

дубина ж.; 'толстая тяжелая палка → *употр. также по отношению к мужскому полу*'. 1) *Прост.* 'О высоком, долговязом человеке'; 2) *Прост.*; *употр. также как бранное слово.* 'О бестолковом, тупом человеке'.

Наконец, скажем коротко о *стилистическом распределении компонентов значения* (или сем) в рамках одной многозначной антрополоксемы.

1. Исходное нейтральное значение порождает:

а) два значения эмоционально-оценочного характера (помета *презр.*): *пигмей м.* 1) *Презр.* <...>; 2) *Презр.* <...>;

б) или же два функционально-стилистических значения (пометы *прост*, и *прост.*; *употр. также как бранное слово*). *дубина ж.*/употр. также по отношению к мужскому полу. 1) *Прост.* <...>; 2) *Прост.*; *употр. также как бранное слово* <..>;

в) или же одно устарелое (помета *устар.*), а другое — актуальное:

выдумщик м. (также и *выдумщица ж.*) 1) *Устар.* ‘Человек, измышляющий напраслину на кого-л.; лгун’; 2) ‘Фантазер, сочинитель’.

2. Исходное значение с пометой *прост.*, может проходить по всем вторичным значениям:

живодер ж. (также и *живодерка ж.*) 1) *Прост.* → 2) *Прост.* ‘О жестоком человеке, мучителе’; 3) *Прост.* ‘О жадном, наживающемся за счет других человеке’;

либо частично менять помету:

сопляк м. 1) *Прост.* ‘Очень молодой, неопытный и неумелый человек; молокосос’; 2) *Прост.*, *пренебр.* ‘О ребенке, малыше’.

3. Исходное значение с пометой *устар.* может нейтрализоваться во вторичных значениях и выступать либо с пометой, не содержащей указания на время или архаизм, либо вовсе без какой-либо пометы:

сочинитель м. 1) *Устар.* → *Разг.* 2) ‘О плохом, малообразованном писателе’; 3) ‘Тот, кто выдумывает то, чего не было; выдумщик, лгун’.

4. Исходное значение со специальной пометой *ист.* (историческое) порождает актуальные вторичные значения без стилистических ограничений:

тиран м. 1) *Ист.* → 2) ‘Жестокий правитель, действия которого основываются на произволе и насилии’; 3) ‘Тот, кто мучит, притесняет кого-л.’.

Обнаруживаются и другие переходы и комбинации стилистических помет, о которых мы специально говорить не будем.

Антрополексемы, выступающие с негативным значением в качестве первичного, также демонстрируют достаточно активный процесс стилистических движений и переходов, создающих разнообразнейшие комбинации:

а) оба негативных значения характеризуются одинаковой стилистической пометой:

ломака м. и *ж.* *Разг.* 1) ‘Тот, кто ломается, т. е. кривляется, паясничает, жеманничает, манерничает’; 2) ‘О человеке, который упрямится, не соглашается на что-л., не имея на то основательных причин’

б) оба негативных значения характеризуются разными пометами:

дурачок м. 1) *Разг.* ‘Глупый, тупой человек’; 2) *Устар. прост.* ‘Помешанный, юродивый’;

в) одно из негативных значений не имеет какой-либо пометы.

пентюх м. 1) Прост., презр. 'Неповоротливый, неуклюжий человек; увалень'; 2) 'Медленно соображающий, непонятливый человек'.

г) усложнение (усиление и т. д.) стилистической маркированности при одном из негативных значений:

пачкун м. (также и *пачкунья* ж.) 1) Разг. 'Тот, кто пачкает что-то'; 2) Разг. презр. 'Тот, кто неумело, небрежно делает что-л. (преимущественно о живописце, писателе)';

Примечательно, что есть немало случаев, когда одно из негативных значений антрополоксемы уже не актуально для современного языка (помета *устар.*):

вор м. (также и *воровка* ж.) 1) 'Тот, кто ворует, совершает кражи'; 2) *Устар.* 'Преступник, злодей';

шалун м. 'Легкомысленный человек, повеса'; 2) Разг. *устар.* 'Разбойник, грабитель'.

По линии «архаичное – актуальное» могут также противопоставляться целые слова-синонимы (или дублеты), срав.:

спекулятор м. *Устар.* 1) 'Тот, кто занимается спекуляцией'; 2) 'Тот, кто строит свои планы, расчеты на чём-л., пытается использовать что-л. в корыстных целях';

спекулянт м. (*спекулянтка* ж.) 1) 'Тот, кто занимается <...>'; 2) 'Тот, кто строит <...>'.

Эти факты говорят о том, что негативная семантика, как и вообще любая семантика, подвергается, с одной стороны, архаизации, с другой — актуализации. Нередко эти две тенденции, как мы уже показали, проявляют себя в одном и том же слове.

* * *

Важно обратить также внимание на некоторые синонимические отношения в рамках антрополоксемической микросистемы. Эти отношения здесь очень развиты. Выделяется множество синонимических рядов, причем некоторые из них могут состоять из 10 и более составляющих (или компонентов). На примере двух синонимических рядов покажем это, не ставя целью привести здесь исчерпывающий состав компонентов. При этом считаем нужным подавать в таких рядах не просто «голое» слово-компонент, но слово с его реальными признаками, т. е. признаками, указывающими на родовую принадлежность и этим самым на различное отношение к полу, на разную стилистическую характеристику, первичность или непервичность значения (или значений), на нюансы в семантических толкованиях. Представим эти ряды в форме таблиц, где по вертикали будут размещены сами компоненты рядов, а по горизонтали найдут отражение перечисленные выше признаки:

Синонимический ряд № 1:

нечестность, мошенничество, продажность

компоненты ряда	первичн. (I)/вторичн. (II) значения	род/пол	стилистич. пометы	семантич. толкования
<i>бестия</i>	I	ж. + м. п.	разг.	тонкий плут, пройдоха
<i>выжига</i>	I	м. и ж.	прост.	плут, пройдоха, прижимистый чел-к
<i>гусь</i>	II	м.	разг. презр.	о ненадежном, плутоватом чел-ке
<i>жук</i>	II	м.	прост.	ловкий плут
<i>мошенник</i> <i>мошенница</i>	I	м./ж.	—	1) нечестный чел-к; 2) вор, жулик
<i>шельма</i>	I	м. и ж.	бранн.	ловкий, хитрый, плутоват. чел-к; пройдоха
<i>шельмец</i>	I	м.	прост.	ловкий, хитрый, плутоват. чел-к; пройдоха
<i>обдувала</i>	I	м. и ж.	прост.	обманщик, плут
<i>плут/</i> <i>плутовка</i>	I	м./ж.	разг.	мошенник, жулик, ловкач
<i>прощельга</i>	I	м. и ж.	—	пройдоха, плут, мошенник
<i>жулик 2)</i>	I	м.	—	гот, кто мошенничает; плут

Таблица 1

Примечание: 1) м. п. — помета *употр. также по отношению к мужскому полу*, 2) *бранн.* — помета *употр. также как бранное слово*; 3) *чел-к* — человек.

Синонимический ряд № 2:

о раболепном, выслуживающемся человеке

компоненты ряда	первичн. (I)/вторичн. (II) значения	род/пол	стилистич. пометы.	семантич. толкования
<i>лакей</i>	II	м.	—	о раболепствующем, выслуживающемся чел-ке

<i>лизоблюд/ лизоблюдка</i>	I	м. ж.	разг. презр.	тот, кто прислуживается к кому-л. из мелких, корыстных побуждений
<i>лиса/лисица</i>	II	м. и ж.	—	о хитром, льстивом чел-ке
<i>подхалим/ подхалимка</i>	II	м./ж.	—	тот, кто угождает, стараясь расположить к себе кого-л.
<i>прихвостень</i>	I	м.	разг. през.	угодливый поклонник, подхалим
<i>прихлебатель/ прихлебательница</i>	I	м./ж.	разг. през.	тот, кто угождает, подхалимничает, любит поживиться, пожить за чужой счет
<i>холоп</i>	II	м.	през. бранн.	прислужник, приспешник кого-л.
<i>холуй/ холуйка</i>	I	м./ж.	през.	о раболепствующем, прислуживающем чел-ке
<i>прихлебала</i>	I	м. и ж.	прост. презр.	тот, кто угождает, подхалимничает, любит поживиться, пожить за чужой счет

Таблица 2

Из такого представления компонентов синонимического ряда видны достаточно тонкие характеризующие их (компоненты) признаки:

- 1) однородовая, а также двуродовая принадлежность антрополоксемы и ее направленность на соответствующий пол;
- 2) совпадение либо варьирование стилистических помет;
- 3) первичность либо вторичность значений единицы;
- 4) совпадения либо нюансы различий в их семантической трактовке. Представление компонентов синонимического ряда с присущими им характеризующими признаками дает возможность реализовать принцип системного подхода к лексике и установить место каждой единицы в анализируемой микро-системе.

Таким же образом можно представить и другие синонимические ряды.

Что касается антонимических отношений, то они для нашей лексической микросистемы не характерны. О них можно говорить, лишь выходя за ее (этой системы) пределы и принимая в качестве компонентов противопоставления лексемы с положительной семантикой.

Анализируемый материал дает также возможность увидеть, с какими признаками предстает перед нами человек, т. е. как характеризует и оценивает его наше языковое сознание и наш жизненный опыт. Чтобы ответить на вопрос «Каков человек?», мы сделали матрицу на основе нашего словаря на букву *Б*, выбрав из толкований характеризующие определения:

человек	его признаки (определения)
<i>баба ж./м. п.</i>	3) слабый + нерешительный
<i>баба-яга ж.</i>	злая + коварная
<i>бабица ж.</i>	рослая + толстая
<i>байбак м.</i>	неповоротливый + ленивый
<i>балаболка м. и ж.</i>	пустой
<i>балбес м.</i>	рослый + бестолковый + неотесанный
<i>балда м. и ж.</i>	бестолковый + глупый
<i>баран м.</i>	глупый + бестолковый
<i>барахло ср.</i>	плохой + дрянной
<i>барбос м.</i>	злой + грубый
<i>безбожник м./безбожница ж.</i>	бессовестный + бесчестный
<i>бездарность ж./м. п.</i>	бездарный
<i>бездельник м./бездельница ж.</i>	пустой + бессовестный
<i>безумец м.</i>	(крайне) безрассудный
<i>беспутник м./беспутница ж.</i>	беспутный
<i>бесстыдник м./бесстыдница ж.</i>	бесстыдный
<i>бестия ж./м. п.</i>	«тонкий» + ловкий
<i>бестолочь ж./м. п.</i>	бестолковый
<i>бирюк м.</i>	одинокий + нелюдимый
<i>бич м.</i>	бездомный
<i>благой м./благая ж.</i>	сумасбродный + взбалмошный + блажной
<i>блаженный м./блаженная ж.</i>	глуповатый + чудаковатый
<i>блажной м./блажная ж.</i>	сумасбродный + взбалмошный
<i>болван м.</i>	бестолковый + глупый
<i>бомба ж./м. п.</i>	толстый
<i>бонза м.</i>	надменный + чванный
<i>боров м.</i>	толстый + неповоротливый
<i>босьяк м.</i>	опустившийся + обнищавший

<i>брандахлыст м.</i>	пустой
<i>бревно ср.</i>	тупой + глупый + нечуткий
<i>бродяга м. и ж./ бродяжка ж.</i>	бездомный + скитающийся
<i>бугай м.</i>	крепкий + крупный
<i>бука м. и ж.</i>	угрюмый
<i>бурбон м.</i>	грубый + невежественный
<i>быдло ср.</i>	2) невежественный + грубый
<i>бык м.</i>	грубый + упрямый

Таблица 3

Как видим, составляющие этой антрополексической парадигмы характеризуются различным числом признаков (выраженных прилагательными и причастиями) — от одного до трех, причем многие признаки хорошо синонимируют друг с другом, ср.: ‘неповоротливый, ленивый’ → *байбак м.*, ‘глупый, бестолковый’ → *баран м.*, ‘надменный, чванный’ → *бонза м.*, ‘одиноким, нелюдимый’ → *бирюк м.*, ‘грубый, невежественный’ → *бурбон м.* и т. д.

Представленная матрица дает также возможность выявить долю и весомость компонентов синонимического ряда, характеризующихся неоднородными признаками-определениями, ср.:

бездельник м./бездельница ж. → ‘пустой, бессовестный’, *бревно ср.* → ‘тупой, глупый, нечуткий’, *балбес м.* → ‘рослый, бестолковый, неотесанный и под.’

В то же время под один и тот же признак подпадают различные антрополексемы, что сигнализирует об их полном или частичном синонимическом характере, ср.:

бестолковый → *бестолочь ж./м. п.*, *балда м. и ж.* (= глупый), *баран м.* (= глупый), *болван м.* (= глупый), *балбес м.* (+ рослый + неотесанный).

Если учесть, что в выше приведенных трех примерах дополнительный признак *глупый* можно считать полным синонимом признаку *бестолковый* (первый и эти три примера подходят под определение полных синонимов), остается последний случай (*балбес*) частичного синонима, поскольку его характеризуют еще дополнительно два признака *рослый* и *неотесанный*.

Наконец, хотим обратить еще внимание на то, что действия лица, обозначаемого антрополексемой, также поддаются парадигматическому представлению и дальнейшему анализу, ср.:

человек	что делает?
<i>дармоед м.</i>	живет/на чужой счет
<i>дебошир м.</i>	устраивает/дебош
<i>деляга м. и ж.</i>	преследует/личные цели
<i>доносчик м.</i>	делает, занимается/доносами
<i>доставала м. и ж.</i>	достает, приобретает, получает
<i>драчун м.</i>	любит драться

<i>женоненавистник м.</i>	ненавидит/женщин
<i>жуир м.</i>	ищет/удовольствий, наслаждений
<i>жулик м.</i>	мошенничает
<i>забияка м. и ж.</i>	затекает/ссоры, драки
<i>завистник м.</i>	завидует/другим
<i>зажимщик м.</i>	препятствует/ чему-л.
<i>азнайка м. и ж.</i>	азнается
<i>заправила м.</i>	заправляет/ неблагоприятными делами
<i>захребетник м.</i>	живет/чужим трудом
<i>злодей м.</i>	совершает/злодеяния
<i>злюка м. и ж.</i>	злится, сердится и т. д.

Таблица 4

Здесь можно выделять синонимичные действия, которые будут связывать антрополоксемы полностью или частично (если частично совпадают действия лица):

клеветает, лжет → *клеветник м./клеветница ж.*, *лгун м./лгунья ж.*;
 кривляется → *кривляка м. и ж.*, *ломака м. и ж.*;
 живет/чужим трудом → *захребетник м.*, *мирод м. и под.*

* * *

Проанализированный лексический материал формирует негативное поле лица, которое делится на несколько фрагментов:

- 1) лицо по негативному отношению к занятиям, деятельности;
- 2) лицо по негативно оцениваемым поступкам, поведению, образу жизни;
- 3) лицо по негативно оцениваемым чертам характера и внутренним свойствам;
- 4) лицо по негативно оцениваемым физическим чертам и внешнему виду;
- 5) лицо по негативно оцениваемым социальным свойствам.

Первый фрагмент поля содержит 7 семантических блоков (напр., неодобряемые, предосудительные занятия, деятельность; негативное отношение к делу, труду и под.), второй — 15, третий — 14; последние две группы представлены скромнее. Показательно, что между блоками не всегда удается провести четкие границы, из-за чего некоторые антрополоксеммы могут быть отнесены к двум блокам (напр., *головаля* — с одной стороны, проявление бездарности, неопытности, с другой — бестолковости, небрежности и т. д.).

Идя от парадигматического представления антрополоксем к их минимальным синтагматическим характеристикам, можно выявить признаки-определения лица: *балбес м.* — *рослый, бестолковый, неотесанный* и под.

Предложенный подход, основывающийся на парадигматическом представлении и анализе материала, открывает, как нам кажется, некоторую перспективу для более полного и глубокого изучения внутрисистемных семантических отношений, вскрываемых в антрополексической микросистеме с негативной семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 2000а — Л. В. Дуличенко. *Антрополексемы с негативным значением и их лексикографическое описание. Т. I–II*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С.-Петербург, 2000.
- Дуличенко 2000б — Л. В. Дуличенко. *Антрополексемы с негативным значением и их лексикографическое описание. АКД*. С.-Петербург, 2000.
- Дуличенко 2000в — Л. В. Дуличенко. *Словарь обидных слов. Наименования лиц с негативным значением*. Тарту, 2000.

II. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

Светлана Ивановна Рагрина
Tallinn

АНАЛИЗ ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ ФРАГМЕНТОВ ПРИ КАЛЕНДАРНО-ЦИКЛИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

Историческая славистика – лингвотекстологическое исследование рукописей – календарно-циклический метод – старославянский и церковнославянский язык – патристика и гомилетика – переводные и оригинальные произведения – рукописи гетерогенного состава – гомилии Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, митрополита Илариона – исследование пересекающихся фрагментов

Основной метод, традиционно используемый в лингвотекстологии (построение стемм), может быть назван «условно-диахроническим», вертикальным, поскольку во главу угла при его использовании ставится проблема хронологической последовательности разных редакций и списков, взаимоотношений оригинала и переводов. Примененный в данной публикации календарно-циклический метод может быть назван «условно-синхроническим», т. е. горизонтальным. В этом случае акцент переносится на систему взаимоотношений между списками, редакциями одного текста, а также разными текстами, имеющими пересекающиеся фрагменты.

Календарно-циклический метод исследования органичен и естественен для исследования рукописей, так как опирается на такие существенные отличительные черты древнего конфессионального текста, как календарная организация, цикличность, «анфиладность» (Лихачев 1980), высокая степень цитатности и стандартизации. Наиболее близка к календарно-циклическому методу разработанная Л. П. Жуковской и ее учениками методика повторяющихся чтений, которая заключается в исследовании

разночтений в почти буквально совпадающих фрагментах авторитетных литургических произведений в составе других текстов (Жуковская 1976). Календарный метод исследования фольклорных и литературных произведений применяется также в литературоведении (Душечкина 1988), историко-культурных исследованиях (Плюханова 1995), эртологии и литургике (Рубан 1991а, 1991б, 1994; Скабалланович 1905–1916). Подробное описание календарно-циклического метода, а также результаты применения его к обширному текстовому корпусу см. в нашей монографии (Рагрина 1999).

Объектом календарно-циклического исследования послужили переводные и оригинальные славянские тексты, связанные с праздником Преображения Господня, вошедшие в восточнославянский культурный контекст в XII–XVII вв. На протяжении многих веков складывался текстовый цикл, посвященный одному из важнейших двенадцатых праздников, в котором составленные или переведенные разными авторами, созданные в разное время и на разных территориях произведения объединялись вокруг православной церковной службы и воспринимались как единое целое. В цикл входят произведения служебные, околослужебные и внеслужебные, четьи и гимнографические.

В структуре цикла выделяется центр и периферия. Центр цикла формируется Евангелиями-апракос и Апостолами-апракос, праздничными и служебными Минеями, восполняющими текстами — Уставами, Стихирарями и Кондакарями. Периферия цикла представлена внеслужебными произведениями, напр., хождениями в Святую Землю и переводными греческими проскинитариями. На границе центра и периферии находится околослужебный круг произведений, гомилетика: патристические, псевдопатристические, оригинальные южнославянские и восточнославянские проповеди, вошедшие в состав Торжественников, Прологов, Четых Миней и сборников смешанного содержания. Наиболее обширный, обобщающий многие другие сборники (Прологи, Четьи Минеи, Торжественники) перечень гомилетических текстов на Преображение приведен в оглавлении к Великим Четым Минеям митрополита Макария и Троицкой Минеи № 681 Германа Тулупова (РГБ, ТСЛ, 681) (10 гомилий). Торжественники содержат, в зависимости от редакции, от 4 до 6 гомилий (Иоанна Златоуста, Анастасия Синаита, Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского и Григория Цамблака); Прологи обычно содержат поучения на предпразднество и праздник Преображения Климента Охридского, иногда ряд других гомилий. Основная масса списков произведений торжественного красноречия на праздник Преображения как переводных, так и оригинальных южнославянских, сделанных на Руси

или просто имевших хождение на ее территории, относится к XIV–XVI вв., т. е. ко времени распространения идеологии исихазма, в которой символике Фаворского Света принадлежит весьма значительная роль.

Гомилетический круг произведений демонстрирует тесную связь по структуре и мотивному составу с греческими толковыми Евангелиями и толковым Апостолом. Именно этот уровень анализа цикла подтверждает неопределенность категорий «автор» и «текст» в средневековой славянской письменности, известную славистам еще со времени работ И. Добровского (Добровский 1825): тексты гомилий нередко складываются из блоков, входящих в гомилии других «авторов», т. е. представляют собой компиляции разных источников. Исследование мотивного состава проповедей на Преображение показывает не только повторяемость мотивов, но и существование большого числа пересекающихся фрагментов, целых текстовых блоков, переходящих из одного произведения в другое. Пересекающиеся фрагменты характерны не только для произведений в составе разных сборников, но и для разных текстов в составе одного цикла в пространстве одного и того же сборника.

Обращает на себя внимание тот факт, что подобные пересекающиеся фрагменты в составе разных произведений, входящих в цикл одного сборника, нередко резко разграничены, маркированы в языковом отношении, в особенности по составу ключевой лексики, что является либо следствием усилий самих редакторов последней версии сборника, либо объясняется разными источниками компиляций.

Рассмотрим некоторые взаимосвязи между гомилиями Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста, входящими в цикл на Преображение.

Слово на Преображение с началом **От нивы жатва и радование**, атрибутируемое в ряде сборников (в Торжественниках XV в. – Сол. 1050/1159 – л. 223/об, 232/об, Ф. I. 900 – л. 249–254/об, Сол. Анз. 83/1448 – л. 266–271; в старопечатном Прологе московской редакции 1667 г.) богослову, экзегету и составителю церковных песнопений Ефрему Сирину, достаточно ярко иллюстрирует многочисленные связи праздничных проповедей в славянских сборниках. В частности, в тексте отмечаются пересекающиеся фрагменты и повторяющиеся мотивы при сопоставлении с одной из наиболее распространенных и многократно исследованных гомилий на Преображение с началом **Богъ человека първаго сътвори** в составе Торжественников и Германова сборника, а также с текстом «Слова о законе и благодати» киевского митрополита Илариона.

Списки Слова Ефрема Сирина в Минейных Торжественниках полностью совпадают по составу и различаются лишь некоторыми графическими вариантами, ошибочными перестановками частей слов и небольших фрагментов текста (последним выделяется список Сол. Анз. 83/1448). Идентичными по смысловой и композиционной структуре, по лексическому и грамматическому составу являются в целом и списки Минейных Торжественников и список, легший в основу старопечатного Пролога 1667 г. Грамматика и графика проложного варианта русифицированы и модернизированы по сравнению с некоторыми архаическими чертами Торжественников. Обращает на себя внимание замена в Прологе московской редакции простых претеритов на формы настоящего или будущего времени, менее архаические и к тому же более выразительные (Торжественник — *то блѣхъ апсан*, Пролог — *сѣть сн апсан*), что, однако, не может рассматриваться как просто инновация на фоне комплексного календарно-циклического исследования текстов на Преображение. Тенденцией Слова Ефрема Сирина в авторских фрагментах, пересказах и толкованиях является перевод повествования в настоящее актуальное или вневременное. Однако в соседствующих с такими фрагментами цитатах такая трансформация древнего текста недопустима для редактора. Поэтому в тексте сосуществуют формы 'поатъ', 'преобрази са' (*поатъ сімона петра іаква и іванна брата его на горж высокѣ сѣло и преобрази са пред ними*) (Сол. 1050/1159, л. 223/об.) и 'возводитъ', 'показаетъ' (*сего радн возводитъ ѿ на горж и показаеть имъ іако нѣ(с) іаіа но бѣ илиннѣ*) (там же). Форма настоящего исторического (или вневременного) является инновацией, в древнейших переводах Евангелий не встречается и зафиксирована в каноническом Преображенском фрагменте Амфилохием лишь в «Новом Завете» святителя Алексия XIV в. (Амфилохий 1882, 256), в то время как в авторских толкованиях экзегетов она отмечается значительно раньше.

Списки Торжественника и справленного Пролога можно отнести к одной и той же редакции Слова «От нивы жатва и радование». Однако при исследовании цикла в целом обращает на себя внимание идентичность основных частей двух разных произведений: Слова Ефрема Сирина «От нивы жатва и радование» и Слова с началом «Богъ человека първаго сѣтвори», приписываемого в разных сборниках то Иоанну Златоусту, то Иоанну Превитеру, то Иоанну Экзарху Болгарскому. Тексты различаются лишь в начальных фрагментах, затем совпадают, начинаясь евангельской цитатой со следующими за ней пространными экзегетическими толкованиями. При сопоставлении становится очевидным, что текст, вошедший в Слово Ефрема Сирина в

Торжественниках и в наиболее позднюю редакцию — в Пролог, значительно более распространен в сложных экзегетических фрагментах, чем Слово, приписываемое Иоанну Превзитеру или Иоанну Златоусту. Напр., рассказывая о причинах восхождения на Фавор и целях Преображения, автор последнего ограничивается лаконичной формулой «возведе ѿа на гору да покажет имъ ѿако снъ Божий ес», в то время как в Слове Ефрема Сирина приводятся рассуждения о глубинных целях Преображения, толкуются тайна непорочного зачатия, предсказания пророков и мессианская роль Спаса.

Одним из таких различительных фрагментов, в то же время объединяющих все сопоставляемые варианты произведения, является блок, посвященный трактовке двуединой природы Спаса. Можно предполагать, что эта часть текстов относится к числу древнейших и восходит к трудам экзегетов IV–V вв. (возможно авторство как Иоанна Златоуста, так и Ефрема Сирина), когда беседы против арианства на эту тему были очень актуальны. Аналогичный фрагмент существует также в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. По-видимому, этот компонент произведения Илариона восходит к тому же первоисточнику, однако в ином переводе или радикально другой редакции. Исследователи неоднократно обращали внимание на обилие мотивных и цитатных заимствований в «Слове о законе и благодати». В то же время, напр., А. М. Молдаван и А. И. Юрченко отмечают, что используемые Иларионом святоотеческие источники до сих пор назвать в точности невозможно (Молдаван, Юрченко 1989). Связи произведения Илариона с патристикой изучались еще в середине XIX – начале XX в. Так, С. П. Шевырев обнаружил, что фрагмент о «богочеловеческой ипостаси Христа» «перекликается с аналогичными рассуждениями Ефрема Сирина в его 'Слове на Преображение' (Шевырев 1860, 26), а затем открыл этот же фрагмент в 4-ой катехизической «Беседе» Кирилла Иерусалимского. Молдаван и Юрченко ссылаются на работу М. П. Петровского, посвященную сопоставлению творчества Илариона и Доментиана (Петровский 1909, 94), в которой обращается внимание на подобный фрагмент в «Слове на Воздвижение» Иоанна Златоуста. Сопоставим редакции отрывка данного фрагмента в составе четырех текстов:

1. Слово на Преображение Иоанна Превзитера (Германов сборник, 1359 г., публ. Д. Ивановой-Мирчевой 1971), л. 246/об, 247/об:

И аще не би плътѣнъ то съ цѣмъ бѣжа иисифъ бѣ егѣпетъ
И аще не би бѣ былъ то где сѧ би слово се скончѣло из егѣпта
възвахъ сна своего аще ли не би плътѣнъ былъ то иванъ кого
крѣщааше И паки аще не би бѣ былъ то ицѣ съ иисе

сновѣство комѹ глааше съ ес снѣ мой любимый того послушай-те И аще не би плѣтѣнъ былъ то кто въ корави спѣше И аще не би бѣ былъ то вѣтромъ и морю кто оутишитиса запрети.

2. Слово на Преображение Иоанна Златоуста (Торжественник, список Сол. 1050/1159, XV в., РНБ, публ. наша), л. 210/об:

И аще не бы плотанъ былъ то с кимъ вѣжа ѱусифъ въ егупетъ И аще не выс въ гдѣ са бы слово то скончало из египта взваах сна моего И аще не бы плотанъ былъ то Іваннъ кого крщаше И паки аще не вы бѣ былъ то Ѡць сновѣство комѹ глаше сен ес снѣ мой любимый сего послжшаите Аще не бѣ плоть кто постиса и взалка пѣстыни И аще не бѣ бѣ агли шедше комѹ слѣжиша Аще не бѣ плоть кто призванъ высть на вракъ в кана галилен И аще не бѣ бѣ водѹ в вино кто преложи И аще не бы плотанъ былъ то кто в коравли спаше И аще не бы бѣ былъ то вѣтром и морю кто оутишитиса запрети.

3. Слово на Преображение Ефрема Сирина (Пролог 1667 г., публ. наша), л. 356–358:

Аще не вѣ плоть ѱусифъ кого примѣ вѣжа во егупетъ И аще не вѣ вгъ изъ египта призвахъ сна моего како исполниса Аще не бѣ плоть Іваннъ кого крстил И аще не вѣ вгъ оцъ комѹ глаше сен ест снѣ мой возлюбленный и немъ же влагоизволюхъ Ако чакъ постиса м дньи възаалкавъ и іако же повѣди искжшающаго іако чакъ иде на вракъ кана галилѣи і іако бѣ водѹ въ вино приложи Аще не вѣ плоть в коравли кто спаше И аще не бѣ вгъ вѣтромъ и морю кто запрети.

4. Слово о законе и благодати митрополита Илариона (публ. А. В. Горского 1844):

Ако чакъ вѣжааше въ егупетъ и іако вж рѣкотвореніа егупетскаяа поклонишася іако чакъ приде на крещеніе іако ва іурданъ оустраши са възвратиса іако человекъкъ шемаживса въ лѣзе въ водѹ і іако въ Ѡ оца послжшество пріатъ се ест снѣ мой възлюблены іако чакъ въ коравли съпааше іако бѣ запрѣти вѣтромъ и морю и послжшаша его.

Из сопоставления небольших фрагментов очевидно, что мотив богочеловеческой ипостаси Иисуса Христа в произведениях, входящих в состав Торжественника, Германова сборника и старопечатного Пролога, развивается во многократно повторяющейся антитезе «аще бы не плоть был — аще бы не богъ был», а в проповеди Илариона — в близкой по смыслу, но иной по синтаксическому оформлению антитезе «яко человекъ — яко богъ».

В составе основных сравниваемых текстов фрагменты, построенные на данной антитезе, наиболее объемны в «Слове на Преображение» Ефрема Сирина из Пролога 1667 г. Этот справленный Пролог восстанавливает, вероятно, наиболее древнюю и полную редакцию фрагмента. В то же время в составе хронологически более ранних сборников — среднеболгарского

Германова сборника XIV в. и древнерусского Торжественника XV в. — фрагменты явно подвергнуты компрессии и нередко на месте сокращенных блоков содержат обобщающие соединительные фразы.

Для концепции sprawy Пролога 1667 г. существенно еще одно обстоятельство: рассматриваемый текст не во всех своих частях более полон, чем сопоставляемые с ним варианты текста в Германовом сборнике и Торжественнике. В Прологе, напр., отсутствует восходящий к 88 псалму (стих 13) фрагмент стихир на Преображение «Фавор и Ермон» и его толкование, который есть почти во всех более ранних редакциях гомилий. Можно предполагать, что устранение гимнографического фрагмента редактором было связано со знанием истории формирования Преображенского корпуса текстов и учетом данных эортологии (гимнография праздника начинает складываться не ранее VIII в.).

Особый интерес представляет варьирование языковых единиц в пересекающихся фрагментах. Панхронизм церковнославянского текста, накопление средств, гибридизация в языковой системе разных хронологических и региональных слоев, наиболее влиятельными из которых были кирилло-мефодиевский, преславский и тырновский, а также инновации предоставляли редакторам более поздних версий текста богатые возможности для выбора элементов. Особенность такого отбора в рассматриваемом нами случае состоит в том, что пересекающиеся фрагменты, входящие в состав разных гомилий в пределах одного сборника, обнаруживают более сильное варьирование, а порой и ориентацию на иные книжные традиции, чем списки одного и того же текста в составе разных сборников. Скорее всего это объясняется тем, что в компилятивных произведениях, входящих в состав одного сборника, использовались переводы разных переводческих школ и их гибридные разновидности. О существовании параллельных переводов писали многие исследователи; в частности, Д. Иванова-Мирчева утверждает:

«сравнительно малые по объему тексты византийских гомилий (проповедей) претерпели и по несколько различных болгарских переводов, сделанных независимо один от другого» (Иванова-Мирчева 1977, 38).

Существование гибридных компиляций, совмещающих кирилло-мефодиевские и преславские лексические слои, доказали А. А. Турилов (Турилов 1995, 31–45) и С. Ю. Темчин (Темчин 1996, 63–72).

Примером подобного соотношения редакций могут быть Слово на Преображение Ефрема Сирина в составе Торжественника Сол. 1050/1159 и Пролога 1667 г. Тексты различаются графикой, незначительно лексикой и грамматикой. В то же время

пересекающиеся фрагменты этого текста в том же Торжественнике, но уже в составе Слова Иоанна Златоуста с началом «Богъ человека първаго сътвори» существенно расходятся с редакцией Слова Ефрема Сирина по языковым характеристикам. Отметим ряд лексических, словообразовательных и грамматических расхождений между редакциями пересекающихся фрагментов. Первым в оппозиции приводится вариант из Слова Иоанна Златоуста, вторым — вариант из Слова Ефрема Сирина.

1. Оппозиции на уровне слова:

етери — нещын, видать — оузратъ, менитъ — рече, славу — образъ, во ѹтрово — от чрева, владыка — господь, возглаголетъ — пригласитъ, ѹкорение — хѹда, жидове — нѹден, ѹведатъ — разѹмеютъ, воскресение — востание, тинцѹ — неведомѹ, іако солнце — іако молнию, плоть — ѹда, проснаша — просветиса, лѹчь — светъ, приставьникъ — споспешьникъ, огненыа — пламенныа, скончаеца — исполнитса, приложитса — приключитса, потрѣбитъ — истажетъ, одеало — одеание, виждь — зри, чюдѹщимса — дивлящимса, повиньникъ — обладаемъ.

Характер лексических оппозиций, представленных в пересекающихся фрагментах, в целом определяет архаическая тенденция в Слове Иоанна Златоуста, редактор которого предпочитает лексемы древнейшего кирилло-мефодиевского пласта лексики. В то же время в Слове Ефрема Сирина предпочтение отдано преславской лексике. Однако данное соотношение не абсолютно — наблюдаются и обратные случаи (см. жидове — нѹден).

2. Оппозиции на уровне слова — словосочетания:

вне и зело кроме естества вожиа — естествѹ божества его не подоблахѹ са, имѹтъ его жидове — одержимъ бѹдетъ нѹден, расплати примет — распнетъса, не немощиѹ — не немощи дела, своєю волею — волею благоволения, спасенна ради человеческого — на спасенне миру, прежде створенна всего мира — даже миръ не высть, обычное — по обычаю, необычное — паче обычая, верховьнии мѹжи — начальници, несть тебе — не трѣбуетъ, безъ трѹда — кроме трѹда.

Использование при переводе слов, словосочетаний-перифразов, описательных оборотов, буквализация перевода характерны как для Слова Иоанна Златоуста, так и для Слова Ефрема Сирина. Однако по численности такие архаические употребления преобладают все же в Слове Иоанна Златоуста.

3. Оппозиция аналитического — синтетического способа выражения грамматического значения:

имѹтъ вкусити — вкусятъ, хота показати — да покажетъ, трѹдна сѹща — трѹдащеса, не немощиѹ — не немощи дела, иматъ скончати — исполнитъ, иматъ са создати — созиждетса, хота показати — да покажетъ.

Употребление аналитических конструкций — архаических средств выражения значений будущего времени, причастий настоящего времени — ярко выраженная тенденция редактирования Слова Иоанна Златоуста.

4. Оппозиция грамматических форм при передаче одних и тех же отношений:

шести днии — шести днєхъ, баху — соуть, чий — котораго, вопрошаше — вопросы, возведе — возводитъ, показа — показуетъ, владыка живыхъ — господь живымъ, да покажетъ — показа, безъ трудъ — кроме трудъ.

Слово Иоанна Златоуста характеризуется использованием архаических форм простых претеритов, в то время как в Слове Ефрема Сирина эта система нейтрализуется, модернизируется с помощью форм настоящего или простого будущего времени. Вариативность других форм отражает достаточно типичные колебания предлогов и падежных форм в переводных текстах при передаче греческих конструкций, напр., дательного и родительного падежей, что наблюдается уже в древнейших славянских переводах Евангелий.

5. Оппозиции способов словообразования:

предстоащихъ — стоащихъ, человека — человеческого, понстине — вонстинѹ, лепота — благолепие, искипе — кипеше, вдаша — даша, одеало — одеание, ѹпразднитъсѧ — испразднатъсѧ.

На словообразовательном уровне также прослеживается тенденция Слова Иоанна Златоуста к использованию кирилло-мефодиевского пласта. Следует обратить внимание на архаическое, неаспектуальное употребление приставочных глаголов с основами конкретного действия и состояния (въдаша), а также архаическое употребление бесприставочных глаголов в перфективном значении (да видатъ).

Анализ пересекающихся фрагментов в структуре двух разных гомилетических произведений, входящих в один сборник — Минейный Торжественник, позволяет высказать предположение о совмещении влияния двух переводческих школ: восточноболгарской и западноболгарской. Однако кирилло-мефодиевские и преславские черты не проявляются в чистом виде ни в одном из рассматриваемых текстов. Тексты представляют гибридные редакции с доминированием восточноболгарской или западноболгарской традиции на уровне каждой отдельной гомили. Подобное смешение языковых черт расценивается исследователями по-разному. В частности, Иванова-Мирчева рассматривает такую гибридизацию как одну из характерных черт деятельности Тырновской книжной школы (Иванова-Мирчева 1977, 37–48). Темчин полагает, что такое смешение может быть

признаком и древнерусской редакции, так как именно в древнерусских списках восточноболгарские лексемы полностью не вытесняют кирилло-мефодиевские, а сосуществуют с ними. По наблюдениям Темчина, даже в евангельских списках,

«наиболее последовательно отражающих преславскую редакцию, исходные кирилло-мефодиевские варианты замещены восточноболгарскими в 65–75% всех возможных случаев» (Темчин 1996, 63).

На фоне уже изложенного рассмотрим еще одну гомилию, входящую в календарный цикл текстов на Преображение. В корпусе текстов гомилия с началом «Градѣте, друзи, днесъ», приписываемая Иоанну Златоусту, представлена двумя существенно различающимися по языковым признакам редакциями. Первая из этих редакций включена в состав Минейного Торжественника XV в. (Сол. 1050/1159, РНБ, л. 197/об. – 202/об.), вторая в состав Четвѣй Минеи первой половины XV в. (Соф. 1376, РНБ, л. 355–358/об.). Варианты текста в составе двух сборников позволяют высказать предположение о существовании по меньшей мере двух параллельных переводов или радикально отличающихся друг от друга языковых редакций. Тексты имеют идентичный мотивный состав и композицию, на содержательном уровне различаются степенью развернутости некоторых частей, на композиционном — последовательностью отдельных блоков. Приведем небольшой фрагмент текста для сравнения двух версий:

1. Четвѣя Минея, Соф. 1376, л. 355 (публ. наша):

Придѣте друзи и днь во еугльское нетлѣнное призримъ съкровище да штоудоу разоумно почеригѣмъ богатство нетлѣемо никакo николи же издемо Прѣдѣте съ моудрою добротою наставляющемоу паку послѣдоумъ лоуцѣ Да оузримъ паку Хса въсходаща на гороу високоу и петра и іакова ѡвана ежственаго прешвбраженіа поемлюща послouxы Поим во рече петра и іакова ѡвана възиде на гороу помолитъ сѧ Гвѣра висока на неи ж мвниси пасх агнецъ заклавъ и кровню его прагъ нерѣискамъ храминамъ покроні Гора висока на неи нлііа оуница растесавъ пред ними и водноую жертвоу вгнем поуже Гора висока на неи же монсни и нлііа гласта со Хмъ Гора висока на неи же да оувидать и іаже да оувѣдъть и іаж ѡ іакова и ѡ ѡвана и петра іако то есть емоу же покланяеть всѧко колѣно нбсныхъ и земныхъ и пренсподнихъ.

2. Торжественник, Сол. 1050/1159, л. 197/об. (публ. наша):

Градѣте друзи днесъ по еуглискѧ без лѣности принем сѧ съкровища ѡтѣдѧ во обычнѣ начерпаемсѧ богатства обилнѣ вѣсѣм делимъ богатствѧ и никакo же николи же трошимъ Градѣте с мѧдростію доброу наставляющаго лѧки премдраго и добрѣ водащаго и паку въслѣджемъ Да видимъ Ха на горѧ

высокъ възходящаго и петра іакува и іванна поемша
 вжственомъ преображенію свѣдѣтеля Поим во рече тѣхъ иже с
 петромъ на горѣ высокъ възде вѣдка помолитиса Гора высока
 на неѣ же моуѣ и иліа глетѣ съ Хмъ Гора высока на неѣ же за
 конъ и прорци съвирѣхъ съ блгдтію Гора высока на неѣ же моу
 си великодневны пасхы агнецъ заклавъ и кровію его прагы жи
 довьскыа покрпивъ Гора высока на неѣ же иліа иже воѣ
 оунецъ оу тѣхъ раздровивъ и сквозѣ поджогъ немъ требы ижжегъ
 Гора высока на неѣ же моуѣ ѿверзъ и затворивъ чернагъ съво
 ры Гора высока на неѣ же иліа ѿверзъ и тако затворивъ дож
 девнаѣ съишествіа Гора высока на неѣ же оувѣдатъ иже с пет
 ромъ іакувомъ и іванномъ іако тоѣ есѣ емъ же всѣа колѣна
 поклоняютсѣ несныхъ и земныхъ и преисподнихъ.

Наиболее ярким различием сравниваемых редакций является выбор переводчиком значимой для оформления основных мотивов лексики. Поскольку речь идет о явлении, имеющем массовое распространение в тексте, версия двух разных переводов представляется более уместной, чем версия радикального редактирования всей ключевой лексики текста. Приведем лишь некоторые примеры лексических оппозиций, где первым следует вариант Соф. 1376, а вторым — вариант Сол. 1050/1159:

Константина града — Цариграда, придѣте — градѣте, нетлѣемо — нетрошимо, да оузримъ — да видимъ, послушхы — свѣдѣтеля, пасхы — великодневны пасхы, жертва — трева, ѿскорвивъ — печаливъ, творитъ — стронть, совокоупи — оуедини, видѣние — овразъ, видение, веседовати — глаголати, три кровы — три кѣща, оукарѣши — хѣлиши, илиино ржство — илиино рождение, горнаіа — вышнаѣ, раи — порода, дѣлма — ради, въздвиже — възстави, соущее — вѣдѣщее, спасеное възстание — пришествіе.

Однозначно определить тенденции выбора ключевых слов переводчиком затруднительно, особенно если исходить из данных анализа древнейших хронологических слоев. В гомилии Торжественника ощутима более сильная ориентация на преславскую (а следовательно, и более позднюю афонскую традицию) (нетрошимо, жидовскимъ, трева, печаливъ, порода), в то время как в гомилии Четьей Минеи — на кирилло-мефодиевскую (нетлеемо, невренскѣмъ, жертва, оскорвивъ, раи). Прослеживаются и другие признаки влияния преславской книжной традиции в гомилии Торжественника: грецизмы заменены на славянские соответствия, сочетания слов — на стяжение корней. Так, еуглистъ в гомилии Четьей Минеи заменено в Торжественнике на благовѣщеніѣ писецъ, лихо глущаѣ оуста заменено на лихохѣльны оуста. Однако такое соотношение древнейших лексических слоев и переводческих приемов, характерных для кирилло-мефодиевской и преславской школ, не является в рассматриваемых текстах абсолютным, в некоторых случаях наблюдается и

обратное соотношение. Напр., в Четъей Минее использованы преславские лексемы *послѣхы, дѣла*, а в Торжественнике — кирилло-мефодиевские *свѣдѣтелл, ради*; в Торжественнике сочетание слов *везъ оца същемъ ѿдамъ*, а в Четъей Минее характерное для преславской школы стяжение — *везоточномъ ѿдамоу*. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что параллельные переводы выполнены не в рамках древнейших школ, а позднее, когда происходит гибридизация кирилло-мефодиевского и преславского пластов и когда стремление архаизировать текст заключается в выборе более редкой для данного хронологического среза лексемы. В проекции на нормы церковнославянского языка XIV–XV в. перевод гомилии в Торжественнике ориентирован на «реславянизацию» и архаизацию текста, в то время как версия в Четъей Минее содержит более традиционную для восточнославянского культурного региона лексику. При этом, естественно, что представления книжников XIV–XV в. об архаичном и современном опираются не на абсолютные хронологические критерии, а на норму церковнославянского языка своего времени, когда кирилло-мефодиевские лексемы часто выступали как более употребительные, чем преславские.

Гомолия «Градѣте, друзи, днесь» повторяет тенденции соотношения пересекающихся фрагментов в календарном цикле текстов, которые были проиллюстрированы в рамках данной статьи на материале гомилий Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста. Две обширные части объединяют ее со Словом Иоанна Златоуста «Богъ человека първаго сътвори». Первая из них посвящена типовому мотиву укорения Петра, пожелавшего построить три кущи на горе Преображения, а вторая — не менее распространенному в произведениях Преображенского цикла мотиву сопоставления Фавора и Ермона. Что касается языковых особенностей пересекающихся фрагментов, то здесь повторяется та же закономерность, которая наблюдалась при сопоставлении Слов Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и митрополита Илариона: наиболее существенно по лексике, отбору грамматических форм и синтаксических конструкций различаются те из них, которые входят в состав разных гомилий в пространстве одного сборника.

Немаловажно, что оба фрагмента (мотив укорения Петра и мотив Фавора и Ермона) отсутствуют в Слове Ефрема Сирина, которое, за исключением этих частей, начала и концовки текста, полностью совпадает по мотивному составу, основным языковым характеристикам и композиции со Словом Иоанна Златоуста. Сопоставление пересекающихся фрагментов трех гомилий как в составе разных сборников (Торжественника, Четъих Миней и Пролога), так и в пространстве одного сборника (Тор-

жественника Сол. 1050/1159), позволило уточнить технику работы редакторов с текстами патристического (или псевдопатристического) происхождения. Текст наиболее распространенного в календарном цикле Слова на Преображение Иоанна Златоуста словно распадается на блоки, которые по принципу дополнительной дистрибуции использованы еще в двух гомилиях цикла — «От нивы жатва и радованне» Ефрема Сирина и «Грядѣте, друзи, днесь», приписываемого Иоанну Златоусту.

СОКРАЩЕНИЯ

- РГБ — Российская Государственная библиотека, Москва;
РНБ — Российская Национальная библиотека, С.-Петербург;
ТСЛ — Троице-Сергиева Лавра;
Сол. — Соловецкое собр.;
Сол. Анз. — Соловецкое собр., Анзерский скит;
Соф. — Софийское собр.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфилохий 1882 — Амфилохий арх. *Четвероевангелие Галичское 1144 г.* Москва, 1882.
- Горский 1844 — А. В. Горский. *Памятники духовной литературы времён великого князя Ярослава. Ч. I.* Москва, 1844.
- Добровский 1825 — И. Добровский. *Кирилл и Мефодий. Словенские первоучители. Пер. с нем.* Москва, 1825.
- Душечкина 1988 — Е. В. Душечкина. *Русская календарная проза. Антология святочного рассказа.* Таллин, 1988.
- Жуковская 1976 — Л. П. Жуковская. *Текстология и язык древнейших славянских памятников.* Москва, 1976.
- Иванова-Мирчева 1971 — Д. Иванова-Мирчева. *Иоанн Екзарх Български. Слова.* София, 1971.
- Иванова-Мирчева 1977 — Д. Иванова-Мирчева. *К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX–X до XIV в.* Palaeobulgarica/Старобългаристика, София, 1977, № 1, 37–48.
- Лихачев 1980 — Д. С. Лихачев. *Великое наследие.* Москва, 1980.
- Молдаван, Юрченко 1989 — А. М. Молдаван, А. И. Юрченко. «Слово о законе и благодати» Илариона и «Большой Апологетик» патриарха Никифора. Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I. XI–XVI вв. Москва, 1989.
- Петровский 1909 — М. П. Петровский. *Иларион, митрополит Киевский и Доментин, иеромонах Хиландарский.* Известия ОРЯС за 1908 г., С.-Петербург, 1909, т. XIII, кн. 4.
- Плюханова 1995 — М. Б. Плюханова. *Сюжеты и символы Московского царства.* Москва, 1995.
- Рагина 1999 — С. И. Рагина. *Календарный цикл славянских рукописных текстов на праздник Преображения Спаса (XII–XVII вв.): культурно-исторический и лингвотекстологический аспекты.* Хельсинки – Таллинн, 1999.

- Рубан 1991a — Ю. И. Рубан. *Благовещение*. С.-Петербург, 1991.
- Рубан 1991b — Ю. И. Рубан. *Пасха*. С.-Петербург, 1991.
- Рубан 1994 — Ю. И. Рубан. *Сретение Господне*. С.-Петербург, 1994.
- Скабалланович 1905–1916 — Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Составил проф. КДА Михаил Скабалланович. Вып. I, II, III. Киев, 1905–1916.
- Темчин 1996 — С. Ю. Темчин. Текстологическая значимость церковнославянской лексики: восточноболгарская лексика в древнерусском Мстиславовом евангелии. *Славяноведение*, Москва, 1996, № 1, 63–72.
- Турилов 1995 — А. А. Турилов. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства и книжности Московской Руси. XV–XVI вв. (заметки к оценке явления). *Славяноведение*, Москва, 1995, № 3, 31–45.
- Шевырев 1860 — С. П. Шевырев. *История русской словесности*. Изд. 2-ое, ч. II. С.-Петербург, 1860.

Нина Борисовна Мечковская
Мінск

КАКИЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫ ДЛЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ?¹

Славянские языки – социолингвистическая типология – «фактор времени» – начало письменности – время первых памятников – перерыв в литературно-письменной традиции – время первой кодификации – литературный язык: «фактор времени» и «степень традиционности»

0. «Фактор времени» в социальной типологии языков и языковых ситуаций

Для социальной типологии языков релевантны две группы признаков: ареально-генеалогические и социолингвистические. Первая группа включает следующие аспекты: 1) генеалогические связи языка: степень его выделенности из своей языковой подгруппы и «отдельности» от соседних этнических языков, а также генеалогические взаимоотношения данного языка с надэтническим (религиозно-культурным) языком своего ареала; 2) монолитность *vers.* дивергентность (т. е. степень ареальной консолидированности языка); 3) наличие наддиалектного «консолидирующего» языка (или языков), включая литературный язык (языки); степень близости и характер взаимоотношений между наддиалектным (литературным) языком и территориальными и социальными диалектами; 4) сила иноязычных влияний, испытанных языком на протяжении истории его языковых ситуаций и контактов [с различием влияния надэтнического языка (в ареале Славии — церковнославянского и/или латыни), инославянских и неславянских].

Социолингвистический компонент в социальной типологии языков предполагает учет следующих аспектов: 1) степень распространенности языка за пределами своего этноса (моноэтничность *vers.* полиэтничность языка); 2) коммуникативный ранг языка: состав функций и официальный статус (что в социолингвистике иногда трактуют как «витальность» языка²); 3) степень

либерализма и плюрализма в национально-языковых вопросах (с учетом вектора языковой политики) как параметр языковой ситуации.

Ареально-генеалогический аспект социальной типологии и ее собственно социолингвистические аспекты во многом противостоят друг другу. Если в генеалогическом и структурно-типологическом отношении ареал славянских языков представляет собой континуум относительно близких между собой идиомов (в сравнении с близостью романских и особенно германских языков), то социолингвистическая карта Славии качественно иная: она не только более разнообразна, но и дисконтинуальна (дискретна). Если в генеалогическом и структурно-типологическом плане два соседних родственного языка всегда ближе между собой, чем территориально разобщенные языки, то в социальной типологии картина иная: непосредственно контактирующие родственные языки могут кардинально различаться по своему социолингвистическому статусу, по степени своей экспансии в иноэтнические ареалы и «витальности» (ср. русский и белорусский языки или чешский и словацкий). В целом «родословная» славянских языков, их географическое взаиморасположение, ареальные взаимовлияния и собственные диалектные ландшафты выступают как те объективные и не зависящие от человека условия, в которых разворачивается вполне человеческая по своему драматизму социокультурная история языков, определяемая в первую очередь социальными факторами. Однако в конечном счете решающей силой в судьбах языков оказывается языковая политика (обусловленная национально-государственными геополитическими интересами). Так, в частности, взаимовлияние языков протекает как процесс преимущественно стихийный, однако соотношение векторов влияния («баланс сторон»), а также интенсивность заимствований зависят от долговременных социально-политических условий контактов народов (и их языков).

В качестве связующего звена между ареально-генеалогической характеристикой славянских языков и их социокультурной типологией выступает фактор времени. Имеется в виду, однако, время изменений не в структуре языка (какими были, напр., падение носовых, утрата аориста или формирование деепричастий; эта хронология по большому (типологическому!) счету одна в истории славянских языков); имеется в виду хронология поворотных событий в социальной истории языков. Таких важных дат несколько: 1) начало использования письменности на территории современного народа; 2) время первых письменных памятников на этническом языке (т. е. на белорусском, словацком, македонском и т. д.), в отличие от времени первых

известных памятников письменности на надэтническом языке (напр., церковнославянском) или на ближайшем праязыке (общем для двух или более народов); 3) время первых памятников на литературном этническом языке (в отличие от первых памятников «просто» письменности на этом языке); 4) время первых памятников на современном литературном языке (в отличие от памятников начала или предшествующего этапа в истории литературного этнического языка); 5) наличие и время (продолжительность) перерыва в развитии письменно-литературной традиции на литературном этническом языке (или наличие периода релевантного ослабления традиции); 6) время первой кодификации современного этнического литературного языка [т. е. создания первых нормативных грамматик, а также словарей, предназначенных носителям языка (не иностранцам, как «Grammatica Russica» Г. В. Лудольфа, Oxford, 1696) и составленных не в исследовательских целях (как «Грамматика малороссийскаго нарѣчїя» А. П. Павловского, СПб., 1818)]. Хронология событий такого ранга и связанная с ней продолжительность «одноименных» периодов в социальной истории конкретных языков определяют две ключевых для социальной типологии языков черты, связанные с фактором времени: 1) «возраст» современного литературного языка и 2) «степень традиционности» современного литературного языка.

1. Начало использования письменности на территории современного народа

Применительно к Славии в большинстве случаев речь идет о письменности у предков современного этноса, которые в ту отдаленную эпоху могли называться не так, как сейчас, но с помощью общего этнонима, называвшего общих предков в будущем разных этносов, — напр., *славяне*, или *русь*, или *чехи*. Все славяне используют письменность со времени принятия христианства (спорадически иногда несколько раньше). У западных и восточных славян письменная традиция начиналась и некоторое время продолжалась на неродных надэтнических языках (старославянском/церковнославянском, а также на языках генетически достаточно далеких, как латынь или немецкий). Памятники на церковнославянском или латыни, являясь фактом культуры народа, тем не менее не могут считаться памятниками этнического языка [как, напр., копия церковнославянского «Изборника» болгарского царя Симеона, снятая для киевского князя (и вошедшая в историю как «Изборник Святослава» 1073 г.), по отношению к украинскому или русскому языкам или как написанная на латыни «Чешская хроника» (*Chronica Boemorum*)

Козьмы (Kosmas) Пражского начала XII в.) по отношению к чешскому языку]. Это разграничение сложно в случаях близкого родства надэтнического и этнических языков — именно в ситуации *Slavia Orthodoxa* (причем для южных славян сложнее, чем для восточных). Церковнославянский язык в Литовской и Московской Руси воспринимался как «свой» язык, только «высокий» и «должный» в маркированных ситуациях, однако это обстоятельство, как и интерферентное влияние народной (восточнославянской) языковой стихии, не делает его этническим русским, белорусским или украинским языком³. Что касается письменности на народном языке, то у восточных славян примерно до XIV в. она развивалась не на отдельных этнических языках, а на общевосточнославянском (древнерусском) языке.

2. Время первых письменных памятников на этническом языке

Первые памятники на этническом языке (т. е. на белорусском, словацком, македонском и т. д.) следует отличать от первых письменных памятников на надэтническом языке (напр., церковнославянском) или ближайшем праязыке, общем для двух или более конкретных этносов (напр., на древнерусском как общем письменном языке восточных славян или старочешском как общем языке чехов и словаков). В частности, памятники древнерусского языка («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» или новгородские берестяные грамоты XI–XIV вв.) необходимо отличать от первых памятников на собственно этнических языках (в данном случае — на собственно русском, белорусском и украинском)⁴.

В ареале *Slavia Latina* легко указать первые памятники, написанные на словенском («Фрейзингские отрывки»/«*Brižinski spomeniki*», ок. 1000 г.), чешском («Похвала Св. Вацлаву» XIII в. и стихотворная «Далимилова хроника» начала XIV в.), польском («*Kazania świętokrzyskie*», 1-ая половина XIV в.) и лужицких языках (нижнелужицкий печатный Новый Завет в переводе Н. Якубица 1548 г.; верхнелужицкий Лютеровский Малый Катехизис в переводе Вацлава Варихия 1597 г.), поскольку тексты на соответствующих языках вполне отличимы от латыни или немецкого. Однако для тех ареалов Славии, где ранняя письменность развивалась на близкородственном языке, вопрос о начале письма на собственно этническом языке решается на основе экспликации языкового сознания писавших соответствующие тексты, т. е. путем обращения к сохранившимся фактам метаязыковой рефлексии носителей языков.

Релевантны два рода метаязыковых свидетельств: во-первых, лингвонимы и этнонимы, содержащиеся в памятниках, т. е. надо убедиться, что люди, писавшие текст, называли свой язык «своим» отдельным именем и при этом иначе, чем «свой» надэтнический язык, а также языки соседних родственных этносов; во-вторых, существенны факты перевода текста не просто для «понятности», а с тем или иным метаязыковыми целями (продемонстрировать «лучший» способ языкового выражения, показать преимущества наддиалектной речи и т. п.). Для восточно- и южнославянских языков (исключая словенский) время первых памятников письменности на этническом языке практически совпадает с появлением первых памятников литературного этнического языка. У восточных славян эти события были связаны с первыми переводами Писания на народные языки в эксплицитном противопоставлении церковнославянскому языку (см. ниже раздел 3); у южных славян — по-разному: литературные этнические сербский и болгарский формировались в отталивании от своих гибридных славянизированных литературных языков XVIII в.; литературный хорватский — в сознательном противопоставлении «илирийскому языку»⁵; словацкий — в противопоставлении чешскому (у словацких католиков с середины XVIII в.), македонский — в противопоставлении болгарскому (македонские переводы «Любушиного суда» из «Кралевдворской рукописи» в середине XIX в.).

3. Время первых памятников на литературном этническом языке

Феномен «литературности» (нормированности) создается наличием у говорящих «языкового идеала» (А. М. Пешковский), т. е. представлений о «должном» в речи, об образцовом употреблении языка и забот о том, чтобы писать или говорить не «как попало» (лишь бы адресат/собеседник понял), но соблюдая какие-то правила, иначе говоря, соотнося свою речь с имеющимся в сознании «языковым идеалом». Что касается забот о выразительности и эстетической действенности создаваемого текста, то они свидетельствуют о наличии не «языкового идеала», но представлений о художественно-выразительном узусе своего времени (т. е. относятся к семиотике более высокого порядка, нежели язык, — к семиотике словесного искусства).

В восточнославянском ареале, где в Средние века литературным языком (далее ЛЯ) был надэтнический церковнославянский язык, формирование этнических ЛЯов проходило в результате расширения функций письменности (в том числе летописания и литературного творчества) на народных языках. За-

вершающий момент в этом процессе связан с переводом Писания на народный язык. Так, история украинского ЛЯа начинается от Евангелия, написанного не на церковнославянском (как прежде), а на украинском («Пересопницкое евангелие», перевод 1551–1561 гг.); у истоков белорусского ЛЯа находится печатное Евангелие от Матфея в переводе Василя Тяпинского (диглотта на церковнославянском и *простой мове*, 1570-ые гг.); начало собственно русского ЛЯа следует датировать 1683 г. — временем, когда в Москве переводчик Посольского приказа Авраамий Фирсов перевел Псалтырь с польского на русский (а не на церковнославянский). В результате народные языки были включены в сферу культурно-религиозной и вообще нормативной коммуникации, при этом их социокультурный статус повышался.

В силу большей генеалогической близости церковнославянского языка и народных южнославянских языков (в сравнении с близостью церковнославянского и восточнославянских языков), у южных славян (у православных и у хорватов-католиков), надэтнический церковнославянский оставался «своим» ЛЯом, дольше, чем у восточных славян. С другой стороны, у южных славян процессы этноязыковой дифференциации народов развивались раньше и были более интенсивными, чем у восточных славян. Поэтому у южных славян вначале развилось противопоставление письменных традиций по этническим признакам (см. раздел 2), в то время как у восточных славян раньше сформировалась оппозиция народных ЛЯов церковнославянскому, чем противопоставление языков по этническому признаку (т. е. различение русского, белорусского и украинского). При этом раздельность белорусского и украинского языков была осознана позже, чем их отдельность от русского языка⁶. В XVI–XVII вв. письменно-литературный язык украинцев и белорусов⁷ [в «Статуте» Великого княжества Литовского (рукопись 1522, типографские виленские издания 1566 и 1588 гг.) он фигурирует как *русский язык*⁸] в разных ареалах Княжества, конечно, диалектно различался, однако в сознании носителей *простой мовы* это был один язык.

В целом учет метаязыковой рефлексии создателей текста имеет решающее значение для этноязыковой атрибуции текста в условиях близкородственного двуязычия (восточнославянская, чешско-словацкая, болгаро-македонская ситуация), тем более при диглоссии, когда церковнославянский язык осознается как «свой», «высокий» язык, стиль. В отличие от историков «структуры» языка (фонетики-фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики), которых всегда занимало время появления в памятниках индивидуальных черт языка (напр., различающих

украинский и русский языки, или характерных только для белорусского), историк ЛЯа не может отсчитывать начало этнического ЛЯа от того памятника, в котором впервые представлены индивидуальные особенности языка. История письменного, а также литературного этнического языка начинается там, где автор или переводчик эксплицитно противопоставляет свой язык (на котором он пишет) языку, который он вполне понимает, но отличает от «своего». Ср. противопоставление и *русских слов* (т. е. и народных, 'не-церковнославянских букв') и *словенского* (т. е. 'церковнославянского') языка у Фр. Скорины (подробно см.: Мечковская 1989, 245–256).

4. Время первых памятников на современном литературном языке

«Возраст» (продолжительность) современного ЛЯа необходимо отличать, во-первых, от времени, в которое протекала вся история этнического ЛЯа; во-вторых, от предшествующего этапа в истории данного ЛЯа; в-третьих, от времени предэтнической письменно-литературной традиции (напр., от общего украинско-белорусского письменного языка времен Великого княжества Литовского или от еще более ранней общей русско-украинско-белорусской письменно-литературной традиции времен Киевской Руси), а также, разумеется, от письменности на надэтническом (церковнославянском) языке. Точка отсчета начала современного этапа в истории ЛЯа зависит от продолжительности того последнего этапа в его истории, который в настоящее время осознается носителями языка как современный. Эти даты определяются хронологическими границами читаемой в современном национальном коллективе отечественной литературы. Указанные границы в основном совпадают с творчеством классиков национальной литературы, в художественной практике которых формировался ЛЯ. Хронология первых памятников, определивших начало современных славянских ЛЯов, такова:

- для русского языка: «Бедная Лиза» Карамзина (1792), «История государства Российского» Карамзина (1816–1829), басни Крылова 1806–1834 гг., сочинения Пушкина 1814–1836 гг., «Горе от ума» Грибоедова (1822–1824; опубликовано в 1825);
- для польского: поэзия А. Мицкевича (20-ые гг. XIX в.);
- для украинского: «Енеїда» (1798), «Наталка Полтавка» (1819), «Москаль-чарівник» (1819) И. Котляревского; «Кобзарь» Т. Шевченко (1840);
- для чешского: произведения 30–40-х гг. XIX в. — философско-романтическая поэзия (К. Г. Маха), перевод Й. Юнгманом поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», публицистика и сатира К. Гавличка;

- для белорусского: анонимные поэмы «Энеида навыварат» (между 1816 и 1828 г.; первая публикация: Петербург, 1845) и «Тарас на Парнасе» (50-е гг. XIX в.; первая публикация: 1889); комическая опера «Sialanka» В. Дунина-Марцинкевича (1846); поэтические сборники Ф. Багушевича (1890-ые гг.);
- для словенского: романтическая поэзия Ф. Прешерна (30-ые гг. XIX в.), которая, впрочем, опиралась на поэтические достижения В. Водника, его газету «Lublanske Novize» (1797–1799), а также его учебные словари, грамматику и хрестоматию (времен Иллирийских провинций);
- для верхне- и нижнелужицкого языков: два тома «Песен верхних и нижних лужичан», изданных в 1841–1843 гг. Я. И. Смолером; еженедельник «Jutnička» ('Денница'), который в 1842–1847 гг. издавал Я. П. Йордан в 40-50-ые гг. — поэзия и еженедельная газета Г. Зейлера (H. Zeiler);
- для словацкого: стихи Я. Францисци 1844 г., 2-й том альманаха «Nitra» 1845 г. (его 1-й том был напечатан еще по-чешски; см.: Смирнов 1978, 132–134); 1-ая газета с литературным приложением (1845);
- для сербского: изданные В. Караджичем «Сербские народные сказки» (1821), «Сербские народные песни» (кн. 1–4; 1823–1833); «Сербские народные пословицы» (1836; 2-е издание 1849); перевод Караджичем Нового Завета (1847, 2-ая редакция 1857); драматическая поэма П. Негоша «Горски вијенац» (1847), поэзия Б. Радичевича (40-ые – 50-ые гг. XIX в.), Й. Змая-Йовановича (60-ые гг. XIX в.);
- для хорватского: 1840–1860-е гг. — пьесы и поэмы Д. Деметера, поэзия П. Прерадовича, И. Мажуранича; 1858–1861 гг.: 12-томная Загребская Библия (в переводе и с толкованиями И. М. Шкарича. см.: Vince 1990, 392–395);
- для болгарского: перевод Нового Завета Н. Рильским (1840); первая газета (1845) и первый журнал («Любословие», 1846); литературное творчество П. Славейкова, Л. Каравелова, Х. Ботева;
- для македонского: переводы середины XIX в. «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский язык К. Дмитриева-Петковича и Р. К. Жинзифова (см. публикации переводов в работе: Толстой, [1965] 1998а, 395–419); во 2-й половине XIX в. — учебники для средних школ.

5. Наличие и продолжительность перерыва в развитии письменно-литературной традиции на литературном этническом языке

В типологии славянских ЛЯов «степень традиционности» — это, по-видимому, самый дискуссионный из параметров; ни о каком другом различительном признаке ЛЯа не высказывалось столько противоположных суждений. Так, Н. С. Трубецкой писал о словенском ЛЯе как о языке, который сформировался «без

всякого примыкания к какой-либо старой традиции» (Трубецкой [1927] 1990, 137); современный австрийский исследователь считает, что для словенского языка после 1550 г. характерно «континуентное развитие» (Newekłowski 2002, 18), в то время как А. Д. Дуличенко, опираясь на исследование н. Михайлова о памятниках словенского письма XIV – середины XVI вв., склонен видеть в них «допечатный период» словенского ЛЯа (Дуличенко 2000, 120–123), а мнения словенских авторов на сей счет расходятся (см.: Vidovič-Muha 1998, 21). Трубецкой, характеризуя отношение сербско-хорватского ЛЯа к предшествующей традиции, писал что, этот ЛЯ «возник ex abrupto на основе простонародного говора» (Трубецкой [1927] 1990, 136), однако в реальности реформам Караджича предшествовало по меньшей мере столетие литературно-стилистических поисков и дискуссий, и Караджич, при всем радикализме, объективно зависел от опыта XVIII в. (см.: Толстой [1978–1979] 1998б, 239–344; Ивић 1998). Для большинства авторов история русского ЛЯа — это самый яркий в Славии случай долгой и непрерывной традиции, однако А. В. Исаченко доказывал, что после языковых реформ Петра I у русских появился новый ЛЯ — не церковнославянский, но собственно русский (Issatschenko 1975). Историки ЛЯов если и не обходят молчанием эти «паузы» (или «лакуны») в «поступательном» развитии ЛЯа, то говорят о них как бы неохотно, подбирая эвфемизмы и перифразы, — *глубокая цезура* (А. В. Исаченко), *занепад* (Жураўскі 1967), *ослабление, замирание* и даже *втомленость* (Русанівський 2001, 125), попутно сокращая продолжительность этих десятилетий «усталости» или «упадка»⁹. Понятно, что имеет место и объективная сложность вопроса, поскольку «абсолютных» разрывов и «полного» молчания в истории ЛЯа нет или почти нет¹⁰. При ближайшем рассмотрении почти всегда отыщется памятник¹¹, который позволит говорить о преемственности двух периодов в истории ЛЯа. Чтобы увидеть «цезуры» и оценить их глубину, нужна достаточно обобщенная картина разных эпох в истории одной традиции и соизмеримость разных традиций и эпох, иначе говоря, нужно единство и известная абстрактность параметров, — это и будет типологический взгляд на историю ЛЯа. Так, применительно к истории польского ЛЯа не приходится говорить хотя бы о трех десятилетиях «полного молчания». Однако при более крупном масштабе исторической картины период релевантного ослабления традиции становится заметен.

В истории русского ЛЯа период ослабления традиции приходится на 1720–1740-ые гг., отмеченные несформированностью нового узуса ЛЯа. Применительно к истории польского языка также можно говорить не о разрыве, но об ослаблении

традиции от середины XVII в. до 70-х гг. XVIII в. Однако в истории большинства славянских ЛЯов имел место именно разрыв традиции: в истории словенского ЛЯа обрыв традиции длился в период с 1000 г. до начала Реформации (1550-е гг.); в образовании и культуре используются латынь и немецкий язык); в истории украинского ЛЯа — от середины XVII до конца XVIII в.; в истории белорусского ЛЯа — с середины XVII в. и примерно до 1820-х гг.; чешского — с 1627 г. до 1790-х гг.; в эти годы в образовании и культуре господствовал немецкий язык. В истории болгарского, сербского и хорватского ЛЯов перерыв традиции был вызван Османским завоеванием; в болгарском он продолжался с конца XIV до начала XVII вв., в сербском — в XV–XVII вв.¹², в хорватском — с конца XVI по начало XVIII вв.

Для верхне- и нижнелужицких языков, письменно-литературная традиция которых сложилась в середине XVI в. в ходе Реформации, характерна непрерывная традиция религиозной и словарно-грамматической литературы. Не приходится говорить о перерыве в истории самых молодых в Славии ЛЯов — словацкого и македонского.

6. Время первой кодификации современного этнического литературного языка

Время первой кодификации зависит от исторических условий формирования современного ЛЯа. Если новый ЛЯ формируется в условиях относительно непрерывной традиции (т. е. если современному ЛЯу непосредственно предшествовал определенный письменно-литературный узус), то его кодификация могла быть проведена раньше, чем появляются образцовые тексты (которые позже будут признанными классическими в национальной традиции). Так, основные черты нового русского ЛЯа («языка Пушкина») были представлены уже в грамматике М. В. Ломоносова (1755) и в Словаре Академии (1789–1794); в грамматиках пушкинской поры (Н. И. Греча, А. Х. Востокова) не понадобилось «революционных» изменений: в главных чертах это был «тот же» язык.

Сходные временные соотношения между временем кодификацией ЛЯ и временем создания на этом языке знаменитых произведений, репрезентирующих новый узус (т. е. соотношения, когда кодификация опережает классиков или совпадает с ними по времени), имеют место в истории чешского, польского, словенского, верхнелужицкого, словацкого и в меньшей мере болгарского ЛЯов. Что касается сербскохорватского языка, то хотя В. Караджич выступил и как кодификатор нового ЛЯа, и как из-

датель (а также переводчик и отчасти автор) репрезентативных текстов, но все же ставшие классическими образцы поэзии на новом ЛЯе были созданы после его кодификации.

В тех языках, где литературный узус складывался впервые (македонский) или непосредственно после перерыва в традиции (современные украинский и белорусский ЛЯи) кодификация происходит после создания репрезентативных образцов нового ЛЯа. Значительный перерыв между появлением первых образцов литературного языка и временем его кодификации свидетельствует о крайне неблагоприятных социолингвистических условиях существования ЛЯа (а именно украинского, белорусского, македонского). Так, новые украинский и белорусский литературные языки по времени появления на них привлекательных литературных произведений (первые десятилетия XIX в.) не «моложе», чем ставшие национальной классикой образцы чешского, хорватского или болгарского современных ЛЯов. Однако в силу политических причин, первые кодификации украинского ЛЯа (в Надднепровской Украине) и белорусского ЛЯа стали возможны только в годы кризиса Российской Империи и национального возрождения украинцев и белорусов, когда увидели свет «Коротка граматика української мови» П. Ф. Залозного (ч. 1–2, 1906–1913), «Коротка граматика для школи» и «Українська граматика для школи» Г. П. Шерстюка (ч. 1–2, 1907–1909) и др.; «Bielaruski łementar abo Pierszaja nawuka czytańnia» Каруся Каганца (Pieciarburh, 1906) [букварь в двух графических версиях — на латинке и гражданке]; 1918 г.; «Беларуская граматыка для школ» Бронислава Тарашкевича (Вильня, 1918, также в двух графических версиях).

7. Что в социальной характерологии современного литературного языка зависит от его «возраста» и «степень традиционности» ЛЯа?

Два связанных с временем параметра ЛЯа — его «возраст» и «степень традиционности» — влияют друг на друга и способны модифицировать ожидаемые следствия хронологических характеристик. Высокая степень традиционности конкретного ЛЯа может как бы увеличить его «возраст», а незначительная традиционность — уменьшить. С другой стороны, то конкретное историческое время, на которое приходится начало ЛЯа, точнее, лингвистическая идеология этого времени, влияет на отношение создателей ЛЯа к традиции; ср., с одной стороны, фольклорно-романтическое отталкивание от славяносербского языка XVIII в. у В. Караджича, а с другой, более бережное отношение к традиции у первых кодификаторов современного болгарского

ЛЯа (1850-е гг.), тем более верхнелужицкого и особенно — у чешских «будителей» (вплоть до реставрационных интенций).

Эвристическая ценность временных характеристик литературного языка связана с тем, что степень дифференцированности нормативно-стилистической системы языка есть функция времени, в течение которого совершалась история ЛЯа. Чем старше «возраст» современного ЛЯа, т. е. чем продолжительнее его история, чем сильнее его связи с предшествующей письменной-литературной традицией, тем, при прочих равных условиях, больше расстояние между литературным языком и субстандартными вариантами языка (диалектами и просторечием), тем глубже и определеннее семантико-стилистическая дифференциация языковых средств, тем в большей мере сформированы и взаимно обособлены функциональные стили.

В интегральной хронологической характеристике современного ЛЯа, построенной с учетом его «возраста» и «степени традиционности», существенно принять во внимание хронологические рамки перерыва или ослабления традиции по отношению к современному (новому) ЛЯу. Чем более отдален этот неблагоприятный период от современного ЛЯа (как в истории словенского языка), тем выше традиционность современного ЛЯа; чем ближе этот период к современному ЛЯу (как в истории нового украинского и особенно белорусского ЛЯов, формирование которых происходит непосредственно после длительного перерыва традиции), тем слабее традиция. Указанное обстоятельство сказывается на характере ЛЯа сильнее, чем сама по себе продолжительность периода упадка.

Важна, однако, не только хронология «паузы». Важна сила традиции, ее притягательность для новых поколений. В конце концов именно притягательность добелогорской чешской культуры обусловила реставрацию ее языка и привела к тому, что, несмотря на паузу длиной более полутора столетий, чешский язык оказался самым «традиционным» из ЛЯов Славии. В силу особых отношений болгар к церковнославянскому языку (за которыми кодификаторы новоболгарского языка всегда признавали «арбитражные функции», см.: Венедиктов 1978, 266 и далее), болгарский ЛЯ в большей мере, чем сербский, сохраняет преемственность с церковнославянским языком.

С учетом степени традиционности ЛЯов Славии можно предложить их следующую группировку: группа А (максимальная традиционность): А1) чешский (по «возрасту» это «молодой») язык, но в силу искусственной архаизации по своей материально-языковой фактуре он как бы старше времени своего создания); А2) русский; А3) польский; А4) словенский; А5) верхнелужицкий; группа Б: Б1) болгарский; Б2) вуковский сербско-

хорватский по отношению к сербскому языку XVIII – начала XIX вв.; Б3) хорватско–сербский по отношению к предшествовавшей иллирийско-хорватской традиции; группа В (минимальная традиционность): В1) украинский; В2) белорусский; В3) словацкий; В4) македонский.

¹ По проблематике и методологии данная статья следует тем идеям и принципам типологического изучения славянских литературных языков и языковых ситуаций, которые были выдвинуты и разрабатывались Н. И. Толстым и Д. Брозовичем (см. Толстой [1968] 1988, 27–33; Толстой [1978–1979] 1998б, 239–344; Брозович 1967, 3–33; Brozović 1970). В общелингвистическом плане принципы социальной типологии языков изложены автором в книге: Мечковская 2001. Состав признаков, релевантных для социальной типологии славянских языков и ситуаций, обсуждается в раб.: Мечковская 2003, 106–129; ареально-генеалогический и хронологический аспекты проблемы рассмотрены в раб.: Мечковская 200... [в печати]. В данной статье уточнены принципы характеристики языков по двум хронологическим параметрам («возраст» современного литературного языка и степень его традиционности), что существенно как для типологии, так и для периодизации истории литературных языков.

² Ср. понятие «витальности», в котором суммируются и обобщаются все социолингвистические параметры конкретного языка, а также различия в степени «витальности» в итоговых характеристиках языков, представленных в энциклопедии: Письменные языки 2000.

³ Значительная интерференция обоих начал (церковнославянского и восточнославянского) приводила к смешению (гибридизации) языков; по оценке Б. А. Успенского, «основная масса оригинальных текстов, созданных на Руси, написана именно на гибридном языке. Такого рода тексты обнаруживают стремление пишущих писать по-церковнославянски, однако это никоим образом не стандартный церковнославянский язык» (Успенский 1995, 82).

⁴ При минимальной в Славии глубине диалектно-языковой дифференциации восточнославянского ареала (в сравнении с западно- и особенно южнославянским), в условиях княжеских союзов и культурно-религиозной близости восточных славян, их письменность вполне могла быть общей. Однако постулат о том, что в XI–XIV вв. у восточных славян была общая письменность (не только на общем для всего ареала *Slavia Orthodoxa* церковнославянском, но и на народном (древнерусском) языке), не означает, что в указанное время восточные славяне говорили на одном языке. Его существование нельзя считать доказанным, несмотря на взаимную близость восточнославянских диалектов.

⁵ «Иллирийский язык» сознательно создавался в качестве общего ЛЯа для хорватов, сербов и словенцев (в инициированном хорватами движении иллиризма 1835–1848 гг. во главе с Людевитом Гаем); фактически «иллирийский язык» совпадал с формирующимся узусом хорватского ЛЯа.

- ⁶ Указанное обстоятельство коррелирует также с тем, что белорусский и украинский языки между собой ближе, чем каждый из них к русскому языку.
- ⁷ В противопоставлении церковнославянскому *русский язык* называли также *проста мова* (см. в качестве его образцов предисловие Мелетия Смотрицкого к его церковнославянской грамматике 1619 г., печатные проповеди Мелетия Смотрицкого и Иоанникия Галятковского, «Ключ разумения» Иоанникия Галятковского, в 1659–1663 гг. трижды изданный как руководство по гомилетике, и др.).
- ⁸ «А писарь земський маеть поруску литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати, а не иньшимъ языкомъ и словь» (Цит. по факсимильному воспроизведению памятника в издании: Статут 1989, 140).
- ⁹ Ср. у историков польского ЛЯа: «Przejawy społecznego, politycznego, oświatowego zastoju i wsteczności w życiu polskim XVII w., a zwłaszcza pierwszej połowy XVIII w., nie pobudzały wzrostu potencjału językowego» (Klemensiewicz 1965, 250–251); «Doba średniopolska w dziejach jęz. pol. nie przedstawia się jako linia ciągłego rozwoju. Od połowy XVII w. obserwujemy pewne niekorzystne zmiany» (Reczek 1994, 116).
- ¹⁰ Исклечение, по-видимому, составляет XVIII в. в истории белорусского ЛЯа, когда он выпесняется даже из частного письменного обихода: дневники, воспоминания, «записки для себя» пишут по-польски или по-русски (в последнем случае их авторы — это русские чиновники, переведенные на службу в новые губернии Империи); см. подробно: Мальдзіс 1982, 30–33.
- ¹¹ Или хотя бы словенские числительные, или словенские названия месяцев. «вклинённые» в один немецкий текст XV в. (см.: Дуличенко 2000, 122).
- ¹² Г. Невекловский считает церковнославянскую традицию у сербов непрерывной до XVIII в. (Невекловский 2001, 39–50).

ЛИТЕРАТУРА

- Брозович 1967 — Д. Брозович. *Славянские стандартные языки и сравнительный метод*. Вопросы языкознания, Москва, 1967, № 1, 3–33.
- Венедиктов 1978 — Г. К. Венедиктов. *Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху возрождения*. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков, Москва, 1978, 207–268.
- Дуличенко 2000 — А. Д. Дуличенко. *Рец. на изд.: Mikhailov N. Frühslowenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550)*. Amsterdam – Atlanta, 1998, 449 S. (+ 16 страниц факсимиле). (Studies in Slavic and general linguistics. Vol. 26). Славяноведение, Москва, 2000, № 1, 120–123.
- Ивић 1998 — П. Ивић. *Целокупна дела. VIII. Преглед историје српског језика*. Сремски Карловици – Нови Сад, 1998.
- Жураўскі 1967 — А. І. Жураўскі. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т.1*. Мінск, 1967.
- Мальдзіс 1982 — А. І. Мальдзіс. *Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя*. Мінск, 1982.

- Мечковская 1989 — Н. Б. Мечковская. *Русскими словами а словенским языком. (О языковом сознании Франциска Скорины)*. Russian linguistics, vol. 13, Dordrecht etc., 1989, № 3, 245–256.
- Мечковская 2001 — Н. Б. Мечковская. *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*. Москва, 2001.
- Мечковская 2003 — Н. Б. Мечковская. *Типы языковых ситуаций и нормативно-стилистических систем в социальной характерологии славянских языков*. Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. (XIII Міжнародны з'езд славістаў. Любляна, 2003. Доклады беларускай дэлегацыі). Мінск, 2003, 106–129.
- Мечковская 200... — Н. Б. Мечковская. *Пространственные и хронологические параметры в социальной типологии славянских языков: глубина диалектной дифференциации языка и время формирования его этнического наддиалектного стандарта [в печати]*.
- Невекловский 2001 — Г. Невекловский. *Языковое состояние на территории распространения бывшего сербско-хорватского языка*. Славяноведение. Москва, 2001, № 1, 39–50.
- Письменные языки 2000 — *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1*. Москва, 2000.
- Русанівський 2001 — В. М. Русанівський. *Історія української літературної мови*. Київ, 2001.
- Смирнов 1978 — Л. Н. Смирнов. *Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848)*. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. Москва, 1978, 86–157.
- Статут 1989 — *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*. Мінск, 1989.
- Толстой [1968] 1988 — Н. И. Толстой. *К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного от характера его «стандартности» [1968]*. Н. И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков*. Москва, 1988, 27–33.
- Толстой [1965] 1998а — Н. И. Толстой. *Страничка из истории македонского литературного языка (переводы «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский язык в XIX в.) [1965]*. Н. И. Толстой. *Избранные труды*. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва, 1998, 395–419.
- Толстой [1978–1979] 1998б — Н. И. Толстой. *Литературный язык у сербов в XVIII – начале XIX в. [1978–1979]*. Н. И. Толстой. *Избранные труды*. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва, 1998, 239–344.
- Толстой [1987] 1998в — Н. И. Толстой. *«Регионализм и литературно-языковая ситуация в хорватских землях в XVI–XVIII вв.» [1987]*. Н. И. Толстой. *Избранные труды*. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва, 1998, 360–394.
- Трубецкой 1990 — Н. С. Трубецкой. *Общеславянский элемент в русской культуре [1927]*. Вопросы языкознания, Москва, 1990, № 2, 123–139; № 3, 114–134.
- Успенский 1995 — Б. А. Успенский. *История русского литературного языка как межславянская дисциплина*. Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 1, 80–92.

- Brozović 1970 — D. Brozović. *Standardni jezik. Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilja*. Zagreb, 1970.
- Issatschenko 1975 — A. Issatschenko. *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache*. Wien, 1975.
- Klemensiewicz 1965 — Z. Klemensiewicz. *Historia języka polskiego. Cz. II. Doba średniopolska (od początków XVI wieku do ósmego dziesięciolecia XVIII wieku)*. Warszawa, 1965.
- Mikhailov 1998 — N. Mikhailov. *Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550)*. (Studies in Slavic and general linguistics. Vol. 26). Amsterdam – Atlanta, 1998, 449 S. (+ 16 страниц факсимиле).
- Neweklowsky 2002 — G. Neweklowsky. *Die südslawischen Sprachen heute. Aktuelle Fragen der Sprache der Bosniaken, Kroaten, Serben und Montenegriner*. Wien, 2002, 18–19.
- Reczek 1994 — J. Reczek. *Historia języka*. Encyklopedia języka polskiego. Wyd. 2. Wrocław etc., 1994, 115–117.
- Vidovič-Muha 1998 — A. Vidovič-Muha. *Razvojne prvine normativnosti slovenskega knjižnega jezika*. Slovenski jezik (Najnowsze dzieje języków słowiańskich). Opole, 1998, 19–47.
- Vince 1990 — Z. Vince. *Putovima hrvatskoga književnog jezika. Lingvističko-kulturnopovijesni prikaz filoloških škola i njihovih izbora. Drugo, dopunjeno izdanje*. Zagreb, 1990.

Олег Викторович Никитин
Москва

**ДНЕВНИК РУССКОГО МОРЯКА НИКОЛАЯ
ПРОТОПОПОВА 1770-Х ГГ. КАК ПАМЯТНИК
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII В.
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)**

Русский литературный язык XVIII в. – индивидуально-локальные разновидности – дневник моряка Николая Протопопова – особенности графики и языка – публикация фрагмента памятника

Традиция русского литературного языка в XVIII в. иногда связывается только с процессами, зафиксированными общеизвестными литературными памятниками, научными сочинениями и другими трудами образованных людей, действительно оказавших сильное влияние на «лингвистические вкусы» того времени. Но все же языковое поле той противоречивой эпохи, смеем заметить, намного шире официальных рамок и в разных частях России, а особенно в местах сильных местных письменных традиций — в таких, напр., как монастыри, где это влияние было ограничено приказными рамками системы, формировавшейся до того не одно столетие. Она не могла исчезнуть в никуда в одночасье даже под натиском европейского влияния, бурного развития промышленности и смены общественно-политических приоритетов.

В этой связи представляется небезынтересным для воссоздания реальной картины языкового развития обратиться к тем «пропущенным» эпизодам, которые доставляют исследователям немало полезной и объективной информации о ходе формирования и литературно-лингвистического развития отдельных персональных глотто-пластов, как бы преломляющих собой богатство и своеобразие языка XVIII в., но и выражающих индивидуальные особенности. Безусловно, каждый автор мог интерпретировать языковой вкус по-своему, так сказать, стилизуя «реальный» язык, обращая его в сферу «композиции» данного момента и преобразуя согласно существовавшим канонам. И в этом смысле мы не можем с абсолютной достоверностью полагаться на такие источники. Они как губка впитывали происходившие трансформации, поддаваясь все более официаль-

И в этом смысле мы не можем с абсолютной достоверностью полагаться на такие источники. Они как губка впитывали происходившие трансформации, поддаваясь все более официальным тенденциям, своеобразному «языковому строительству». Иначе говоря, налицо процесс «национализации русского литературного языка». В. В. Виноградов говорил об этом:

«Процесс образования новых литературных стилей посредством смешения элементов церковнославянской речи с формами светского делового языка, живой разговорной русской речи с западноевропейскими заимствованиями ускоряется и регулируется правительственными инстанциями» (В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Москва, 1982, с. 82).

Большое количество литературных и научных источников было подвергнуто такому влиянию. Но есть памятники и другого свойства, которые, как показывает наш опыт архивной работы, довольно многочисленны для того времени. И написаны они не апологетами «литературного языка», не его создателями, а часто малообразованными и потому не испорченными новой лингвистической традицией и вообще веяниями в литературно-языковой сфере лицами — носителями *естественного*, почти живого говора (в широком смысле). Это дает нам полное право говорить о специфике развития языковых отношений в XVIII в. — не только об их «модернизации» и огосударствлении, но и о тех неединичных примерах художественного творчества в сфере языка, которые свидетельствуют о неоднозначности его развития в тот период и говорят о существовании особой традиции литературного языка, изучать которую именно сейчас следует, опираясь на новые архивные данные.

Один из таких памятников — дневник русского моряка, отправившегося в поход на русско-турецкую войну и составившего после благополучного возвращения автобиографическую «Записку». В ней он описал увиденные им страны, народы и их обычаи и вообще все замечательное, новое и представляющее интерес для него и для читателя (на которого он ориентируется и для которого создавал свое сочинение). Надо сказать, что «Записка» была оформлена им, по-видимому, уже после возвращения домой, т. е. позднее 1775 г. Причем записи располагаются не по дням, а по событиям. Для подлинности автор приложил на первых страницах «Списокъ именной земель и госу́дарствъ мною видѣнныхъ, и ихъ столичнымъ городамъ», а также «Списокъ морямъ, по которымъ я странствовал, такъ же около которыхъ земел они течение свое имеютъ». В этом сочинении использован и опыт книжного творчества XVIII в. с его традиционными атрибутами: стихотворным предисловием, обращением к «благосклонному читателю» и др. Повествование ведется от

С палеографической точки зрения этот памятник сохранил некоторые черты «скорописного» прошлого: ряд выносных литер (мы даем их курсивом), отдельные надстрочные знаки, буква «ук», обозначающая звук «у», но в целом представляет собой уже приближенный к современной графике текст. В некоторых случаях, может быть, для того, чтобы подчеркнуть значение своего труда, его «особость» и отличие от других, Протопопов намеренно архаизирует изобразительную сторону стиля употреблением «омеги» (более всего — в начальных строках своего сочинения). Не всегда последовательно в тексте употребляются традиционные знаки, напр., «ять», причем в одном и том же контексте, ср.:

«<...> но как корабль в' наших местах почытаецца за удивительную вещь то я намерен описать его здесь. <...> но весьма мнѣ трудно будетъ, ежели я похочу всѣ штѣки и веѣ корабельные дѣла описывать здѣсь <...>».

Такие примеры не единичны и свидетельствуют о том, что автор письма, хотя и учился грамоте (он цитирует даже латинскую поговорку) и обладает литературным талантом бытописателя, все же довольно свободно обходится с принятыми канонами языка. Но в этом и проявляется его человеческая индивидуальность, что особенно ценно с лингвистической точки зрения.

Фонетически письмо Протопопова приближено к реальной манере автора произносить отдельные слова и фиксировать их в этой нелитературной, а скорее бытовой и диалектной форме. Вот некоторые примечательные случаи звукописи:

«За излишнее я почытаю напишатъ здесь, какіе я претерпел в' салдацком чыне тягости <...>; <...> но как корабль в' наших местах почытаецца за удивительную вещь <...>; <...> начыналась полуденная или весьма горячая часть земнаго крѣта <...>; <...> третьей же славной горой Жыбралтарь с' пристанью <...>».

Дальнейшее изучение текста «Записки» с лексической и стилистической точек зрения даст интересные факты и сопоставления, а главное — определит и выделит те черты литературного языка второй половины XVIII в., которые естественным образом закрепились в повседневной речи. Немаловажным представляется здесь изучение влияния микростилей и художественно-изобразительных средств разных систем, скажем, выяснение соотношения приказной традиции и в целом поэтики данного произведения с литературой того времени. Здесь отчасти решается и вопрос о заимствованиях — не только словесных, но и жанровых и многое другое.

В приложениях мы публикуем фрагмент начальных страниц этой «Записки» (лл. 16–11). Ее подлинник хранится в Российском Государственном архиве литературы и искусства = РГАЛИ

В приложении мы публикуем фрагмент начальных страниц этой «Записки» (лл. 16–11). Ее подлинник хранится в Российском Государственном архиве литературы и искусства = РГАЛИ (ф. 1345, оп. 2, ед. хр. № 143) и датируется не ранее 1775 г. Он представляет собой рукопись, состоящую из 68 листов, которая переплетена в книгу. В нем говорится о причинах, побудивших Протопопова составить эту «Записку», рассказывается о начальных месяцах странствования: пеший поход до Ревеля, описание этого города, морское плавание в Балтийском море, стоянка у Копенгагена, Испания, Средиземное море.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАПИСКА
военной службы
и бывшего морского
похода во время турецкой
войны. 1770 году

НИКОЛАЯ ПРΩ
ΤΩΠΩΠΩΒΑ

блажень тот, кто тишиной доволенъ на свѣти,
Его сердце мирскіе не пленяють сѣти.
онъ не меняетъ целость сладкого покоя
За блескъ чести и славы храбраго героя.
Онъ щытаеть себе в честь лежатъ на подушки,
нежель слышитъ одинъ громъ противъ пѣшки.

ПРЕДИСЛОВІЕ
благосклонной читатель!

Ізрядно нѣкоторой латинской писатель сказалъ: grata est memoria prateritorum laborum: то есть: приятно каждому вспоминать свіи прошедшыя тѣда. Но какъ мои тѣда понесенные во время тѣрецкой воины в' пятилетнемъ странствованіи на моряхъ были безчисленны, и опасности, слѣдственно, вспомнит оные неможно иначе, какъ толко всякомѣ приключенію и прежде неслыханнымъ мною далнимъ европейскимъ госѣдарствамъ, и оныхъ обычаямъ имѣть вѣрную запискѣ; в' которой лехко можно усмотреть; сколь многотруденъ и бедствененъ морской пѣть, и сколь та народная пословица справедлива: кто на море нехажываль, до слезъ богу не маливался: что же касаетца до справедливости писаного в сей книжке, то в' томъ будте уверены, бла-

старался изобразить, как оно в самом
дѣлѣ происходило; ибо я не исто=
рію странствованія моего, но
только запискѣ вель; в прот=
чемъ, желаю вам бедных
мореплавателей жизнь
знать, а в' онѣю безпри=
нѣжденно не вда=
ватца:

вашъ всеусердной слѣга
Николай ПРОТОПОПОВЪ

<...>

Г О Д Ъ 1770:

1:

Я с'начала былъ записанъ в' службу родительницею моею в'
гвардію в преображенской полкъ в 1764 годѣ, гдѣ продолжалъ
слѣжбу мою салдатомъ в' крайней бедности и нѣжде очень ма=
лое имея снабдѣніе о родительницы моей.

2 //

За излишнее я почытаю написат' здесь, какіе я претерпел в' сал=
дацком чыне тягости, какъ то наприкладъ стояніе на часах и кара=
улах в' жестокіе морозы чрезъвычайнѣю чистотѣ, и строгость
в' садлацкой наѣке будѣчи посылан' часто в госѣдаревъ' дво=
рецъ; не хочѣ поминать і того здесь; какіе великолепности и
знатные слѣчай в' госѣдаревомъ доме видаль; ибѣ все сіе при=
ключалось со мною в' природномъ моемъ Росискомъ отечестве
в' Санктпетербурхе; а намерень описоват' тѣ слѣжбу мою,
которѣю я имел в' чѣжых землях будучи салдатом.

3 //

Когда Росискимъ флотомъ, которымъ командовал нашего полкъ
гднѣ подполковникъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ завое=
ванъ былъ знатной греческой полѣостров Морея, и почти весь
Архипелагъ, и греки уже набраны были на ономъ слѣжить Росіи,
то посланы были на караблях о ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ІМПЕРА=
ТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕѢЕВНЫ леиб=гвардіи¹ преобра=
женского полку три роты, почему и здѣлался оныхъ ротъ вы=
боръ изъ охотниковъ.

4 //

Я разсѣждалъ тогда о своемъ бедном состояніи что ежели я с'
божіею помощію не заслѣжѣ себѣ хлебъ чрезъ собственной
мечъ свой; то конечно в' жизни моей голодень буду, а на роди=
тельской достаток я мало надежду полагаю; и такъ по выборѣ в
поход я неотговаривался о негѣ.

мечь свой; то конечно в' жызне моей голодень буду, а на родительской достаток я мало надежду полагаю; и такъ по выборѣ в поход я неотговаривался ђ негѡ.

5 //

1770 году маяя 4 дня выступили мы в походъ изъ Санктпетербурха, и ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВѡ изволила сама провожать команду нашѣ в' веселомъ виде, а в деревне Лигове² пожаловала нам богатой столъ.

6 //

По выступленіи изъ Петербурха шли мы пешкомъ 341 верстѣ в' немаломъ трѣде и поте даже до естляндского города Ревеля, которой ђ шведовѣ завоеванъ под Росію ІМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ, а пришедши ко ономѣ по чѣхонской дороге 23 маяя расположились по квартирамъ.

7 //

Надлежить знать. Что при семъ городе находитца Рогорвикъ и ссылка, кѣда изъ всей Росіи воры и разбоиники посылаютца на вечнѣю и неусыпнѣю работѣ за ихъ важные престѣпленія, такъ же при семъ городе находится Балтиское море, на которомъ стояли уже корабли для забранія насѣ.

8 //

Итакъ съли мы на корабли оставя і неутешнымъ плачемъ и жалостію любезное наше отечество Росію июня 23 дня; случилось же такъ что я не на Росискомъ но на аглицкомъ транспортномъ корабле называемомъ Британіи былъ посажонъ, а ѡправился весь флотъ нашъ в' пѣть свой июня 29 дня, но какъ корабль в' нашихъ местахъ почитаетца за удивителнѣю вещь то я намеренъ описать его здесь. <...> но весма мнѣ трѣдно будетъ, ежели я похочѣ всѣ штѣки и всѣ корабельные дѣла описывать здѣсь, ибо оне и малейшыя удивленія достойны, и в' описаніи б продолжителны были: а в заключеніи ѡпомянѣ толко сіе: на корабляхъ бывають противъ всякой пѣшки окошки прорѣблены на дворъ, которые во время погоды затворяютца накрепко, и бываетъ тамъ темно, душно, и смрадно, гдѣ рядовые жилище свое имеютъ, и в семъ то темномъ и тѣсномъ месте я бѣдѣчи салдатомъ жызнъ мою с' горестію провождалъ питаюся сѣхарями и тѣхлою водою в болезняхъ своихъ.

10:

Первое море, на которомъ мы пѣтешествіе свое имѣли, называлось Балтиское, а попросту оное называютъ синее или сѣверное море, которое наполнено скалами и камѣнями, и очень для мореходцовъ опасно,

11 //

12:

Въ вышеписанном городе я неоднократно бывал, онъ великолепно построень, и украшенъ статуями, фонтанами и регулярными садами, а особливо королевской дворець весьма знатно выстроень, въ которомъ и я былъ, люди же в немъ живуть столько ласкательны и приятны; что мы ни в какомъ государстве приятней ихъ не видали; и по болшой части говорить понемецки. <...>

22 //

Сентября 24 дня у насъ на море очень было тихо, такъ что мы удкою поймали съ корабля рыбу, которая длиною была 6 локтей, а кожа на ней подобна доске твердой и мы ее сваривши ели все на корабле до насыщения.

23:

Октября 4 дня увидѣли мы гишпанского государства землю, которая была в левой руке.

24:

Примечать надлежить, что по ето государство сѣверная или нѣсколко холодная сторона свѣта кончалась, а начиналась полуденная или весьма горячая часть земнаго круга, в которой солнце силней жотъ, жары болшыя, землетрясенія частые, и люди смѣлы и черны бываютъ, о зиме какая у насъ живеть, и снѣге, совсемъ нихто ничего сказать не можетъ, какова онъ свойства и какой натуры есть.

25:

<...> третьей же славной городъ Жыбралтарь съ пристанью, которой ныне англичанами завоеванъ. <...>

31:

Октября 18 дня пришли мы къ острову Минорки, и подли онаго со флотомъ своимъ стали на якорь, на семъ острове построень городъ называемой Портмагонъ, которой былъ прежде гишпанской но завоеванъ англичанами, на сем острове построена крепость именѣмая святаго Филиппа ѿ англичанъ, итакъ въ городе живуть гишпанцы, а в крепосте англичане.

32:

Въ етомъ городе я неоднократно бывалъ, онъ построень великолепно <...>

* Здесь и далее такое написание в рукописи.

¹ В слове знак переноса в конце строки.

² Вторая буква слова написана неотчетливо. Возможно прочтение: Лягове.

Ирина Валерьевна Абисогомян
Tartu

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕШСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: БОРЬБА КОНЦЕПЦИЙ

Чешский язык – история литературного языка – лексикография эпохи Возрождения – теоретические подходы и концепции

Идея национального Возрождения в Чехии (как, впрочем, и во многих других странах) была напрямую связана с необходимостью возрождения национального языка. Для осуществления такой масштабной задачи были необходимы как разработка грамматической и лексикографической теорий, так и непосредственное создание грамматик и словарей чешского литературного языка. Цели и способы предлагаемых решений по языковому возрождению могли быть различными, что было связано с рядом немаловажных факторов, предопределяемых прежде всего индивидуальными возможностями автора той или иной грамматики, составителя словаря: уровень профессиональной подготовки (образование), степень владения чешским языком (парадокс ситуации заключался еще и в том, что деятели чешского Возрождения одновременно с решением ряда теоретических и практических вопросов по возрождению языка нередко должны были сами «вернуться» к родному языку, т. е. фактически изучить его заново), отношение к самой возможности, а также к реальному процессу возрождения чешского языка и его результатам. Другой существенный фактор в этой деятельности — учет и оценка немецкого воздействия на все сферы жизнедеятельности чехов, что также накладывало свой отпечаток. Наметилась явно пуристическая тенденция по отношению к результатам немецкой экспансии во всех сферах, в том числе и в языковой (см. об этом, напр.: Абисогомян 2002а, 21–28).

В период национального Возрождения появилось немало различных по своей направленности и по качеству словарей, в основном двуязычных (см., напр.: Thom 1788, 1799; Tomsa 1791; Dobrovský 1802–1821; Thom, [Tomsa] 1805–1807; Jungmann 1835–1839 и др.). Процесс создания этих словарей основывался с учетом предшествующей лексикографической традиции¹ и на

определенных теоретических предпосылках, направленных на формирование собственных лексикографических принципов. Кроме того, словарь, как известно, является продуктом «эпохи».

«Его создание во многом зависит от конкретных культурно-исторических условий, от состояния теоретической лингвистики, от текстовых материалов, которыми пользуются лексикографы» (Дубичинский 1992, 140).

Представим общую ситуацию и воззрения некоторых представителей чешского языкознания периода национального Возрождения, касающиеся формирования чешской лексикографической теории и практики до выхода в свет фундаментального пятитомного «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна (Jungmann 1835–1839), ставшего на долгие десятилетия практически единственным достоверным источником чешской лексики (особенно древнечешского периода) и до сих пор не утратившего своей научной актуальности.

Еще в 1779 г. в журнале «*Böhmische Literatur auf das Jahr 1779*» Й. Добровский высказал мысль о том, что явно назрела потребность в создании нового словаря чешского языка, предложил свой подход к решению данной проблемы, оговорив основные характеристики такого словаря (см. об этом, напр.: Flajšhans 1895, 97 и далее). В то же время он сомневался в возможности появления необходимого словаря в ближайшее время. Однако уже в 1788 г.² К. И. Там издал первый «Немецко-чешский словарь» (Tham 1788), который был подвергнут, в том числе и со стороны Добровского, весьма жесткой критике, что не помешало Таму в дальнейшем осуществить как переиздание этого словаря, так и издание новых. Под иным углом зрения рассматривался в различных публикациях и рецензиях «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Томсы (Tomsa 1791). Прежде всего следует отметить, что именно с изучения этого источника начинали свою работу по сбору материала для словарей А. Пухмайер, Г. Палкович; на поля своего экземпляра этого словаря, а также на дополнительно вставленные в него листы вносил свои замечания и дополнения Юнгманн (Šmilauer 1974, 43, см. также: Абисогомян 2002б, 112). С этого фактически и началась работа над созданием знаменитого «Чешско-немецкого словаря» Юнгманна (Jungmann 1835–1839). Добровский тоже издал первую часть своего «Немецко-чешского словаря» еще в 1802 г. Публикация второй части словаря была поручена его ученику, А. Пухмайеру, и появилась значительно позже — лишь в 1821 г. (Dobrovský 1802–1821), а планируемая Добровским работа по составлению «Чешско-немецкого словаря» так и не была осуществлена. Итак, даже простое перечисление некоторых лексикографических изданий эпохи национального Воз-

рождения показывает высокую лексикографическую «активность», которая основывалась прежде всего на реально возникшей потребности в словарях чешского языка, т. е. обуславливалась жестким прагматизмом. Разница в сроках издания словарей, а также наличие переизданий позволяет предположить зависимость работы над словарем от тех или иных факторов, в том числе и факторов субъективного характера.

Действительно, почему, несмотря на критические отзывы, Там издал около 12 различных словарей, а сам Добровский фактически не закончил работу над созданием одной части «Немецко-чешского словаря»? Другой лексикограф того времени, Томса, напротив, получил доброжелательный отклик Добровского (кроме того, именно Добровский являлся автором предисловия к словарю Томсы 1791 г.), а в дальнейшем сотрудничал с Тамом в работе над новым изданием чешско-немецкого словаря (Tham, [Tomsa]³ 1805–1807). И, наконец, в данной связи необходимо упомянуть фундаментальный пятитомный словарь Юнгманна, который не только получил надолго закрепившийся за ним статус главного чешского лексикографического труда, но и вышел в невероятно короткие сроки — всего за пять лет. Это своеобразный рекорд даже в сопоставлении с нашим временем. На наш взгляд, разобраться в данной ситуации можно, сопоставив причины обращения к словарной работе каждого из авторов, цели, которые они в этой связи перед собой ставили, методы сбора и обработки материала и т. д. Кроме того, необходимо учитывать субъективный фактор — индивидуальные возможности (образование, степень владения чешским языком и т. п.) и научные «пристрастия». Все перечисленные моменты в той или иной степени влияли (причем, видимо, не всегда осознанно) на целевую установку составителя словаря.

Как уже было отмечено выше, Добровский изначально весьма скептически относился к самой возможности издания нового, «качественного» словаря чешского языка, необходимость в котором, однако, он остро ощущал. Скепсис Добровского основывался в том числе и на вполне объективных обстоятельствах. Специфика ситуации заключалась в том, что одновременно и весьма интенсивно проходили два взаимосвязанных процесса: возрождение чешского языка (процесс практической ориентации) и становление науки о нем (процесс прежде всего теоретической направленности). Добровский принадлежал к поколению «теоретиков», его научные интересы были связаны главным образом с разработкой лингвистической теории. Кроме того, именно такая работа, по-видимому, приносила ему большее удовлетворение (см., напр.: Flajšhans 1896, 5). Поэтому основная заслуга Добровского в деле становления чешской лексико-

графин заключается в первую очередь в разработке ее теории, а также в разработке тесно связанных с ней грамматической, в том числе и словообразовательной теории. Добровский неоднократно обращал внимание на лексикографический аспект развития науки о чешском языке (см. об этом, напр.: Flajšhans 1896, 3–21), при этом считал, что необходимо стремиться к созданию словаря чешского языка, а не нового немецко-чешского или чешско-немецкого. Однако для такого словаря время еще, видимо, не пришло, подтверждением чему может являться и факт издания самим Добровским именно двуязычного «Немецко-чешского словаря» (Dobrovský 1802–1821). Причина возникновения двуязычных словарей заключается в том, что чешский язык к тому моменту являлся практически «забытым» основной частью этнических чехов. Многие деятели чешского Возрождения, в том числе и Добровский, должны были фактически заново изучать свой родной язык. Поэтому создание словарей с немецкими параллелями было вынужденной необходимостью. Сейчас мы специально не рассматриваем вопрос об отношении интересующих нас авторов к дальнейшему развитию чешского языка, прежде всего к способам формирования и пополнения лексического состава и разработке основных правил чешского словообразования, к расширению функциональных возможностей чешского языка (см. об этом, напр.: Havránek 1963, 198–199; Havránek 1979, 89, 91 и далее; Jedlička 1953, 175; Šmilauer 1974, 45; ср. также: Абисогомян 2002б, 109–117), что было также тесно связано с выработкой принципов лексикографирования.

В связи с фактом параллельного прохождения процессов языкового возрождения и возникновения лингвистической теории, в том числе и лексикографической (как ее теоретических предпосылок, так и принципов непосредственного составления словарей), остановимся на одном существенном обстоятельстве: по какой причине и с какой целью тот или иной автор обращался к работе над составлением словаря.

Известно, что Добровский уже с конца 1770-ых гг. активно занимался сбором лексического материала для будущего словаря: собирал и изучал памятники древнечешской письменности, в том числе и словари, и создал команду собственных корреспондентов, которые также собирали материал. Как отмечает В. Фляйшханс, первоначально эта работа носила спонтанный характер. Добровский еще не определился с тем, кто и каким образом начнет обработку собранного материала и его лексикографирование, поскольку основной сферой его научной деятельности была в то время грамматика. Однако Добровский активно помогал (и советами, и материалами) участникам возникшего в 1784 г. общества студентов, которые начали работу

по составлению словаря чешского языка. Особую поддержку Добровского получили Там за словарь 1788 г. и Томса за словарь 1791 г. Именно на этих лексикографов возлагал надежды Добровский в деле создания словаря, соответствующего его требованиям (Flajšhans 1896, 4–5). Однако в дальнейшем пути Добровского и Тама разошлись. И связано это было, по нашему мнению, в большей степени не с разницей в подходах к лексикографической работе, а с причинами совсем иного порядка: влиятельный книготорговец Нойройтер (Neureutter) скупил издательские права на оба словаря (и Тама, и Томсы), поручив Таму основную работу над новым изданием. У Добровского были несколько иные планы, связанные прежде всего с доскональной проверкой собранного материала, а также с его пополнением, на что требовалось время. Издатель же был в большей степени заинтересован в скорейших сроках публикации нового словаря. Так или иначе, но практически сразу после выхода первых листов второго издания «Немецко-чешского словаря» Тама (Tham 1799) весной 1798 г. появился критический отзыв Добровского, который положил начало публичной полемике между Добровский и Тамом (Dobrovský 1798a, 1798b, 1798c; Tham 1798a, 1798b, 1798c). История и анализ этой полемики представлен в статье Фляйшханса «Споры Добровского с Тамом» (Flajšhans 1896, 3–21). Не останавливаясь на ней подробно, укажем лишь на главное противопоставление лексикографических концепций Добровского и Тама. По сути, оно заключалось, на наш взгляд, в разных целевых установках. Добровский определял два основных направления деятельности лексикографа при сборе и обработке словарного материала: основательное изучение памятников письменности и совершенное знание современного языкового узуса (ср., напр.: Flajšhans 1896, 3). Там также действовал согласно уже вполне устоявшимся принципам: авторитетами для него были лексикографы старшего периода, кроме того, при составлении словарей он также использовал источники (в основном литературные) XVII и XVIII вв. (Flajšhans 1896, 7); т. е. традицию Там знал и поддерживал, но, в отличие от Добровского, который осознал, что современный ему язык находился в состоянии кризиса и не желал воспроизводить его в словаре, Там отражал в своих словарях именно тот материал, который соответствовал его знаниям чешского языка и, видимо, в определенной степени реальному языковому состоянию на тот период.

В данной связи представляет интерес сопоставление выше изложенных рассуждений с некоторыми аспектами лексикографической концепции Юнгманна. Так, напр., он, как и Добровский, ощущал нехватку чешских лексических (в том числе и

выразительных, т. е. стилистических) средств. Однако, по мнению Добровского, задача лексикографов заключалась в том, чтобы собрать и определенным образом упорядочить лексический материал. Он, по сути, отказывал составителю словаря в праве конструировать новые лексемы (Navránek 1979, 89; Jedlička 1953, 175; Широкова, Нешименко 1978, 24). Юнгманн, напротив, предлагал не ждать «естественного» появления необходимых языковых средств, а заняться их конструированием — правда, только в тех случаях, когда их невозможно найти (в виде письменных фиксаций, в других славянских языках и под.) и только строго следуя языковым (словообразовательным, стилистическим и т. д.) закономерностям (см., напр.: Jedlička 1948, 15; Jedlička 1974, 34; Petr 1989, 10; Šmilauer 1974, 52). И такое словотворчество нашло отражение в его словаре (Jungmann 1835–1839).

Таким образом, многие обстоятельства становления чешской лексикографии в период национального Возрождения могут быть объяснены разницей в лексикографических концепциях составителей словарей и в их отношении к дальнейшему языковому развитию. Так, Там издавал словари, включая в них современную ему лексику безотносительно к ее «качеству», поэтому его лексикографические издания подвергались критике как современниками, так и последующими поколениями чешских лингвистов. Добровский же хотел (скорее даже подсознательно) видеть в словаре лексику «идеального, правильного» чешского языка, но при этом считал недопустимым создание новых слов. Все эти факторы, как нам кажется, повлияли на скептическое отношение Добровского к самой возможности появления «качественного» словаря чешского языка и, видимо, косвенно сказались на сроках выхода его «Немецко-чешского словаря» и потере его личной заинтересованности в этом издании. Юнгманн, напротив, не стал ждать, но решил действовать. Учитывая теорию Добровского, он внес в нее динамический аспект, посчитав возможной и правильной идею словотворчества, строго подчиняющегося законам чешской языковой системы, что, в свою очередь, способствовало и его продуктивной и в большинстве случаев эффективной лексикографической деятельности.

В заключении отметим, что нередко (особенно это характерно для Добровского) в период чешского национального Возрождения шла параллельная работа по созданию лингвистической теории, в том числе и лексикографической, грамматической и др.; по сбору материала для словаря; а также активный и зачастую остро полемический диалог с другими составителями словарей (напр., споры Добровского с Тамом). Наблюдался сложный и при этом весьма стремительный процесс становления чешской лексикографии.

- ¹ В рамках данной статьи специально не рассматриваются начальные этапы истории чешской лексикографии до конца XVIII в. При этом учитывается тот факт, что составители словарей эпохи Возрождения изучали и нередко активно использовали прежние достижения в области чешской лексикографии, прежде всего в качестве источников чешской лексики (см. об этом, напр.: Абисогомян 2001, 53–57).
- ² В. Шмилауэр называет другой год издания словаря Тама — 1786 г. Однако, согласно, напр., каталогу «Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století», где представлена библиография трудов Тама, первое издание интересующего нас словаря датируется 1788 г. (Knihopis 1946, II, 275; см. также: Flajšhans 1896, 4).
- ³ При этом имя Томсы на обложке словаря не фигурирует. Лишь во второй части словаря, начинающейся со с. 341, появляется примечание о том, что лексический материал от буквы Р до буквы Ž обработан Ф. Томсой.

ЛИТЕРАТУРА

- Абисогомян 2001 — И. Абисогомян (Сорока). *К вопросу о становлении чешской лексикографии (конец XVIII в. – первая половина XIX в.)*. Valoda–2001. Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi: Valodas lingvistiskie aspekti. Lingvistikas didaktika. Daugavpils, 2001, 53–57.
- Абисогомян 2002а — И. Абисогомян (Сорока). *Заемствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения)*. Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). Ч. 2. С.-Петербург, 2002, 21–28.
- Абисогомян 2002б — И. Абисогомян (Сорока). *Развитие чешской лексикографии в период национального Возрождения: традиции и новаторство*. Littera scripta... Труды молодых филологов-славистов. Рига, 2002, 109–117.
- Дубичинский 1992 — В. В. Дубичинский. *Принципы лексикографирования и типология словарей*. Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992, 135–140.
- Широкова, Нещименко 1978 — А. Г. Широкова, Г. П. Нещименко. *Становление литературного языка чешской нации. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*. Москва, 1978, 9–85.
- Dobrovský 1798a — [J. Dobrovský]. *Ankündigung, eines deutsch-böhmischen Lexikons*. [6. dubna 1798. Prag, 1798, 1 S.].
- Dobrovský 1798b — [J. Dobrovský]. *Zweites Zehend zur richtigen Beurtheilung des Thamischen deutsch-böhmischen National Lexikons*. [Praha, 1798, 2 S.].
- Dobrovský 1798c — [J. Dobrovský]. *Drittes, viertes und fünftes Zehend zur richtigen Beurtheilung des Thamischen deutsch-böhmischen National Lexikons*. [Praha, 1798, 4 S.].
- Dobrovský 1802–1821 — J. Dobrovský. *Deutsch-böhmisches Wörterbuch. I–II*. Prag, 1802–1821.

- Flajšhans 1895 — V. Flajšhans. *Český slovník. Někteří myšlenky o něm od Dra V. Flajšhansse*. Literární listy, roč. XVI, Brno, 1895, č. 6, 97–99; č. 7, 113–115; č. 8, 131–132.
- Flajšhans 1896 — V. Flajšhans. *Spory Dobrovského s Thamem*. Druhá výroční zpráva c. k. Statního gymnasia na Král. Vinohradech za školní rok 1896, Praha, 1896, 3–21.
- Havránek 1963 — B. Havránek. *Josef Jungmann a český jazyk*. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, 195–199.
- Havránek 1979 — B. Havránek. *Vývoj českého spisovného jazyka*. Praha, 1979.
- Jedlička 1948 — A. Jedlička. *Josef Jungmann a obrozená terminologie literárně vědná a lingvistická*. Praha, 1948.
- Jedlička 1953 — A. Jedlička. *Jazyková kritika u Josefa Dobrovského*. Slovo a slovesnost, roč. 14. Praha, 1953, 167–179.
- Jedlička 1974 — A. Jedlička. *Jungmannovy zásluhy o nový český jazyk spisovný*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, 29–41.
- Jungmann 1835–1839 — J. Jungmann. *Slownjik Česko-Německý. I–V*. Praha, 1835–1839.
- Knihopis 1946 — *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl II. Tisky z let 1501–1800. Část VIII*. Praha, 1946.
- Petr 1989 — J. Petr. [Předmluva k 2. reprint. vyd. Slovníka česko-německého J. Jungmanna]. Jungmann J. *Slownjik Česko-Německý*. 2. vyd. Díl I. Praha, 1989, 5–31.
- Šmilauer 1974 — V. Šmilauer. *Jungmannův Slovník česko-německý*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, 43–56.
- Tham 1788, 1799 — K. I. Tham. *Deutsch-böhmisches Nationallexikon*. Prag, 1788, 2. Aufl., 1799.
- Tham 1798a — K. I. Tham. *Antikritik oder Rechtfertigung über das in der am 6ten April in Herrlicher Buchhandlung ohne datum erschienenen Ankündigung eines deutsch-böhmischen Nationallexikon der 1ten Auflage gefällte höchst unbillige Artheil gewisser seyn wollenden Kenner der böhmischen Sprache*. Prag, 1798.
- Tham 1798b — K. I. Tham. *Zwote Antikritik oder Rechtfertigung über das zweyte Dobrowskysche Zehend ec. nebst abermaliger Ankündigung einer zwoten neuen mit sehr vielen zusaßen vermehrten und verbesserten Auflage des Thamischen deutsch-böhmischen Nationallexikons, welches bereits unter der Presse ist*. Prag, 1798.
- Tham 1798c — K. I. Tham. *Dritte und leßte Antikritik und Abfertigung des Joseph Dobrowský mit allen seinen Zehenden ec. zur Beurtheilung unparthenischen Lesern vorgelegt*. Prag, 1798.
- Tham, [Tomsa] 1805–1807 — K. I. Tham, [F. J. Tomsa]. *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phraseologisches Nationallexikon oder Wörterbuch <...>*. Prag, 1805–1807.
- Tomsa 1791 — F. J. Tomsa. *Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache*. Prag, 1791.

Николай Георгиевич Самсонов
Якутск

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Русский язык – социолингвистическая ситуация в Якутии – статус якутского, русского и др. языков – русский язык в образовательном процессе, в СМИ и т. д. – перспективы русского языка в Якутии

Вопрос о нациях и их языках для многонациональной России — кардинальный вопрос ее будущности. В Республике Саха (Якутия) как субъекте Российской Федерации языковая политика является составной частью государственной политики и направлена на развитие и взаимодействие языков во всех сферах жизни, на создание условий для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками республики.

Современная языковая ситуация в республике имеет особенности, обусловленные тем, что здесь функционируют два государственных языка — русский и якутский и пять официальных языков — эвенский, эвенкийский, юкагирский, чукотский, долганский и один рабочий — английский [?!]. В школах в связи с этим изучаются от четырех до шести языков. Существует реальный социальный заказ на личность, способную к созидательной деятельности в условиях диалога и полилога культур.

Решению многих проблем современной языковой ситуации в республике должна способствовать реализация Государственной программы «Русский язык» на 2002–2005 гг. Представленная программа включает комплекс конкретных мероприятий, направленных на поддержание и повышение статуса русского языка как национального, государственного и мирового языка.

В перестроечное время наблюдались перепады в языковой политике республики. Начиная с 1992 г. отмечается падение престижа русского языка. Об умалении русского языка на образовательном уровне с болью говорил и писал Н. И. Соломов, председатель Палаты представителей Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), член Совета Федерации:

«В настоящее время становится очевидным, что вытеснение, сокращение русского языка из программы якутских школ, что лежит в основе известной концепции Е. Жиркова, может принести и приносит отрицательные последствия. Попытка переводить на якутский язык алгебру, тригонометрию не выдерживает никакой критики» («Якутия», Якутск, 1999, 17 августа; парламентская газ. «Ил Тумэн», Якутск, 2000, 29 сентября).

В 90-е гг. раздавались даже голоса отдельных ученых, общественных деятелей, писателей о том, что русский язык мешает изучению родных языков, что в XXI в. языком межнационального общения в республике будет английский, что русский язык и языки народов Якутии не могут взаимно обогащать друг друга, потому что у каждого языка свои законы, разные исторические условия возникновения. Высказывалась мысль, что якутский язык обогатился, якобы, лишь словами тоталитарного режима. Кое-кто ратует за переход якутского письма с кирилловской азбуки на латинский алфавит.

Всё это было связано с суверенизацией и объявлением якутского языка государственным. В результате придания статуса государственного якутскому языку стали заметно расширяться его общественные функции. Изменились и ценностные ориентации среди этносов, населяющих республику. Так, если ранее престижным считалось знание русского языка, то теперь на первое место выходит знание родного языка. Это вполне понятно и закономерно. Однако нельзя делать это за счет другого языка — русского как государственного языка страны. Не следует противопоставлять их, потому что оба языка жизненно необходимы народам республики, — один является незаменимым средством внутринационального общения, другой — средством их межнационального общения. Поэтому любой из них требует бережного и уважительного отношения.

Однако в последнее время положение с русским языком меняется к лучшему. Сегодня основой языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации и гарантируется изучение национальных языков населением ее республик. Должны быть созданы условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации. Однако вместе с тем не обеспечен механизм исполнения языковой политики в Якутии, не оказывается финансовая поддержка. Необходима и финансовая поддержка на уровне правительства Федерации.

Знаменательным событием в жизни республики явился указ президента М. Е. Николаева от 20 августа 2001 г. по поддержке

русского языка. В соответствии с указом правительством разработана программа, а также предусмотрен ряд важных мероприятий. 19 ноября, день рождения М. В. Ломоносова — автора первой российской грамматики, объявлен в республике Днем русского языка.

Республика многонациональна — в ней живут представители более ста наций и народностей. Коренными народами Якутии являются якуты (саха), эвенки, эвены, юкагиры и чукчи. Этнолингвистические условия функционирования языков в Якутии характеризуются, согласно последней переписи населения 1989 г., следующими показателями: якуты — 365236, русские — 550263, украинцы — 77114, татары — 17478, белорусы — 9900, буряты — 8471 и т. д. Среди народностей Севера, проживающих в республике, наиболее многочисленными являются эвенки (14428) и эвены (8668); юкагиры составляют 697 и чукчи — 475 чел. Основная масса чукчей живет в Чукотском национальном округе Магаданской области. В настоящее время в условиях развитого национально-русского двуязычия якутский и русский языки способны выполнять одинаковые общественные функции. Но это не означает полного дублирования этих языков во всех сферах устного и письменного употребления. Якутский и русский языки как бы перераспределяют свои функции.

Сегодня русский язык в Якутии выполняет следующие общественные функции. Это прежде всего язык межнационального общения. На нем говорят и русские, и русскоязычные, и люди коренной национальности. Согласно переписи населения 1989 г., русским свободно владели 77,8% нерусского населения республики. Часть коренных жителей перешла на русский язык. Так, в качестве родного его признали 34,4% юкагиров, 28,5% чукчей, 10,7% эвенов, 8,9% эвенков и 4,9% саха.

Функционирование русского языка на образовательном уровне регулируется основным государственным нормативом, т. е. базисным учебным планом «Об учебных планах якутской средней общеобразовательной школы Республики Саха (Якутия)» от 26 марта 1992 г. По данным Министерства образования, на 15 апреля 2002 г. в республике функционирует 680 общеобразовательных учреждений. Во всех школах русский язык изучается в обязательном порядке с 1 по 11 классы. По языкам обучения школы распределяются таким образом:

Язык обучения	Всего	Городские	Сельские
русский	239	165	74
якутский	356	4	352
билингв. школы	85	29	56

Таблица 1

Образовательная область «филология» в разные времена (в советское время, в период «перестройки», в период стабилизации развития общества) решалась в различных вариантах. Иллюстрацией этого могут служить следующие данные (количество учебных часов по предметам за учебный год):

Предметы	1987/88 уч. г.	1992/95 уч. г.	1999/2000 уч. г.
якутский язык и литература	45 ч. × 55 нед. = 1505 ч.	51 ч. × 55 нед. = 1785 ч.	46 ч. × 55 нед. = 1610 ч.
русский язык и литература	68 ч. × 55 нед. = 2580 ч.	49 ч. × 55 нед. = 1715 ч.	52 ч. × 55 нед. = 1820 ч.
иностраный язык	14 ч. × 55 нед. = 490 ч.	14 ч. × 55 нед. = 490 ч.	15 ч. × 55 нед. = 525 ч.

Таблица 2

Предметы		1987/88				1992/93				1999/2000			
		якутский язык и литература	русский язык и литература	иностраный язык	итого	якутский язык и литература	русский язык и литература	иностраный язык	итого	якутский язык и литература	русский язык и литература	иностраный язык	итого
Количество часов в неделю по классам	I	7	6		14	6	5		9	6	4		10
	II	6	9		15	5	5		10	5	5		10
	III	5	9		14	5	5		10	5	5		10
	IV	6	9	4	19	5	5		10	5	5		10
	V	4	9	3	16	5	5		12	5	6	3	14
	VI	3	7	2	12	5	5		12	4	6	3	13
	VII	4	5	2	11	4	4	2	10	4	5	3	12
	VIII	3	5	1	9	4	4	2	10	4	4	3	11
	IX	2	5	1	8	4	4	2	10	4	4	3	11
	X	2	4	1	7	4	4	2	10	2	4		6
	XI					4	4	2	10	2	4		6
в нед.		43	68	14	125	51	49	14	113	46	52	15	113
в год		1505	2380	490	4375	1785	1715	490	3990	1610	1820	525	3955

Таблица 3

С 1999/2000 уч. г. наряду с действующими учебными планами введён новый базисный план общеобразовательных учреждений (приказ Министерства образования республики от 22 сентября 1999 г.) По многочисленным просьбам родителей, учащихся в учебном плане с 1999/2000 уч. г. в национальных школах увеличено количество часов на изучение русского языка: во II–III ступенях средней школы на преподавание родного языка и литературы выделено 25 часов в неделю, а на изучение русского языка и литературы — 33 часа.

Образовательная область «Филология» в базисном учебном плане реализуется в трех вариантах, обусловленных особенностями языка обучения в общеобразовательных учреждениях республики: для школ с якутским языком обучения, для школ с русским языком обучения и для школ малочисленных народов Севера.

По сравнению с базисным учебным планом Российской Федерации количество часов, отведенных на изучение данной образовательной области в республиканском учебном плане, увеличено в среднем на 15% (112 часов вместо 87 часов с I по XI классы за учебную неделю). В образовательной области «Филология» увеличено количество часов на изучение русского языка как государственного в 1–4 (1–3) классах с нерусским языком обучения; введено изучение русского языка как государственного в X–XI классах с родным (нерусским) языком обучения.

Школы повышенного уровня, ориентированные на подготовку учащихся в вузы, работают по индивидуальным учебным планам, где по сравнению с массовой школой предусматривается большее количество часов по русскому языку. Родной (якутский) язык изучается в школах повышенного уровня только по IX класс.

В школах с родным (якутским) языком обучения преподавание естественных предметов (природоведение, математика и др.) ведется на якутском языке в начальной школе. Занятия по естественным наукам в национальной школе в V–VI классах традиционно ведутся на родном якутском языке, в отдельных школах по просьбе родителей — на русском языке. С V класса идет постепенный переход на преподавание на русском языке. Начиная с VI класса преподавание математики (алгебры), геометрии, физики, химии традиционно ведется на русском языке с 1964/65 уч. г. Министерством образования предоставлена возможность обучения и на родном (якутском) языке — при желании учитель и учащиеся могут пользоваться переводными учебниками по предметам естественного цикла. Этот процесс регулируется реальной языковой ситуацией в каждом отдельном

классе и обуславливается основной целью обучения — достижением обязательного уровня государственного образовательного стандарта по предмету, повышением качества образования, обеспечением доступности высшего образования.

Занятия на русском языке ведутся в средних специальных учебных заведениях, в 6 институтах, на 9 факультетах и в 2 филиалах (гг. Нерюнгри и Мирный) Якутского государственного университета, сельскохозяйственной академии.

По настоянию автора настоящей статьи как члена Совета по русскому языку и при поддержке филологического факультета Якутского университета в 1997/98 уч. г. был введен на нефилологических факультетах коммуникативный курс русского языка. По нашей же рекомендации и при поддержке филологического факультета в 2001/02 уч. г. был принят единый речевой режим в Якутском государственном университете.

Теперь о русском языке в средствах массовой информации. В каждом из 34 улусов есть телерадиостудии. Передачи на якутском языке ведутся в 8 улусах, на русском — в 11, на русском и якутском — в 15.

На республиканском телевидении среднесуточный объем вещания составляет 2 часа 50 минут, среднегодовой объем — 1000 часов. Из них передачи на русском языке составляют 62%, на якутском 58%. С 22 апреля 2002 г. вещает 12-й канал (НВК «Саха») три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу на русском языке, во вторник и четверг — на якутском.

На канале радиовещания среднесуточный объем вещания в среднем составляет 6 часов 30 минут, среднегодовой общий объем — 1950 часов. Из них передачи на русском языке составляют 60%, на якутском — 35%, на языках малочисленных народов — 5% вещания.

В 2001 г. Национальным книжным издательством «Бичик» всего выпущено 147 наименований книг общим тиражом 413 тыс. экз., из них на русском языке 52 наименования общим тиражом 82 тыс. экз., на эвенском языке 2 наименования тиражом 1000 экз. и на якутском языке 93 наименования. На 1 апреля 2002 г. выходили 134 газеты. Примерно половина из них издается на русском языке. На русском языке выходит журнал «Полярная звезда», на якутском — «Чолбон», на русском и якутском — «Илин» («Восток»).

В республике многие люди выписывают центральные газеты и журналы на русском языке. Жители Якутии приобретают и читают в библиотеках значительное количество литературы на русском языке, издаваемой за пределами республики.

Реклама в городах и промышленных поселках осуществляется в основном на русском языке, а в сельской местности — на

русском и родном языках. На русском языке проводятся сессии Палаты республики Государственного собрания (Ил Тумэн), заседания Палаты представителей и их совместные заседания, различные конференции, собрания и митинги, читаются лекции на общественно-политические, научно-популярные темы. Практикуются выступления на якутском языке на сессиях Палаты республики, заседаниях Палаты представителей, на различных конференциях. Постановления по обсуждаемым вопросам принимаются на двух государственных языках, отчеты о них публикуются на русском и якутском языках.

На русском языке демонстрируются кинофильмы. В городах и крупных поселках работают кинотеатры, а в других населенных пунктах имеются стационарные киноустановки. Нашему северному краю посвящено несколько художественных фильмов. На русском и якутском языках появились короткометражные любительские фильмы. В г. Якутске с 1920 г. работает Русский драматический театр им. А. С. Пушкина.

Как видно, русский язык и сегодня сохраняет свою социальную значимость, поскольку помогает общению и сотрудничеству более ста этносов республики. Языки народов Якутии и русский не противостоят, а взаимно дополняют друг друга по своим общественным функциям. В зависимости от условий общения употребляется то один, то другой язык. Они, таким образом, сочетаясь гармонически, обеспечивают культурной развитие народов Республики Саха (Якутия).

Анатолий Михайлович Бушуй
Самарканд

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Русский язык – Республика Узбекистан – социолингвистические позиции русского языка с 90-х гг. XX в. – соотношение узбекского и русского языков в Узбекистане – перспективы русского языка

К настоящему времени в Узбекистане — благодаря усиливающимся связям между нациями и народностями (чему все в большей мере способствует государственный узбекский язык как средство межнационального общения) — складывается в новых социально-экономических условиях этносоциальное единство, особая для независимой страны историческая общность — народ Узбекистана. Согласно конституции все граждане республики независимо от их национальности составляют народ Узбекистана. При этом конституция провозглашает:

«Все граждане Республики Узбекистан имеют одинаковые права и свободны и равны перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения» (Конституция 1992, 12).

В связи с этим государственная политика Узбекистана исходит в языковой сфере из основополагающего принципа равноправия всех языков независимо от их правового статуса, а также численности и характера расселения носителей того или иного языка.

Но проблема языка остается актуальной для Узбекистана. К моменту развертывания в Узбекистане активной борьбы за придание узбекскому языку статуса государственного (1980–1990 гг.) налицо были уже исключительно тревожные симптомы, которые убедительно свидетельствовали о том, что судьба узбекского языка находится под серьезной угрозой. В своей собственной стране язык титульной нации катастрофически сдавал позиции, а сферы его функционирования все более сокращались. Немало было узбеков, которые учились в узбекской школе, но свой родной язык знали поверхностно. Все больше становилось и таких, которые вообще не изучали узбекский язык. Многие из них читали родную литературу в переводе. Че-

ловек же, не сумевший познать тайн и правил построения своего языка, не в состоянии постичь глубин языка неродного.

Тысячи слов, которые использовались в узбекском языке столетиями, были изъяты и преданы забвению. Взамен же стали употребляться в устной и письменной речи русские (resp. европейские) слова типа *область, съезд, автор, процент, традиция, том* и т. д.

Конечно, полностью оградить и изолировать какой-либо язык от иноязычного воздействия вряд ли достижимо, да и не нужно. Это дело исключительно тонкое и крайне деликатное. Жизнь, история и международное общение, научный прогресс неизбежно получают определенное отражение в любом национальном языке. Но то, что к концу 1980 гг. в Узбекистане реальной стала угроза узбекскому языку — не есть преувеличение, так как некультивируемый язык обречен на вымирание. Умер язык — исчез народ. А это невосполнимая утрата для человечества и его цивилизации.

Кстати, сама существовавшая тогда политическая система, так или иначе, негативно сказывалась и на других языках. Философ М. К. Мамардашвили об этом времени пишет так:

«Люди говорят какими-то странными формулами типа 'овощной конвейер страны', какими-то совершенно бредовыми словообразованиями, вызывающими полное оцепенение человеческих чувств. И раковая болезнь языка распространилась независимо от границ, охватила и русский, и грузинский, и другие языки. Эти блоковые словесные образования уничтожают в людях возможности кристаллизации мысли, точного ее выражения. Действия таких неподвижных словесных образований, неподдающихся никакому развитию, в течении некоторого времени достаточно, чтобы, подобно монгольскому бичу, выжечь возможность нормального выражения чувств и состояний. Это одна из наиболее страшных болезней сегодняшней культуры. Язык надо лечить. Как можно воспитывать молодого человека, если вокруг вполне естественным образом говорят на таком чудовищном сленге» (Мамардашвили 1988, 3).

В изменившихся исторических условиях Узбекистан стал исходить в выработке стратегических позиций своей языковой политики из принципов восстановления исторической справедливости по отношению к языку титульной нации, а также из общих задач по построению современного демократического государства. Для этого у страны есть многое: трудолюбивый и энергичный народ, плодородная земля, огромные подземные богатства, щедрое солнце, выгодное геополитическое положение в мире. Чтобы привести все это в действие и воплотить материально-духовную силу, руководство молодого государства стало предпринимать усилия с первых же дней независимости по сплочению всего населения республики, всех узбекистанцев без

деления по национальностям, религиям, убеждениям — подобно ряду демократических государств, в которых живут люди разных рас, где главное мерило при оценке человека — не национальная принадлежность, а его отношение к труду, квалификация и т. д.

После принятия закона о государственном языке (21 декабря 1995 г.) в Узбекистане в этом направлении была проделана большая работа прежде всего по восстановлению прав узбекского языка в важнейших сферах деятельности государства — промышленности, социально-политической жизни, культуре, науке, быту, народном образовании. Языковая политика в Узбекистане характеризуется высоким уровнем демократичности межэтнического согласия. Этому во многом способствовал указанный закон, согласно которому

- 1) выбор языка межнационального общения свободный;
- 2) допускается ведение делопроизводства не на государственном языке в тех трудовых коллективах, где большинство не владеет государственным языком;
- 3) нет языкового ценза при найме на работу;
- 4) гарантируется право выбора языка обучения на всех уровнях (так, напр., ныне в республике четверть студентов обучается на русском языке) и т. д.

Проведена работа по урегулированию лексики и терминологии узбекского языка, при этом заменена часть некогда бытовавших здесь русских (resp. европейских) слов, напр.: *вилоят, туман, атама, талаба, қушимча, шакл, жараён, маънодош, шаклдош, шевашунослик, вазифа, хатбоши, маъно, оханг, лахза, товушшунослик, таркиб, чизикча* и др. Ср. ранее используемые в узбекском языке соответствующие русские (resp. европейские) слова: *область, район, термин, студент, аффикс, форма, процесс, синоним, омоним, диалектология, функция, абзац, семантика, интонация, диалект, фонетика, состав, дефис*. Причем часть слов осталась общей для русской (resp. европейской) и узбекской лексики: *биржа, товар, самолет, фирма, фермер* и др.

Кстати, языковая проблема возникла не сейчас. Об этом еще в самом начале XX в. говорил, напр., великий туркестанец, просветитель, реформатор и политик М. Бехбудий (Қосимов, 1997, 164–170), который *тил масаласи* ‘языковую проблему’ рассматривал в широком социально-экономическом и историческом плане, утверждая, что «нам нужны четыре, а не два языка» (т. е. тюрки, фарси, арабский и русский языки). Следует заметить, что решение проблемы государственного языка в Узбекистане не было особенно затруднительным, ибо примерно для 90% всего населения республики узбекский язык понятен и он быстро стал приобретать черты общего языка. Действительно, около

трех четвертей населения составляют узбеки. Кроме того, таджики (около 5% населения), казахи (4%), татары (до 2%), каралпаки (1,5%); киргизы, туркмены, уйгуры, азербайджанцы, башкиры, турки и др. в общей сложности составляют около 15% населения. Тюркоязычные народы, как правило, свободно общаются на узбекском языке, чему способствует их языковая близость. По сути дела, узбекский для этой части страны является вторым языком.

Вместе с тем сложности возникли у тех, для кого русский язык или родной не узбекский (в силу определенных прежних обстоятельств) был единственным средством общения. Справедливости ради надо сказать, что до 90-х гг. XX в. узбекский язык то изучали в русских школах, то переставали изучать. Учителей же, призванных обучать узбекскому языку в русских школах, долгое время специально не готовили. Закон о государственном языке предусматривал такое положение: предлагалось повсеместно организовать обучение узбекскому языку (выделить необходимые средства, помещения, преподавателей и т. д.). Но следует заметить, что такая работа, к сожалению, была краткосрочной и далеко не всегда эффективной. К тому же практически для русскоязычного населения не создавалась должная методико-филологическая база обучения узбекскому языку — прежде всего в виде учебных пособий и конкретных методик. При этом особое внимание здесь следовало бы сразу же уделять детским дошкольным учреждениям, ибо ребенок в возрасте до пяти лет исключительно восприимчив к другому языку. Однако до сих пор работа с этим перспективным контингентом обучающихся является неудовлетворительной. И в целом накопленный опыт распространения государственного языка в Узбекистане среди русскоязычного населения позволяет заключить, что вместо выработки навыков устной речи и беглого чтения периодички обучение зачастую оказалось сильно заформализованным и перегруженным элементами научной грамматики. В школе до сих пор осуществляется обучение русскоязычных учащихся узбекскому языкознанию, теории узбекского языка, а не общению и речи на узбекском языке.

Что касается узбекского языка, то к настоящему времени он полностью утвердился как государственный, охватывая все основные сферы общественной жизни страны. Установку на моноязычность Узбекистана понимает и большинство русскоязычного населения — прежде всего все те, кто «врос в узбекскую землю» и без нее свою жизнь не представляет. При этом первоочередной задачей для русскоязычных будет переход на активное русско-узбекское двуязычие. А пока зачастую о двуязычии говорится как о понятии, связанном с идеологией, политикой и

культурой. Между тем двуязычие необходимо рассматривать в большей степени как категорию экономическую. Если человек не понимает языка, на котором идет большая часть производственного общения, ему трудно осмыслить многие рабочие ситуации, влиять на них, что чревато возникновением стрессовых ситуаций и досадных срывов. Причем, кроме непосредственного речевого (так сказать, бытового) общения, нужен еще и специальный профессиональный подъязык, обслуживающий соответствующую сферу экономики, производства или какую-либо другую область деятельности инонационального гражданина страны.

В развитии русско-узбекского и узбекско-русского двуязычия в узбекистанском обществе имеются и положительные моменты. Усвоению узбекского языка русскоязычным населением — при условии достаточно активного постоянного контакта — способствует многовековая история межъязыкового русско-тюркского/тюркско-русского взаимообогащения. В частности, на восприимчивость русского языка к иноязычным заимствованиям указывал еще А. С. Пушкин:

«Глубокий и мощный в своих оборотах и средствах, переимчивый, общежительный в своих отношениях к чужим языкам» (Пушкин 1949, VII, 499).

Действительно, русский язык — один из самых богатых, и в значительной мере потому, что активно аккумулирует на протяжении веков иноязычные элементы. Так, скажем, слово *лошадь* тюркского происхождения; оно является стилизацией слова *алаша-ат*, *изъян* — это *зиён* из фарси и т. д.

Вообще не лишним будет заметить, что образование, напр., весьма значительного русско-тюркского лексического фонда уходит своими корнями в глубь веков. Такой фонд начал формироваться еще в условиях развития политических и торгово-экономических отношений России и Центральной Азии в VII–VIII вв. Тюркские слова встречаются уже в древних письменных памятниках русского народа. Это «Повесть временных лет» (XII в.), «Слово о полку Игореве» (XII в.) и др. Тюркизмы в древнерусском языке в основном представляют собой названия титулов (*каган*, *бек*); одежды, утвари, домашнего обихода, строительных объектов (*башмак*, *колпак*, *каблук*, *чулан*, *чердак*, *каланча*, *лачуга* и др.); слова, относящиеся к способам управления, денежному хозяйству, финансам (*тамга*, *деньги*, *караул*, *ярлык*, *ям* и отсюда — *ямщик*, *алтын*, *кабак* и др.) и пр. Этот процесс межъязыкового (русско-тюркского) взаимообмена еще более усилился с XVI в. (в связи с активизацией связей России с Бухарским и Хивинским ханствами). И сейчас этот процесс протекает непрерывно и повсюду, в том числе и на региональ-

ном уровне. Так, в современном самаркандском русскоязычном молодежном сленге немало заимствований из узбекского и таджикского языков. Скажем, наряду со словом *хай* 'ладно', 'значит', здесь говорят и *рафтем* 'пошли', *гуфтам* 'говори', *родаки* 'родители' (последнее образовано и по ассоциации с собственно рус. *родители*) и т. д. Кстати, некоторыми заимствованными словами пользуется и взрослая часть русскоязычного населения. Напр., у них слово *хай* иногда заменяет привычное 'до свидания'.

Отмечаются и другие процессы интенсивного взаимообогащения контактируемых языков на самых различных уровнях, включая и ономастический. Так, в живом речевом обиходе (прежде всего горожан, особенно в студенческом коллективе, в службе торговли, транспорте и т. д.) отмечается взаимообмен именами собственными (ИС) разной национальной принадлежности. Напр., возможны такие замены узбекских ИСых русскими: *Толиб* → *Толик*, *Юсуф* → *Юра*, *Нодира* → *Надя*, *Мавлюда* → *Люда* и др. В основе подобного процесса лежат всевозможные обыгрывания исходного трансформируемого узбекского ИСого. Прежде всего учитывается формальная структура и семантика ИСого. В этот процесс активно вовлекаются русские ИСые, наиболее показательные для разговорно-речевого обихода: мужские (*Боря*, *Вова*, *Гена*, *Дима*, *Жора*, *Коля*, *Миша*, *Петя*, *Славик*, *Толя*, *Толик*, *Юра*, *Яша*) и женские (*Аня*, *Валя*, *Галя*, *Зина*, *Катя*, *Люба*, *Люда*, *Маша*, *Шура*, *Рая*). Ср.: *Шухрат* → *Шурик*; *Саодат* → *Соня*; *Алижон* → *Алик*; *Сирожиддин* → *Саша*. При этом значительно реже отмечается субституция полных форм ИСых типа *Александр* → *Абдурахман*. Как правило, обыгрывание узбекских ИСых русскими проводится по одной или нескольким буквам начального оформления узбекского ИСого: *Бахтиёр* → *Боря*, *Саодат* → *Соня*, *Рахматулло* → *Рома*, *Мардон* → *Митрофан*, *Даврон* → *Давид*, *Борно* → *Борис*. Но возможны и обыгрывания других звуковых фрагментов исходного ИСого: *Ашур* → *Шурик*, *Маишура* → *Шура*. Учитывается также значение, которое лежит в основе узбекского ИСого: *Мухаббат* (букв. 'любовь') → *Люба*. Интересно, что разные узбекские ИСые могут восходить к одному русскому ИСому: *Рисолат* → *Рая*, *Сурайё* → *Рая*, *Толиб* → *Толик*, *Тулкин* → *Толик*.

Характеризуя современное положение русского языка в Узбекистане, необходимо прежде всего исходить из изучения его общественных функций, роли в быстро обновляющемся узбекистанском обществе, воздействия на него. При этом сразу же следует заметить, что никакого прямого давления на пользователей русским языком не отмечается. Да, официальные мероприятия и собрания (скажем, в вузе это заседания кафедры или

ученого совета) проводятся на узбекском языке. Однако, если возникает необходимость в особой точности обсуждаемого вопроса, связанного с русскоязычным специалистом, то никакого воспрепятствования для применения русского языка нет.

Система высшего образования на русском языке сохраняется в объеме до 25–30%. Причем в состав русскоязычных групп — кроме этнических русских — входят представители самых разных национальных меньшинств: это таджики, корейцы, армяне, татары, башкиры, турки, украинцы, белорусы и др. (Всего в Узбекистане проживает до 120 наций и национальностей при общей численности всего населения в 24 миллиона человек). Правда, часть таджиков получает образование как на таджикском языке (в средней школе), так и на узбекском языке (в средних специальных и высших учебных заведениях).

В современном узбекистанском обществе отношение к русскому языку самое благоприятное. Прежде всего это относится к многомиллионному городскому населению таких городов, как Ташкент, Самарканд, Бухара, Джизак, Нукус, Карши и др., где русским языком владеют почти все. Конечно, в сельской глубинке полностью доминирует узбекский язык или же язык местного нацменьшинства — таджикский, киргизский, туркменский или казахский. Что касается Каракалпакии, входящей в состав Узбекистана, то здесь русский язык зачастую охватывает и достаточно глубинные районы. Объяснить это можно тем, что каракалпаки находятся в постоянном длительном контакте не только с узбеками и русскоязычными, но еще и с представителями таких достаточно многочисленных диаспор, как казахи и туркмены, а это требует перехода на такое испытанное средство коммуникации, как русский язык.

В современном узбекистанском городском быте русский язык присутствует повсюду: это базар, магазины, транспорт и т. д. В особых случаях (кроме повседневного русскоязычного обихода) используются и вывески с необходимой информацией о режиме работы торгового заведения, о наименованиях предлагаемых товаров и продуктов и т. д.

Государственные учреждения, как правило, имеют параллельные вывески на узбекском и русском языках. Скажем, это хокимияты (районные, городские и областные управления), военкоматы, загсы, дворцы бракосочетаний, фирмы и т. д. Русский язык используется в школах смешанного обучения, напр., в наглядной информации — от традиционного «Хуш келибсиз!»/«Добро пожаловать!» над дверями школы до правил дорожного движения для школьников. В последнее время все чаще стали появляться и официальные документы с параллельным использованием русского языка. К примеру, это узбекско-

русские бланки с места работы, экспертизы диссертаций или аттестаций претендентов на получение ученых званий в ВАК Республики Узбекистан и т. д. Документация же, разъясняющая, напр., правила получения грантов или требования к участникам разного рода международных конкурсов, зачастую печатается только на русском языке.

Диссертации в Республике Узбекистан пишутся на узбекском и русском языках. Допускается их подготовка и на английском языке. Если диссертация и ее автореферат выполнены на русском языке, то в приложении к автореферату дается краткое резюме на узбекском и на английском языках. Защита диссертаций проводится на узбекском и русском языках — в зависимости от пожеланий соискателей и членов специализированных советов. Точно так же допускается оформление части документации на русском языке (кроме заявления о приеме диссертации к защите, справки о соискателе, личного листка с данными о его производственной деятельности и некоторых других документов). Это связано с унификацией требований к аттестуемым на ученую степень или ученое звание.

Широко используется русский язык и в издании научных трудов. Здесь нет абсолютно никаких ограничений. Нередко, как это принято в международной практике, публикуемая в научном журнале статья на русском языке снабжается краткой аннотацией на узбекском и английском языках.

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве научных диспутов (кроме областей, связанных с узбекской филологией) русский язык используется особенно активно. Это связано с тем, что многие кандидаты и доктора наук защитили свои диссертации вне Узбекистана. Они развивают свои научные концепции, продолжая использовать полученные ранее в крупных русскоязычных научных центрах теоретические и прикладные знания. Со свойственной узбекам благодарностью они помнят своих учителей, непременно используют их труды, стремятся поддерживать старые творческие связи. Кроме того, здесь еще важен и такой момент: узбекские ученые работают с терминологией, усвоенной ими в большинстве своем посредством русского языка. Иначе говоря, нет необходимости создавать параллельные терминологические системы применительно к ряду бурно развивающихся областей знания. Во всяком случае при необходимости терминологическая коррекция на узбекском языке может быть проведена в свое время, когда часть результатов научных исследований получит достаточную стабилизацию. А пока творческий научный диспут может свестись к разного рода терминологическим спорам, оставив существо обсуждаемого вопроса в стороне. Скажем, узбекскому специа-

листу в области общего или русского языкознания, германистики или романистики порою легче объясниться с опорой на русскую терминологическую систему.

Позиции русского языка в научно-педагогической сфере являются достаточно прочными еще и потому, что подавляющее большинство фундаментальных работающих знаний — на русском языке. Новая научная литература не может быть информационно полной без использования русскоязычных трудов. Причем российская наука продолжает удерживать самые передовые позиции в современном мире. Достаточно будет указать, к примеру, на разработку в России таких лингвистических проблем, как: когнитивная семантика, лингвокультурология; языковая картина мира, мифопоэтические модели мира; национально-культурная специфика языковых единиц различных рядов; язык и речь; речь в параметрах коммуникации, информации и кибернетики; континуальное и дискретное в языке; интертекстуальность; информативность коннотации; функциональные разновидности языка; коннотативная паралингвистика; функциональная прагматика; парадигма предложения; грамматическое значение, а также: биолингвистика, лингвосинергетика, герменевтика, деривация, дискурс, типология, язык и культура, язык и мышление, язык и идеология, язык и политика, языковая система, идиостиль, концептуализация, языковая личность, языковая ситуация и т. д.

В современном узбекистанском обществе отчетливо осознается то, что русский язык остается одним из крупнейших мировых языков, которым владеют на планете в той или иной степени порядка 270 миллионов человек, что без достаточного овладения этой коммуникативной ценностью исключена возможность приобщения к многовековой российской культуре, а ее авторитет в Узбекистане исключительно высок.

Отчетливо проявляются в Узбекистане заметные симптомы нового интереса к русскому языку и в связи с достаточно мощным оттоком части населения (узбеков, таджиков, татар и др.) на временное жительство в Россию. Обычно выезжают на заработки сроком от 3 до 6 месяцев и больше. Причем российское направление этой краткосрочной миграции особенно мощное, по сравнению с поездками в целях временного трудоустройства в другие страны — США, Южную Корею, Японию, Объединенные Арабские Эмираты, Португалию и т. д. Отсюда и все возрастающая востребованность русского языка со стороны нерусских.

Большая роль в укреплении позиций русского языка в Узбекистане принадлежит телевидению России. Можно наблюдать такие весьма типичные ситуации, когда от слабо владеющей

русским языком узбечки вдруг узнаешь, что она в восторге от передач «Как стать миллионером», «Слабое звено», «Русская рулетка» и т. д. Среди местного населения хорошо знают не только активных и особо ярких политиков России, но и известных телеведущих. Этому способствует высокое качество трансляций. Специалисты же и ученые следят за историко-техническими, культурными, литературными и т. д. передачами. Большой популярностью пользуются фильмы из золотого фонда российского и мирового кино. По сути дела, это единственный источник качественного (литературно-нормативного) русского языка. Поэтому любые отступления от литературного уровня и нередкие случаи снижения русской речевой культуры особенно болезненны для всех пользующихся этим языком — и не только как родным. Засоряемость ненормативной лексикой и вульгаризмами в российских средствах массовой информации заметно деформирует образ России.

В целом за последнее время позиции русского языка как средства межнационального общения среди части населения (студенчество, рабочие, работники таких сфер, как торговля, транспорт, строительство, правоохранительные органы, медицина и т. д.) явно укрепились. И это ни в коем случае не ущемляет государственные и общественные функции узбекского языка. К тому же практически незыблемыми в Узбекистане остались функции русского языка как одного из распространенных языков международного общения. Так, все публичные заявления зарубежных дипломатов, ориентируемые на узбекистанскую общественность, делаются на русском, английском или других языках. Соответственно и внешнеполитическая деятельность Узбекистана осуществляется в значительной мере посредством русского языка.

Об усилении роли русского языка в современном узбекистанском образовательном пространстве свидетельствуют и специальные научно-теоретические и методические конференции, специально посвященные проблемам русского языка и русской литературы, методике их преподавания на разных уровнях. К примеру, в мае 2003 г. Узбекский государственный университет мировых языков, Посольство Российской Федерации и Представительство Росзарубежцентра в Республике Узбекистан провели республиканскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы русской филологии и методики обучения языку и литературе», где обсуждались такие основные вопросы, как: 1) русское языкознание: современное состояние и перспективы, 2) русская литература и современность, 3) сопоставительно-типологическое исследование языков, 4) интенсивный курс преподавания языков и 5) методика обучения

языку и литературе: новые технологии и проблемы их практического применения. Кстати, рабочими языками этой конференции были определены русский, узбекский и английский.

На территории Узбекистана традиционно сложившейся нормой является двуязычие и многоязычие. Это не только поддерживает устойчивую жизнеспособность общества, но и всегда служит источником взаимного обогащения языков и культур. Причем традиции полилингвизма в Узбекистане имеют глубокие исторические корни. Достаточно напомнить здесь Великий шелковый путь — караванную дорогу, проходившую по территории современного Узбекистана и связывавшую с древности до средних веков Китай со странами Средней и Передней Азии вплоть до Европы. В Мавераннахре — в междуречье Амударьи и Сырдарьи с городами Самарканд, Бухара и другими — всегда царило разноразличное. Так, поэзия создавалась, как правило, на двух языках — фарси и узбекском. Сейчас же в подобную традицию разноразличия устойчиво вписался и русский язык. Скажем, в Самарканде и Бухаре наших дней активно функционируют такие разновидности билингвизма и полилингвизма, как узбекско-русская, русско-узбекская, таджикско-узбекская, таджикско-русская, таджикско-узбекско-русская и т. д. Причем в некоторых узбекско-таджикских семьях русский язык иногда становится семейным языком (когда муж и жена не владеют языком друг друга — узбекским или таджикским).

В последнее время к этим языковым параллелям стал подключаться и английский язык как важный фактор развития в республике внешнеполитических, экономических, культурных и образовательных отношений с окружающим миром. Напр., ректор Самаркандского государственного института иностранных языков профессор Юсуф Абдуллаев — бывший посол Республики Узбекистан в России — свободно владеет узбекским, таджикским, русским и английским языками. Оперативно и на самом высоком лингвистическо-информационном уровне он переключается с одного языка на другой. В итоге многоязычный преподавательский коллектив (а это еще и преподаватели, приехавшие из более чем 10 стран — Японии, Южной Кореи, США, Великобритании, Индии, Египта, Италии, Германии и т. д.) работает в слаженном режиме. При этом институт реализует программу по подготовке кадров, опираясь на передовые зарубежные педагогические инновации. Здесь функционирует Центр русского языка, наряду с такими центрами, как американский, немецкий, французский, итальянский, арабский, японский, корейский, турецкий. Деятельность Центра русского языка опирается на самый богатый в Самарканде фонд литературы о России, а занятия по русскому языку и литературе в Центре

проводятся с опорой на современную техническую оснащенность с применением новых учебных комплексов, педагогических технологий и обучающих систем в интернет. Для занятий характерна коммуникативная ориентированность. В итоге успешно достигается у обучающихся русскому языку эффект коммуникативной компетенции. Это и способность верно строить предложения, уметь определять условия его реализации, правильно интерпретировать устные и письменные тексты с учетом реальных условий общения; и устойчивое закрепление новых коммуникативных представлений, т. е. способность использовать русскую речь в разного рода общественных взаимоотношениях. Таким образом, наблюдается практическая реализация в педагогическом процессе данного вуза плюролингвистики в целом и укрепления позиций преподавания русского языка в частности. Письменные работы (тексты, контрольные задания, выпускные квалификационные сочинения бакалавров и магистерские диссертации) пишутся — по желанию автора — не только на узбекском или иностранных языках, но и на русском языке. Соответственно на русском языке может быть построена и вся защита соответствующей работы.

Если обобщить направления, по которым реализуется работа в Узбекистане по поддержанию устойчивого функционирования русского языка в обществе, то следует подчеркнуть, что полностью сохранена система обучения русскому языку как языку русского народа, как основы русской духовной культуры и культуры русской речи — от дошкольных детских учреждений до вузов, в том числе и специальных филологических. В связи с этим важно указать на такой исключительно характерный факт: ни один факультет русской филологии не был сокращен в вузовской системе Узбекистана. И хотя (по разным причинам) контингент этнических русских местами и сократился, тем не менее явно возрастает интерес местной (нерусской) молодежи к этим факультетам.

Налажено издание новых учебников, проводятся олимпиады узбекоязычных школьников и студентов по русскому языку и русскоязычных — по узбекскому языку. Среди учащейся молодежи и значительной части активного населения все более усиливается мнение о том, что русский язык — это общечеловеческая ценность. И хотя глобализация мировой жизни все более побуждает обращать взоры на английский язык, тем не менее, это несколько не повлияло на функциональную стабильность русского языка в Узбекистане, где он используется повсеместно. Практически добиться весьма значительных успехов в карьере нерусскому невозможно в Узбекистане без достаточных знаний русского языка. Да, его потеснили на уровне госу-

дарственного и официального общения, были уменьшены в часовом объеме рабочие планы по русскому языку. Но интенсификация международных и межнациональных связей, повышение ценности профессионализма и образования в целом привели к устойчивости его функционирования. Многие мужчины знают русский язык со своих армейских лет, кто-то работает в многоязычном коллективе, кто-то выезжает на работу в Россию и страны СНГ (в первую очередь в Казахстан) — все это подпитывает почву для использования русского языка. Одновременно говорить о массовости распространения английского языка в Узбекистане не приходится. Его сфера весьма ограничена, хотя среди учащейся молодежи он и популярен.

Важен еще и следующий момент: русский язык в узбекистанских средствах массовой информации занимает достаточно устойчивое положение. Издаются республиканские, областные, городские русскоязычные газеты «Правда Востока», «Народное слово», «Учитель Узбекистана», «Самаркандский вестник» и многие другие. Телепередачи на русском языке ориентированы на конкретную аудиторию — возрастную, профессиональную и т. д. Так, общую направленность имеет ежедневная получасовая информационная программа «Ахборот» («Новости») центрального телевидения, где рассказывается о внутренней и международной жизни Узбекистана, а также о важнейших событиях в мире. Воскресная же получасовая аналитическая телепередача «Тахлилнома» представляет собой обзор важнейших событий в стране за неделю. Часть русскоязычных телепередач строится по тематическому принципу: «Берегите мир!», «Человек и закон», «Спорт», «Песни прошлых лет» и др. Весьма разнообразны детские телепередачи: это «Планета детей», «Для детей», «Вечерние сказки» и т. д.

Высокой профессиональностью отличаются русскоязычные передачи Самаркандского телевидения — «СТВ International». Это программы общего характера, сериалы, развлекательные концертные программы: «Для Вас!», «Inter-юмор», «Любимые песни», «Старое кино», «Острюжетный фильм», «Неделя кино» (о творчестве мировых кинозвезд), «Мир симфонической музыки», вечерняя «Концертная программа», «Музыка и театр», «Музыка на канале» и др., до шести раз за день включается «Телемаркет» с разнообразной коммерческой информацией.

Хорошо продумываются на «СТВ International» детские русскоязычные передачи. Напр., в субботу и воскресенье — это получасовой «Детский сеанс», пятнадцатиминутная передача «Музыка нашего детства», часовая сказка или мультсериал, к середине дня — мультфильм и «Страна чудес» (где для просмотра подбирается занимательный художественный фильм ти-

па «Приключения барона Мюнхгаузена»), ближе к вечеру — это опять «Детский сеанс» и т. д.

Итак, русский язык в современном Узбекистане все еще, безусловно, востребован. И если он и уступает государственно-му языку в сферах официального общения, то все же достаточно активно функционирует в широких сферах культуры, литературы и массового сознания. Впрочем, в значительной мере ему свойственны и многие социальные функции. Это национальный язык этнических русских, части инонациональных граждан (армян, татар, башкир, евреев, казахов, турок и т. д.), т. е. речь идет об известном языковом единении определенной устойчивой прослойки в многонациональном узбекистанском обществе. Причем русский язык выполняет не только роль языка межнационального бытового общения (прежде всего в городах, поселках городского типа, на транспортных артериях и т. д.), но и используется в таких особых сферах общения, как деловая сфера, наука, образование, дипломатия, массовая коммуникация и др.

Общим же естественным ареалом функционирования узбекистанского русского языка является обширнейшее пространство СНГ. И, конечно же, довольно прочное положение русского языка в Узбекистане объяснимо еще и достаточно благоприятным общим фоном его применения в этой стране. Вместе с тем какой-либо прямой или сколько-нибудь ощутимой российской подпитки в процесс активизации и социолингвистического благоприствования русского языка здесь нет. И это не удивительно, ибо в самой России до сих пор нет общенациональной идеи, нет и политики по отношению к многомиллионной русскоязычной диаспоре зарубежья, нет и научно продуманной социолингвистической концепции русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Конституция 1992 — *Конституция Республики Узбекистан*. Ташкент: Узбекистон, 1992, 48 с.
- Мамардашвили 1988 — М. К. Мамардашвили. *Не губите белых лебедей*. Учительская газета, Москва, 1988, № 140, 26 ноября, 3.
- Қосимов 1997 — Б. Қосимов. *Наширга тайерловчи, тўпловчи, сўз боши ва изоҳлар муаллифи*. М. Бехбудий. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 1997, 232 б.
- Пушкин 1949 — А. С. Пушкин. *О Мильтоне и Шатобриане в первом переводе «Потерянного рая»*. Полное собр. соч. В 10 тт. Т. 7. Москва — Ленинград, 1949.

Дамина Дисенгалиевна Шайбакова
Алматы

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КАЗАХСТАНЕ

Русский язык – социолингвистические позиции в Казахстане в прошлом и сейчас – закон «О языках в Республике Казахстан» – статус русского языка в современном Казахстане

В Казахстане функционирование русского языка имело и имеет свою специфику. Контакты казахов и русских начались в глубокой древности, во времена Киевской Руси и кочевых тюркских раннефеодальных образований на территории Казахстана.

«В степях Приазовья и Причерноморья беспрерывно появлялись скотоводы-кочевники, с которыми Русь то воевала, то мирилась, выступала в совместных походах, заключала соглашения о службе, отводя им для поселения свои земли, и в постоянном общении некоторых из них превращала в своих граждан» (Греков 1953, 436).

В описи царского архива 1575–1584 гг. имеются материалы о русско-казахских отношениях еще до 1495 г. Связи эти усиливаются, когда на территории Казахстана появляются русские поселения. В Западном Казахстане они возникают уже в XVII в. Начавшийся в XVIII в. процесс присоединения Казахстана к России длился более века и завершился в 60-е гг. XIX в. Русские переселенцы занимали тогда земли Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и других областей. В основном это были крестьяне из центрально-земледельческих губерний и украинских районов. В Уральском, Кокчетавском уездах образовались казачьи станицы (см. об этом: Турсунбаев 1950).

Изъятие земель у казахов-кочевников вынуждало их переходить к оседлому образу жизни, обращаться к властям с прошением о предоставлении им земельных наделов. Аулы казахов располагались около поселков русских, и русские переселенцы влияли на уклад жизни казахов. Политика колонизации, изъятие земель у казахов, с одной стороны, и тяжелые условия, в которых оказались русские переселенцы — с другой, порождали конфликты. Но было бы неверно считать, что колонизация была только злом. И земледелию, и скотоводству казахи учились у русских переселенцев. Но самое главное — появились возможности получения образования для казахских детей. Слово «ко-

лонизация» в текстах русских авторов не имеет негативной семантики. Так, Н. Пономарев в статье «По вопросу о русской колонизации в степных областях» заявляет, что

«самая широкая, самая полная колонизация среднеазиатских степей русским элементом воскресит жизнь окраин»; «Каким иным путем могут быть внесены зачатки русской культуры в среду кочевников, как не путем непосредственного воздействия на него русского человека, т. е. путем той же колонизации» (Пономарев 1899).

Крестьянам же, невольно оказавшимся вовлеченными в политику, это понятие вовсе было незнакомым:

«Никита не раз видел целые обозы переселенцев, идущих на 'линию', или в другую обетованную страну, лежащую 'коло Низации' — так переврал и истолковал по-своему крестьянин непонятное ему слово 'колонизация', — отмечал в «Письмах с дороги» секретарь статистического комитета Сыр-Дарьинского управления И. Гейер (Гейер 1893).

Крестьянские поселения в разных регионах Казахстана определили топонимическую картину края. Казахские названия перемежались с русскими. В Чимкентском уезде между селениями Черная Речка и Белые Воды протекает река Аксу (в переводе с казахского аксу — 'белая вода'). Антоновка, Корниловка, Чубаровка, Бурджар, Мамаевка, Тамерлановка, Обручево — этими топонимами пестрила карта того времени. Русские названия поселков часто происходили от имен первых поселенцев.

Русское население края состояло в основном из казачьего сословия, крестьян-переселенцев, служилого люда, промышленников. Отношения между местным населением и пришлыми были, как уже отмечалось, отнюдь не безоблачными. Кочевники никак не могли примириться с межеванием земли, их стада топтали посеvy крестьян. Это порождало конфликты. Генерал-губернатор края фон Кауфман считал, что задача генерал-губернаторства заключается в том, чтобы подчинить новых граждан духу русского закона, сблизить их с русским правительством и народом и развить благоустройство края.

Языковые контакты этого периода диктовались практической необходимостью общения. Но постепенно утверждение русского языка в крае становилось частью государственной политики. Оно происходило в противовес влиянию мусульманского образования и татарского языка и должно было начаться со школьного преподавания. Русский ученый того времени Н. И. Ильминский писал:

«Русское образование должно состоять в том, чтобы развить в населении степном общечеловеческие понятия и русские симпатии; поэтому оно должно носить не только учебный, но и воспитательный характер. С развитием такого образования нужно спешить,

потому что степь быстро отатаривается, а вместе с тем слабнет и влияние русской культуры» (цит. по: Тажибаев 1958, 75).

Действительно, в то время оседлые казахи имели мусульманское образование и скептически относились ко всему немусульманскому, в том числе и к русскому образованию. Совет Министерства народного просвещения решил, что «обрусение татар-магометан может быть введено лишь путем распространения русского языка и образования» (Там же, с. 77). В решении Совета предлагалось: рекомендовать открытие классов русского языка при мектебах и медресе за счет средств местных магометанских обществ. А министр народного просвещения И. Толстой в 1907 г. утверждал, что задача Министерства народного просвещения состоит в том, чтобы «путем школы обрусить все нерусское в государстве» (Там же, с. 79).

Подобного мнения придерживался и оренбургский генерал-губернатор Крыжановский:

«Наши магометане на Востоке, оставаясь в полудиком состоянии, могут быть вредны, а также магометане, умственно развитые и цивилизованные, сделаются опасными. А потому далеко была от меня идея, приглашая киргиз в гимназию, делать из них вполне цивилизованных людей и развивать в них честолюбие, удовлетворение которого было бы невозможно, но руководился мыслью сделать из них сколько можно русских людей, говорящих и пишущих по-русски, готовых всегда возвратиться в свои аулы с начальным русским образованием» (Там же, с. 80).

Организация русского образования начинается с правительственных школ. Местами для их учреждения служили центры русских поселений. Особая забота проявлялась о том, чтобы дети казахов пошли в школу. Школы, открывавшиеся в 60-е гг., были как отдельные — русские, «киргизские» (т. е. казахские), так и смешанные, русско-киргизские. Причем в «киргизских» обучались дети русских переселенцев, которые обязаны были изучать казахский язык. Учителями в них работали молодые люди — казахи, хорошо знавшие русский язык. Однако родители русских детей выступали за отдельное обучение. И в октябре 1865 г. военный губернатор Туркестанской области разрешил отделить русскую школу от киргизской. При этом было высказано пожелание, чтобы в училища «были допускаемы и дети киргиз, когда со стороны ордынцев будет на то согласие и желание» (Учебное дело 1881). В 70-е гг. вновь практиковалось совместное обучение русских и казахских детей, что способствовало лучшему усвоению русского языка. Особенно успешно это обучение проходило в пансионах, куда казахи более охотно отдавали своих детей, так как в них они находились на государственном содержании. К тому же постепенно приходи-

ло понимание того, что русское образование открывает широкие перспективы в жизни.

Развитие образования для Казахстана того времени было актуальной проблемой. По данным переписи 1897 г., грамотность среди казахов составляла 1,2%. Грамотность населения превышала 10% лишь в Акмоленской и Уральской областях. Общая грамотность в начале XX в. определялась в пределах 8–9%. Необходимо было привлечь детей в школы путем разумной политики в сфере образования. Организаторами народного образования в Казахстане в конце XIX в. стали русские ученые В. В. Катаринский, Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский, А. Е. Алекторов, казахский просветитель И. Алтынсарин. Ими были написаны учебники русского, казахского языков, азбуки для русско-казахских школ.

Решительное утверждение русского языка начинается после революции. 2 февраля 1921 г. Совет народных комиссаров КАССР принял декрет «Об употреблении казахского и русского языков в государственных учреждениях республики», в котором сказано:

«В государственных учреждениях Семипалатинской, Акмолинской, Оренбургско-Тургайской, Уральской и Букеевской губерний и Адаевского уезда, составляющих территорию КАССР, употребляются киргизский и русский языки на равных правах» (Языковая политика 1997).

Принятие данного декрета считают началом формирования языковой политики в Казахстане.

Утверждение языка начинается в сфере образования. Не только увеличивается число школ (в 1920 г. — 3478), но и организуется подготовка учителей. В 30-е гг. началась подготовка учителей в вузах республики. А в 40-е гг. после принятия казахским языком русского алфавита обучение русскому языку облегчается, развивается двуязычие. Позднее оно становится массовым. Если преподавание русского языка в русских школах могло осуществляться по традиционным методикам и российским учебникам, то для казахских школ необходима была тщательно продуманная концепция обучения русскому языку с учетом черт генетически и структурно отличающегося казахского языка. Большую помощь в решении этих проблем и в целом в развитии русистики в Казахстане оказали русские ученые С. П. Обнорский, Л. П. Якубинский, Т. П. Ломтев, Н. А. Баскаков, Н. М. Шанский и др.

На развитие языка оказывал влияние количественный состав его носителей. В советское время отмечается постепенный рост русского населения. Упрочение позиций русского языка происходит в годы войны, когда в Казахстан были эвакуированы

научные учреждения, театральные коллективы. Русскоязычное население республики увеличивалось и за счет репрессированных. Многие после окончания срока ссылки остались в Казахстане. Самое же заметное увеличение русскоязычного населения происходит в период освоения целинных земель. По данным переписи 1959 г., в то время казахов в республике было 30%, русских — 42,7%. Рост численности русского населения является одним из факторов расширения функционирования русского языка в быту, семье. Увеличивалось число смешанных браков, что также способствовало развитию двуязычия.

Интенсивное распространение русского языка было обусловлено языковой политикой государства, цель которой состояла в том, чтобы русский язык стал «вторым родным» для нерусских народов СССР. Русский язык открывал путь к образованию и культуре, и многие казахи предпочитали отдавать своих детей в русские школы. В период 1950–1970 гг. в республике закрыли 1314 казахских школ. Однако и прежде, и сейчас, когда ситуация существенно изменилась и число казахских школ превышает число русских, оба языка являются обязательными предметами преподавания и входят в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании.

В исследованиях ученых обращается внимание на существенные территориальные различия в степени распространения русского языка. В наибольшей мере он используется в Восточно-Казахстанской, Акмолинской, Северо-Казахстанской областях. Далее следуют Карагандинская, Кустанайская, Павлодарская области, город Алматы. В 90-е гг. в результате активных миграционных процессов повсеместно сокращается русскоязычное население страны. После распада СССР в Казахстане ускорился процесс выезда немцев, греков, поляков, евреев и болгар, большинство которых являются русскоязычными, на свою историческую родину. Их численность за межпереписной период (1989–1999 гг.) в республике сократилась на 653 тыс. человек (на 60,5%). На 1977 тыс. человек (28%) уменьшилось число русских, украинцев, белорусов.

Соотношение русского и казахского населения — двух основных этносов Казахстана — представляет следующая таблица:

	1926	1959	1962	1979	1997	1999
казахи	57,1%	30%	28,9%	36%	51%	53,4%
русские	19,7%	42,7%	40%	40,8%	32%	30%

Таблица 1

Языковая ситуация в республике изменилась после развала СССР и обретения Казахстаном суверенитета. Казахский язык объявлен государственным, а русский — официальным. Кон-

цепция языковой политики в Казахстане сориентирована на то, чтобы со временем казахский язык стал средством межнационального общения. В целях утверждения казахского языка предусмотрено:

«Установить для государственных служащих, а также работников сферы науки, культуры, образования, здравоохранения и обслуживания населения требования в части владения государственным языком».

Принятый в 1997 г. закон «О языках в Республике Казахстан» провозгласил приоритетность государственного языка. В законе говорится о «поэтапном переводе делопроизводства на казахский язык», о том, что устанавливается перечень профессий, специальностей и должностей, для которых необходимо знание казахского языка. Кроме того, сказано:

«В целях создания необходимой языковой среды и полноценного функционирования государственного языка объем передач по телерадиовещательным каналам, независимо от форм их собственности, на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках».

Новую языковую политику в Казахстане называют одной из причин отъезда русских. Однако реально русский язык доминирует во всех сферах применения. Владеют русским языком 84,8% населения республики. В городах этот процент существенно выше — 92,5%, в сельской местности меньше — 74,9%. Проверка фондов библиотек представителями Азиатского банка развития выявила, что литературы на казахском языке в них — 12%, на русском — 86%, на других языках — 2% (данные на 1998 г.). На русском языке издается 393 наименования газет, 78 журналов, транслируется 20 телевизионных каналов (данные на 2000 г.).

Но политика государства в сфере образования дает свои результаты. Значительно увеличилось число школ с казахским языком обучения. Численность учащихся общеобразовательных школ по языкам обучения (на начало учебного года; в тыс. человек) представлена в таблице:

язык обучения	1996/97	1997/98	1998/99	1999/00	2000/01
казахский	1421,8	1475	1530,1	1568,9	1692,7
русский	1558,3	1498,4	1462,4	1422,7	1441,5

Таблица 2

Однако в сфере высшего образования преобладает русский язык. Количество студентов на отделениях с казахским языком обучения составило к 2000 г. около 32% (85300), количество студентов на русских отделениях — около 68% (181000).

В обществе дискутируется вопрос о том, сохранит ли русский язык свой статус средства межнационального общения. Какой будет его дальнейшая судьба? Изменится ли состояние языка в условиях относительно самостоятельного, оторванного от России существования? Можно ли говорить о формировании варианта русского языка в Казахстане? Впрочем, эти вопросы могут быть отнесены и к ситуации с русским языком во многих постсоветских странах.

Очевидно, что изменяется соотношение объема функций, выполняемых двумя главными в государстве языками. Однако полного отстранения русского языка не произойдет, так как его статус закреплен в Конституции. В статье 7 сказано:

«1) в Республике Казахстан государственным является казахский язык, 2) в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык».

ЛИТЕРАТУРА

- Гейер 1893 — И. Гейер. *По русским селениям Сыр-Дарьинской области. (Письма с дороги)*. Туркестанские ведомости, 1893, 21 февраля.
- Греков 1953 — Б. Д. Греков. *Киевская Русь*. Ленинград, 1953.
- Закон 1997 — *Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан»*. Казахстанская правда, 1997, 12 июля.
- Казахстан 2001 — *Казахстан: 1991–2001 годы. Информационно-аналитический сборник*. Под ред. А. А. Смаилова. Алматы, 2001.
- Концепция 1996 — *Концепция языковой политики Республики Казахстан*. Алматы, 1996.
- Пономарев 1899 — Н. Пономарев. *По вопросу о русской колонизации в степных областях*. Туркестанские ведомости, 1899, 6 июня.
- Тажигаев 1958 — Т. Т. Тажигаев. *Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине 19 века. Ч. I*. Алма-Ата, 1958.
- Турсунбаев 1950 — А. Б. Турсунбаев. *Из истории крестьянского переселения в Казахстан*. Алма-Ата, 1950.
- Учебное дело 1881 — *Учебное дело в Туркестанском крае*. Туркестанские ведомости, 1881, № 36, 9 сентября.
- Языковая политика 1997 — *Языковая политика в Казахстане (1921–1990 гг.)*. Сборник документов. Алматы, 1997.

Miloš Okuka
München

KUD PLOVI BOSANSKI (BOŠNJAČKI) JEZIČKI BROD? (O USPOSTAVLJANJU I PROPAGIRANJU BOSANSKOG KNJIŽEVNOG JEZIKA)

Социолингвистические аспекты современного сербско-хорватского языка – из истории вопроса – идея боснийского языка – дискуссии и точки зрения – тупики и перспективы

1. Vaskrsnuće bosanskog jezika

Naziv *bosanski jezik* bio je u oficijelnoj upotrebi u Bosni i Hercegovini od 1890. do 1907. godina, kada je zamijenjen nazivom *srpsko-hrvatski jezik*, i to odlukom najvišeg političkog organa zemlje — Bosanskog sabora. Austrougarske vlasti su, dakle, ovaj naziv jednim *dekretom* nametnule, a onda ga novim dekretom *izbacile* iz javnog života Bosne i Hercegovine. Od završetka 1. svjetskog rata do 90-tih godina taj se naziv u lingvistici i politici nije ni pominjao. A onda je najedanput vaskrsnuo. Kako to?

Tome je više razloga. Nije ih jednostavno ni objasniti ni shvatiti jer su srpskohrvatsko-muslimanski odnosi bili suviše komplikovani kako u prvoj tako i u drugoj Jugoslaviji, jer su se njihovi politički i kulturno-istorijski putevi i poklapali i križali i potpuno odvajali. No osnovni je razlog tome izgleda suviše sporo sazrijevanje i uobličavanje muslimanske nacionalnosti: tek 1971. godine bosanskohercegovачки muslimani su zvanično priznati kao posebna nacija pod imenom *Musliman*, a 1993. godine su se proglasili državotvornom nacijom pod imenom *Bošnjak*, što je sankcionisano i Ustavom bošnjačko-hrvatske Federacije iz 1994. godine. Ukliješteni između dvaju većih naroda, Srba i Hrvata, Muslimani su dugo plivali — katkad nespretno i naivno, katkad i podanički, ali katkad i dosta uspješno — između njihovih nacionalnih i književnojezičkih tradicija, političkih strujanja i sukoba, koji su imali, nekad skriveno a nekad i otvoreno, i oznake nacionalnog negiranja bosanskomuslimanskog naroda. Uz to se jezik dugo nije uzimao kao komponenta nacionalnog identiteta budući da se — i u nauci i u službenoj politici — govorilo o *jednom*, zajedničkom književnom jeziku Hrvata, Srba, Crnogoraca i Muslimana. U skladu s tim Bosna i Hercegovina je posebno bila osjetljiva i glasna i od 70-tih godina našeg vijeka je u više navrata donosila i

ozakonjavala akte o jezičkom ponašanju u sredstvima javnog informisanja, školstvu, izdavaštvu, upravi i uopšte u javnom komuniciranju. To su tzv. dokumenti o književnojezičkoj politici koji su, manje-više, uspješno primjenjivani u praksi sve do raspada druge Jugoslavije. O čemu se zapravo radilo?

Kada je 1967. godine u Zagrebu obznanjena «Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika» te nakon toga u Beogradu «Predlog za razmišljanje» (o srpskom jeziku), Bosna i Hercegovina se našla direktno pogodena zbog nacionalnog sastava svog stanovništva i zbog bojazni da će doći do nametanja i favoriziranja na njenoj teritoriji neke od dviju književnojezičkih varijanata, istočne (srpske) ili zapadne (hrvatske). Došlo se, naime, do uvjerenja da je Bosna i Hercegovina jezička regija u kojoj se te dvije varijante *neutraliziraju* (ili međusobno prožimaju) u okviru autohtonog književnojezičkog idioma, da jezičke razlike predstavljaju samo bogatstvo izraza a ne njegovu slabost te da u skladu s tim treba izgrađivati i jezičko-političke instrumentarijume koji će se temeljiti na jezičkoj toleranciji. Od 1967. do 1971. godine tako je usvojeno više dokumenata o jezičkoj politici čiji je bio cilj nesmetano funkcionisanje standardnog jezika u jednoj složenoj, višenacionalnoj zajednici.

Ti su se dokumenti, kao oblici svjesnog planiranja i usmjeravanja jezika, bazirali na glavnom sociolingvističkom zaključku sa *Simpozijuma o jezičkoj toleranciji*, održanom u Sarajevu 1970. godine, koji glasi:

«Književnojezička stvarnost u Socijalističkoj Republici Bosni i Hercegovini specifična je kao što je specifičan i njen društveno-politički položaj — s obzirom na činjenicu da u ovoj republici žive pripadnici više nacija (Sibi, Hrvati, Muslimani) i s obzirom na to da se književni jezik razvijao u posebnim uslovima: da se u njemu ogleda kako naše autohtono bosanskohercegovačko kulturno nasljeđe tako i uticaj nacionalnih kultura naroda srpskohrvatskog jezičkog područja. Književni jezik u Bosni i Hercegovini veoma je široko jedinstvo raznolikosti u književnojezičkoj praksi na cijelom srpskohrvatskom jezičkom području».

Ubrzo nakon Simpozijuma, koji je u javnosti veoma pozitivno prihvaćen, 17.02.1971. godine bosanskohercegovačke društveno-političke organizacije usvojile su i *osnovne* principe književnojezičke politike, koji se zasnivaju na sljedećim načelima:

- «1. Prihvatanje hrvatskosrpskog, odnosno srpskohrvatskog književnog jezika kao jednog jezika sa svim raznolikostima i varijantnim razlikama;
2. otvorenost prema pozitivnim kulturnim i jezičkim uticajima iz svih republika i svih kulturnih sredina našeg jezičkog područja;
3. njegovanje autohtonih književnojezičkih i kulturnih vrijednosti, koje su zajedničko blago svih naroda BiH i čine most među njihovim kulturama, tj. insistiranju na onome što nas povezuje i zbližava i

4. puna sloboda individualnog izbora jezičkih izražajnih sredstava bez obzira na njihovu varijantsku markiranost u drugim sredinama».

Na osnovu ovih principa Skupština Bosne i Hercegovine je 26.07.1971. usvojila i «Zaključke o književnojezičkoj politici u vaspitno-obrazovnoj djelatnosti u SR Bosni i Hercegovini», koji su dakle imali zakonsku snagu. Prema njima, škole i druge ustanove u odgojnoj djelatnosti bile su obavezne:

- «1. Upotrebu dvočlanog naziva jezika *sprskohrvatski* – *hrvatskosrpski*. Oba su naziva ravnopravna. U nastavnim programima, udžbenicima i školskim tiskanicama upotrebljava se dvočlani naziv našeg jezika.
2. Ravnopravnu primjenu oba pisma (ćirilice i latinice). Udžbenici i priručnici namijenjeni učenicima osnovnih i srednjih škola treba da se štampaju ravnomjerno na oba pisma. Školska nastava, u prvom redu u osnovnoj školi, treba da osposobi sve učenike da se jednako služe i latiničkim i ćiriličkim pismom. To ne može biti samo obaveza nastavnika maternjeg jezika nego i razrednih učitelja kao i svih nastavnika ostalih predmeta. Svi nastavnici osnovne škole i nastavnici hrvatskosrpskog jezika u srednjim školama obavezni su da se na časovima naizmjenično služe ćiriličkim i latiničkim pismom.
3. Nastava u ustanovama osnovnog i srednjeg obrazovanja izvodi se na ijekavskom književnom izgovoru: svi nastavnici razredne nastave i predmetne nastave u osnovnoj školi, kao i nastavnici srpskohrvatskog jezika u srednjim školama izvode nastavu ijekavskim književnim izgovorom»¹.

Ovi principi književnojezičke politike su se, manje-više, uspješno primjenjivali u praksi, zavisno od intenziteta centripetalnih i centrifugalnih sila u politici i to ne samo u Bosni i Hercegovini nego i u Srbiji i u Hrvatskoj, sve do najave, a potom i zvaničnog uvođenja političkog pluralizma u Jugoslaviju, pa time i u ovu Republiku. Vladajuće nacionalne stranke Bosne i Hercegovine — SDA, SDS i HDZ — nisu se u svojim osnovnim programima u prvoj fazi *direktno* bavile pitanjima jezika, ali samim tim što su *nacionalne* i što su im u programima i u djelovanju iznad svega *nacionalni ciljevi*, jezik je uziman kao «najvažnija narodnosna duhovna odrednica» (Alija Isaković) i ušao je u žižu političkih rasprava i sukoba. Tako su se sukobile dvije glavne struje, separatistička i unitaristička. Muslimani i Hrvati su isticali da su jezički diskriminirani, a Srbi da se u praksi zapostavlja, odnosno progoni ćirilica. Osobito bučni bili su neki muslimanski intelektualci i političari, koji su vješto i sinhronizovano koristili sredstva javnog komuniciranja (radio, televiziju, novine, javne tribine i dr.) u zahtjevima za konačno nacionalno oblikovanje i homogenizaciju pod narodnim imenom *Bošnjak* i u propagiranju tzv. muslimanskih jezičkih osobnosti koje su navodno bile potisnute iz jezičke norme te, posebno, u uvođenju novog imena jezika — *bosanski* — kao jedne od najvažnijih nacionalnih komponenti bosanskohercegovačkih Muslimana.

Devedesetih godina je dakle u Bosni i Hercegovini ponovo vaskrnuo naziv *bosanski jezik* i počeo dominirati javnom scenom. Na televiziji su mu se pjevale ode, držane su tirade o njegovoj ljepoti, prefinjenosti, uzvišenosti. U dnevnom listu «Oslobodenje» tokom 1991. godine pojavilo se više napisa u kojima se tražilo vraćanje naziva *bosanski jezik* i protjerivanje naziva *srpskohrvatski*, odnosno *hrvatskosrpski*. Tako A. Isaković izjavljuje 19.01.1991. da «termin srpskohrvatski – hrvatskosrpski Muslimani doživljavaju kao unitaristički termin, što zapravo i jeste, jer taj narod lišava udjela u imenovanju jezika».

Amira Idrizbegović 23.02.1991. kaže da je «konačno došlo vrijeme da se, bez kompleksa, preispita i verificira sve što je specifično u našem jeziku i da mu se ozvaniči naziv. Logično bi bilo da se u Bosni i Hercegovini jezik naziva *bosanskim* kao što se na ovom području nazivao stoljećima».

A Ragib Lubovac 09.02.1991. uzvikuje da je bosanski jezik «otišao u mit». A «mit je sve ono što je prošlo kroz nas i ostalo — u — nama. Mit je fundamentalan. Mitologija u umjetnosti je sudbina ili udes naroda. Tako je i jezik i umjetnost vlastita forma što stanuje iznad nas — u — nama». Jer «patnja i bijes» ne izaziva im «ono što jeste, nego da ono nije kako bi moglo biti».

Pored «Oslobodenja» u jezičke diskusije uključile su se i druge revije. A. Isaković, glavni ideolog jezičkog bošnjaštva, ponovo se javio u «Ogledalu» (1991, 3/4, januar – februar) iznoseći i ovu tvrdnju: «Bosanski jezik postoji u narodu i u literaturi koliko hrvatski i srpski jezik. Razlikuje se i od srpskog i od hrvatskog u mjeri u kojoj se ti jezici razlikuju međusobno». Zilhad Ključanin u «Književnoj reviji» (1991, 5, mart) kaže da je bosanski jezik danas «skup specifičnih jezičkih osobenosti ikavsko-šćakavskog i ikavsko-štakavskog govora sa ijekavskim govorom u Bosni». Njegova «renominacija», misli on, iziskuje «povratak pamćenja» muslimanskog naroda, jer se na njemu vršilo sistematsko «poliranje sjećanja» i to od «austro-ugarskih crno-žutih tišljerija, preko srpskih crveno-plavih, do crvenih jugoslovenskih». Ključanin ide tako daleko da izjavljuje da je nad bosanskim jezikom izvršen ni manje ni više nego *genocid*. Pa «ako je bosanski jezik *zbrisan* jednim aktom (austrijskim), onda treba da bude i *upisan* jednim aktom. 'Povratak pamćenja' može početi danas». I onda slijedi zaključak: «Jezik Muslimana u Bosni i Hercegovini može se imenovati *bosanskim*. Može i *muslimanskim*... Ne dokazujem, dakle, ništa. Moj grijeh je samo u tome što se zalažem da *živ hazarski jezik* oživi. Živog da ga dignem iz (isuviše) živih».

Ovakve izjave nisu, naravno, pratile lingvističke potvrde, elaboracije. Toga nema čak ni kod lingviste Senahida Halilovića, koji u diskusiji u «Oslobodenju» (16.02.1991) kaže da je bosanska varijanta «autentična koliko i hrvatska, srbijanska, crnogorska»,

ponosno uzvikujući: «Govorim i pišem bosanski». Ali Halilović ipak donekle uzima u obzir i «bosanske Srbe» i «bosanske Hrvate» kad je u pitanju imenovanje jezika.

Srbi i Hrvati su međutim s rezervama ili odbijanjem pratili ovakve diskusije i svu halabuku oko bosanskog jezika. Jedino je Hrvat Željko Puratić, klasični filolog, u anketi «Oslobodenja» (23.02.1991) progovorio o posebnosti bosanskog jezika «i u nazivu i u izričaju», nastojeći da dokaže da i jedno i drugo postoje od 10. do 12. vijeka, brkajući pritom jezik pismenosti i standardni jezik. Za njega je jezik Bosne «jezik *bosanski* ili *bosanskosrpskohrvatski* raznolike i *šire* izražajnosti». Drugi hrvatski i srpski filolozi i književnici su ovakve rasprave izbjegavali, a oni pojedinci koji su se ipak javno oglasili bili su protiv takvog načina raspravljanja i protiv ustoličenja 'novog' jezika. Tako hrvatski pisac Vitomir Lukić odlučno izjavljuje da «ne postoji nikakav muslimanski jezik», a srpski pisac Ranko Risojević govori o manjkavosti u diobi jezika. «Dijeliti jabuku na tri dijela i vjerovati da će svaki dio dati neki plod, zaista je slučaj za psihijatriju», zaključuje on.

Svi su znakovi međutim pokazivali da se ide ka dezintegraciji — u društvu, u školstvu, u kulturi, u jeziku. Na sceni su bili prisutni dijametralno suprotni programi i ciljevi vladajućih nacionalnih partija, žučne rasprave, nacionalne homogenizacije, te promoviranje *svojih*, nacionalnih, uzvišenih ciljeva. U takvoj atmosferi se tokom 1991. godine u Bosni i Hercegovini pristupilo popisu stanovništva i radu na izradi novog Ustava.

Popis stanovništva je bio prvi otvoreni znak da će nacionalne partije uništiti jezičko (i ne samo jezičko) zajedništvo koje se do tada svim silama grčevito branilo i glasno propagiralo. Iako je bilo velikih primjedbi i otpora načinu na koji je popis pripreman, vladajuća većina je, i to baš u vrijeme javnih istupa o jeziku, uvela u popismni formular i rubriku *maternji jezik*, dajući pritom i odgovore, odnosno alternacije: *bosanski*, *hrvatski*, *srpski*, *srpskohrvatski*, *hrvatskosrpski*. I dogodilo se upravo ono što se i željelo da se dogodi u eri agitacije za bosanski jezik: za naziv *bosanski jezik* izjasnilo se 37,51% popisano stanovništva, za naziv *srpskohrvatski* 26,62%, za naziv *hrvatskosrpski* samo 1,41%, a za *srpski* 18,85% i *hrvatski* 1,56%. Iako je izražena sumnja u vjerodostojnost podataka i u korektnu provedbu popisa stanovništva (veliki broj nepismenog i polupismenog stanovništva, zaoštreni međunacionalni odnosi, jak uticaj medija, uticaj samih popisivača na «svom terenu popisa» itd.), — statistički podaci ostaju kao trajan dokument koji se može interpretirati (i koji se naravno intepretira) na razne načine i koji se mogu iskoristiti u različite svrhe. Tako se rezultati popisa stanovništva u Bosni i Hercegovini i uzimaju kao jedan od osnovnih argumenata za

uspostavljanje paralele: *nacija – Bošnjak, jezik – bosanski, država – Bosna*.

Analizirajući rezultate o izjašnjavanju popisanog stanovništva o maternjem jeziku (napominjemo da veliki broj stanovništva, iz raznih razloga, nije bio ni obuhvaćen popisom) na popisu stanovništva Bosne i Hercegovine iz 1991. godine, Bernes Alihodžić u «Ljiljanu» (1993, br. 43, 10. 11), pod naslovom «Većina govori bosanski, zaključuje sljedeće:

- a) Najviše stanovništva se izjasnilo za naziv bosanski jezik. Ovim je nedvosmisleno potvrđena volja da se vrati stari, prirodno nastao naziv jezika. Također, to upućuje na neraskidivu vezu jezik – država.
- b) Bosanski jezik ima najveću disperziju i gustinu izjašnjavanja.
- c) Dvije trećine stanovništva (65,54%) potvrdilo je da je njegov maternji jezik različit od susjednih jezika srpskog i hrvatskog². To samo po sebi govori o nivou svijesti o sopstvenom jeziku, njegovoj posebnosti i samosvojnosti.
- d) Izjava o maternjem srpskom ili hrvatskom jeziku stanovništva Bosne i Hercegovine može se shvatiti na razne načine. To može značiti da je porijeklo 32,56% stanovništva iz Srbije (18,85%) ili iz Hrvatske (13,56%). Može se tumačiti kao potreba tog dijela stanovništva za nekakvom duhovnom povezanošću sa rezervnim domovinama Srbijom i Hrvatskom. U svakom slučaju upućuje na zaključak da im je Bosna i Hercegovina strana i da je ne priznaju za svoju.
- e) Može se govoriti o političkom uticaju na izjašnjavanje u slučaju srpskog jezika, jer dio Srba u BiH se izjašnjava za srpski jezik a Srbi u Srbiji ga odbacuju na Skupštini i zadržavaju naziv srpskohrvatski – hrvatskosrpski.
- f) Hrvati u zapadnoj Hercegovini, gdje su u većini 95–98 % imaju jak stepen identifikacije sa Hrvatskom na što upućuje njihovo skoro stopostotno izjašnjavanje za hrvatski jezik. U ovim strašnim vremenima brzog sazrijevanja nije slučajno da se pitanje jezika a u najnovije vrijeme i promjeni imena naroda pridaje velika važnost. U situaciji kad je došao u pitanje opstanak Bosne i Hercegovine i bosanske nacije sama po sebi se nameće potreba jasnog definisanja odnosa *narod – jezik – država*. Pored svih belaja i strahota koje preživljava najljepša zemlja na svijetu i najljepši narod na svijetu³ došla je na red da pukne i ta rogovatna i nametnuta konstrukcija *Musliman – srpskohrvatski – hrvatskosrpski jezik – Bosna i Hercegovina*. Stvari treba staviti na svoje mjesto, logično i prirodno *Bošnjak – bosanski jezik – Bosna i Hercegovina*⁴

Treća etapa u borbi za bosanski jezik trebala je da bude i završna: «činjenično» stanje sankcionisati u novom Ustavu Republike. Rad na ustavnim Amandmanima je međutim tapkao u mjestu jer se vladajuće partije nisu mogle ni u čemu dogovoriti. Osobito vruć zalogaj za Ustavnu komisiju bila je odredba o jeziku budući da je jezičko pitanje bilo već toliko ispolitizirano da je moglo doći i do usijanja, do eksplozije. U međuvremenu se pojavila i knjiga «Bosanski

jezik» Senahida Halilovića (Sarajevo, 1991), koja je trebala i teorijski i činjenično da dokaže, sve u skladu sa ciljevima Stranke demokratske akcije i muslimanskog kulturnog društva «Preporod», samobitnost bosanskog jezika, odnosno da, kako njen autor veli, «sine ira et studio — udovoljiti naraslim potrebama za osnovnim podacima o sudbini bosanskog jezika». Vatreni pobornici bosanskog jezika osjetili su da je kucnuo njihov čas i svim su snagama krenuli u ofanzivu da se i ustavno sankcioniše naziv *bosanski jezik*.

Ali u nemogućnosti dogovora o ustavnoj odredbi za jezik u heterogenoj Ustavnoj komisiji, odlučeno je da se formira tzv. *Stručna podgrupa za jezik i pismo*, koju su sačinjavali po dva predstavnika nacionalnih kulturno-prosvjetnih društava: muslimanskog «Preporoda» (književnik Alija Isaković i lingvist Senahid Halilović), srpske «Prosvjete» (književni kritičar Stevo Čosović i lingvist Miloš Kovačević) i hrvatskog «Napretka» (književnici Veselko Koroman i Anđelko Vuletić, koga su mijenjali, prvo klasični filolog Petar Knežević pa onda književnici Veselko Koroman i Željko Ivanković) te direktorica *Instituta za jezik* u Sarajevu (Naila Valjevac) i dva predstavnika *Odsjeka za južnoslovenske jezike Filozofskog fakulteta u Sarajevu* (Josip Baotić i Miloš Okuka).

Kao osnovu za raspravu *Ustavna komisija* je poslala sljedeću radnu definiciju: «U Bosni i Hercegovini u službenoj upotrebi je srpskohrvatski odnosno hrvatskosrpski jezik ijekavskog izgovora (bosanski jezik). Oba pisma, latinica i ćirilica su ravnopravni. Bogatstvo različitih jezičkih izraza i pisama je kulturno bogatstvo koje se posebno poštuje i štiti». Voditelj Ustavne komisije je tome (da li u saglasnosti sa njenim članovima ili ne!) dodao: «Predloženo je da se u stavu 1. predvidi naziv jezika 'bosansko-srpsko-hrvatski', u skladu sa rezultatima posljednjeg popisa u republici, gdje se veliki broj građana izjasnio za bosanski jezik kao maternji». Uz to je Ustavna komisija praktično opunomoćila nacionalna kulturno-prosvjetna društva, kao produžene ruke nacionalnih stranaka, da oni vode odlučujuću riječ o ustavnoj odredbi o jeziku, a predstavnicima vodećih jezičkih institucija, budući da su bili u apsolutnoj manjini, dodijelila formalnu, sporednu ulogu.

Tokom oktobra i novembra 1991. godine *Stručna podgrupa za jezik i pismo* nekoliko je puta zasjedala i razmatrala ustavnu problematiku jezika i pokušala da dode do zajedničkog prijedloga definicije. No na samom početku se pokazalo da je nepremostiv jaz između mišljenja nacionalnih stranaka (društava) i umjerenih, neutralnih lingvista.

Srpska «Prosvjeta», mada ne ubjedljivo, predložila je u svom dopisu od 08.10.1991. da se zadrži ranija ustavna formulacija o jeziku po kojoj je «u službenoj upotrebi srpskohrvatski odnosno hrvatskosrpski jezik ijekavskog izgovora». «Prosvjeta» je međutim zahtije-

vala suštinsku izmjenu u odredbi o pismu — «oba pisma (ćirilica i latinica) ravnopravna su, a i ravnomjerna u upotrebi propisanim zakonom» — gdje pada u oči riječ *ravnomjerna*, što ustvari znači *obavezna* na cijelom prostoru Republike bez obzira na sastav stanovništva pojedinih regija ili mjesta.

Muslimanski «Preporod» dopisom od 03.09.1991. izašao je sa sljedećim prijedlogom (zahtjevom):

«U Republici Bosni i Hercegovini u službenoj upotrebi je bosansko-srpsko-hrvatski jezik, odnosno srpsko-hrvatsko-bosanski ili hrvatsko-srpsko-bosanski jezik ijekavskog izgovora. Oba pisma (latinica i ćirilica) su ravnopravna».

U obrazloženju se navodi da

«današnji naziv jezika potiče iz vremena u kojem je negiran bosanski muslimanski narod, njegova kultura i jezik», da je «prirodno pravo naroda da svoj jezik imenuje» kako želi, «a Muslimani su to učinili i u ovogodišnjem popisu stanovništva ogromnim procentom». Pa budući da su «današnje jezičke varijante u funkciji standardnih jezika, to bosanski jezik mora biti u svemu izjednačen sa hrvatskim i srpskim jezikom, počevši od zajedničkog imenovanja do ravnopravnosti u obrazovanju, administraciji i ukupnom javnom životu»

«Preporod» je kasnije više puta mijenjao svoje prijedloge i ubacivao razne varijacije «na istu temu» (npr. «bosanski ili hrvatski ili srpski jezik»; «U Bosni i Hercegovini u službenoj upotrebi je zajednički jezik koji Muslimani zovu bosanskim, Srbi srpskim, Hrvati hrvatskim. Izgovor je ijekavski» itd.), ali je ustrajno ostajao na zahtjevu da u ustavnu odredbu u jeziku *mora* ući naziv — *bosanski jezik*.

Hrvatski «Napredak» je dopisom od 08.11.1991. izašao sa sljedećom formulacijom:

«U Bosni i Hercegovini u službenoj upotrebi je bosanski, hrvatski, srpski jezik ijekavskog izgovora. Oba pisma, latinica i ćirilica su ravnopravna. Način upotrebe i ravnopravnost jezika i pisama uredit će se zakonom».

U obrazloženju formulacije kaže se da Ustav «*mora* garantirati» pravo svim građanima koji su

«pripadnici konstitutivnih naroda u BiH da jezik kojim se služe nazovu onako kako to (bar u ovom trenutku) žele», jer uskraćivanje prava «na nacionalno ime jezika nužno dovodi do uskraćivanja drugih elementarnih (kulturnih, nacionalni, vjerskih i dr.) prava i sloboda»

Predstavnici Odsjeka za južnoslovenske jezike Filozofskog fakulteta i Instituta za jezik insistirali su na zajedničkom nazivu jezika — *srpskohrvatski/hrvatskosrpski* — pokušavajući sociolingvističkom argumentacijom ukazati na kobne posljedice rušenja jezičkog zajedništva, rušenja koje će se neminovno odraziti u kulturi, školi, administraciji, izdavaštvu i sredstvima javnog informisanja. Nastojali su da dokažu kako je zahtjev za trojnim nazivom jezika (*bosanska – srpski – hrvatski*) u najvećem zakonskom aktu Zemlje u direktnoj suprotnosti sa deklarativnim izjavama vladajućih partija (osobito muslimanskih) da se po svaku cijenu mora sačuvati «jedinствена i nedjeljiva Bosna i

Hercegovina», kako se time ruši temeljna značajka bosanskohercegovačkog društva — njegova multikulturalnost, kako je to samo ustavno sankcioniranje *nacionalne homogenizacije* (dakle podjele po nacionalnoj pripadnosti), kako će na taj način doći do velikog prestrukturiranja u društvu, do potpunog raspada školskog sistema na konfesionalne (nacionalne) škole kao što je to bio slučaj prije Austro-Ugarske (1878) itd. Predstavnici jezičkih institucija su, uz to, pokušali — naivno vjerujući u dobre namjere zakonodavca i u istorijsku razboritost predstavnika nacionalnih partija i društava — da pomire suprotne prijedloge nekom kompromisnom formulacijom o statusu jezika u ustavnim odredbama. Tako se došlo do sljedeće formulacije: «U Bosni i Hercegovini u službenoj upotrebi je srpskohrvatski – hrvatskosrpski jezik ijekavskog izgovora, koji Hrvati zovu hrvatskim, Muslimani bosanskim, Srbi srpskim. Oba pisma (ćirilica i latinica) su ravnopravna». Ni to nije zadovoljilo *sve* članove *Stručne podgrupe za jezik i pismo*, mada su, ustvari, i tom formulacijom bila odškrinuta vrata budućoj jezičkoj podjeli. Tome su se prijedlogu priklonili samo predstavnici «Prosvjete». (Tako je bilo ukupno *pet* glasova za taj prijedlog). Predstavnici «Preporoda» i «Napretka» su uporno istrajavali na svojim zahtjevima i glasali su za formulaciju «Napretkovu» (ukupno četiri glasa). Nakon te pat pozicije odlučeno je, u mučnoj i frustriranoj atmosferi, da se Ustavnoj komisiji jednostavno proslijede ovi zaključci i cijela iscrpljujuća i nevesela priča o radu *Stručne podgrupe za jezik*. Ustavna komisija se nakon toga nije više obraćala toj radnoj grupi (ili to možda važi samo za njene nepoželjne članove!) tako da nije jasan dalji tok rasprava o jeziku na tom nivou. A ko zna je li tih rasprava više i bilo: nacionalne stranke su radile, *intenzivno i sustavno*, na podjeli, na izazivanju mržnje i krvavih sukoba. Zajednički Ustav nisu ni uradile ni usvojile. Imale su nažalost «prećih poslova»!

Tako je *uskakanje* bosanskog jezika u planirani, *zajednički* Ustav Republike Bosne i Hercegovine tada privremeno odgođeno. Slijedila su, kao što je poznato, strašna ratna vremena i samoproglašavanje novih država u državi, Republike Srpske, Hrvatske Republike Herceg-Bosne i tzv. Muslimanske Bosne (koja je sebe predstavljala *jedino* legitimnom na cijelom bosanskohercegovačkom prostoru). Tako je ta Država, nekad jezički složna i tolerantna, postala *trojezična*. Tako je došlo do nemilosrdnog čišćenja tih «triju jezika» (bosanskog, srpskog i hrvatskog) od «stranih naslaga», od «neprijateljskih izraza». Tako je došlo do nezapamćenog nasilja nad jezikom i u jeziku kod sve tri nacije.

2. Kud plovi bosanski (bošnjački) jezički brod

«U jezičkim sporovima između Srba i Hrvata Bosanci zastupaju, uopšteno gledano, neutralnu poziciju, koja naglašava slobodni, individualni izbor jezičkih sredstava. Muslimanski krugovi propagiraju danas 'bosanski jezik' sa svjesnim približavanjem hrvatskome». Tako o jezičkoj situaciji u Bosni i Hercegovini sažima Petra Rehder u drugom izdanju leksikona «Das neue Osteuropa von A – Z» iz 1993. godine ('Nova Istočna Evropa', ed. Peter Rehder). U odjeljku «Novi razvoj događaja», koji je dopisan u vrijeme munjevitih promjena,

ona dodaje da je propagiranje bosanskog jezika, uz nove državne simbole i vlastitu valutu, jedno od temeljnih oznaka u borbi za uspostavu nezavisne Republike Bosne i Hercegovine.

Od tada do danas, kao što je poznato, desile su se krupne promjene u duhovnom životu ratom razrušene i razjedinjene Bosne i Hercegovine. Između ostalog, oficijelno je uspostavljena trojezična Republika. Šta će to konkretno značiti u budućnosti teško je predvidjeti. Jezička praksa je, naravno, daleko od željenih, političkih proklamacija i nametnutih rješenja. Jedno je sigurno: u tri «nacionalna» područja uvedeni su čisti nacionalni jezici — hrvatski, srpski i bosanski. A to ustvari znači da je i u jeziku, kao i u životu, izvršeno «etničko čišćenje» u skladu sa ideologijama vladajućih nacionalnih stranaka: u administraciji, u školi, u sredstvima javnog komuniciranja, u javnim natpisima itd. Tamo gdje se nekako održavala tzv. multikulturalnost, bar u nekoj nedefinisanoj formi «života jednih pored drugih», pojavljivali su se (i još uvijek se pojavljuju) gotovo neriješivi problemi. Osobito je velika animoznost prema tzv. srpskim (i komunističkim) jezičkim elementima. Tako npr. «Slobodna Dalamacija» od 23.06.1995. izvještava iz Tuzle:

«U Tuzli još uvijek postoji Bulevar JNA, ulice 22. decembra, 29. novembra, Skojevska, Titova i još niz drugili čije ime podsjeća na agresora, ali i na bivši komunistički režim. Jednako, svi natpisi javnih ustanova su i ćirilicom, što čudi, jer su prije nešto od godinu dana obnovljeni, stavljeni su grbovi s ljiljanima, ali ćirilica nije uklonjena. Jasno, to iritira mnoge građane, ali i općinske vijećnike koji su u više navrata pokušavali pokrenuti inicijativu za promjenom ovakvog sramnog stanja, ali ostaci boljševičkoga sustava uvijek bi se opirali tome, tako da je, primjerice, danas sjedište HDZ-a u Skojevskoj ulici, franjevačkog samostana u Ulici ozrenskoga odreda (projektil s Ozrena nedavno je u Tuzli ubio preko sedamdeset civila) i slično. Bilježimo i primjer bunta protiv ovakvog stanja kada, recimo, Ante Zvonar, predsjednik Općinskog odbora HDZ-a u Općinskome Vijeću, nije litio primiti iskaznicu općinskoga vijećnika, jer tekst nije ispisan hrvatskim, već srpskim jezikom»

Na kraju ovog dopisa izvještač navodi da je konačno «i reformističko-komunistička koalicija, koja obnaša vlast u gradu odoljela pritiscima» i izašla u susret zahtjevima nacionalnih stranaka u mijenjanju «toga sramnog stanja». Ako je to, dakle, doista tako u Tuzli, koja u svijetu važi kao oaza u kojoj su još nekako zajedno sva tri zavadena naroda, onda je jasno dokle se otišlo u zatiranju kulturnih i jezičkih tragova u tzv. «oslobodenim» teritorijama (kako su ih i Srbi, i Muslimani, i Hrvati nazivali tamo gdje su imali vlast, odakle su protjerali druge i gdje su provodili svoju volju). No to nije naša tema. Mi želimo ovdje ukazati na to kako se objašnjava fenomen «bosanski jezik» i kako se on pokušava staviti pored druga dva «entiteta» — hrvatskog i srpskog.

U svojoj knjizi «Bosanski jezik» Senahid Halilović polazi od toga da je srpskohrvatski jezik u obliku standardne novoštokavštine zajednički jezik za Hrvate, Srbe, Muslimane i Crnogorce. Standardna novoštokavština predstavlja, po njemu, «skup četiri varijante: *srbijanske, hrvatske, bosanske i crnogorske*» (gdje se, bez objašnjenja, varijante poistovjećuju sa republikama). Bosansku varijantu, kaže on, konstituišu «bosanskomuslimanski standardnojezički tip, bosanskosrpski i bosanskohrvatski standardnojezički tip». Zato standardni jezik u Bosni i Hercegovini treba zvati *bosanskosrpskohrvatskim*. S tim u vezi, bosanskomuslimanski (ili kako on kaže, manje precizan: *bosanski književni jezik*) jeste izraz «cjelokupnog života Bosanskih Musliman, bosanskomuslimanske kulture» Bosanski Muslimani imaju zato neotuđivo pravo da svoj jezik nazivaju svojim imenom, koje se ime odnosi i na jezik u Sandžaku, Kosovu i Crnoj Gori, te u dijaspori (Makedonija i Turska) kad su u pitanju Muslimani.

Halilović je ovdje pomiješao lingvističke, geografske i sociolingvističke kriterijume pa se nije lako snaći u šumi termina, tvrdnji, navoda itd.⁵ No to je bilo još prije brutalnog rata u Bosni i Hercegovini.⁶ Vremenom se naime od nejasnoća i nekih formalnih obzira prema Srbima i Hrvatima prešlo na jasnu liniju: muslimansku komponentu u standardnom jeziku, koja se poistovjećuje sa bosanskom komponentom uopšte, kao da tamo i ne postoje Srbi i Hrvati. Tako Fahrudin Rizvanbegović u *Ljiljanu* od 18. do 25.08.1993. godine kaže da su se Muslimani konačno «osvijestili» i uvidjeli da bosanski jezik «ima višestoljetnu tradiciju, baš kao i bosanska državnost», da su shvatili da se «naziv bosanski jezik sužava na muslimanski krug i to ponajprije uslijed jačanja srpske i hrvatske nacionalne svijesti kao prevladavajuće kod bosanskog katoličkog i pravoslavnog stanovništva».

U svom drugom napisu u *Ljiljanu* (01.03.1993.) Rizvanbegović naglašava da se pod pojmom bosanski jezik podrazumijeva «jezički izraz cjelokupnog života bosanskih Muslimana i njihove kulture na svim prostorima na kojima žive», da je «amalgam a ne podvrsta», tj. bosanski jezik je jednako «cjelovit organizam bar u onoj mjeri u kojoj su to i hrvatski i srpski». Zato «nikada ne treba smetati s uma da je naš bosanski jezik bio i ostao u osnovi standarda, da naš čovjek govori književno najujednačenije i najbliže standardu, a to neposredno znači da se jezik ne uči nego se sisa s majčinim mlijekom i upija iz bábina škrta i stroga govora. Zato mu novotarije u jeziku više sličie karikaturi nego ozbiljnom promišljanju, a da i ne govorimo koliko njegov jezički rafinman s blagim podsmijehom prima ono što, samo prolazno, ranjava senzibilitet ovoga našeg jezičkog prostora»

Time ovaj autor unekoliko pojašnjava neke ranije Halilovićeve nedovoljno artikulisane stavove. Halilović opet, tri godine iza svoje knjige *Bosanski jezik*, u listu *Istina o Bosni* (24.05.1994) jasno kaže:

«Naprosto, mi smo Bošnjaci. Naš jezik se zove bosanski». (I tu se, dakle, nema šta diskutovati.) «Želimo li opstati, sve svoje moramo brižno njegovati. U ruhu bosanskoga jezika moramo konačno imati sve – od slikovnice, preko udžbenika, pravopisa, rječnika, do enciklopedije, štampe, radija, televizije». Halilović je dakle sad decidan: u Bosni i Hercegovini postoje tri zasebna jezika – *srpski* (jezik Srba), *hrvatski* (jezik Hrvata) i *bosanski* (jezik Bošnjaka).

Isto tako je decidan i Alija Isaković. U svom *Rječniku karakteristične leksike u bosanskoj jeziku* (Wuppertal, 1993) on izjavljuje da «bosanski jezik nije nastao ni u okrilju srpskoga ni u okrilju hrvatskoga jezika, nije njihova izvedenica, već jedna od objektivnih naporednosti». Zbog toga za njegovo proglašavanje posebnim standardnim jezikom i «nije bitna količina razlika». Isaković polazi od teze da su Muslimani potomci Bogumila («davnih Bošnjana») i da oni «i danas žive u bosanskom jeziku koji je ostavio intenzivan trag, bezmalo – savršen kontinuitet, ostavio u svome jeziku kazivana i pisana djela neosporne književne i znanstvene vrijednosti, dostojne svekolikog poštovanja i modernoga lingvističkog elaboriranja».

Zanimljivo je da Isaković svoj predgovor Rječniku počinje rečenicom: «Naš jezik je naš moral, i ne treba osobit trud da bismo objasnili pojam: bosanski jezik», a završava ga mišljenjem da će nakon razlučivanja tri nacionalna jezika bosanski jezik ostati «ono što je bio u bosanskomuslimanskom narodu: njegov moral, njegova duševnost i njegovo utopište».

No Isaković je prvi koji je pokušao i jezički odrediti specifične osobine bosanskog jezika u pogovoru svog Rječnika, koji naziva *Post factum*. On je pošao od tzv. varijantske polarizacije, odnosno od razlika u hrvatskom i srpskom jeziku (što mu je, naravno, na startu dovelo u pitanje raniju tvrdnju da je bosanski jezik nezavisan entitet u odnosu na ova dva jezika):

Prvo. U kategoriji zamjene staroga glasa «jata» Isaković se opredjeljuje za Vuk-Maretićeve oblike: *ogrjev, prijedlog, prijevod, grješka, grijehota, strjelica* — što podsjeća na istočnohercegovačkosrpsku i crnogorsku tradiciju.

Drugo. U konfrontaciji *ć/št* preporučuje *ć: općina, opći, svećenik* i sl. — što je osobina hrvatskoga književnog jezika.

Treće. U konfrontaciji *h/k* preporučuje oblike sa *h: hemija, hirurgija* — što je odlika srpskog književnog jezika.

Četvrto. U odnosu glagola na *-isati* i *-ovati/-irati* nije decidan: samo kaže da su mladi autori «skloniji» modelu na *-irati* (dakle: hrvatskome).

Peto. Kod pridjevskih nastavaka daje prednost onima na *-iji*: *dječiji, koziji, Božiji* — gdje nije jasno u čemu je tu problem u odnosu na srpski i hrvatski jezik, pogotovo u odnosu na istoriju jezika.

Šesto. Isaković predlaže «infinitiv bez *-i*»: *radit, pisat* i sl. — ah to nije više infinitiv nego supin.

Šedmo. Za *futur I* kaže: «Premda većina naših pisaca upotrebljava kao jednu riječ oblik *futura I* od glagola na *-ti* kada je pomoćni glagol na drugom mjestu (*radicu, plešču*), ipak bih rado preporučio odvojeno pisanje (*radit ću, plest ću*)» — dakle, hrvatsku pravopisnu varijantu, opredjeljući se time direktno protiv muslimanske pisane tradicije na koju se inače uvijek poziva. Ovdje se to osobito suprotstavlja načinu kako je taj pravopisni problem rješavan u «Vladinu» bosanskom jeziku u austrougarsko doba. Isaković naime sâm sebi protivuriječi kad kaže (a to mu je jedan od osnovnih argumenata protiv «srpskog» i «hrvatskog» jezika i pravopisa) da u pravopisnim i jezičkim pitanjima nikad nisu sudjelovali muslimanski predstavnici. Ne, oni su itekako sudjelovani i odlučivali u više navrata, u raznim interkonfesionalnim jezičkim i pravopisnim komisijama (kako u austrougarskoj tako i u socijalističkoj Bosni). Isakoviću međutim nisu odgovarale višenacionalne komisije i njihova rješenja pa u tu svrhu nije naodmet i vlastitu istoriju i tradiciju jednostavno prešutjeti.

Osmo. Isaković navodi još neke morfološke pojedinosti (npr. Gpl. *noga, ruka*; promjena ličnih imena tipa *Mujo* i sl.), birajući čas istočnohercegovačku čas bosansku dijalekatsku osobinu, što naravno nema nikakvog značaja za bosanski književni jezik jer su te odlike svojinom i hrvatskog i/ili srpskog jezika.

Deveto. U leksici Isaković vidi za bosanski jezik izlaz u semantičkom diferenciranju tzv. varijantskih polarizacija, npr. *čistoća* (ulice), *čistota* (stila), *jezički* (ling.), a *jezični* (anatom.) i sl. — gdje je opet pomiješao tvorbeni i leksički nivo u razlikama između srpskog i hrvatskog jezika.

Šta je onda, na osnovu svega ovoga, karakteristično za bosanski jezik i po čemu se on odvaja od srpskog i hrvatskog? To su ustvari samo *tri* jezičke osobine:

- a) orijentalizmi (turcizmi), tj. njihova brojnost i svjesno pokušavanje njihove rehabilitacije u svim sferama života;
- b) udvojeni suglasnici u pisanju (*Allah, ummet, džennet* isl., što je ustvari dio prve osobine jer se oni pojavljuju, kako kaže i Isaković, «u turcizmima») i

c) glas *h* u pozicijama nepoznatim srpskom i hrvatskom jeziku. Za turcizme Isaković konstatuje da su u balkanske jezike ušli «do bubrega», a u bosanski jezik «kao senzacionalna nomenklatura nove civilizacijske tekovine i kao nova islamska duhovna sadržina, privatni i javni život». Uz to on dodaje da se vremenom nereligijski termini povlače «istim načinom kako su i došli, u nekoj mjeri, razumije

se». Zanimljivo je da ovdje Isaković otvoreno ne favorizira turcizme nego upućuje i na sloj romanizama koji se u bosanskom jeziku «može nadmetati s turcizmama» (u čemu, naravno, protivurječi sâm sebi svojim Rječnikom).

Za udvojene suglasnike se kaže da se pojavljuju iz težnje da se ne «okrnji značenje», što uopšte nema nikakve veze sa ovom fonetskom osobinom, jer su to riječi koje su direktno, putem religijskih i drugih obreda, preuzete iz arapskog jezika pa se tu može eventualno govoriti o uticaju arapske fonetike na 'bosansku' fonetiku. To što se navode potvrde iz nekih muslimanskih govora u Bosni, to ne znači mnogo za fonetiku književnog jezika, jedino ako se ne želi jezik razlikovati na tim dvjema razinama.

Za glas *h* Isaković, u poetskom i emocionalnom zanosu, kaže:

«Riječi u kojima je *h* imaju dušu. I riječ *duša* ima *h*. Krleža se oprašta od svoje majke: *Lahka ti zemlja*. Lahka zemlja je lakša od lake. Ovo *h* dematerializira asocijacije, u ovisnosti od našega poriva i emocija. Bosanski muslimanski pisci izgovaraju i pišu *h*, bez obzira da li je ono tu bilo ili se razvilo iz drugoga glasa: u domaćim riječima (*hmiljeti /hmiliti/, odlahnuti, truhnuti, lahak, mehak, hudovica, zamahac, vehnuti, hrđa, hrvati se, hrzati...*) i turcizmima (*mahana, mahrama, mehlem, džebhana, bahnuti...*, čak — *buzdohan* i *buzdohanlija* (kruška), othrvavajući se, tako, pravopisnim normama. Ne moramo to opravdavati. Viševjekovna jezička realnost iznad je svih teoretiziranja o razložnostima».

U čemu je onda bit bosanskog jezika u odnosu na hrvatski i srpski? Odgovor na ovo pitanje možemo možda opet naći kod Isakovića. Za svoj Rječnik sâm kaže sljedeće:

«Na izvjestan način, ovaj Rječnik je rječnik književno sumnjivih riječi, značenjski i normativno ambivalentnih, jezičkom isključivošću osakaćenih, nepriznavanjem osramoćenih; riječi (s više razloga) nepoznatih, protjeranih u arhaizme, u provincijalizme, u tudice, riječi s indignacijom odbačenih, što ne priliči nikojem jeziku i ničijem pravopisu. Ovaj Rječnik je moje nastojanje da se tim riječima vrati njihova književna čast i javno uvažavanje».

Treba li dakle bosanski jezik da se od srpskog i hrvatskog razlikuje na taj način što će književno sumnjivim riječima, provincijalizmima, arhaizmima i tudicama (dakle: svim mogućim turcizmima) dodijeliti status normativnosti u standardnom jeziku? Na osnovu ovoga rječnika (koji i nije neko leksikografsko djelo jer su u njemu pobrkani leksički i pravopisni kriterijumi, jer se ne uvažavaju stilovi standardnog jezika, jer se čak u pojedinostima ide protiv same istorije jezika), te na osnovu jezičke prakse u novim muslimanskim dnevnim i nedjeljnim (*heftičnim*, kako se bosanski kaže) glasilima – izgleda da je sustina upravo u tome. Pri tome je osnovno polazište u jezičkoj politici ostalo drastično odvajanje i udaljšavanje od srpske jezičke tradicije.

Kuda stvarno plovi bosanski (bošnjački) jezički brod? Odgovor na to pitanje bi možda bio sljedeći: plovi vrlo krivudavim stazama čiji se krajnji ishod još ne može nazrijeti. *Prva faza*, 1990–1993, bila je obilježena jakom kroatizacijom bosanskohercegovačkog izraza. Osnovni je cilj bio — otpor srpskoj jezičkoj tradiciji po svaku cijenu. Tako su čak i pjesme bošnjačkih književnika, koje su bile napisane ekavskim izgovorom, ijekavizirane pri ponovnim preizdanjima. Lektorski zahvati nisu poštedjeli ni dramska djela (najpoznatije je mijenjenje jezika Meše Selimovića u Narodnom pozorištu u Sarajevu, «prevodenje» sa srpskog na bosanski!), a da ne govorimo o sredstvima javnog informisanja. Tako su u jezičkoj nadgradnji protežirani hrvatski jezički elementi, čak i oni koji nisu imali uporišta u bosanskohercegovačkoj standardnojezičkoj i govornoj praksi. Tu dolazi npr. upotreba narodnih naziva mjeseci, koji su ranije bili u praksi prije svega kod hrvatskih intelektualaca. S tim u vezi Mujo Hrnčić je u *Euro Bosni* od 02.07.1993. u ime mnogih čitalaca Bošnjaka javno protestovao. On, između ostalog, kaže: «Bosanski jezik danas ima tijelo, dakle, svoje riječi i izričaje, ima dušu, dakle, svoje uspomene i legende, mitove i zablude». Pa kad je to tako, zaključuje Hrnčić, «valjda onda ima i svoje mjesece».

Vremenom je ushićenost hrvatskim jezičkim elementima polako spašjavala, osobito nakon žestokog hrvatsko-muslimanskog rata. Povodom čitave serije članaka koje je Ivo Žanić objavio u nedjeljnim novinama *Euro Bosna*, njeno Uredništvo u broju od 07.05.1993. to je ovako prokomentarisalo: «Pokraj ožujka i u prvoj polovici travnja ionako povelikoj zbrci hrvatsko-muslimanskih nesporazuma pridodana je još jedna tema, ona za koju nije bilo teško pretpostaviti da kad-tad mora doći na red. Bila je to tema jezika, njegova imena i odredenja, položaja u javnom životu i mjesta u odgojnome i obrazovnome sustavu mlade države»

Nastupila je dakle *druga faza*, 1993–1996, koja je obilježena intenzivnijim okretanjem vlastitoj jezičkoj tradiciji u onom smislu kako je definira Alija Isaković u svome Rječniku. Osnovna odlika te faze je pokušaj dizanja govornih i regionalnih osobina iz muslimanske sredine te zaboravljenih, neobičnih riječi (prije svega orijentalizama) u standardnojezički rang. Ali je opet hrvatska književno-jezička i pravopisna tradicija dominirala (npr. pokušaj ustaljivanja izvornog pisanja stranih vlastitih imena, gdje se pojavljivalo i komičnih i grubih grešaka, ili odvojeno pisanje futura I. i sl.). Tako se prakticirala, svjesno i napadno, upotreba glasa *h* u svim mogućim pozicijama, pa čak i nazivima gradova (*Hlivno*, umj. *Livno*; *Hvojnica*, umj. *Fojnica*), udvojenih suglasnika u orijentalizmima (*Allah*, *džehennem* i sl.), dijalekatskog oblika *nejma* (umj. knjž. *nema*), upotreba novih pojmova (npr. *heftičnik*, u hrv. *tjednik*, u srpskom *ned(j)eljnik*) i sl. Tipičan (ili drastičan) primjer te orijentacije mogao bi

biti i sljedeći odlomak iz članka *Za koga pišem?* pjesnika i novinara Džemaludina Latića (*Ljiljan*, 29.12.1993):

- *Halo, jesi li ti šći Mustafa-efendije?*
- *Jesam.*
- *Selam elejkum.*
- *Eh, elejkumu selam.*
- *Je li ti babuka kod kuće?*
- *Nije.*
- *Je li ostavio kaku poruku?*
- *Eh, rekao je da ga nazovete u kancelariju.*
- *Eh, fala ti; nazvaću ga. Alahimamet.*
- *Eh... (smijeh), alahimamet!*
- *Kako volim taj govor bosanski!*

U istu kategoriju bi išli i sljedeći naslovi i podnaslovi novinskih priloga u listu *Bošnjak* (16.05.1995):

«Nigdje nema hrabrijih askera, niti većih političkih mahera; Hrvati, muhafaci i ostali; Hrdav haber o plahim arsusima; Harem rabota crno na bijelo; Bošnjaci su konačno shvatili ko su im din-dušmani!; Vrijeme je da muze zašute, a topovi progovore; Četvrta Muslimanska lahka brigada; Tekbir je pokretački moto svake jedinice Armije BiH. Uz tekbir, 4. Muslimanska, 'Muderisova jedinica', ima i moto: Pobjeda ili smrt itd.»

Evo još nekih karakterističnih primjera iz pera književnika, naučnika i novinara:

«Moje iskustvo potvrđuje mi to da mene dok pišem ne ima, odnosno da sam ja samo sluga svoga pismena. Ja se nadam i da su posljednje knjige ruhani a ne šejtani inspiracije. Možda je ostalo nejasno u odgovoru na to kako spriječiti to da više ne budem u Bosni klan, ili klat, kako se to već kaže. Po mome osjećanju, jednini način da mi se to ne dogodi jeste da budem tako potpun, tako velik i tako jak da nikakvome dušmaninu ni na um ne padne da mi pokuša učiniti zulum...»

Oduvijek razmišljam o smrti. Oduvijek je to moja osnovna misao. I, sada, znam da bi mi lahko bilo umrijeti ako znam da ostajem pošto poginem. A ostao bih pošto poginem ako sve iza mene bude i ostane bošnjačko, muslimansko, i bosansko, i bosanskohercegovačko. Tada nije teško poginuti kao Bošnjak. Jer iza mene ostajem ja. Muslimanu se u borbi otvaraju, kao šehidu vrata Dženneta. Kada prva kap šehidske krvi dotakne zemlju, nadati se je potpuno da su mu kod Allaha svi grijesi oprošteni. I to je mu' minu dovoljno» (Nedžad Ibrišimović, *Ljiljan*, br. 58, 2. februar, 2. mart 1994).

«K tome, kako god smo mi radosni čekajući iftarsko vrijeme, tako se raduju i oni ubogi i potrebiti kad im se pruži hljeb i haljetak koga ne maju. Islam nas baš u ramazanu uči da su ovosvjetska dobra nešto varljivo, nešto poput behara ili cvata: tako neko vrijeme da bi ga zamijenilo plodovlje... Allah ne odbija nikada molbu postača pred iftar kad god je ta molba upućena čista srca i u hajr namjeri i nijjetu!» (dr. Enes Karić, *Ljiljan* br. 58, 23. februar, 2. mart 1994).

«Danas kad nas rastavljaju, ne samo s imenom nego i sa životom, borbu i odlučnost naših boraca da to spriječe imenuje se borbom za islamsku državu. I ko nam to čini? Naši duhovni Srbi. Intelektualni melezi. Koji su evropski Muslimani. A nemuslimanski Evropejci. Svoju retardiranu moždanu matricu žele nam nametnuti kao urnek za kolektivno ponašanje. I stalno nas plaše islamskom državom. Koju oni ne vole. Jer ne mogu jesti krmetinu. I ne mogu združeno sa Srbima i Hrvatima pljuvati po vlastitom identitetu. Kojeg nose kao komplekse i nasljednu stegu.

Predlažem hitno proglašenje Šerijata u Bosni. Kao prvi znak da je stupio na snagu, neka naš Predsjednik, od sada, ide na pregovore u fesu. A oni koji ne vole šerijatsku stegu, neka se trajno nastane u demokratskim susjednim nam državama. Gdje pripadaju» (Mensur Brdar, Ljiljan, br. 52, 2–19. januar 1994)⁸.

Ustvari, svi javni radnici su se trudili da pišu u tom stilu. Pa i filolozi su mu podlijegali, svjesno upotrebljavajući leksiku iz muslimanske sredine, dijalekatske oblike i ritmičku patinu narodnog pričanja. Sve je to naravno išlo do jedne tačke kad se opet moralo posegnuti za tzv. civilizacijskim izrazima iz neke od dviju književnojezičkih nadgradnji, srpske ili hrvatske. To se gotovo redovno dešavalo npr. u kljiževno-kritičkom i filozofsko-esejističkom stilu, odnosno u prezentiranju djela iz tih oblasti. Uzmimo za primjer najavu velikog izdavačkog projekta *Bošnjačka književnost u 100 knjiga* u listu *Oslobođenje* (inostrano izdanje, br. 121 od 6–13.7.1995), gdje se kaže da je to «najveći izdavački poduhvat u *historiji* naše kulture», to je projekat u kojem će biti prezentirana «bošnjačka književnost do *suvremenosti* u XX kola». (Kurzivom istaknute riječi Muslimani su ranije u javnom jeziku češće upotrebljavali u srpskoj varijanti).

U ovoj fazi vodena je i najveća kampanja za zvanično priznavanje naziva bosanski jezik i njegovo naturanje u nastavni školski sistem zemalja koje su prihvatile bosanske izbjeglice i za njihovu djecu organizovale posebne razrede (gdje su, kakav paradoks, opet zajedno bila i srpska i hrvatska i muslimanska djeca iz Bosne i Hercegovine). Sljedeći argumenti su u toj kampanji podastirani:

1. Ako postoji bosanski (bošnjački) narod, postoji i bosanski jezik;
2. Bošnjačka književnost je pisana bosanskim jezikom;
3. Naziv bosanski jezik ima višestoljetnu tradiciju, kao i bosanska državnost;
4. Ime bosanski jezik datira još iz predosmanskog perioda;
5. Bošnjaci i izvan Bosne svoj jezik nazivaju bosanskim;
6. Na posljednjem popisu stanovništva (1991) 92% Muslimana se izjasnilo za naziv bosanski jezik.

To su naravno valjani sociolingvistički argumenti, koji su *primjenjivi* (ako su tačni) na relaciji: Bosna (džava) – Bošnjaci (narod) – bosanski (jezik), iako se i tu pojavljuje terminološke neujednačenosti (Bošnjaci – bosanski jezik). Preciznije bi onda bilo i jezik nazivati

bošnjački. Izbor je pao, bez sumnje sasvim svjesno i sa jasnim namjerama, na naziv *bosanski jezik* prema bosanskoj državi, s pretenzijom *polaganja prava Bošnjaka na cijelu Bosnu i Hercegovinu*, a time naravno i oduzimanje toga prava Srbima i Hrvatima. (Znači oduzimanje prava i srpskoj i hrvatskoj djeci da svoj jezik nazivaju imenom iz vlastite tradicije i da ga kao takvog uče u pomenutim razredima!) Dakle, ti su argumenti u osnovi valjani, ali onda oni moraju važiti za sva tri konstitutivna naroda u Bosni i Hercegovini. U tzv. čistim (ili očišćenim regijama) takvu logiku je lako provesti. A šta je sa regijama u kojima je (ostalo) izmiješano stanovništvo?!

Od 1996. nastupila je *treća* faza u oblikovanju bosanskog jezika i jezičke politike Bošnjaka. Ona je najavljena *Pravopisom bosanskoga jezika* Senahida Halilovića (Sarajevo, 1995 ili 1996?, na knjizi ne stoji godina izdanja, samo je predgovor autorov datiran sa 14. decembra [nema: prosinca] 1995). Ta faza ustvari u sebi apsorpira *sve* pravce ranijih dviju faza i *sve* njihove protivurječnosti. Osnovno polazište bošnjačke jezičke politike jeste sankcioniranje vlastite jezičke prakse, ali pravopisna i normativna rješenja koja su javnosti prezentirana plivaju između dviju književnojezički tradicija — srpske i hrvatske — sa znatnim oslanjanjem na hrvatsku tradiciju (up. i knjige Senahida Halilovića *Gnijezdo lijepih riječi. Pravilno – nepravilno u bosanskome jeziku*, Sarajevo 1996. i Asima Kambera *Slovo o jeziku*, Bihać 1998). Te se protivurječnosti ogledaju u samoj jezičkoj praksi, koja pruža cijeli spektar *šarolikosti* starih i novih pravopisnih i normativnih rješenja, sukoba između naučenoga i željenoga, navika i novih zahtjeva, nedosljednosti pa i haosa. Tu faza karakteriše i to da je idila jednoglasja i patriotske harmoničnosti između samih Bošnjaka potpuno izbljedjela, tako da su na djelu među njima i krupniji politički i jezički sukobi i međusobna razračunavanja.

Neslaganja među Bošnjacima su u tome dokle treba (i dokle se može) ići u stvaranju jezičke «vlastitosti», tj. u odvajanju od srpskog i hrvatskog standardnojezičkog nasljedja. Jedni su za umjereniju liniju, onu koja se naslanja na hrvatski jezički standard⁹, a drugi su radikalniji u svojim zahtjevima u čišćenju ne samo «srbizama» nego i «kroatizama». Treći su za ignoriranje srpske i hrvatske tradicije u Bosni i Hercegovini i za prihvatanje svih različitosti koje se imenuju hrvatskim ili srpskim pod jednom kapom — bosanski jezik. Četvrti opet djelimično žale za jezičkom politikom iz socijalističkog perioda.

Prvu struju reprezentuju pomenuta djela Halilovića i Kambera, a drugu reprezentuje djelatnost grupe književnika i intelektualaca koji se osjećaju sljedbenicima autohtonog bošnjačkog književnojezičkog nasljedja, a posebno literarnih i lingvističkih djela rano preminulih Muhsina Rizvića i Alije Isakovića. (I jednoj i drugoj grupi je zajed-

ničko zadovoljstvo da su se konačno oslobodili «srpske jezičke steg» po cijenu da se pritom i žrtvuju — ili u tome mnogi nisu ni svjesni — i mnoge autohtone pravopisne i jezičke navike.)

Tako npr. Senahid Halilović u drugom, prerađenom izdanju svoje knjige *Bosanski jezik* (Sarajevo, 1988, 9) kaže:

«Ovo je vrijeme burnih promjena, lutanja, nesnalaženja, vrijeme krajnosti, što se očituje i u samome jeziku. Bježeći od formi koje su izrazitim obilježjem jedne, preko noci se prihvataju oblici druge, podjednako tude varijante. Primjetan je, međutim, i sasvim očekivani povratak likovima koji pripadaju bosanske jeziku, koji su, preciznije, u njemu dublje ukorijenjeni, ili su frekventniji u ostvarenjima Bošnjaka u mediju jezika». Svemu tome je «kriv» zajednički standardni jezik, pa je stanje u bosanskom jezičkom standardu onakvo «kakvo jest stoga što je u pitanju i donekle prirodni pritisak brojnijega, jezički jačeg, ali u svemu tome zrcali se i nebriga samih Bošnjaka o sebi, o svojoj prošlosti, sadašnjosti i perspektivi».

To zrcaljenje se ogleda u tome, veli Halilović, što su Bošnjaci, pored vinovnika sa strane, sebe i svoj jezik ignorirali. «Ta nepotrebna, neobično štetna distanca od matice, od vrela, od korijena, od izvornih formi, taj bijeg od vlastitog bića, taj samoubilački pohod u samozaborav, ta mimikrija, to nekritičko poimanje tudeg, to snishodljivo prihvatanje nečijeg kao boljeg samo zato što nije moje, ta tragikomična raspolućenost između onoga što jesam i onoga što drugi hoće da sam, taj neprirodno golemi jaz između jezičke aktivnosti naše i generacije već naših očeva i majki — nije li to, ipak, izbor samih Bošnjaka? Manje ili više iniciran spolja, doduše».

Tako Halilović: malo ovako, malo onako (kao i u samoj bošnjačkoj jezičkoj praksi). On dalje veli da, na jednoj strani, «stanje kojega smo svjedoci nedvojbeno upućuje na zaključak da drugi nisu pokazali dovoljno sluha i otvorenosti za osobenosti jezičkoga izraza Bošnjaka», a na drugoj «da sami Bošnjaci nisu bili istrajni u svojim opravdanim zahtjevima (nisu smjeli, ili nisu htjeli — vrag bi ga znao), prihvatajući nerijetko nezahvalnu ulogu evet-efendije».

Drugi su radikalniji i bespoštedniji i prema «drugima» i prema «izrodima» iz vlastitog nacionalnog korpusa. Naila Valjevac, bivša direktorica Instituta za jezik u Sarajevu, veli:

«Rat u Bosni očigledno još nije završen. Samo se sada vodi na perfidniji način. Pa ko više vidi (ili previdi), čuje (ili prečuje) i zna (ili ne zna), taj će i opstati. Stoljećima indoktrinirane i ideologizirane Bošnjake, koji zamalo zaboraviše i svoje korijene, psihički i fizički destruirane i izmučene ratom, slučajnim omaškama daktilografa, novinara ili urednika, jer Zakon je jasan, žele obezvrijedjeti, omalovažiti, srozati njihovo tek u ratu i ratom povraćeno dostojanstvo i pomalo i tiho im ponovo oduzeti svijest o sebi. A bez te svijesti, i bez intuitivnog dostojanstva i hrabrosti s kojom se ona branila i brani, nema ni Bošnjaka, a bez njih ni Bosne. Ne odustaje se lako od ranije planiranih ciljeva, samo to ideološki, psihički, fizički a nadasve politički obezličeni Bošnjaci, nažalost, još ne vide sasvim dobro. Ili ne

gledaju, ili ne mogu vidjeti jer ne umiju gledati. Međutim ovakve 'omaške' nisu i ne mogu biti slučajne. One su samo realizacija nečije perfidno osmišljene politike, koja etničko čišćenje započeto u ratu, sada ovakvim i sličnim 'omaskama' nastavlja u miru»

Da ne bi bilo kakvih sumnji u pojedine sofističke formulacije. Valjevac neke od njih pojašnjava ovako:

«Indokrinacija neiskrenim 'bratstvom i jedinstvom' pod čijom su parolom Bošnjaci temeljito nestajali kao narod bila je tako snažna da su mnogi tek s nožem pod vratom shvatili da toga 'bratstva i jedinstva' ipak nema. Nekima, nažalost, čak ni gubitak najbliže rodbine nije bilo dovoljno da se osvijeste. Mnogi su, i pored katastrofalnih podataka po bošnjački narod i njegovu kulturu, i nakon temeljito etnički od Bošnjaka očišćenih njihovih stoljetnih ognjišta, već zaboravili strahove ovog rata: tone granata, strahovita poniženja, nezapamćenu glad i ogromne ljudske žrtve, i, kao u dubokoj agoniji, vjeruju da su ta nedjela počinili samo ekstremni pojedinci» (*Behar*, 38/1998).

Preveliko pehlivanjenje novih jezičkih normativa Bošnjaka i bošnjačke jezičke prakse sa hrvatskom jezičkom i pravopisnom praksom osobito je trn u oku pomenute grupe književnika i intelektualaca, iza koje stoji i moćni Rijaset Islamske zajednice u Republici Bosni i Hercegovini. Čak i Reis-ul-ulema dr. Mustafa Cerić optužuje bosanskohercegovačku (bošnjačku) televiziju da «kristijanizira, odnosno katolicizira» muslimane. Protestujući protiv toga, u pismu od 26.12.1998. upućenom generalnom direktoru Televizije Mirsadu Purivatri i glavnom i odgovornom uredniku Senadu Hadžifežoviću on između ostalog, veli i sljedeće:

«A Vi, gospodo, upravo to radite, katohcizirate muslimane Bosne i Hercegovine. Riječi kao što su Isus Krist, Sveti Otac, Uzoriti i sl. pripadaju vokalarnu jedne konfesije, katoličke, i određuju partikularne vjerske pojmove jedne vjere. Ti pojmovi u vjerskom programu koje upotrebljavaju vjerski ljudi su prihvatljivi sa stajališta opće tolerancije. Ali u središnjem dnevniku TVBiH, informativnoj emisiji koju primaju ljudi svih vjera i kultura, nije prihvatljivo da *Midheta Bičakčić*, profesionalna voditeljica (petak, 26.12.1998), prisiljava muslimane da slušaju krusifikaciju Issa (a. s.) ili Isusa. To se može raditi u crkvi, ali ne i na TVBiH, jer Isus nije Krist za muslimane, već za katolike, Papa nije Sveti Otac za muslimane, već samo za katolike, i kardinal nije uzor za muslimane, već samo za katolike. Atribut 'uzoriti' nije oficijelni naziv za kardinala, već ima vjersko značenje koje kod muslimana stvara zabunu, jer reći za nekoga da je uzor znači slijediti ga, što je jedna vrsta prozelitizma. Razumijem potrebu lijepog ponašanja, ali ne shvatam potrebu takvog slijepog dodvoravanja koje nije uvjerljivo ni onima kojima je namijenjeno, a kamoli onima koji nisu zaslužili takvu vrstu prinude» (*Ljiljan*, 11–18.01.1999: 46).

Protiv toga *slijepog dodvoravanja* Bošnjaka hrvatskoj jezičkoj praksi u ime pomenute grupe književnika i intelektualaca osobito je oštro ustao književnik Hadžem Hajdarević u povodu knjige *Slovo o jeziku Priručnik iz bosanskog jezika* Asima Kambera (Bihac 1998).

predbacujući autoru «jezičku kroatofoniju», «kroatofoni radikalizam», «pseudoznanstvenu parodiju», nazivajući ga «jezikoslovcem iz Freudova šlica». Hajdarević ustaje u ime autohtonog *bosanskog čovjeka*, kojemu, naravno, ne odgovara da se istorija bosanskog jezika na bilo koji način veže za istoriju srpskog i hrvatskog jezičkog standarda, nego i ona mora biti, po svaku cijenu, autohtona, bošnjačka. Bosanski jezik je, misli on, opterećen *pljevom* kroatizama. Mnogi od njih su ne samo neprihvatljivi (npr. *dopredsjednik, Jordanija, knjigoveža, kotač, kućanica, kušati, Libanonac, redatelj, sustav, šalica, Španjolska, puran, tiskara, tjelovježba, udružbeni zapisnik, utjecaj, vjerojatno* i sl.) nego su i potpuno «neprirodni jezičkom osjećaju bosanskog čovjeka». Uz to, Kamber se «drznuo» pa otišao čak dotle da «umjesto riječi *džemat* sugerira riječ *zajednica*», dokazujući se time najjačim progoniteljem «turskih riječi.» Za Hajdarevića je bosanski jezik «još jedno nezbrinuto bosansko siročće», a jezička politika u BiH, prema njemu, «očito, nema svoga pravca, zato ima svoje čorsokake» (*Ljiljan*, 18–25.01.1999: 52–53). Hajdarević, na kraju, javno proziva bošnjačke lingviste, književnike i ministre «da se – očituju», tj. da osude i poduzmu i druge mjere protiv takvih djela i protiv takve jezičke politike. Pritom se osobito negativno izražava o Halilovićevu pravopisu i Halilovićevoj ulozi u kreiranju takve jezičke politike.

Javljujući se ponovo za riječ nakon odgovora autora *Slova*, Hajdarević sumira svoje stavove o pomenutom djelu, bosanskom jeziku i bošnjačkoj jezičkoj politici ovako:

- «1. Kamber svoje znanje historije bosanskoga jezika isključivo temelji na srpsko-hrvatskim povijesnojezičkim temeljima (Dositej, Vuk, tzv. južnoslav. romantizam, Bečki dogovor...), a uopće ga ne interesira Uskufija, Bašeskija ili, pak, Gašević.
2. Kamber ne razumije značenja pojedinih riječi, ne razumije sve njihove sintaksičko-semantičke prelijeve pa, naprimjer, umjesto riječi *džin* preporučuje *div*, umjesto *čistota* preporučuje *čistoca*, umjesto *ulov* preporučuje *lov* itd.
3. Kamber ne razumije ni stilogeni aspekt turcizama u bosanskom jeziku.
4. Kamber svojim 'priručnikom iz bosanskoga jezika' imputira one riječi (*dopredsjedjenik, Jordanija, kotač, kućanica, udružbeni zapisnik, vjerojatno* itd.) koje su neprirodne jezičkom osjećanju bosanskog čovjeka i koje su jedino prirodne Kamberovoj hrvatskoj putovnici...
5. On kao da svijet jedino umije promatrati iz Freudova šlica pa taj isti svijet i ljudi u njemu mogu izgledati upravo onako kako sve to seksualno isfrustrirano vidi i doživljava nesretni Asim Kamber...
6. Ali, itekako me se tiče bosanski jezik — jer, to mi je od svih ovosvjetskih *zavičaja* još jedino ostalo — i svim cu se srcem boriti protiv svih hahara, trojanaca, lingvističkih kolonizatora i podmitljivaca, protiv svih koji na bilo koji način svojim neznanjem, glupostima i bezobrazlucima vrijeđaju. prljaju i siromaše bosanski jezik» (*Ljiljan*, 01–08.02.1999: 29).

Ovi Hajdarevićevi istupi, jezičke polemike, te cjelokupna jezička situacija u Bosni i Hercegovini, bili su povod za reagovanje književnika i društvenog komentatora Ivana Lovrenovića, koji, vidi čuda, odjednom vidi tzv. socijalističku jezičku politiku u Bosni i Hercegovini kao *najzreliju civilizacijsku jezičnu akciju u povijesti ove sredine* (iako je o njoj ranije veoma kritički govorio). Budući da Lovrenović pokreće i krupnija jezička i politička pitanja koja prelaze i okvire jednog nacionalnog korpusa, navodimo njegovo «slovo» u cjelini:

«Nema težeg i važnijeg 'identitetnog' pitanja u Bosni i Hercegovini od pitanja jezika. To je najtužniji paradoks ove zemlje: ona je jezično najjednostavnija zemlja od svih država nastalih nakon raspada Jugoslavije, a ima najteže 'jezično pitanje'. Očito je, dakle, da stvar nije u jeziku, nego negdje 'izvan' njega. Naravno, u politici.

Naše naslijeđe nije teško zato što je u njemu jezik uvijek bio političko pitanje, jer jezik jest i treba da bude i političko pitanje; naše naslijeđe je teško zato što su jezična pitanja u njemu najčešće bila žrtvom divljega političkoga voluntarizma.

Nakon što je početkom sedamdesetih godina uspješno relativizirana dogma Novosadskog dogovora i Pravopisa, i politički savladana kulturno-jezična hegemonija unitarnoga duha, uspostavljanjem tzv. bosanskohercegovačke književnojezične politike bila je otpočela civilizacijski najzrelija jezična akcija u Bosni i Hercegovini u njezinoj povijesti. Ukratko, ovako bi se mogla izraziti njezina intencija: uspostaviti bosanskohercegovački književnojezički standard na premisi integralnosti i autohtonosti bosanskohercegovačke jezične tradicije i žive prakse, ne potirući kulturne razlike i specifičnosti, ali i ne postavljajući ih u varijantni odnos ili-ili, nego, naprotiv, uključujući ih sve naporedo, sinonimijski u normu takvoga standarda, uz načelo pune individualne slobode izbora.

Sve je to danas potpuno zaboravljeno i napušteno, a po svemu sudeći, ponovo vodi glavnu riječ politički voluntarizam, sada etničke inspiracije.

Na onaj tjeskobni i mukli vakat prije sedamdesetih podsjetila me s hladnjakom jezom rečenica koju sam ovih dana pročitao u tekstu jezično-političke polemike. Ako ne navodim imena, to je samo zbog toga što se bolje vidi sam razlog i princip, na koji hoću da padne svjetlo.

Književnik, koji intencijski ističe svoju nacionalnu, bošnjačku nominaciju, piše protiv jezičnih stavova autora nekog priručnika bosanskog jezika, izričito tvrdeći pri tomu kako su riječi koje ovaj preporučuje (između ostaloga, *dopredsjednik, Jordanija, kotač, kućanica, udružbeni zapisnik, vjerojatno*) — 'neprirodne jezičkom osjećanju bosanskog čovjeka'.

Pitanja, pitanja, pitanja... Kako se, kao lingvistički, a bogme i nacionalni kriterij, jer ovdje je riječ o njemu, utvrđuje 'prirodnost' a kako 'neprirodnost jezičkoga osjećanja'? Tko je taj tko to utvrđuje; ima li naš Književnik ekskluzivnu licencu na taj posao, jer iz njegova iskaza izlazi da je on to razbrojavanje na 'prirodno i neprirodno osjećanje' obavio definitivno i bez priziva?

Povrhu, tko je u Književnikovu iskazu 'bosanski čovjek'? Samo onaj s kime On Lično dijeli svoje ubogo, provincijalno tijesno jezično osjećanje, ni

ne sluteći svu širinu, polifonost i vibrantnost stvarnoga bosanskog jezičnog kronotopa. Mogu li imati milost da budem bosanski čovjek ako su mi jezično prirodni *kućanica*, *vjerojatno*, *kotač* itd.? Ili se po Književnikovu 'prirodnom jezičkom osjećanju' moram sam — ispisati iz 'bosanskih ljudi', jer su to po njegovu osjećaju riječi-izdajice, koje me denunciraju kao ne-bosanskoga čovjeka, samo zato što on misli i osjeća da nisu bosanske?

Što je to — bosanski jezik? Poseban jezik, suštinski različit od okolnih, srodnih jezika, ekskluzivno 'nacionalni jezik' Bošnjaka, 'državni jezik' Bosne i Hercegovine, ili tek sinoniman naziv, ravan svima drugim nazivima (srpski, hrvatski, crnogorski) za jedinstveni južnoslavenski jezični dijasisitem, koji ugledni lingvist *Radoslav Katičić* naučno opisuje i imenuje kao 'središnji južnoslavenski jezik'? Drugim riječima, kada službeni propisi Bosne i Hercegovine ime jezika utvrđuju kumulativnim izrazom: 'bosanski, hrvatski, srpski', znači li to da tri odjelita naroda govore trima odjelitim jezicima, što, onda, ima da vuče sve konzekvence i sva prava iz te premise (sistemska, organizacijska, obrazovna, medijska, znanstvena...), ili to znači da u idealno-teorijskom smislu možemo govoriti, kako lingvisti kažu, o jednom organskom a tri neorganska idioma (književno-jezična standarda), ili se, jednostavno, radi o tomu da ako u Bosni i Hercegovini i imaju nekakva tri jezika, svaki stanovnik (da ne kažem govornik) Bosne i Hercegovine čim progovori, potpuno jedanko govori sva tri, ne osjećajući se pri tomu višejezičnom osobom, kako se, sasvim normalno, osjeća, naprimjer, stanovnik i državljanin Švicarske, ako govori ne samo svoj etnički nego sve različite jezike ove zemlje: njemački, talijanski, cuski (pa i četvrti — stari retoromanski)?

Politički procesi umnogome diktiraju jezične — to je notorno poznato iskustvo, kolikogod se komu svidalo ili ne. Ali politika mora biti ukročena elementarnim civilizacijskim normama, u protivnomu dobijamo politički voluntarizam. Da on, pak, i u naizgled nevinim jezičnim pitanjima zna vidjeti razloge za najokrutnije gaženje ljudi — o tomu naša najličnija iskustva, imaju ogromno mračno pamćenje» (*Dani*, 15.02.1999).

U bilješci u rubrici *Pressija – Sauna Ljiljan* od 1–8. marta 1999. ovaj Lovrenovićev istup samo kratko komentariše, nazivajući ga «razrokom lingvistikom». Tu mu se spotiče da i on, kao i Asim Kamber, pisac knjige o kulturi bosanskog jezika, podržava pseudo-znanstvene «definicije sinonima, homonima i dubleta u bosanskom (hrvatskom, ili srpskom) jeziku». Iza toga slijedi sljedeće *naravo-učenje*:

«Zamislite, na primjer, priču o Muji i Fati, koji odlaze na izlet na Igman. a Fata, kao dobra *kućanica*, ponese *žgance*, a na Mujino pitanje kad će jednom ta pura, ona mu odgovara da mu je bolje da popravi *kotač* na autu i da, koliko sutra, naruči *udružbeni zapisnik* nekom općinskom *dopredsjedniku* radi rješavanja stana...»

Ubrzo iza toga u jezičke rasprave se umiješao i federalni ministar za kulturu, filolog Fahrudin Rizvanbegović, otvoreno se stavljajući, svjestan političkog značaja svoje funkcije, na stranu radikalnih bošnjačkih «autohtonjaka». On veli:

«Bilo bi lijepo kad bi mediji njegovali jezik. Recimo, kad bismo imali jezički savjetnik, jezik u teoriji i praksi ili tako nekako. I kad bismo imali tu vrstu poduke. Mi smo potpuno nemarni kad je u pitanju jezik. Ne prijeti ovdje opasnost za hrvatski jezik dok je Bošnjaka. Ne prijeti ni za srpski dok je Bošnjaka. Ne prijeti ovdje opasnost ni za jedan jezik osim za bosanski dok je *Oslobođenja*. Danas sam, čitajući *Oslobođenje*, ustanovio da nekoliko Bošnjaka tako kvalitetno pišu novohrvatskim jezikom da sam se upitao jesu li to pseudonimi. Oni se još stide što su Bosanci, što su Bošnjaci, što imaju svoju dugu i dugovjeku tradiciju. Ti ljudi su u stalnome bjekstvu i nikako da se zaustave, okrenu, i vide gdje su. Još nam je stari *Mehmed-beg Kapetanović Ljubušak* poručivao: *Jezik — to je narod!* Evo, od tada je prošlo 110 godina, a mi još odbijamo da smo u jezičkom smislu narod. Zato će onaj *Sahačić* na Marindvoru iznad svoje firme napisati i časovničar i urar, a on će se i dalje zvati Sahačić. I jako se ljuti kad mu dodete da popravite sahat. Zato će se naši lingvisti i dalje truditi da nam objasne kako *sahat* nije ispravna riječ, nego da je to izvorno *sat*. Ako tako krenemo i ako vratimo turske, arapske, perzijske riječi u izvornik, dakle, ne ostavimo ih bosanskim nego izvornim, pitam se šta će se dogoditi sa engleskim jezikom koji ima 60% romanizama i izgovara ih gotovo karikaturno u odnosu na latinski itd. Ta vrsta jezičnoga daltonizma nije prisutna samo kod puka, kod učitelja i onih koji imaju pravo na odgovornost, nego čak i kod lingvističkih stručnjaka...

I ovu priliku koristim da apeliram na medije da ne propuste nijedan trenutak da ne zavire u Pravopis, i tu buduću Gramatiku bosanskoga jezika. Onakav kakav je sadašnji Pravopis najbolji je pravopis kojeg imamo. Neka mi niko ne priča da se može napraviti bolji. Nema najboljeg pravopisa, pravopis je konvencija. I zato oni Bošnjaci koji se bune protiv ovoga Pravopisa traže alibi za svoje bjekstvo u lingvističku koloniju u kojoj su doslovno živjeli stotinu i više godina. Treba da iz te lingvističke kolonije pobjegnu u svoju vlastitost, vlastitost svoga jezika, u svoje duhovno jezičko bice» (*Ljiljan*, 14–21.06.1999:11–12).

Pod naslovom *Mehki uviri bosanskog* na ove ministre optužbe odgovorio je Ramo Kolar (*Oslobođenje*, 19/20. VI. 1999: 8) dokazujući pravovjernost svoga lista i njegovih novinara, njihovu rodoljubnu misiju u toku rata i svoje bogumilsko-bošnjačko porijeklo. (Ne)dolično pravdajući sebe i *Oslobođenje* za slabo poznavanje bosanskog jezika, on se upustio u kvazi razglabanja o zemlji Bosni, bosanskom čovjeku, o pravu, toleranciji i o imenovanju jezika, pa, između ostalog, veli i sljedeće:

pravo i na svoj jezik, zato što su danas ljudi dosegli taj stupanj tolerancije i demokracije. Jer ako ima zemlja Bosna, postoji i bosanski čovjek. Znam sigurno da bosanski konj još nije ukinut/dokinut. Neki koji ne vole čuti sintagmu 'zemlja i država Bosna', ne priznaju ni bosanski jezik. Kažu, kad je sve podijeljeno, kad postoje Hrvati, Srbi i Bošnjaci, onda postoji i bošnjački, a ne bosanski jezik. Znam da se jezik zove imenom naroda. Tako ste i vi glasali, ministre. A tako se i naš jezik zove bosanski, zar to nije po zemlji Bosni, po Bosancu?». «Mene niko ništa nije pitao, a i ne pita, no smijem misliti da bi se u zemlji Bosni trebalo govoriti bosanskim. Kao što

se u Hrvatskoj govori hrvatskim, u Srbiji srpskim, u Kini kineskim..., ma-
da svako ima.

Komentator sarajevskog *Svijeta* (11.07.1999: 9) Kemal Kurspahić ministrov javni istup o jeziku u *Ljiljanu* nazvao je «Baukom jezičke policije», optučujući ga da bi on «htio da novinama i novinarima propisuje obavezujuće jezičke obrasce». Za njega bi svaki pokušaj «propisivanja obaveznih jezičkih formi» bio «povratak vremenima jezičkog dogmatizma i staljinizma ili pristajanje na klimu jezičkog šovinizma». «Dovoljno se, uostalom, sjetiti na kakve su jezičko-porodajne muke bili pristavljeni voditelji i novinari čuvene ratne paljanske televizije kad im je naredeno da od sada govore isključivo srpski – uključujući i obaveznu upotrebu ekavice: kako se onda na 'našem jeziku' kaže Prijedor a da se ne povredi zadata jezička norma?» Kurspahić se protivi nastojanjima «da ministarstvo kulture zavodi neku vrstu jezičke policije ili higijenskog zavoda koji će dijeliti javne ocjene i packe građanima, javnim radnicima i institucijama zavisno od toga da li je ministar Rizvanbegović ili neki drugi visoki državni činovnik zadovoljan jezičkom čistotom javnog dijaloga». Za Kurspahića je bosanski jezik onaj jezik koji uvažava razlike «u izrazu i iskazu», a pravo je «svakog građanina Bosne i Hercegovine da govori svoj bosanski podrazumijevaću pod tim i srpski i hrvatski». Svoj komentar Kurspahić ovako zaključuje:

«Insistiranje bošnjačkih higijeničara jezika da se pod prijetnjom javnog ukora nekakvog federalnog ministarstva u medijima i uopšte u javnom dijalogu obavezno koristi novootkriveno blago iz bosanske jezičke i kulturne baštine opasan je korak prema društvu dogme i cenzure i zato bih više volio da je komentator najuglednijeg sarajevskog dnevnika poručio ministru da se ne petlja u tuđi posao — uređivanje novina — umjesto što se upustio u dokazivanje kako njegov list i posebno neki autori zaista piše bosanski. Lično ću vjerovati komentatoru samo ako na stranicama tog lista i dalje budem nalazio bosanski jezik i mojih bosanskih komšija i prijatelja — Srba i Hrvata. I lično ću biti zadovoljniji ako ministar poradi na tome da se u mojoj zemlji malo više uči engleski, njemački, francuski, španski...»

Muhamed Huković u *Ljiljanu* od 23–30. avgusta 1999 konstatuje da su varijante puke izmišljotine, lingvistička ujdurma kojoj je cilj umštenje bosanskog jezika: «Bosanski jezik, «veli on, «nije pozajmljivao iz izvanbosanskih regija, nego je baštinilo (sic!) iz svakog fonda drugim jezicima». Pa baš zbog toga što je to tako, postavlja se pitanje: «Što će onda ovako bogatom izvoristu ove dvije varijante, kakav je njihov smisao i uloga?» I odmah slijedi odgovor u sljedećoj formi:

«Da rastoči to jezgro, da neovlašteno nad pojedine riječi stave nacionalno obilježje i da tako, ustvari, toliko okrnje taj organizam i dovedu u pitanje njegov opstanak. Takve varijante nemaju nikakvog opravdanja... Ako su od dvije istoznačne riječi jedna prekrštena na hrvatsku, a druga na srpsku

varijantu, bosanskom jeziku ne ostaje ništa. Njegove riječi su ukradene jer im je uporište tu na bosanskom tlu za što postoje bezbroj dokaza, što niko i ne osporava, ali se ipak neovlašteno želi istrgnuti iz tkiva i nazvati drugim imenom».

Huković ustaje protiv sastavljača školskog programa u kojem se pojavljuju bosanskohercegovačka i bošnjačka varijanta bosanskog jezika:

«Što znači natuknica iz programa *Bosanskohercegovačka varijanta i bosanski jezik*? To bi imalo smisla ako se pod imenom bosanski podrazumijeva i hrvatski i srpski jezik, pa bi smo onda mogli govoriti o tri varijante. Ali to nije tako, pa ispada da bosanski jezik ima varijante, a da srpski i hrvatski egzistiraju kao nezavisni jezički organizmi sa kompaktnom i kompletnom strukturom.

Zašto se, naprimjer, ne govori o hrvatskoj varijanti u srpskom jeziku kad i građani ove nacionalne skupine rabe varijantski obojene riječi: tlakomjer, puk (u Šantićevoj pjesmi *Veče na školju*), suvremen (upotrebljava Sv. Marković u članku *Pevanje i mišljenje*), uopće (upotrebljava jedan broj Srba), kruh govore svi građani Banje Luke, uključujući i Srbe, zeleni val (u saobraćaju), tisuća i općina (upotrebljava Nićifor Dučić, kaluder i političar, rodom iz Trebinja).

Isto se može navesti i za hrvatski jezik... Učenicima treba kazati da sve riječi koje su do sada pripadale ih jednoj ili drugoj varijanti imaju svoje porijeklo u Bosni i Hercegovini. *I zrak i vazduh, i val i talas* su bosanske, i *tlak i pritisak* također. Mi u Bosni smo u prednosti jer i jednoj i drugoj riječi osiguravamo *raison d'être* — u Hrvatskoj i Srbiji su na mucu. Hrvatska je prisiljena nazvati u Rijeci Institut za talasoterapiju, a građani Srbije moraju izmjeriti pritisak na tlakomjeru. Mi u Bosni, kad zaboravimo varijante, zaboravit ćemo i nacionalno markiranje riječi i termina»¹⁰.

Pod naslovom *Engleski* u rubrici *Riječ u Fokusu* sarajevskih *Dana*, bosanskohercegovačkog nezavisnog News Magazina (03.09.1999), u polemiku se posredno uključio i književnik Mile Stojić. On kaže:

«Jezični potresi nastali raspadom zajedničkog hrvatskosrpskog jezika u Bosni i Hercegovini mogu se opisati kroz slijedeće tendencije: neuobičajenu i namjernu upotrebu turcizama (haber, avaz), stavljanje glasa 'h' i tamo gdje mu nije mjesto (hudovica) s jedne strane, te nekritičku upotrebu engleskog, s druge. Ako prvu pojavu nazovemo arhaizacijom, a drugu internacionalizacijom, shvatit ćemo da su obje podjednako štetne za jezični integritet zemlje. Podsjetimo se da je Bosna i Hercegovina bila najhomogeniji jezični prostor na Balkanu — gotovo nikakvih razlika nije bilo između jezika koji se upotrebljavao u Bijeljini, Trebinju, Bihaću i Ljubuškom. Na tom jezičnom prostoru danas imamo tri standarda — srpski, hrvatski i bosanski. Partije na vlasti su, u cilju podjele zemlje, pokušale podijeliti i jezik. Banja Luka je čak bila počela s ekavicom, pa nekako nije išlo, Ljubuški je počeo rabiti kajkavske izraze, a Sarajevo se počelo okretati turcizmima, čiji je smisao odavno zaboravljen.

Kao odgovor na ove procese spontano se pojavio engleski, taj esperanto modernoga doba. Tako u Bosni i Hercegovini danas imamo Arizonu (meduentitetska tržnica), Stage (rok-pozornica), Dayton (mesnica), Holly-

wood (kavana), Muppet (kafić), Meeting Point (kino) itd. Međunarodne organizacije najčešće se nazivaju engleskim kraticama: OSCE, OHR, IPTF, ICG, SFOR, EU, mada je uobičajeno da se u gotovo svim jezicima one prevode. I uobičajena skraćenica SAD (Sjedinjene Američke Države) u pojedinim medijim navodi se kao USA, a državna televizija kratke vijesti prije dnevnika najavljuje kao News (novosti).

Amerika i Engleska bit će zemlja proleterska, pjevali su komunisti, vjerujući da će naši proleteri zavladati svijetom. Ah, malo se toga ostvarilo. Proleteri danas, doduše, mogu otići u kino *Meeting Point*, svratiti u *office* da kupe *ticket* i gledati 'Sarajevo Film Festival', pod uvjetom da imaju *cash*.

Credit card se još uvijek u nas ne pika».

Mi bismo ovdje rekli: Možda će se ipak nekad *pikati*, bar za nekoga, makar «24 sata, sahata, časa»! Pitanje je, dakle, samo budućnosti. Možda je na pomolu i neka druga jezička politika i u Federaciji Bosne i Hercegovine i u Republici Srpskoj. Jednu takvu futurističku jezičku politiku u narečenoj rubrici «24 sata, sahata, časa» nezavisne informativne revije *Slobodna Bosna* od 28.08.1999. najavljuje novinar Edin Avdić pod naslovom *Knjigom po glavi školarca* i nadnaslovom *Kad otvorim novi udžbenik ja... Tu stoji sljedeće:*

«U prošli utorak je konačno potpisan historijski/istorijski/povijesni sporazum između federalnog ministra obrazovanja, nauke, kulture i sporta Fahrudina Rizvanbegovića i njegovog kolege iz Republike Srpske ministra Nenada Suzića o izbacivanju uvredljivih sadržaja iz bh. školskih udžbenika.

OHR, UNESCO i Vijeće Evrope zbog toga su bili veoma zadovoljni, a glasnogovornik OHR-a James Ferguson izjavio je kako time ispunjen jedan od veoma važnih uvjeta za primanje Bosne i Hercegovine u Vijeće Evrope, te kako je BiH krenula pravim putem za uspostavljanje evropskih standarda obrazovanja.

Izmjene se odnose na udžbenike iz jezika, književnosti, istorije, geografije i, vjerovah ili ne, muzičkog vaspitanja, a međunarodna zajednica dano-noćno će nadzirati provedbu potpisanog sporazuma.

Tako se u našim školskim udžbenicima više neće rabiti termini ala 'četnici', 'ustaše' i 'balije', niti će djeca, naprimjer, učiti napamet mnogobrojne bezvrijedne pjesmice u kojima je osnovna tema bila 'bem vam sve po spisku, mi smo najbolji i najjači'.

Takoder, odbijeni su tzv. županija sa hrvatskom većinom, koji već godinama traže da se za njih uspostavi zaseban obrazovni sistem, jer im zajednički, ko će mu ga znati zašto (iako neki kažu: ZNA SE), ne odgovara. Međutim, gospodin Ferguson bio je jasan, kratak i precizan: 'Takvo što je kršenje Dejtonskog sporazuma!'

No, ruku na srce, ili barem tako tvrdi međunarodna zajednica, potpisivanje sporazuma kočile su sve tzv. tri strane, jer bez stručne analize svaka od njih je željela da ima 'pravo na apsolutnu istinu'. Tek kada je uslijedila porcija 'mrkva ili štap', svi su jednoglasno rekli: DA!

Da li je tačna informacija nekih ovdašnjih medija da će doći i do revizije udžbenika, kako je to potpisano 20.08. ove godine u Banjoj Luci, iz

Hrvatske i SR Jugoslavije, ostaje da se vidi. U svakom slučaju, na početku školske godine učenici će učiti 'drugačije nastavno štivo' negoli do sada, a štampanje novih udžbenika, za koje će morati odvojiti stotine hiljada konvertibilnih maraka, neće se moći obaviti bez provjere i odobrenja OHR-a.

Koliko je spomenuti sporazum zapravo značajan, najbolje će, naravno, pokazati budućnost... Samo da rata više ne bude».

Mi se naravno ne možemo uključiti u ta predviđanja, iako podržavamo autora u ovome 'Samo da rata više ne bude'. Ne možemo još ni utvrditi koliko je Bosna i Hercegovina za proteklu deceniju srbizirana, hercegbosnizirana ili bošnjakizirana, niti pak da li je nastupilo, odnosno da li će nastupati, vrijeme njene desrbizacije, dehercegbosmizacije i debošnjakizacije. Možemo samo konstatovati sljedeće: Jednoglasje kod Bošnjaka koje je nastupilo nakon prihvatanja osnovnih normativnih priručnika bosanskog jezika za nepune tri godine je ne samo narušeno nego su nastale i krupnije pukotine u bošnjačkoj jezičkoj monolitnosti.

S 1999. godinom otpočela je, dakle, nova faza u izgradnji bosanskog književnog jezika. To je *faza kontroverzi i destabilizacije* u trasiiranoj jezičkoj politici. Na jednoj strani, autotohtoni jezički elementi (turcizmi, dijalektizmi i provincijalizmi) nisu se pokazali dovoljno funkcionalnim u modernoj komunikaciji, a slijepo prihvatanje kroatizama i elemenata iz hrvatske književnojezičke tradicije naišlo je na snažnije otpore ne samo u taboru zagovornika čistog bošnjaštva nego i u širim slojevima obrazovanih ljudi i stvaralaca, na drugoj strani. Raskorak između političkih proklamacija i jezičke zbilje, nedovoljno jasni standardnojezički normativi i nedostatak modernijih gramatičkih udžbenika — sve je to dovelo do stvaranja složene i neprevrele jezičke prakse koja teško može pratiti političke proklamacije i želje njenih propagatora. Predstoje zasigurno novi zahvati u normi bosanskog jezika i njeno približavanje jezičkoj zbilji i potrebama modernog društva.

* * *

No ostavimo ta osjetljiva pitanja i vratimo se Bošnjacima i njihovom imenovanju jezika iz čisto formalnog razloga. Ima li dakle jedan narod pravo da naziva svoj jezik onako kako to on želi? U vezi s tim Ivo Žanić u *Euro Bosna* (12–17.05.1993) kaže:

«Jezik je jedno, njegov naziv drugo, on je stvar dogovora. Kako su se Muslimani svojedobno identificirali kao Bošnjaci ili Bosanci, u njih postoji tradicija upotrebe naziva 'bosanski jezik' ili 'bošnjački jezik' i nema nikakva suvisla razloga da im druga dva konstitutivna naroda to osporavaju». I zaista i nema nikakvog razloga ukoliko Bošnjaci i Srbima i Hrvatima priznaju sva prava — i na zemlju Bosnu i Hercegovinu, i na njene teritorije, i na njenu kulturu i istoriju — onoliko koliko i oni sami na to polažu pravo¹¹. I ukoliko se ne manipulira terminom bosanski jezik u političke svrhe, npr. njegovim podizanjem u rang državnog jezi-

ka ili smatrajući bosanskim samo ono što pripada njima, na jednoj strani, ili sve što pripada Bosni, na drugoj strani. A posebno nema nikakvog razloga nakon posljednjeg rata i kulturnog razlaza ta tri naroda. I na kraju, «niko ne može u jednoj državi da određuje kako će se zvati jezik koji se govori u drugoj državi, ma šta o tom jeziku mislio, niti da negira realnost da je u toj drugoj državi i službeni i narodni naziv jezika drukčiji od onog za koji neko izvan nje misli da je jedino umestan naziv»¹².

Jezik Bošnjaka je dakle dobio svoje ime, *bosanski* (a ne *bošnjački*)¹³) i svojevrsno pravo gradanstva na određenoj jezičkoj i državnoj teritoriji. No da li se samim imenovanjem jezika tako kako se on u posljednje vrijeme imenuje riješava zamršeni jezički čvor bosanskohercegovački, a posebno bošnjački? Kako će se npr. bošnjački normativi postavljati prema tzv. srbizmima i kroatizmima? U kojoj mjeri će oni riješiti pravopisna i normativna pitanja kada tu, kako sami bošnjački intelektualci stalno ističu, nema *nikakvog* udjela bošnjačkih filologa i muslimanske književnojezičke tradicije u dosadašnjem normiranju tzv. srpskohrvatskog jezika? Hoće li Muslimani-Bošnjaci u normativistici početi ispočetka ili će nastaviti tamo dokle su stigli njihovi «dušmanski» narodi – Srbi i Hrvati? Da li su Bošnjaci ustvari jedini narod na svijetu koji dobijaju *gotov* standardni jezik na maternjem jeziku koji su do sad normativno uređivali drugi narodi a koji treba samo nešto sitnije normativno preurediti, idiom koji se normativno razvijao preko 150 godine u okviru drugih dviju (ili zajedno s njima) književnojezičkih tradicija, srpske i hrvatske? Gdje su normativni jezički priručnici, gramatike, rječnici književnog jezika, istorije standarda (stvarni, ne samo po imenu na koricama knjige), i kako će oni izgledati u odnosu na slična djela u srpskoj i hrvatskoj sredini? To posljednje posebno kad se uzme u obzir činjenica da je dosadašnja istorija jezičkog standarda u Bosni i Hercegovini bila vezana za *sve tri nacije*, da je normiranje i jezička politika podrazumijevala ta tri «entiteta» i multikulturalnu zajednicu, sa zajedničkim školskim i administrativno-upravnim sistemom, a sad se slijedi politika totalnog razdavanja i zatvaranja u čiste nacionalne torove! Kako riješiti problem jezičke nadgradnje, osobito u terminološkom sistemu koji se divergentno razvijao kod Srba i Hrvata (bez specifičnog udjela Muslimana) i koji je najviše doprinio i konačnom razdvajanju tih dvaju standardnih jezika, srpskog i hrvatskog? Da li će Bošnjaci jednoga dana oživjeti davno napuštenu i zaboravljenu tursku (orijentalnu) terminološku nomenklaturu? I kako će riješiti problem termina, ako se slučajno odluče za taj ili sličan korak, od vremena «evropeizacije» Bosne i u moderno doba?

To su pitanja na koja danas nema jasnih odgovora ni kod vatrenih zagovornika «novog» južnoslovenskog standardnog jezika. Jasni odgovori se ne mogu naći ni u pomenutom *Pravopisu bosanskoga jezika* Senahida Halilović (1996), u jednoj debeloj knjizi koja se ne bavi

samo pravopisnim pitanjima, a koja je nastala na osnovu odluka *Pravopisne komisije Centra za bošnjačke studije Kulturnog društva Bošnjaka Preporod* i u kojoj su, najvećim dijelom, prepisana pravopisna i druga rješenja iz postojećih srpskih i hrvatskih, odnosno srpskohrvatskih (hrvatskosrpskih), hrvatskih ili srpskih pravopisa. Jasnih odgovora nema ni u novijim bošnjačkim jezičkim savjetnicima i priručnicima.

Kud, onda, plovi bošnjački jezički brod, da se ponovo zapitamo? Zasigurno krivudavim stazama. I putovanje će biti dugo. Ono što je sigurno, to putovanje ne može biti potpuno *samostalno*: dviju književnojezičkih *pratilja* — hrvatske i srpske — teško se (ili nemoguće) osloboditi! U nekoj formi će, dakle, u njemu ostati ta vještačka *hibridizacija* književnojezičkih varijanata.

¹ Up. *Mostarsko savjetovanje o književnom jeziku*. Sarajevo 1974. i M. Okuka. *Jezik i politika*, Sarajevo 1983.

² On tu pribraja i procenite za srpskohrvatski i hrvatskosrpski jezik, dakle sve stavlja pod kapu bosanskog jezika. (Zanimljivo je da Alihodžić misli da je samosvijet muslimanska konačno uobličena šezdesetih godina našeg vijeka ili «zbog neefikasnosti primitivnog velikosrpskog nacionalističkog programa ili zbog poznatog bošnjačkog 'naduravanja' sa dušmanima»)

³ Ovdje se misli na Bošnjake-Muslimane, koji su dakle po njegovu (i ne samo po njegovu) mišljenju u Bosni jedini autohtoni stanovnici, dok su Srbi i Hrvati došlje sa strane pa prema tome u Bosni i nemaju šta da traže. («Stvari treba staviti na svoje mjesto»)

⁴ Svojim interpretacijama podataka iz popisa stanovništva Alihodžić je krivo predstavio sliku tzv. jezičkog zajedništva u BiH. Podaci iz popisa (1,41% za naziv *hrvatskosrpski*, 1,56% za naziv *hrvatski*, 37,51% za naziv *bosanski*, 26,62% za naziv *srpskohrvatski* i 18,85% za naziv *srpski*) pokazuju, ustvari, da su Hrvati (i dobrim dijelom i Srbi) bili zagovornici jezičkog zajedništva. Jedino je jezička homogenizacija ostvarena kod Muslimana. Budući da je kod njih veliki procenat nepismenosti, to je bilo moguće postići pod uticajem raznih spoljašnjih faktora (npr. i pod uticajem samih zapisivača na terenu).

⁵ Godine 1998. Halilović je izdao «drugo, dopunjeno i izmijenjeno izdanje» svoje knjige, u kojem naravno ova priča o jednom jeziku Srba, Hrvata, Muslimana i Crnogoraca više ne postoji (niti svi ovi termini) nego se bosanski jezik proglašava potpuno samostalnim standardnim jezikom. Svoju terminološku šemu Halilović je sada sveo na Bošnjake, pa umjesto bosansko-muslimanski, bosanskosrpski i bosansko-hrvatski operiše sljedećim pojmovima koje Bošnjaci u imenu bosanski jezik podrazumijevaju: «1. Bosansko-bošnjački standardnojezički tip; 2. srbijanskobošnjački standardnojezički tip; 3. Hrvatskobošnjački standardnojezički tip; 4. Crnogorskobošnjački standardnojezički tip; 5. Predstandardne idiome (uključujući jezik bošnjačke narodne književnosti); 6. Govore Bošnjaka diljem Bosne i Hercegovine, Srbije, Crne Gore i Hrvatske i 7. Oazne govore Bošnjaka u dijaspori, u okruženju drugih jezika (turskoga, makedonskoga)» (s. 19).

- ⁶ U to vrijeme je ustvari kod muslimanske inteligencije uglavnom vladalo sljedeće mišljenje, koje je formulisao Rusmir Mahmutćehajić u knjizi *Muslimani i bošnjaštvo* (Sarajevo, 1990: 97–98; napisanoj zajedno s Atifom Purivatrom i Mustafom Imamovićem): «Jezik Muslimana je u suštini onaj isti jezik kojim govore Srbi, Hrvati i Crnogorci, te on u njemu ne može ustvrditi odlučne činioce zasebnosti. Na svim područjima koje nastanjuju Muslimani žive i sudjeluju sa Srbima, Hrvatima, Crnogorcima i drugim, te u zemlji ne mogu ustvrditi odlučni činilac koji određuje njihovu zajednicu. Stoga on u onom što proističe iz sadržaja označenog imenom musliman prepoznaje odlučne dimenzije svoje zasebnosti, budući da su one samo njegove, dok su jezik, zemlja, etnogeneza itd. zajednički. Iz toga proističe suglasnost o tome imenu, uspostavljena na širokom području i kroz veoma dugu povijest; zemljopisna područja u kojima su Muslimani živjeli tijekom svoje historije bila su različita ali 'nutarnja' sila njihove tradicije ostala je pristuna, unatoč mijenama te je svoj simbol pronalazila, prije svega, u imenu Musliman».
- ⁷ Godine 1995. u Sarajevu je izašlo «četvrto, dopunjeno i ispravljeno izdanje» ovog djela, pod nazivom *Rječnik bosanskoga jezika (Karakteristična leksika)*. Dopune su u tome što je uvršteno «oko 170 odrednica, a oko 1400 novih riječi uneseno je na nagovor čitalaca koji su predlagali da među odrednicama budu i one riječi koje nisu karakteristične, nisu ekcerpirane iz grade, ali se, iz pravopisnih razloga, upućuje na njih uobičajenim načinom vidi (v.), npr. boleštnik, v. bolesnik, ekspedicija, v. ekspedicija; karadžoz, v. karadžoz, sitnozoz, v. mikroskop; sveza, v. veza; zvizda, v. zvijezda i sl. U tome slijedu modificiran je i sâm naslov *Rječnika*». Tako stoji u kratkom, politički a ne lingvistički intoniranom pregovoru, što upućuje na pitanje: Kakav je zapravo ovo rječnik — pravopisni, varijantski, rječnik turcizama, regionalizama, dijalektizama ili rječnik književnog jezika?
- ⁸ Up. i knjigu *Sarajevski nekrologij* (1994: 43) Alije Nametka, koja je prepuna pasaza sličnih ovom: «Danas je irkarila Samija – hanuma Arnautović ili po prvom mužu, Prijepoljčevka, naša kona, setra Mustaj-bega Halilbašića. Mjesto nje će ići kao badel Hadži Hafiz Smail efendija Fazlić, imam Čekrić-Muslihuddinove džamije. Irkar je bio u Carevoj džamiji iza džume namaza. Hutbu je pročitao i džumu klanjao Hafiz Ibrahim efendija Proho. Dok je čitao prijevod hutbe, odnekle mi se tekst učinio vrlo poznat».
- ⁹ Zanimljivo je da na osnovu razvoju štokavskih govora poznati hrvatski dijalektolog Josip Lisac (1996: 16) tvrdi, između ostalog, i sljedeće: «Pokažuje se da su Muslimani u Bosni i Hercegovini uglavnom hrvatskoga podrijetla, pa se od Hrvata razlikuju u pojedinostima, dok je razlika prema Srbima obično znatna».
- ¹⁰ Tako ispada da u Bosni i Hercegovini postoji samo bosanski jezik kojim su se služili njeni stanovnici i koji se stoljećima imenovao bosanskim. Hrvatski jezik se govori u Hrvatskoj, a srpski u Srbiji.
- ¹¹ To nažalost nije slučaj. Mnogi bošnjački intelektualci su neobično grlati u tvrdnjama da su Muslimani (Bošnjaci) jedini «nasljednici povijesnih Bošnjaka», kako to npr. Ibrahim Kajan u *Beharu* (VII/38, 1998: 3) veli. A u vezi s imenom bosanskog jezika, on kaže i sljedeće: «Ime jezika je sveto ime svakog naroda. U njemu se kriju sve tajne, sve ljepote, sve spoznaje, sve nesreće i svi uzleti duha naroda koji ga govori od kálu belâ i kojim ispisuje

sudbinu kalemima ljudi i meleka na vidljivim i na nevidljivim papirima. Ko god ništi ime (jezika) drugog naroda, navlači na sebe gnjev Onoga koji to dobro vidi. Kome god (političku) sudbinu ispisuje i propisuje drugi i nepozvani — neće se imati vremena spasiti od propasti». A orijentalist Smail Balić je neobično aktivan u dokazivanju stranom svijetu (prije svega na njemačkom govornom području, up. npr. njegov rad u zborniku *Konfliktregion Südosteuropa. Vergangenheit und Perspektiven*. Hrsg. W. Potthoff, München, 1997) da su Bošnjaci (Musliman) jednini baštinici Bosne, da Bosna pripada samo Bošnjacima, da je onda jezik koji se u Bosni govori sasvim normalno — samo bosanski. On se, taj jezik, kako Balić veli, pojavljuje u ikavskom i ijekavskom dijalektu, za razliku od srpskoga jezika koji se pojavljuje u ekavskom dijalektu. «Ako bi se u Bosni govorio srpsko-hrvatski», veli on, «onda bi to značilo da zemlja pripada Srbima i Hrvatima». A to, zaključuje on ironično, ne bi baš bilo «politički pametno reći». Uz to, Muslimani ne «gutaju» *h* kao Srbi («kao *ajde* umjesto *hajde*, *Adžić* umjesto *Hadžić*), dok je to kod Srba sasvim normalno». I to su sve jezičke razlike između srpskog i bosanskog koje Balić navodi, dodajući i sljedeću rečenicu: «Ima i drugih razlika. U svakom slučaju, bosanski se najmanje razlikuje od srpskoga onoliko koliko se hrvatski razlikuje od srpskoga. Fonološki gledano, ta se tri jezička bića u mnogo čemu udaljavaju jedan od drugoga». (Kao i obično, nedostaju primjeri za dokaz ovakvih tvrdnji).

¹² Predrag Piper, Ni jezici ni kulture nisu nedeljivi (O «deklaraciji» o srpskom jeziku i filološkom «srbovanju»), *Jezik danas*, 6/1998: 3.

¹⁵ I hrvatski i srpski lingvisti (i iz Hrvatske i iz Srbije) uporno tvrde da se on i u hrvatskom i u srpskom jeziku naziva *bošnjački jezik* (i da se samo tako može za taj jezik reći i u hrvatskom i u srpskom jeziku). Tako Dalibor Brozović kaže: «Mi Hrvati ne možemo biti nezainteresirani kako će Bošnjaci-muslimani normirati svoj, *bošnjački*, jezik, ali ne previše. Neobično je da oni koji sebe zovu Bošnjacima svoj jezik zovu *bosanski*. Tu se očito krije namjera da se druge potisne na rub države BiH, tj. da bude država bosanska, jezik bosanski, dakle svi ostali su manjina. S obzirom na to da se oni zovu Bošnjacima, logično je da i svoj jezik zovu *bošnjački*» (Stecak, 48/1997: 15).

U svom radu *Odnos hrvatskoga i bosanskoga odnosno bošnjačkoga jezika*, objavljenom u zapadnomostarskom *Osvitu* (2–3/1999, koji je prenio *Jezik* 40/1999: 16), Brozović uglavnom ponavlja svoja stanovišta i na kraju, između ostalog, kaže: «Treba naše bošnjačke zemljake i susjede s vremena na vrijeme diskretno podsjećati da Republika Hrvatska ne može biti zadovoljna ako su Hrvati u BiH nezadovoljni. Jer za budućnost naši bošnjački prijatelji moraju biti svjesni da Republika Hrvatska može kako-tako i bez Bosne i Hercegovine, a Bosna i Hercegovina ne može nikako bez Republike Hrvatske».

Branislav Brborić i Ivan Klajn su u vezi s tim uputili sljedeći prijedlog Odboru za standardizaciju srpskog jezika: «Kad je reč o nazivu trećeg jezika u Bosni i Hercegovini, priznatog i Dejtonskim sporazumom (priznatog implicitno, onde gde je reč o donošenju tog sporazuma — na četiri jezika, na bosanskom [Bosnian], hrvatskom [Croatian], engleskom [English] i srpskom [Serbian], u srpskom jezičkom standardu, za imenovanje tog idioma, može se preporučiti samo atribut *bošnjački* [Bosniac]. Očigledno, naziv jezika

neophodno je uskladiti s imenom novopriznatog naroda (*Bošnjaci/ Bosniacs*), jer nema razloga da u srpskom jeziku budu u raskoraku, koji unosi zabunu i izaziva zabrinutost» (Jezik danas, 5/1988: 2). Taj nekom-pro-misni stav Brborić je iznio i na Internacionalnom simpozijumu *Die Südosteuropawissenschaften im neuen Jahrhundert. Neue Friedensordnung auf dem Balkan*, održanom u Lajpcigu (Leipzigu) od 16. do 19.10.1999, ističući kako Bošnjaci nazivom bosanski jezik teže da pokriju «celu BiH, ne bi li se predstavili kao jedini autohton narod u toj zemlji», pa se zbog toga njihov jezik «ne može zvati bosanskim».

Zabrinutost i hrvatskih i srpskih lingvista je opravdana jer je naziv bošnjački jezik prikladniji onome što on pokriva (muslimanski jezički korpus), ali se ne mogu zanemariti (niti poricati) neke činjenice: a) taj idiom se oficijelno naziva bosanski jezik, a ne bošnjački jezik, b) pod tim nazivom su ga priznali i Hrvati i Srbi u Bosni i Hercegovini potpisujući Dejtonski sporazum i dužni su da poštuju ustavnu odredbu svoje zemlje (sve dok ona ne bude promijenjena; a dužni su to i Hrvati i Srbi izvan BiH u službenoj upotrebi, ako su priznali tu zemlju), c) pod tim nazivom jezik Bošnjaka je internacionalno priznat i etabliran i u nauci i javnoj komunikaciji. Uz to, Srbi ne bi trebalo da se previše uzbuđuju oko naziva jezika Bošnjaka, jer je to stvar *samih* Bošnjaka, a ne Srba. Ako su Bošnjaci (Muslimani) mogli «progutati» naziv *Republika Srpska* u Bosni i Hercegovini (kojega nikad ranije nije bilo), zašto ne bi Srbi mogli «progutati» naziv *bosanski jezik* (koji odavno postoji). I ti prostori su valjda zaslužili da na njima umjesto nepopustljivih stavova konačno jednom zavlada duh pomirljivosti, duh koncesija. I još nešto: a) dokle će Srbi da vode brigu o tome kako će svoje stvari uređivati drugi narodi, a iste nisu u stanju riješiti u svojoj sredini? b) dokle će Srbi docirati manjim narodima i nametati im svoja mjerila? (I Hrvati su izgleda u tome dosta naučili od svojega «jačeg brata») i c) trebaju li se, eventualno. Srbi i srbistika 50 godina u vezi s bosanskim jezikom i bošnjakistikom i u naci i pred svijetom blamirati, kao što su se Bugari i bugaristika 50 godina blamirali u vezi sa makedonskim jezikom i makedonistikom? (Uostalom, naziv za jezik se može i promijeniti, za to ima niz primjera u svijetu!).

LITERATURA

- Durić 1998 — R. Durić. *Wozu Bosnisch? Das Bosnische zwischen Kroatisch und Serbisch*. Die Slawischen Sprachen, Salzburg, 1998, Bd. 56, 87–115.
- Halilović 1991 — S. Halilović. *Bosanski jezik*. Sarajevo, 1991.
- Halilović 1996 — S. Halilović. *Gnijezdo lijepih riječi. Pravilno – nepravilno u bosanskome jeziku*. Sarajevo, 1996.
- Halilović 1996 — S. Halilović. *Pravopis bosanskoga jezika*. Sarajevo, 1996.
- Halilović 1998 — S. Halilović. *Bosanski jezik. Drugo, dopunjeno i izmijenjeno izdanje*. Sarajevo, 1998.
- Isaković 1993 — A. Isaković. *Rječnik karakteristične leksike u bosanskome jeziku*. Wuppertal, 1993.
- Kamber 1998 — A. Kamber. *Slovo o jeziku*. Bihać, 1998.
- Mostarsko savjetovanje 1974 — *Mostarsko savjetovanje o književnom jeziku*. Sarajevo, 1974.
- Okuka 1993 — M. Okuka. *Jezik i politika*. Sarajevo, 1993.

- Okuka 1998 — M. Okuka. *Eine Sprache — viele Erben. Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien*. Klagenfurt, 1998.
- Purivatra, Imamović 1990 — A. Purivatra, M. Imamović. *Muslimani i bošnjaštvo*. Sarajevo, 1990.
- Rehder 1991 (Hrsg.) — P. Rehder. *Einführung in die slavischen Sprachen*. Darmstadt, 1991.
- Rehder 1992 (Hrsg.) — P. Rehder. *Das neue Osteuropa von A – Z*. München, 1992.
- Šipka 1975 — M. Šipka. *Jezički savjetnik*. Sarajevo, 1975.
- Völkl 1999 — S. D. Völkl. *Die Sprachsituation nach dem Zerfall Jugoslawiens*. I. Ohnheiser, M. Kienpointer, H. Kalb (Hrsg.): *Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europäischen Ländern*. Innsbruck, 1999, 319–334.

München, januara 2000.

III. НЕКОТОРЫЕ ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Roger Comtet
Toulouse

LA SINGULARISATION DES MORPHÈMES GRAMMATICaux DANS LE RUSSE CONTEMPORAIn

Langue russe contemporaine – morphèmes grammaticaux – leur singularisation phonétique et graphique – sous-systèmes linguistiques

1. Introduction

En russe, la réalisation phonétique des phonèmes¹ dans le cadre du morphème ou du mot est suffisamment formalisée pour que l'on puisse affirmer qu'elle s'inscrit dans un système; par exemple, sous l'accent, la réalisation du phonème vocalique /o/ est [ɔ:] (voyelle moyenne ouverte), mais [õ] (voyelle antérieure) entre consonnes molles (*тѣтя* = /t'ot'a/ = [t'õ:t'ə]); hors de l'accent, à l'initiale ou après consonne dure en position préaccentuée («premier degré de réduction»), la réalisation est [ʌ]; après consonne dure pour les autres positions, c'est [ə] («second degré de réduction»): *вода* = /v'od°a/ = [vʌda:]; *водоворот* = /v'od°ov°or°ot/ = [vədəvʌrɔ:t]; hors de l'accent, après consonne molle, la réalisation est désormais unifiée en un [i] bref, ce qu'on appelle *ikan'e* (*село* = /s'ol°o/ = [s'it̪ɔ:]). On sait que ce système de réductions et de neutralisations vocaliques joua en Russie un rôle fondamental dans la réflexion linguistique et l'élaboration de la théorie phonologique².

Le système de réalisations phonétique n'est flou que sur certains points, avec des zones de variations qui demeurent malgré tout limitées; ainsi en est-il de l'assimilation régressive de mollesse {consonne dure de couple + consonne molle → consonne molle + consonne molle} qui est en voie de résorption, avec quelques points de résistance représentés surtout par la position devant les molles /v'/ ou /j/ (cf. *свет* = /s°vet°/ = [s'v'ɛ:t]; *съезд* = /s°jez°d°/ = [s'ɛist]³ ou

par la déchéance de l'antique loi d'assimilation de /č/ en [š] devant /n/ par perte du trait central occlusif à laquelle on assiste de nos jours (ainsi, pour *конечно* la variante [кл'н'εič'nə] est en train de s'imposer face à [кл'н'εiš'nə]). Par ailleurs, emprunts étrangers, abréviations et interjections (Comtet 1987, 467–476) présentent des déviances phonétiques qui tendent cependant à s'aligner avec le temps sur la règle, surtout en ce qui concerne les emprunts.

Cependant, hormis ces zones périphériques de variation, il demeure un noyau dur d'invariance qui est à la base de la norme orthoépique russe actuelle, telle qu'on la trouve exposée par exemple chez R. I. Avanesov (Аванесов 1984). Mais, si l'on affine l'analyse, on se rend compte rapidement qu'il subsiste, hors variabilité, un noyau d'exceptions relativement important et qui concerne essentiellement les morphèmes grammaticaux.

2. La notion de «morphème grammatical»

Qu'entend-on par *morphème grammatical*? Nous postulons tout d'abord qu'un *morphème* correspond à tout segment minimal porteur de sens; le *morphème grammatical* sera tout morphème qui indique une relation syntaxique par opposition aux *morphèmes* lexicaux qui ont valeur sémantique; par exemple, dans *прочитаем* = /p°r°očit°ajot°, on peut distinguer les morphèmes grammaticaux <p°r°o> (préverbe perfectivant), <a> (suffixe verbal), <j> (suffixe du présent morphologique) et <ot°> (désinence de présent 3e personne du singulier). Il est évident que ces morphèmes grammaticaux constituent un ensemble limité, fermé, par opposition aux morphèmes lexicaux qui représentent un vaste ensemble ouvert.

Parmi ces morphèmes grammaticaux on trouve des racines, par exemple <m°oj>, dans la série du pronom-adjectif possessif de 1-e personne du singulier, ou <je> dans le pronom personnel 3-e personne du singulier. Viennent ensuite des *affixes*: *préfixes* comme les préverbes <n°a-> ou <iz>, (voir *написать*, *походит*) ou le préfixe de superlatif: <n°a-> (voir *наилучший*), *infixe* comme <-o> dans les mots composés, marque de dépendance ou de coordination (voir *светло-красный*, *русско-французский*), *suffixes* comme le suffixe <-a> des gérondifs imperfectifs (voir *работая*), *postfixes* comme <-s'a> (*целоваться*). Il y a enfin la classe des *désinences* dans la flexion nominale ou verbale comme <-u> à l'accusatif singulier des substantifs en <a> (*сестру*), <-it°> à la 3-e personne du singulier de certains verbes (*молчит*); on y ajoutera pour terminer des *morphèmes d'appui*, essentiellement <o> et <e> dont le rôle est de préserver les morphèmes grammaticaux dans des positions où ils sont fragilisés, par exemple <o> dans *во сне* = <v°> <o> <s°n> <e>: privé de <o>, le groupe de consonnes /v°s°n/ se réduirait à 2 consonnes, par dissimilation quantitative (Comtet 1998, 39–52).

3. La singularisation phonétique des morphèmes grammaticaux

Si l'on envisage les entorses aux règles de réalisation phonétiques, on a vite fait de se rendre compte qu'elles concernent au premier chef les morphèmes grammaticaux, si l'on met à part emprunts, abréviations et interjections. Essayons de classer ces exceptions aux règles selon la nature des phonèmes concernés.

3.1 Voyelles

/a/ et /o/ : la réalisation normale de /a/ et /o/ après consonne molle hors de l'accent est [ɪ] depuis la généralisation du *иканье*; on le vérifie par exemple dans *мятеж* = /m'atež/ = [m'it'ɛ:ʂ], *село* = /s'ol'ol/ = [s'ɪlɔ:]; or, pour /a/, dans les morphèmes grammaticaux, la réalisation est systématiquement [ə] après consonne dure hors de l'accent; pour /o/, par contre, la réalisation est en voie de normalisation, ce qui crée une zone de variation.

ня́ня = <n'an'> <a> = [n'ä:n'ə] (désinence de nominatif singulier des substantifs à ancien thème en *a).

ка́мня = <kamn'> <a> = [ka:mn'ə] (désinence de génitif singulier des substantifs masculins à ancien thème en *o sur radical en consonne molle)

по́ля = <p'ol'> <a> = [pɔ:l'ə] (désinence de génitif singulier des substantifs neutres à ancien thème en *o)

бра́тья = <b'r'at'> <j> <a> = [bra:t'j'ə] (désinence de génitif singulier des substantifs neutres à ancien thème en *o)

посте́лям = <p'o> <s'tel'> <am> = [pɫst'e:l'əm] (désinence de datif pluriel des substantifs)

бе́лая = <bel'> <aja> = [b'e:ləj'ə] (désinence de nominatif singulier féminin des adjectifs)

зла́я = <z'l'aj'> <a> = [zlɑ:j'ə] (désinence de nominatif singulier des substantifs à ancien thème en *a).

си́няя = <s'in'aj'> <a> = [s'i:n'əj'ə] (désinence de nominatif singulier féminin des adjectifs).

ко́зья = <koz'> <j> <a> = [kɔ:z'j'ə] (désinence de nominatif singulier féminin des adjectifs d'appartenance à suffixe <j>)

стре́бят = <s't'r'o> <j> <at'o> = [strɔ:j'ət] (désinence de 3-e personne pluriel des verbes de la classe IV de Boyer et Leskien)

ве́ря = <ver'> <a> = [v'e:r'ə] (suffixe de gérondif)

взя́лся = <v'z'> <a> <l'> <ø> <s'a> = [vz'a:ls'ə] (postfixe <s'a>)

L'explication ici le plus souvent avancée est l'alignement par analogie sur la réalisation des mêmes voyelles après consonne dure dans les mêmes morphèmes grammaticaux: la réalisation du morphème <a> est effectivement la même dans *ня́ня* et *ба́ба*.

бе́лое = <bel'> <ojo> = [b'e:ləj'ə] (désinence de nominatif singulier neutre des adjectifs)

ко́зье = <koz'> <j> <o> = [kɔ:z'j'ə] (désinence de nominatif singulier neutre des adjectifs d'appartenance à suffixe <j>)

беле́е = <bel^o> <ej> <o> = [b'el'e:j'ə] (suffixe du comparatif de supériorité)

лучше́ = <l^oušč'> <šo> = [lu:čšə] (suffixe du comparatif de supériorité)

вре́мя = <vr^oem'> <o> = [vr'e:m'ə] (désinence de nominatif singulier des substantifs neutres à ancien thème consonantique *n)

дво́е = <d^ov^ooj> <o> = [dvɔ:..j'ə] (suffixe des numéraux collectifs)

напо́лненный = <n^oa> <p^ool'n'> <on^on^o> <oj^o> = [nɫɔ:l'n'ənnij'] (suffixe <on^on^o> des participes passés passifs).

Un cas à part est représenté par la désinence <oj> des adjectifs au nominatif masculin singulier qui se réalise désormais hors de l'accent [ij] après consonne dure et [ɪj'] après consonne molle (dans la tradition moscovite de prononciation, on réalisait [əj']).

белы́й = <bel^o> <oj> = [b'e:ɫj']

си́ний = <s'in'> <oj> = [s'i:n'ɪj']

Pour expliquer ce phénomène relativement nouveau, on invoque le plus souvent l'influence de l'orthographe en en faisant un phénomène d'hypercorrection.

/e/: on attendrait après consonne dure hors de l'accent la réalisation [ə], comme dans *целиком* = /cel'ikom/ = [cəl'ikɔ:m]; mais, dans les morphèmes grammaticaux, la réalisation est toujours [i] (Garde 1998, 87-88):

на су́ше = <n^oa> <s^ou:š'> <e> = [nɫ-su:ši]

в лу́же = <v^o> <l^ou:ž'> <e> = [v-hi:ži]

Par ailleurs, /e/ ne peut figurer que précédé de /j/ à l'initiale des mots russes; or, on le trouve en cette position dans la série démonstrative du type de *это*, ce qui est d'autant moins étonnant que l'étymologie du mot renvoie au sous-système des interjections: <interjection эх!> + <démonstratif de la série de *том*>.

Au nominatif pluriel des substantifs en *-анин*, la désinence <e> est réalisée [ə] alors qu'on attendrait [ɪ] après consonne molle:

гра́ждане = <gr^oažd^o> <d^oan> <e> = [gra:ždɔn'ə]

Si on admet que le «néo-vocatif» du type *нян!* à partir de *ня́на!* est bien un phénomène flexionnel et non interjectionnel, on doit constater que ces formes s'accompagnent d'un hyper-allongement signifiant de la voyelle de la racine, seul cas de phonologisation de ce phénomène en russe.

3.2. Consonnes

Les chuintantes:

On note ici la perte de l'élément occlusif du morphème interrogatif <č̣> dans la conjonction *что* = <č̣> <t^oo> et son dérivé *чтобы*:

[ʃtɔ:], [ʃtɔ:bi]⁴ alors qu'il est conservé dans les autres dérivés (*ничто, ничто...*)

Le yod /j/:

On sait que /j/ a normalement une réalisation zéro devant /i/; par exemple, *moim* = <m^o> <j> <i> = [mlɪ:]; mais il demeure une variante de réalisation, à vrai dire vieillie, du pronom personnel de 3^e personne aux cas obliques *их, им, ими* = <j> <ix>, <j> <im>, <j> <im'i> = [i:x], [i:m], [i:m'i] à côté de la prononciation courante [i:x], [i:m], [i:m'i].

Les sonores :

Si on revient au «néo-vocatif» évoqué plus haut à propos de *няня*, on constate que la consonne finale de ces formes n'est pas assourdie, contrairement à la règle générale: *дядя* → *дядь!* = /d'ad'/ = [d'ä::d']; *Володя* → *Володь!* = /v^ool^ood'/ = [vɫɔ::d'].

3.3 Combinaisons phonématisques ou phonétiques spécifiques:

Certaines ne se réalisent qu'à la suture (russe *шов*) entre morphème grammatical et autre morphème; par exemple, le groupe [f't'] dans l'impératif de *плавить*: *плавьте* = <p^lav^o> <ø> <te> = [pla:f't'i] (Филин, ред. 1979, 150). Le rôle de ces écarts par rapport à la norme est de donner un signal démarcatif fort afin de souligner la frontière qui distingue le morphème grammatical du reste du mot.

Du même ordre est le hiatus phonématique, rarissime à l'intérieur des morphèmes authentiquement russes (voir *паук, оплеуха, каурый, тиун, аист...*; Garde 1998, 118) mais courant aux frontières faisant intervenir des morphèmes grammaticaux: *за-окном, переодеться, на-учить...*

On sait aussi que l'assimilation de mollesse ne joue pas aux frontières des morphèmes grammaticaux: *любви* = <l'ub^ov'> <i> = [l'ub'v'i:] mais *обвить* = <ob^o> <v'> <i> <t'> = [ɔbv'i:t'], selon une évolution relativement récente (Гловинская и др. 1971, 22).

On peut encore citer un phénomène analogue au sandhi et qui concerne les consonnes: aux frontières des morphèmes grammaticaux, elles préservent leur qualité dure ou molle, y compris devant le phonème /i/, ce qui se traduit la plupart du temps dans l'orthographe par le passage de «и» à «ы»: *играть* > *сыграть*; cela concerne en particulier les consonnes vélares, ce qui fait que dans *к избе* = <k> <iz^b> <e> la réalisation est [k-izb'ɛ:], dans *к этому* = <k> <et^o> <om^ou> = [k-ɛ:təmu], contrairement à la règle qui veut que toute vélaire soit réalisée molle devant voyelle d'avant <e> ou <i>. A l'inverse, dans les formes de russe relâché (*просторечье*) *пекёшь, берега...* où, devant le morphème grammatical en voyelle postalatale la vélaire est au contraire mouillée. Cette irrégularité est par contre consacrée dans *ткешь...*

4. Stabilisation et déstabilisation

Tous ces écarts peuvent laisser penser que la langue russe tend à traiter les morphèmes grammaticaux comme un sous-système qu'il conviendrait de singulariser. On pourra objecter à ces conclusions que l'évolution du russe depuis un siècle marque de nettes tendances à la normalisation de ce genre d'écarts.

Ainsi en a-t-il été de l'ancienne réalisation en [u] hors de l'accent de la 3-e personne du pluriel du présent en <i> (verbes de la classe IV de conjugaison de Leskien) dans l'ancienne prononciation moscovite et du participe présent actif correspondant (*старомосковское произношение*); dans les années 1880 on voit le linguiste M. Kruszewski citer comme normatives des formes telles que *нос'ут, ход'ут, воз'ут* qu'il explique par la force de l'analogie (Крушевский 1998, 52, 75, 165) et on les retrouve encore dans le dictionnaire d'Ušakov (Ушаков 1934, 1, XXIV) ou la *Grammaire russe* de Unbegaun en 1951 (Unbegaun 1951, 179, 180). La nouvelle réalisation en [ə] a fini par s'imposer après la période révolutionnaire; elle est plus conforme à la réalité de la désinence en position forte sous l'accent (cf. *стоят*) mais elle laisse subsister une anomalie, celle de la réalisation de /a/ en [ə] après la consonne molle /j/ du radical du présent; de même, la réalisation d'un [s] dur dans le postfixe *-ся/-сь* été abandonnée à sauf en quelques points de résistance (essentiellement les 3-e personnes de présent: *строится* = <s^ot^or^o> <j> <i> <t^o> <s^o'a> = [strɔ:ɪccə], *строилась* = <s^ot^or^o> <i> <l^o> <a> <s^o'> = [strɔ:ɪləs^o]. Relevons aussi l'ancienne réalisation du suffixe imperfectifant <iv^oa> comme après consonne vélaire /g/, /k/ ou /x/ comme [əvə] qui a cédé la place à la réalisation normalisée [ivə], conformément à la notation orthographique: voir *натягивать, постукивать, помахивать*...)

A l'heure actuelle, on assiste également à un alignement sur certains points des anomalies phonétiques que nous avons mises en évidence dans les morphèmes grammaticaux; par exemple, dans les désinences après consonne molle et hors de l'accent, <a> tend à se réaliser comme un [ɪ] bref et non plus comme [a], surtout dans les désinences de présent: *строят* = <s^ot^or^o> <j> <at^o> = [strɔ:ɪ't] et non plus [strɔ:ɪ'ət]; de même, au datif pluriel des substantifs: *дыням* = <d^oin^o-am^o> = [di:n'ɪm] plutôt que [d^oɪ:n'əm] (Гловинская и др. 1971, 28).

Mais en même temps d'autres irrégularités s'installent, par exemple la réalisation de la désinence adjectivale <oj> comme [iɹ'] ou [ɪɹ'] hors de l'accent, ou encore l'élimination systématique de l'assimilation de mollesse à la suture préfixe-racine. C'est un peu comme si le système général tendait à l'harmonie en voulant réduire les anomalies mais était impuissant à contrarier l'émergence de nouveaux

écarts; tout cela se retrouve d'ailleurs sur le plan de l'orthographe qui vient en quelque sorte souligner cette singularisation.

5. La singularisation graphique des morphèmes grammaticaux

La singularisation phonétique des morphèmes grammaticaux se renforce d'une singularisation graphique: dans de nombreux cas, la notation des phonèmes s'écarte en effet du grand principe phonologique de l'écriture russe; la plupart du temps, certes, il s'agit de graphies traditionnelles léguées par la tradition slavonne.

«И» pour /e/ au locatif et datif singulier pour les substantifs à ancien thème en *a après un radical terminé par /ij/: *армия* → *армии* = <ar°m'ij> <e>

«И» pour /e/ au locatif singulier pour les substantifs à ancien thème en *o après un radical terminé par /ij/: *здание* → *здании* = <z°d°an'ij> <e>

«Г» pour /в/ au génitif masculin et neutre singulier des adjectifs et pronoms:

белого = <bel°> <ov°o>, *его* = <j> <ev°o>

«И» pour /e/ à la forme courte de l'adjectif *достойный* → *достойн*

«Я» pour /o/ dans les 10 substantifs du type de *время* = <v°rem'> <o> = nominatif singulier des substantifs neutres à ancien thème consonantique *n.

Ailleurs, les écarts correspondent surtout à un souci d'unité formelle des désinences. «ё» pour /o/ au lieu de «о» attendu sous l'accent dans les désinences verbales après chuintante, alors que cette notation est aléatoire dans les autres morphèmes; voir: *печёшь, жжёшь, лжёшь, спечённый, сожжённный, сбережённный...*; mais, dans les autres morphèmes: *чёрт⁵, жёсткий, тяжёлый, щёки, ежовый...* à côté de *волчонок, медвежонок, обжора, шепот /шóпот/, ручóнка, дружóк, парчóвый...* On sait que de cette manière l'orthographe unifie visuellement le système des désinences verbales dans la conjugaison des verbes à présent en <o>. L'orthographe permet aussi de distinguer de la sorte la forme verbale *поджжёт*, et le substantif *поджжог*.

«Ь» après chuintante molle /č/ ou /š/ ne correspond à aucun souci phonétique puisque les consonnes chuintantes en question ne peuvent être que molles; c'est même une aberration après les chuintantes toujours dures /ž/ et /š/, mais l'écriture souligne ainsi l'appartenance des substantifs concernés à la déclinaison III (féminins en consonne molle) ou les formes verbales d'infinitif ou d'impératif. Citons ici d'une part les féminins *молодёжь, дочь, тушь, мощь...* qu'on peut opposer aux masculins de la classe II de déclinaison *ёж, мяч, ёрш, плащ...* Et d'autre part les infinitifs *течь, лечь...* et les impératifs *режь!, мажь!, прячь!, колышь!, утешь!...* Citons aussi les formes adverbiales ou les particules identifiées par cet écart: *слышь, вишь, прóчь, сплóшь, бишь, настeжь...*

Dans tous les cas que nous venons de citer, les écarts sont systématisés et remplissent une fonction non pas phonologique ou phonétique de l'orthographe mais une fonction idéographique. Mais on trouve aussi des graphies phonétiques; l'une des plus anciennes est la graphie de l'adverbe interrogatif *зде* qui représente en fait <k> <de>, soit <morphème interrogatif> + <suffixe des adverbes de lieu>; citons aussi l'orthographe de l'adverbe de lieu *здець* = <s^o> <de> <s>, ou du préfixe <r^ooz^o> écrit *раз-* ou *рас-* quand il n'est pas accentué.

Malgré la suppression du graphème *ять* lors de la réforme orthographique du 5 janvier 1918, qui notait un seul et même phonème /e/ et faisait donc double emploi avec «е», des innovations sont venues contrarier comme à dessein l'effort de régularisation, comme dans le domaine phonétique; les préfixes terminés par /z/ ont dû orthographier cette consonne «ц» quand elle s'assourdissait par assimilation devant consonne sourde: par exemple, de *разказъ* on est passé à *рассказ* ce qui a contribué à déphonologiser l'orthographe du préfixe. La mise à jour phonologique de l'orthographe du génitif masculin et neutre singulier des adjectifs et pronoms n'a pas été menée à terme: *-аго, -яго* ont été remplacés par *-ого, -его* et non par **-ово, *-ево*... Là encore, un slavonisme persiste et on est loin d'une orthographe rigoureusement phonologique: *бѣлого* = <bel^o> <ov^oo>, *его* = <j> <ev^oo>. Cette singularisation graphique des morphèmes grammaticaux rappelle aussi certains traits de l'orthographe russe antérévolutionnaire qui marquait sans aucun rapport avec la phonologie certains cas: on opposait ainsi le locatif *полѣ* et le nominatif *поле*; on marquait aussi le genre au pluriel des adjectifs et des pronoms: masculin *красные*, féminin et neutre *красныя*, masculin et neutre *они*, *одни*, féminin *онѣ*, *однѣ*. On sait que cette singularisation est systématique en coréen qui note les mots outils (grammaticaux) avec des caractères sui generis, les idéogrammes chinois continuant à noter les lexèmes; et le chinois a éprouvé le besoin récemment de différencier dans l'écriture le pronom personnel de 3-e personne selon le genre alors que la forme orale est unique: *tā* (Alleton 1976, 51). Quant au français, bien souvent seule l'écriture distingue une quantité de formes grammaticales homonymes: *le mot* vs *les mots* = [mo:]; *je parle, tu parles, il parle, ils parlent* = [pa:rl]; on remarquera que les trois langues que nous venons de citer relèvent d'un type analytique ou à tendance analytique.

6. Conclusion

Pour rendre compte de ces tendances, on avance d'habitude certaines explications que nous avons mentionnées: la prononciation qui s'alignerait sur l'orthographe dans le cas de la désinence adjectivale <oj>; le souci d'avoir une réalisation unique pour désinence <a>

que ce soit après consonne dure ou molle dans *баба* ou *няня*, le besoin de distinguer dans la prononciation entre *строят* et *строит*... Mais il s'agit là d'explications partielles. Il est donc tentant d'interpréter l'ensemble des faits que nous avons évoqués comme une tendance lourde du russe à singulariser phonétiquement ses morphèmes grammaticaux; ces morphèmes constitueraient ainsi un sous-système autonome qui viendrait s'ajouter aux sous-systèmes des interjections, des emprunts et des abréviations à la périphérie du système général de la langue:

LANGUE RUSSE COMMUNE

morphemes grammaticaux interjections emprunts abréviations

Comment insérer cette tendance dans l'évolution générale de la langue russe? on y retrouve d'une part ce déséquilibre constant qui est le moteur de l'évolution de toute langue: le jeu de l'analogie et de la régularisation est sans cesse contrarié par le besoin de spécifier les relations, puisque, comme le disait Kruszewski, «à chaque concept et à chacune de ses nuances doit correspondre une certaine donnée extérieure, de préférence phonique» (Крушевский 1998, 62); c'est ce que S. Karcevski appelait le «dualisme asymétrique du signe linguistique» (Karcevski 1929, 89–93), c'est-à-dire le décalage constant entre signifié et signifiant. En même temps, la singularisation phonétique des morphèmes grammaticaux du russe contrarie les lois de combinaison phonétique qui fonctionnent selon l'axe syntagmatique; cette singularisation s'inscrit plutôt sur l'axe paradigmatic, celui de l'analogie. Il est donc possible que ceci illustre les tendances à l'agglutination, voire à l'analytisme que l'on se plaît souvent à mettre en valeur dans l'évolution du russe contemporain (Гловинская и др. 1971, 21).

¹ Dans la définition du phonème, nous suivons l'enseignement de l'École phonologique de Moscou (Московская фонологическая школа), tel qu'il fut exposé pour la première fois par R. I. Avanesov et V. N. Sidorov (Аванесов, Сидоров 1945). Par convention, les phonèmes seront cités entre barres obliques (/a/, /o/...), le signe ° en exposant indiquant le trait de dureté pertinente des consonnes, et le signe ' le trait de mollesse pertinente; les réalisations phonétiques figurent entre crochets ([u], [i]...); dans ces dernières, le trait d'accent-longueur sera indiqué par deux points suivant la voyelle accentuée ([u:], [i:]). Les symboles phonétiques s'inspirent de l'alphabet phonétique international révisé en 1989 (API). Les morphèmes sont figurés entre chevrons; par exemple *сад* = /s°ad°/ = [sa:t] = <s°ad°><°>; *няня* = /n'an'a/ = [n'a:n'ə] = <nan'><a> (voir Comtet 2002, 31–58).

² Le changement de timbre de /o/ hors de l'accent dit *аканье* interpelle aussi bien Lomonosov que Tred'jakovskij au XVIIIe siècle, il inspire concours

organisé par l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg en 1780 et remporté par Kratzenstein (Kratzenstein 1781) (voir Comtet 2001, 103–121).

³ On relève aussi une tendance à conserver la mouillure quand la consonne concernée est une dentale (/t^o/, /d^o/, /s^o/, /z^o/).

⁴ On peut y ajouter l'adverbe vieillissement *почто*.

⁵ À côté de *чорт*, pluriel *чёрты*... dans le dictionnaire de D. N. Ušakov (Ушаков 1934–1940).

RÉFÉRENCES

- Alleton 1976 — V. Alleton. *L'écriture chinoise. 2e éd. (Collection «Que sais-je?», 1374)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976.
- Comtet 1987 — R. Comtet. *Les interjections russes: aspects phonétiques*. *Revue des études slaves*, t. LIV, Paris, 1987, 3, 467–476.
- Comtet 1998 — R. Comtet. *A propos des morphèmes d'appui en russe*. *Revue des études slaves*, t. LXX, Paris, 1998, 1, 39–52.
- Comtet 2001 — R. Comtet. *Syllabisme et morphématisation dans la linguistique russe*. *Historiographia linguistica*, t. 28, Amsterdam, 1/2, 103–121.
- Comtet 2002 — R. Comtet. *Grammaire du russe contemporain. 2e éd.* Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2002.
- Garde 1998 — P. Garde. *Grammaire russe. Phonologie et morphologie. 2e éd.* Paris: Institut d'études slaves, 1998.
- Karcevski 1929 — S. Karcevski. *Du dualisme asymétrique du signe linguistique*. *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, Prague, 1929, 1, 89–93.
- Kratzenstein 1781 — C. A. G. Kratzenstein. *Kratzensteini Christiani Theophili Tentamen resolvendi problema ab Academiae scientiarum imperili petropolitana ad Annum 1780 publice propositum*. Sankt Peterburg: Typis Academiae Scientiarum, 1781.
- Unbegaun 1951 — B. O. Unbegaun. *Grammaire russe*. Lyon – Paris: IAC, 1951.
- Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. *Русское литературное произношение. [La prononciation du russe littéraire]*. 6-е изд. Москва: Просвещение, 1984.
- Аванесов, Сидоров 1945 — Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. *Очерк грамматики русского литературного языка. Фонетика и морфология*. Москва: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1945.
- Гловинская и др. 1971 — М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов. *О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка. [À propos des facteurs grammaticaux dans le développement du système phonétique de la langue russe contemporaine]*. Развитие фонетики современного русского языка. [L'évolution de la phonétique du russe contemporain]. Москва: Наука, 1971, 20–32.
- Крушевский 1998 — Н. В. Крушевский. *Избранные работы*. Москва: Наследие, 1998.
- Ушаков 1934–1940 — Д. Н. Ушаков. *Толковый словарь русского языка. Т. 1–4*. Москва, 1934–1940.
- Филин, ред. 1979 — Ф. П. Филин (ред.). *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Советская энциклопедия, 1979.

Юрий Сергеевич Кудрявцев
Валентина Петровна Щаднева
Tartu

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМАНТИКИ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ГЛАГОЛЕ *БЫТЬ*

Русский язык – глагол – комплексное грамматическое (морфологическое) описание семантических вариантов глагола БЫТЬ

В предварительных публикациях (Щаднева 2000, 68–77; Кудрявцев 2002, 59–71) грамматические свойства глагола *быть* в русском языке рассматривались в аспектах, соответствующих основным темам данных публикаций, т. е. в аспекте синтаксической имплицитности и в связи с проблемой синтаксических связей между компонентами именного сказуемого. Поэтому главное внимание уделялось формам индикатива и особенно настоящего времени. В данной статье предлагается комплексное грамматическое (морфологическое) описание семантических вариантов исследуемого глагола (см. Приложение).

Полный учет грамматических форм слова позволяет более четко отграничить друг от друга морфолого-семантические варианты, и здесь мы выделяем большее количество вариантов глагола *быть*, чем в одной из предыдущих статей (Щаднева 2000, 68–77). Кроме того, мы посчитали необходимым детальнее проанализировать употребление глагола в служебных функциях. По сравнению с предварительными публикациями изменены некоторые мотивировки.

Толковые словари русского языка (БАС 1991, I, 856–859; МАС 1999, I, 130; Ушаков 1935–1940, I, 214, 838, IV, 599; Ожегов 1984, 58) обоснованно разделяют самостоятельные (полнозначные) употребления нашего глагола и его употребления в служебно-грамматической роли. Но, на наш взгляд, и во втором разделе следует провести дифференциацию между теми речевыми реализациями, в которых *быть* выступает компонентом аналитической грамматической формы других глаголов, и тем случаем, когда незначительная связка обслуживает именное сказуемое. Употребляясь как служебное слово в составе буду-

щего сложного времени, аналитического пассива и др., формы глагола *быть* выполняют функции, аналогичные тем, которые обычно выполняют служебные морфемы, и сохраняют только грамматические значения — вида, наклонения, времени, лица, числа, рода. Можно сказать, что в функциональном аспекте они теряют статус слова.

Иначе обстоит дело с глаголом-связкой. Связка не входит в состав словоформы другой лексемы, составляющей вещественную часть сказуемого. Ее служебная роль не морфологическая, а синтаксическая. Следует напомнить, что акад. В. В. Виноградов выделял связки в теоретическом плане в отдельную часть речи, тем самым признавая за ними лексемный статус (Виноградов 1972, 43). Будучи неполнозначной лексемой, связка не теряет определенных признаков глагольного слова. В предложениях с именным сказуемым она является носителем процессуального значения, отсутствующего в именной части. В этом отношении она семантически сближается или даже совпадает с употреблением глагола *быть* в ряде случаев, которые традиционно не относятся к сказуемым и потому не полностью учитываются в толковых словарях. Мы имеем в виду, во-первых, предложения типа *Яблони были в цвету* (см.: Лекант 1958, 274–275; Золотова 1982, 179), во-вторых, «сложные глаголы» типа *быть в состоянии*, *быть в наличии*, *быть настороже* и т. д. Таким образом, служебно-синтаксические и самостоятельные употребления глагола *быть* нельзя разграничить абсолютно. С другой стороны, этот пример показывает, что словоупотребление может быть одновременно самостоятельным и незначительным.

I.

Лексема *быть*, которую обычно относят к числу стальных неакциональных глаголов, является одной из наиболее частотных русских глагольных лексем абсолютного несовершенного вида. Будучи многозначным, глагол *быть* представлен в словарях целым рядом специфических лексикографических вариантов, базирующихся на инвариантном значении бытия. Вслед за авторами вышедшего в 1996 г. очередного тома «Теории функциональной грамматики», «бытийность рассматривается <...> как семантическая категория, которая объединяет различные варианты значения существования, бытия, наличия» (Теория 1996, 52). При этом, без сомнения, глагол *быть* оказывается в центре семантического поля бытийности, которое формируется и на базе других глаголов, в разной степени обладающих семей экзистенциальности. Основная, по мнению многих исследователей, функция предложений с семантикой бытия, существова-

ния, наличия — утверждение о референте подлежащего (Chvaпу 1975, 47) — в чистом виде реализуется лишь в немногочисленных ядерных высказываниях. С этим следует согласиться, поскольку обычными оказываются такие предложения, в которых утверждается не столько существование предметов, явлений, свойств, качеств самих по себе (т. е. существование кого-либо или чего-либо вообще), сколько их локализованное наличие (о пространственной интерпретации существования см.: Селиверстова 1990), существование их принадлежности кому-либо или же отнесенности к чему-либо. Иными словами, в реальных высказываниях с глаголом *быть* проявляются самые разные семантические типы бытийности (а также их пересечение), обусловленные спецификой лексико-грамматического наполнения конкретного предложения. Поэтому однозначное и категоричное отнесение глагола *быть* к тому или иному словарному варианту возможно далеко не всегда, как, напр., в следующих сходных по лексическому наполнению иллюстрациях:

1. *В этом доме ∅ (была, будет) парикмахерская.*
2. *В этом доме ∅ (был, будет) лифт.*
3. *В этом доме ∅ (была, будет) авария.*
4. *В этом доме ∅ (были, будут) хорошие соседи.*
5. *В этом доме ∅ (были, будут) строгие порядки.*
6. *У меня ∅ (были, будут) хорошие соседи.*
7. *У меня ∅ (была, будет) трехкомнатная квартира*

Представленные в словарях лексикографические варианты не исчерпывают всех значений, которые этот удивительный глагол может приобретать в микроконтексте. Следует подчеркнуть, что все названные варианты оказываются синтаксически (синтагматически) обусловленными (о чем свидетельствуют и приведенные нами примеры), поскольку проявляются в дистрибуции глагола *быть*. По этой причине учесть весь его семантический потенциал крайне сложно: с одной стороны, т. н. полнозначные значения интересующей нас лексемы, выявляемые лишь с учетом дистрибуции, оказываются довольно разнообразными и дискуссионными; с другой стороны, нельзя забывать и о служебных функциях глагола *быть*, в том числе и о своего рода местоименной (замещающей): А: *Вы раньше посещали наш город?* Б: *Да, был когда-то.* В этих условиях повышается роль данных, предоставляемых исследователю парадигматическим анализом.

Составители словарной статьи *быть*, дифференцируя данный глагол с точки зрения набора его типичных значений, безусловно, учитывали реальное его окружение, т. е. конкретные микроконтексты, но учитывали в определенной степени интуитивно. Думается, по этой причине грамматическая специфика данного глагола обозначена в словарях недостаточно коррект-

но, а с позиции людей, практически осваивающих русский язык, и неполно.

Между тем объединенные в одну словарную статью лексикографические варианты *быть*, т. е. его разные значения и употребления, грамматически различаются довольно четко. К сожалению, в грамматиках академического типа (см., напр.: Русская грамматика 1980, I, 663; Русская грамматика 1990, 299) информацию об этих различиях получить нельзя. Нет ее и в «Синтаксическом словаре» (Золотова 1988, 376: *быть* отсутствует в алфавитном списке глаголов). Здесь сочетание *работать дворником* считается синтаксемой, а *быть министром* — нет. Отсутствует такая информация и в: Зализняк 1987, 776. И, наконец, ни в одном из перечисленных здесь источников не упоминается нулевая форма настоящего времени от глагола *быть*.

Таким образом, описание грамматики морфолого-семантических вариантов необходимо ради двух целей. Во-первых, оно помогает объективно-языковому, а не субъективно-психологическому разграничению самих семантических вариантов. Во-вторых, оно полезно практически — для изучающих русский язык как иностранный.

II.

Среди знаменательных употреблений глагола *быть* на данном этапе исследования можно выделить четыре варианта: экзистенциальный, посессивный, локальный и темпоральный.

Первый морфолого-семантический вариант — это глагол с экзистенциальным значением, значением абстрактного существования (*быть*EXIST):

1. *Есть писатели одной книги, есть поэты одной песни, есть ученье одного открытия* (В. Тендряков).
2. *Есть случаи, когда спорить бесполезно* (Ю. Герман).
3. *Для всего, что существует в природе <...>, в русском языке есть великое множество хороших слов и названий* (К. Паустовский).
4. *Были бессонные ночи, трудные переходы* (К. Паустовский).
5. *В этом утре уже было предчувствие длинного лета, теплых ливней, прозрачных закатов* (К. Паустовский).
6. *Ошибки были, есть и будут*. Парадигму см. в Приложении, табл. 1.

Вторым вариантом выступает *быть*POSSES со значением 'иметься, быть в распоряжении':

1. *Не плачь, у тебя есть я*.
2. *Есть у меня одна заветная мечта*.
3. *Эй, мальч, гроши есть?*
4. *У меня есть ты, и этого мне довольно...*

В словарях 'иметься' рассматривается как оттенок значения 'существовать'. Однако грамматические различия выразительно свидетельствуют о самостоятельности данных вариантов. У *быть*EXIST отсутствуют ирреальные наклонения, неупотребли-

тельные формы прошедшего времени в применении к 1-му и 2-му лицу и различные стилистические варианты форм настоящего времени. См. Приложение, табл. 1 и 2.

Третий вариант — употребление глагола *быть*, которое связано с указанием на местонахождение предмета (*быть*LOCAL): *Отец — Ø (был, будет) в лесу*. Данный вариант обладает наиболее полной парадигмой, см. Приложение, табл. 3. Настоящее время выражается нулевой формой. Наряду с обычной формой причастия *бывший* (-ая, -ое, -ие) в книжных стилях возможна форма настоящего времени *сущий* (-ая, -ее, -ие), напр.: *Все сущие в государстве субъекты права обладают также и правом собственности*. Возможны как собственно императив в обоих числах (1), так и квазиимператив (2): 1. *Будь в городе — будьте в городе* 2. *Будь он в городе, беды бы не случилось*.

Напротив, очень бедна парадигма *быть*TEMPOR (*Тогда была зима*, см. Приложение, табл. 4). В изъявительном и сослагательном наклонениях соответствующие формы используются только в контекстах 3-го лица, причем в предметном, а не собственно личном значении. Невозможно (в качестве полного предложения) **Тогда был Александр I*. Из других форм имеется только квазиимператив (*Будь сейчас каникулы, проехали бы мы на лодочке вдоль по Волге-матушке*) и инфинитив (*Быть беде!*).

В качестве служебных слов с морфологической функцией используются:

- а) будущее время от *быть* в трех лицах и двух числах как компонент форм будущего сложного времени глаголов НСВ;
- б) изъявительное наклонение от *быть* во всех наличных формах времен, лиц, чисел и родов (настоящее время — в нулевых формах) как компонент аналитического пассива от глаголов СВ;
- в) при выделении в качестве особой части речи категории состояния — формы *будет, будут, Ø, был, была, было, были* как компоненты аналитических форм времени этой части речи (см.: Виноградов 1972, 320).

Окончательный переход в служебные слова осуществляет форма среднего рода прошедшего времени (исторически — плюсквамперфекта) *было*, превращающаяся в частицу: *Я собралась было на дачу ехать, а тут гости пожаловали*.

В связи с формами будущего времени от *быть* обращает на себя внимание тот факт, что данные формы легко специализируются в разговорной речи грамматически и семантически в конкретных и разнородных, довольно узких значениях. Напр.:

1. *Я к вам сегодня буду* (устаревающее, по определению БАС).
2. *Будет!* ('хватит').
3. *Ты будешь котлеты?* – Нет, я буду суп.
4. *Автобус будет в три часа.*

Связочно-незнаменательный характер имеет употребление глагола *быть* в служебно-синтаксической функции (*быть*СОР). Такое употребление отмечается, как уже было сказано, в составе именного сказуемого и в некоторых сочетаниях, часть из которых также рассматривается рядом синтаксистов в качестве форм сказуемого (см. выше).

1. *Он ∅ честен.*
2. *Мы будем как боги.*
3. *Федя был прирожденный учитель.*
4. *Яблони – ∅ в цвету.*
5. *Я не ∅ в состоянии это вытерпеть.*

Как ни странно, парадигма данного варианта близка к парадигме не экзистенциального, а локализирующего значения (см.: Приложение, табл. 3). Различия минимальны: в научном стиле наблюдается вариативность нулевой формы связки с эксплицитрованными формами *есть* и *суть*:

1. *Язык есть/∅ феномен необычайной сложности.*
2. *Медиана и высота суть/∅ элементы треугольника.*

Кроме того, настоящее время вербализуется и в таких письменных текстах, которые нацелены на подчеркнутую книжность, на повышенность стиля:

1. *Она (дисциплина) есть форма общественного порядка и необходимое условие развития* (А. Толстой).
2. *Я когда-то утверждал, что презрение есть ненависть в состоянии покоя* (Ю. Герман).
3. *В книге по физике земля есть не просто земля, а физическое тело* (О. Куваев).

Эксплицитные формы настоящего времени употребляются в 3-м лице и имеют грамматические характеристики *есть* ед. ч., *суть* мн. ч. Их вариативность с нулем зависит не только от стилистических параметров, но и от грамматического контекста: *есть* и *суть* не сочетаются с формами атрибутивных слов (употребление **Треугольник есть равносторонен*; **Треугольники суть равносторонни* является ненормативным). Напротив, устаревшая форма причастия *сущий* для *быть*СОР невозможна: в соответствующих контекстах эта форма давно перешла в разряд прилагательных с особым оценочным значением, ср.: *Сущий мучитель, он пользовался заслуженной ненавистью солдат.*

Авторы настоящей статьи ранее пытались выделить особый вариант *быть*FUNC со значением функциональным (деятельностным, процессуальным): *был учителем* (т. е. работал учителем), см.: Щаднева 2000, 72–74; Кудрявцев 2002, 66–67. Данное разделение базировалось не на учете форм глагола, а на анализе его синтаксических связей. В качестве формального показателя

*быть*FUNC выступал, по существу, творительный падеж именной части сказуемого.

Более полный учет грамматических форм глагола позволил обнаружить определенные парадигматические различия в самом глаголе, а именно: предложения типа *Федор — учитель (был, будет учитель)* исключают трансформацию глагола-связки в неспрягаемые формы. При твор. падеже — *Федор был, будет учителем* — такая перефразировка свободна: *Бывший тогда сельским учителем, Федор...* ; *Будучи учителем, Федор...* ; *Федор мог быть учителем.*

Однако выявленные факты не подтверждают гипотезу об особом функциональном виде связки, а скорее заставляют от нее отказаться. Названные ограничения в образовании форм, очевидно, зависят не от значения глагола, а от его формальных синтаксических связей. Неспрягаемые формы вполне возможны в случаях *Яблони, бывшие в цвету...*; *Будучи не в состоянии терпеть, он взмолился* и т. д., т. е. тогда, когда вводимая связкой часть предложения грамматически не согласуется с определяемым словом — как и в случае *Федор был учителем*. Становится ясно, что в предложениях типа *Федор — учитель (был, будет учитель)* имеет место согласование (одноформенность, координация) подлежащего и сказуемого, и именно это не позволяет проводить описанные выше грамматические трансформации.

За пределами рассмотрения в настоящей работе остались отрицательные формы глагола *быть*.

* В работе (Кудрявцев 2002, 59–71) мы по косвенным данным пришли к другому и, как теперь ясно, неверному выводу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕД. Ч.	МН. Ч.
ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ	
БУД. ВР.	
не применяется	не применяется
не применяется	не применяется
будет	будут
<i>Я знаю: город будет!</i>	<i>Ошибки были, есть и будут.</i>
НАСТ. ВР.	
есть/есмь	есть
есть	есть
есть	есть
ПРОШ. ВР.	
не применяется	не применяется

не применяется		не применяется	
был (-а, -о)		были <i>Не говори с тоскою: нет, но с благодарностью: были.</i>	
ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
—		—	
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
—		—	
ПРИЧАСТИЕ	ДЕБПРИЧАСТИЕ	ИНФИНИТИВ	
бывшие <i>Все когда-нибудь бывшие люди...</i>	—	быть <i>Петербургу — быть!</i>	

Таблица 1: бытьEXIST

В сутубо книжном стиле речи возможно употребление формы 1-го л. ед. ч. *есмь*: *Я есмь!* Обращает на себя внимание, что свободная взаимозамена в позиции 1-го л. ед. ч. невозможна: *Я есть!* но **Есмь*, в конце концов, я.

ЕД Ч		МН Ч	
ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
БУД ВР.			
не применяется		не применяется	
не применяется		не применяется	
будет		будут <i>Деньги у меня будут.</i>	
НАСТ ВР.			
есть/∅ <i>У тебя есть я.</i>		есть/∅	
есть/∅		есть/∅	
есть/∅		есть/∅	
ПРОШ ВР.			
был (-а, -о) <i>У тебя был я, но ты этого не ценила.</i>		были	
был (-а, -о)		были	
был (-а, -о)		были	
ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
будь (квазимператив) <i>Будь у меня деньги, купил бы квартиру.</i>		—	
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
был (-а, -о) бы		были бы	
ПРИЧАСТИЕ	ДЕБПРИЧАСТИЕ	ИНФИНИТИВ	
бывшие <i>Отдал все бывшие у него деньги...</i>	—	быть <i>Деньги у него могут быть.</i>	

Таблица 2: бытьPOSSES

Глагол *быть* POSSES в настоящем времени может быть представлен нулевым знаком в случае нацеленности говорящего на дезактуализацию базовой для всех лексических вариантов данного глагола семы экзистенциальности: *У меня ∅ одна заветная мечта.*

ЕД Ч.		МН Ч.
ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ		
БУД. ВР.		
буду <i>Я буду на даче.</i>		будем
будешь		будете
будет		будут
НАСТ. ВР.		
∅ Я ∅ на даче.		∅
∅		∅
∅		∅
ПРОШ. ВР.		
БЫЛ (-а, -о) <i>Я был на даче</i>		были
БЫЛ (-а, -о)		были
БЫЛ (-а, -о)		были
ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ		
будь <i>Будь на даче!</i> будь (квазиимператив) <i>Будь я на даче, сажал бы цветы.</i>		будьте <i>Будьте на даче!</i>
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ		
БЫЛ (-а, -о) бы		были бы
ПРИЧАСТИЕ	ДЕЕПРИЧАСТИЕ	ИНФИНИТИВ
сущие бывшие	будучи	быть <i>Он собирался быть на даче.</i>

Таблица 3: *быть* LOCAL

Парадигма *быть* COP отличается от вышеприведенной тем, что в подчеркнуто книжном стиле наблюдается вариативность нулевой формы связки с эксплицитированными формами *есть* и *суть*, в то же время форма причастия *сущий* для *быть* COP невозможна.

ЕД Ч.		МН Ч.
ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ		
БУД. ВР.		
—		—
—		—
будет		будут
НАСТ. ВР.		
—		—
—		—
∅		∅
ПРОШ. ВР.		
—		—

—		—	
БЫЛ (-а, -о)		БЫЛИ	
ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
Будь (квасимператив) <i>Будь сейчас каникулы, поехал бы отдохнуть.</i>		—	
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
БЫЛ (-а, -о) БЫ		БЫЛИ БЫ	
ПРИЧАСТИЕ	ДЕЕПРИЧАСТИЕ	ИНФИНИТИВ	
—	—	БЫТЬ <i>Быть бою!</i>	

Таблица 4: БЫТЬ TEMPOR

ЛИТЕРАТУРА

- БАС 1991 — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. I. Москва, 1991.
- Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва, 1972.
- Зализняк 1987 — А. А. Зализняк. *Грамматический словарь русского языка*. Москва, 1987.
- Золотова 1982 — Г. А. Золотова. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва, 1982.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. *Синтаксический словарь*. Москва, 1988.
- Кудрявцев 2002 — Ю. С. Кудрявцев. *Синтаксическая концепция надежда и зависимый именительный падеж*. Семантические проблемы русского языка (Tallinna Pedagoogikaülikooli toimetised. A 21 Humaniora). Tallinn, 2002, 59–71.
- Лекант 1958 — П. А. Лекант. *Безглагольные двусоставные предложения в современном русском языке*. УЗ Бийского пед. ин-та. Сер. ист.-филол. и пед., вып. 2. Бийск, 1958, 273–287.
- МАС 1999 — *Словарь русского языка*. Т. I. Москва, 1999.
- Ожегов 1984 — С. И. Ожегов. *Словарь русского языка*. Москва, 1984.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика*. Т. I. Москва, 1980.
- Русская грамматика 1990 — *Русская грамматика*. Москва, 1990.
- Селиверстова 1990 — О. Р. Селиверстова. *Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания*. Москва, 1990.
- Теория 1996 — *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность*. С.-Петербург, 1996.
- Ушаков 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940.
- Щаднева 2000 — В. П. Щаднева. *Проявление имплицитности в морфолого-семантических вариантах глагола **быть**. Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Материалы девятого осеннего семинара. Арбавере, 11–13 октября 1997. Tallinn, 2000, 68–77.
- Chvany 1975 — S.V. Chvany. *On the syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge, 1975.

Marek Cybulski
Gdańsk

KASZĚBSCZĚ CZASNICZI O ZNACZENIM B'IC

Кашубский язык – глагольная система – глагол b'ic – и близкие по значению глагольные формы

- b'ic* 1. 'smagać, bić, chłostać': <...> *i go b'ij (prz)* (I 110)
b'ijac 'czasnik krotny od bic': <...> *b'ijã svęgo ojca* (I 111)
batożec 'bić batogiem': *Co tã te koña <...> batożiżiś* (I 23)
bėknoc 'uderzyć'; *On go bėknoł* (I 31)
bońic 2. fig 'bić, chłostać': <...> *on nas mze bońit (pn)* (I 56)
obońic 3. 'wychłostać': *kogo řemq obońic (fraz)* (I 56)
bufnoc 'mocno uderzyć': *Bufnoł go v pęsk (pn, śr)* (I 84)
buznoc 'mocno uderzyć, zadać cios': *Buznoł go kam'eńem <...>* (VII 29)
b'ičovac 'biczować': *Pana Jezusa bičovale* (I 110)
b'iskac w jęz dzieci 'bić': *Xto bė tak'ė aja zęcko b'iskāt* (Puzdrowo, Linia, Strzecz, Sianowo, Mirachowo) (I 111)
vęcic 3. 'uderzyć w twarz': <...> *ce jednęgo <...> vętnq (fraz)* (I 133)
vcignoc 3. 'zbić kogo': *Nexle jã ce pãrq vcignq* (I 134)
včasęc 'uderzyć kogo mocno': <...> *jã ce jednęgo včasq krękv'o; Mocno mu včasit,* (I 144)
vęcapac 1. 'zbić kogo po twarzy, spoliczkować': *Vęcapãl go po pęsku* (I 146)
čapnoc 3. 'silnie uderzyć': *Čapnoł go v tvãř* (I 147)
vęcapkovac 'zbić kogo czapkã': *Jak cq vęcapkujq <...>* (Zabory) (VII 37)
včexlęc 'sprawić komu lanie': *Včexlit on ce ?* (I 164)
počestovac 2. fig 'zbić kogoś, sprawić komu lanie': *Počestovac kogos kijem* (I 170)
uderęc 1. 'zadać cios, uderzyć': <...> *m'q <...> uderit* (VII 333)
dęgovac 1. 'smagać różgami w drugie względnie trzecie święto wielkanocne': *dęgujo parobkóv* (I 193)
uderęc 1. 'zadać cios, uderzyć': <...> *m'q uderit* (VII 333)
vędęgovac 'wysmagać różgami': <...> *mě ce vędęgujemě* (I 193)
draxovac 'bić': *Co go draxujeś* (Brzeźno Szl) (I 235)
vdraxovac 'zbić': *Ten mu ale vdraxovãl* (Brzeźno Szl) (I 235)
drašovac 2. fig 'bić': *Naś tatk nas drašovãl <...>* (I 236)
vdrašovac 'zbić kogoś': *Nexle jã ce vdrašęjq <...>* (I 236)
vdvignoc 'sprawić komu lanie': *Pãrq mu vdvignoł* (I 256)
zadv'ignoc 2. 'nabić kogoś': <...> *tob'ė jednęgo zadv'ignq <...>* (I 256)
pręzelęc 2. 'mocno uderzyć kogo': <...> *ce jednęgo pręzelq <...>* (I 262)
vęgrom'ic 2. 'sprawić komu lanie': <...> *ten mój m'ė vęgrom'i* (I 365)
vęgřmocęc 'wybić kogo, sprawić komu lanie': *Vęgřmocit go <...>* (I 382)

- gv'izdnoc 2. 'uderzyć mocno, lunąć, palnąć': <...> *ce jedného gv'izdną* (I 395)
- xajnoc 'uderzyć': *Xajnoł go v pësk* (II 20)
- vëxlapac 3. 'wybić kogo': *Vëxlapał go po pësku* (II 31)
- xlastnoc 'uderzyć': *Xlastnoł go v pësk* (II 32)
- xlustnoc 'uderzyć, palnąć': *Jak ce xlustną <...>* (II 38)
- juxnoc 'mocno uderzyć': *Juxnoł go v pësk, Jak ce jedného juxną* (Zęblewo, Strzepcz, Puzdrowo, Potęgowo) (II 111)
- vklepac 2. 'zbić kogo, sprawić komu lanie': *Jå mu pårq vklepål* (II 165)
- klëcnoc 'uderzyć zewnątrzną stroną dłoni': <...> *bo ce klëcną v pësk* (II 161)
- vëklëcnoc 'wypoliczkować': *Vëklëcnoł go po pësku* (pn) (II 161)
- +naknuzovac 'wychłostać': *Naknuzováł mu* (Hel, Kępa Swarz) (II 180)
- kopac 2. obroni palnej 'uderzać w ramię po wystrzale': [*kopëto*] <...> *ce kop-
ne* (II 203)
- skrojic 1. 'skroić': *skrojic komu skórą* (fraz.) – le w tim znaczenim (M. C.) (II 255)
- vkrojic 2. 'zbić kogo': *Jå mu vkrojå* (II 255)
- vkřiknoc 2. 'sprawić komuś lanie, wymierzyć karę': *Vkřiknoł mu pårq <...>*
(II 271)
- vëkřosac 2. 'sprawić komu lanie': <...> *jå ce <...> vëkřëşq* (II 280)
- vëk'etbasëc 'sprawić komu lanie': <...> *go <...> vëk'etbasil* (sr-zach) (II 318)
- k'idnoc 'uderzyć': <...> *m'e v głovå k'id* albo *k'idnoł* (II 321)
- vk'idnoc 'wybić kogo, sprawić komu lanie': *Jå mu pårq v kid* (II 322)
- ladovac 2. 'bić kogo': <...> *le mu laduj* (II 329)
- lëm'ic 1. 'bić, uderzać': <...> *to zecko <...> lëm'iş; Le mu lëm; Le go lëm* (II 351)
- dolëm'ic 'do syta zbić kogo': *Temu koňovi nixt ñe dolëm'i <...>* (pn, śr) (II 351)
- nalëm'ic 'zbić kogo': <...> *on je nalëm'il* (śr) (II 351)
- prëlëm'ic 'uderzyć': <...> *jå mu batugå prëlëm'il* (śr) (II 351)
- vlëm'ic 1. 'sprawić komu lanie': <...> *jå ce vlëm'a* (pn, śr) (II 351)
- naliñic 'zbić kogo': *Tak mu naliñil* (Zabory) (II 368)
- zliñic 'zbić kogo': *Tak gom zliñil* (Zabory) (II 368)
- liznoc 2. 'uderzyć, wymierzyć policzek': (II 370) <...> *cå lizną* (kašëbic, II 147)
- lugac 'bić': <...> *m'a lugåş* (Zabory) (II 374)
- nalugac 'zbić kogo': *Şkólni mu nalugål* (Zabory) (II 374)
- łapnoc 'silnie uderzyć': *Lapnoł go v zëbra* (Puckie) (III 14)
- vłapnoc 'zbić kogo': <...> *ze mu <...> vłapno* (Puckie) (III 14)
- łëşnoc rzadko: 'uderzyć': <...> *ce łëşną* (pn) (III 17)
- polëzgak fig 'zbić kogo': <...> *ce polëzgom* (III 18)
- vëlëzgak 3. 'zbić kogo': <...> *ce vëlëzgåł* (III 18)
- nalojic 2. 'zbić kogo': *Jå tob'e <...> nalojå* (III 23)
- vłojic 'zbić kogo': *On m'e vłojil* (III 23)
- złojic 'zbić kogo': *Jå go złojå* (III 23)
- łupnoc 'uderzyć': <...> *cå łupną* (pd) (III 30)
- prëmalovac 'uderzyć kogo mocno': <...> *ce jedného prëmalëjå <...>* (III 41)
- måxnoc 3. 'uderzyć': *Måxnoł go v pësk* (III 37)
- vmåxnoc 'zbić kogo': <...> *ce pårq vmåxną* (III 37)
- vmročëc 'zbić kogo': <...> *ce vmročå <...>* (pn) (III 125)
- muckovac 'bić kogo, szczególnie po twarzy': <...> *go muckujeş* (pd) (III 133)
- vëmuckovac 'spoliczkować': <...> *cå vëmuckováł* (pd) (III 133)
- +munkovac 'bić po twarzy': <...> *go munkujeş* (pn) (VII 171)

- +*vëmunkovac* 'wypoliczkować': *Jã go vëmunkovãl* (pn) (VII 171)
- zmužžec* 'zmiażdżyć': <...> *ce zmužžã na kvasně jabko* (pd, śr, rzadziej pn) (III 147)
- vëm'itčec* 2. 'zbić kogo': <...> *ce vëm'itčã* (pn) (III 168)
- vpalęc* 1. 'sprawić komu lanie': (IV 15) <...> *jã temu kam'eňovi mlotem vpa-lil* (čorxac są I 175)
- pěznoc* 'uderzyć, szczególnie w twarz': *Pěznol go v pěšk* (sporad Strzepcz, Strzebielino, Wierzchucino, Odargowo) (IV 64)
- pěčkovac* 'bić batogiem, trzaskać z bata': <...> *te konie* <...> *pěčkujes* (pd, rzadziej śr, pn) (IV 52)
- napěčkovac* 'zbić kogo': *Móm tob'e napěčkovac ?* (pd, rzadziej śr, pn) (IV 52)
- věpěskovac* 'spoliczkować': <...> *nas* <...> *věpěskovãl* (IV 61)
- prac* 2. 'bić kogo mocno': <...> *prãt koňa* (IV 159)
- sprac* 2. 'zbić kogo dotkliwie': <...> *jã bẽ go sprãt* (IV 159)
- vprac* 'zbić kogo': *Jã mu vprãt* (IV 159)
- +*prěgnoc* 'uderzyć': *Prěgnol on ce* <...> (pn-zach) (IV 166)
- +*pučkovac* 1. 'uderzać, bić': <...> *go pučkuješ* (Kartuskie) (IV 216)
- +*vpučkovac* 'zbić kogo': <...> *mu vpučkovãt* (Kartuskie) (IV 216)
- vpukovac* 'zbić kogo': <...> *jã ce vpukujã jednẽgo* (Puzdrowo, Sierakowice, Sianowo, Gowidlino, Chmielno) (IV 220)
- věp'iscovac* 'zbić kogo pięściami': *Jã go vėp'iscovãt* (pn, zwl Puckie) (IV 279)
- rěpnoc* 'trzasnąć, uderzyć': (IV 323) <...> *rěpnãlo našẽgo psa* (p'isknoc VII 260)
- robnoc* 'uderzyć z rozmachem': <...> *ce robno* (IV 301)
- ržnoc* 'silnie uderzyć': <...> *ce ržnã v pěšk* (IV 373)
- naržnoc* 2. 'zbić kogo': <...> *naržnol b'atce lokcã* (prz.) (IV 373)
- vřecęc* 1. 'sprawić komu cięgi': <...> *ce pãrã vřecęc* (IV 373)
- smarovac* 3. 'bić': *smarje zecẽ* (V 92)
- smãrnoc* 'mocno uderzyć': <...> *ce smãrnã* (Strzepcz, Zęblewo, Puzdrowo, Szemud, Łebno) (V 94)
- sv'erğac* 'bić kogo': <...> *go sv'erğãš* (pd) (V 198)
- věsv'erğac* 'sprawić komu lanie, zbić kogo': *Věsv'erğãt go* <...> (pd) (V 198)
- obšęc* 2. 'zbić kogo': <...> *tãt ce obšit* (pn) (V 240)
- +*šlapsac* 'bić, zadawać rany': <...> *go* <...> *šlapsãš* (pn, zwl Puckie) (VII 312)
- +*věšlapsac* 'zbić kogo': <...> *a daš sã* <...> *po pěsku vėšlapsac* (pn, zwl Puckie) (VII 312)
- +*všlignoc* 'sprawić komu lanie': <...> *mu* <...> *všligni jednẽgo* (pn, śr) (V 269)
- věšmėrgac* 'zbić kogo, sprawić komu lanie': *Věšmėrgãt go po pěsku jak smãrkołã* (pn, śr, Zabory) (V 273)
- obštãplovac* 2. 'wymierzyć klapsa w pośladki': <...> *ce tã tvojà řec obštãp-lějã* (V 294)
- zatobačęc* 'uderzyć tabakierką pod oczy': *Jak ce jednẽgo zatobačã* <...> (V 364)
- tluc* 'mocno bić': <...> *je tlęcẽ* (V 357)
- třasnoc* 'uderzyć gwałtownie, napaść na kogo': (V 398) *Jak ce jednẽgo třasnã* <...> (groxotac I 365)
- větřepac* 2. 'zbić kogo': *Větřepãt go po pěsku* (V 405)
- třosnoc* 1. 'zbić kogo': *ce pãrã třosnã* <...> (V 399)
- věuškovac* 'spoliczkować': *Jã go vėuškovãt* <...> (śr) (VI 15)
- valęc* 3. 'bić, zadawać razy': *Le go valẽ* (VI 48)

navalëc 4. 'zbić kogo': <...> *ce navalq* (VI 49)

ozlużovac 'zbić kogo': *Alem go ozlużovãł* (pn, śr) (VI 200)

żgac, żgnoc 'kopać, uderzać nogã': [*koñ*] *ce żgñe* (VI 294)

ożgac 'obrzucić kogo kamieniami': <...> *go ożgalë kam' ehãmë* <...> (VI 294)

vëżgac, vëżgnoc 'rzucić czym za kim, np. kamieniem': *Vëżgãł psa kam' ehãmi* (VI 294)

Podóné wëzi formë ze Slowarza Sëchtë (Sychta 1967–1976) (rzym-skô cyfra to numer tomu, arabskô — numer stronë), a pózdni podóné w ksążce Cybulski 2001, 102–105, wżatë ze wszëtczich kaszëbszczich gôdków (np. nordowëch, wëstrzédnëch, zôpôdnëch i pôlniowëch, czasã z zapisanim wsów z kożdëgo dzëlu Kaszëbów), pokazëją bokadosc czasników, co nazëwają bicé, nié le lëdzy. Westrzód nich nôwôzniëszci widzy sã czasnik *bic*, a inné mają abo kãsk inne znaczenié, abo sã uziwóné le w niechtërnëch gôdkach (np. *naliñic, zliñic* — Zabory, *pučkovac, vpučkovac* — Kartuskie).

Biwô i tak, że przë niechtërnëch czasnikach znaczenié *bic* to nie jich pierszé znaczenié, le jaczés za régã. Cëkawé sã przë tim czasniczi o metaforowim znaczenim *bic* (*boñic, vëcic, vcignoc, çapnoc, drašovac, zadv'ignoc, přezelëc, vëgrom'ic, gv'izdnoc, vëxlapac, vklepac, kopac, skrojic, vkrojic, vkřiknoc, vëkřosac, liznoc, vëlëzgac, nalojic, máxnoc, vëm'itëcëc, prac, sprac, narżnoc, smarovac, obšëc, obštaplovac, vëtrëpac, valëc, navalëcz*). Kaszëbszczi tatk abo nënka, ogłowo nen, co bijë, np. metaforowo stroji bitëgo (jak bulwë sã boni obonã) abo draszëje jak zarno, może go *smarnoc, počestovac* np. *k'ijq*, narżnac jak sã rżnie déle abo téz jakos go oznôczô (*sztãpluje*).

Sã téz czasniczi, co nazëwają bicé jaczims nôrżãdã (np. *batożëc* — *batogã, dëgovac, vëdëgovac* — rôzgama z *leżnoscë Jastrów, ożgac* — *kameñama, vëçapkovac* — *çôpkã, zatobaçëc* — *tobakq*) i taczé, co nazëwają bicé jaczëgos dzëlu cala (np. *vëcic, vëçapkovac, munkovac, vëmunkovac* — *po gãbie*), téz taczé, co pokazëją moc tego bicëgo (np. *bufñoc, buznoc, çapnoc, vëcxlëc, přezelëc* — *bic mocno*). Baro czãsto to starszi bijã i sztrofują swoje dzecë (np. *biškac* — tuwo je wôrt dac bôczenié na *zdrobniali* czasnik; o zdrobnialëch czasnikach ob. Kreja 1978, 61–71 i Wroclawska 1974, 121–125).

Czasnik *b'icovac* je wżati z religijny mowë i sã tikô postacje Jezësa, czedë obczas swoji mãczi On bël *b'icowóny*.

Zëcé kaszëbsczëgo gbura parłãczi sã ze zwierzãtama, temu téz i westrzód podónëch czasników mômë i taczé, co pokazëją bicé zwierzãtów (np. *pëçkovac* — *konie*).

Przë czasnikach *bicëgo* stojã jistniczi w nominatiwie (kto bijë — *Jã mu vkrojã*), akuzatiwie (pokazëją, kogo sã bijë — *nas drašovãł, vëtrëpãł go*) abo w datiwie (*narżnol b'alce, mu všlignì*), czasã przë tim samym czasniku może stac jistnik w akuzatiwie i datiwie (*to zecoko lëm' iš* — *le mu lëm*). Może jesz bëc jistnik w jinym przëpôdku, np. w instrumentalu (*go ożgalë kam' ehãmë*), choc biwô i tak, że nen jist-

nik w instrumentalu je wbudowóny w znaczenim czasnika (*batožec, b'ičovac, zatobačec*).

Z tego, co tuwo je pokôzóné, w kaszëbiznie rozmajice w rozmajitëch gòdkach sã nazewô bicé, kol ogłowëch czasników jak *b'ic, udeřac* mómë wiele czasników z metaforowim užëcym bicégo, w czym je widzec bogatô zobrazëna Kaszëbów.

Kol czasników bicégo mómë téz jistniczi, przedë wszëtczim w nominatiwie, a pózdni nôczãscé w akuzatiwie, ale téz i datiwie i czasã w instrumentalu; przypòdk tuwo zanòlégô od tego kto, kogo sã bije abo komu sã zadówô razë, a czasã téz w jaczi sposób.

SPISËNK SKRODZËNÓW

fig — figuratywny (metaforowi)	prz — przysłowie (przysłowie)
fraz — frazeologizm (rzeczónk)	sporad — sporadycznie (czasã)
jëz — jëzyk (mowa)	Szl — Szlacheckie (w mionie: Brzeźno Szlacheckie)
Këpa Śwarz — Këpa Swarzewska	śr — środek (westrzódk Kaszëbów)
Këpa Żarn — Këpa Żarnowiecka	wëż — wëżi
np — na przykład	zach — zachód (zópód Kaszëbów)
ob — obaczë	zwł — zwłaszcza (przedë wszëtczim)
pd — południe (pólnié Kaszëbów)	
pn — północ (norda Kaszëbów)	

SPISËNK PISMIENIZNË

- Cybulski 2001 — M. Cybulski. *Rząd czasowników w kaszubszczyźnie*. Gdańsk – Rumia, 2001.
- Jëzyk kaszubski 2002 — *Jëzyk kaszubski. Poradnik encyklopedyczny*. Pod red. J. Tredera, Gdańsk, 2002.
- Kaszubszczyzna/Kaszëbizna 2001 — *Kaszubszczyzna/Kaszëbizna. Red. naukowy E. Breza*. (Najnowsze dzieje jëzyków słowiańskich). Opole, 2001.
- Kreja 1974 — B. Kreja. *Czasowniki zdrobniãte na -k w dialektach polskich oraz w innych jëzykach słowiańskich*. Z polskich studiów slawistycznych. Jëzykoznawstwo. Seria 5. Warszawa, 1978, 61–71.
- Sychta 1967–1976 — B. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T. I–VII. Wrocław etc., 1967–1976.
- SEK 1994–1999 — W. Borys, H. Popowska-Taborska. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. T. 1–3. Warszawa, 1994–1999.
- Wrocławska 1974 — E. Wrocławska. *Kaszubskie czasowniki hipokorystyczne*. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1974, t. 14, 121–125.

Елена Александровна Покровская
Ростов-на-Дону

СИНТАКСИС МОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА

Русский синтаксис – лингвокультурологический аспект – синтаксис модернистского дискурса – синтаксические новации

XX в. принес в мировую культуру истинную революцию эстетическую, которую сравнивают с революцией социальной.

«Культуру XX века не раз назовут ‘культурой наоборот’, иначе говоря, нигилистической культурой, перемоловшей в своей дьявольской мясорубке многие традиционные ценности, которые поспешно освобождались от ‘слишком человеческого’ и погружались в глубины иррационального хаоса» (Батракова 1996, 163).

Этот тип культуры принес с собой и новые художественные принципы, воплотившиеся в новых формах, технике, новое отношение к материалу, первоэлементам. Авангардисты провозглашали единое революционное, преобразующее отношение к материалу разных видов искусства: языку в художественном тексте, звуку в музыке, форме и цвету — в живописи.

Можно утверждать, что художественные принципы нового искусства воплощались в литературных произведениях в первую очередь в синтаксическом строе, существенно отличающемся от синтаксиса классической реалистической русской литературы.

Задачей данной работы является установление взаимосвязи между художественными постулатами модернизма и выражающими их в литературе синтаксическими конструкциями, определившими «лицо» модернистского дискурса русской литературы начала XX в.

Можно выделить следующие постулаты искусства модернизма, обусловившие возникновение модернистского дискурса.

Модернизм противопоставил реализму с его установкой на художественное отражение, воспроизведение действительности моделирование своей картины мира, своей, авторской реальности, иначе говоря, реальности противостоит текст, и творчество состоит в пересоздании мира. Это принцип четко формулируется в «Декларации обэриутов»:

«Мы — поэты нового мироощущения и нового искусства. Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов. Наша воля к творчеству универсальна: она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая ее со всех сторон» (Декларация 1991, 457).

Этот процесс сопровождался выработкой нового художественного языка, который

«переставал быть средством отражения реальности, а становился самой творимой реальностью. Вот почему столь материален, плотен, вязок, затруднен, даже косноват язык художника 20-х годов» (Гирич 1997, 288).

Поскольку на смену воспроизведения реальности приходит «сделанный» текст, а автор творит свой мир, огромную роль начинает играть интимизация (или субъективизация) текста. Автор моделирует свою позицию как творца-демиурга, позицию читателя и, наконец, рассказчика, учитывающего позицию читателя. Реальность растворяется в аллюзиях, реминисценциях, зеркальном отображении одного в другом. На смену позитивистского понятия реальности, которая первична, приходит понятие текста, который отражает не реальность, а авторскую картину мира. Отсюда — интимизация (или субъективизация) текста, преломление всего происходящего, пространства и времени сознанием автора, рассказчика и персонажа, чьим восприятием организован текст. В связи с этим в произведении модернизма на первое место выходит не сюжет, а стиль.

«Пересказать сюжет таких произведений не только трудно, но и бессмысленно. Зато стилистические особенности начинают самоодолеть и вытеснять собственно содержание» (Руднев 1999, 177).

В творчестве модернистов моделируется картина мира, противоположная искусству классическому с его установкой на гармонию, иерархию, пропорциональность, законы перспективы. В культуре XX в.

«мир предстал вздыбленным, теряющим ориентиры, выплескивающимися из границ прежде незыблемых законов и представлений» (Батракова 1996, 162), «<...> сложившаяся в начале XX века картина мира сориентирована на катастрофическое переустройство бытия»; «распадающийся мир врывается в сознание художника осколками, мгновенно порождая выхваченные, заостренные образы, значимые именно своей моментальностью. Разорванность, смещенность становится в полотнах модернистов композиционным принципом, опознавательной приметой» (Царькова 1994, 199).

Модернизм левого толка пришел в мировую культуру под знаменем антитрадиционализма, ломки канонов, отказа от святынь искусства классического. Один из основоположников теории и практики модернизма и авангардизма К. Малевич при-

зывал соединиться с техникой, отречься от земного мира природы, плюнуть на алтари старого искусства, сбросить классических Венер Милосских, отказаться от перспективы, горизонта, синего неба, крыши, звезд, луны и солнца, создать нечто неестественное.

«Когда исчезнет привычка сознания видеть в картинах изображения уголков природы, мадонн и бесстыдных венер, тогда только увидим чисто живописное произведение» (Малевич 1995б, 35).

Через все теоретические работы В. Кандинского проходит мысль о новом типе искусства, где дисгармония доминирует над гармонией, беспорядок над порядком. Он провозглашает:

«Сцепление внутреннее достигнуто различиями внешними, стык — распадом и расколом» (Кандинский 2001, 303).

На знамени модернизма был начертан отказ от рациональности, от примата разума над эмоциями, от логики и здравого смысла.

«Стремление художественных сил направить искусство на пути разума дало ноль творчества», — заявлял К. Малевич, поскольку, по его мнению, интуиция открывает дальние связи в мире, которые обыкновенная логика воспринимает как абсурдные (Малевич 1995а, 34).

Футуристы, русские и итальянские, хотели перенести принцип алогизма не только в литературу, но и в язык. Они призывали уничтожить в языке «симметричную логику, устаревшее движение мысли по закону причинности» (Первый съезд 1913, 5); им вторил лидер итальянских футуристов Ф. Маринетти, возмущаясь тем, что «старая литература воспевала ясность мысли». Особенно доставалось от футуристов синтаксису:

«<...> чтобы подчинить себе материю, надо сначала развязаться с бескрылым традиционным синтаксисом. Материя будет принадлежать тому, кто покончит с этим рассудительным, неповоротливым обрубком», — так писал горячий итальянец, а уничтожив синтаксис, он предлагал «существительные ставить как попало — как они приходят на ум» (Маринетти 1986, 163).

С алогизмом связан сформулированный В. П. Рудневым принцип поэмы XX в. —

«нарушение принципов связности текста: в модернистской прозе предложения не всегда логически следуют одно из другого, синтаксические структуры разрушаются, что особенно характерно для потока сознания» (Руднев 1999, 241).

В связи с невозможностью логического постижения и с выдвиганием интуитивного, подсознательного синтаксис не только витиеватый, но и подчас затемненный, неоднозначный, просто неясный. Отсюда — расчет на со-творчество читателя, зрителя.

Названные выше принципы модернизма реализуются в следующих свойствах модернистского дискурса: во фрагментар-

ности, расчлененности, в краткости, сжатости, информативной спрессованности, в динамизме текста; в затемненности смысла; в аритмии текста, в нарушении естественных пропорций, иерархии; в разговорности и даже устности письменного художественного текста. Эти свойства модернистского дискурса одновременно являются и художественно-стилистическими функциями конкретных стилистических структур, новых или обновленных в прозе этой эпохи, таких, как синтаксическая неполнота (предложения, словосочетания, конструкции с чужой речью), парцелляция, коммуникативное (неграмматическое) обособление второстепенных членов предложения, вставные конструкции, экспрессивный повтор, активизация в авторском речевом слое «слабых» конструкций разговорной речи, ряд новых явлений в конструкциях с чужой речью.

Обоснование связи между принципами модернизма и названными выше синтаксическими явлениями требует обращения к лингвокультурологическому анализу, состоящему в выявлении параллелизма между постулатами модернизма, механизмами экспрессии нового искусства XX в. и актуализирующим типом синтаксиса художественной прозы, реализующимся в перечисленных выше синтаксических явлениях. Остановимся на анализе двух синтаксических новаций — повтора и слабых конструкций разговорной речи.

Повтором принято называть неоднократное появление языковой единицы в определенном отрезке речи. Разумеется, это экспрессивное средство хорошо известно и классическому синтаксическому типу прозы. В данной работе мы остановимся на тех новых художественно-стилистических функциях повтора, которые возникают в модернистском дискурсе.

Ассоциативно-композиционная функция повтора связана с новым для языка художественной литературы принципом организации текста. Можно утверждать, что в прозе модернизма начинает складываться стиль потока сознания. Развертыванием текста движет не сюжет или фабула (они сведены до минимума), а стиль, основанный, в частности, на ассоциативном принципе мышления. И повтор — яркое экспрессивное синтаксическое средство, реализующее этот принцип. При повторе возникают ассоциации, вызванные разными значениями слова, проявляющимися в разном синтагматическом окружении, и его словообразовательными потенциями. Одно повторяющееся слово своими ассоциациями связано с другим, которое тоже начинает повторяться, и у микротекста возникает несколько ключевых слов. Таким образом автор далеко уходит от первоначальной темы, «поэта далеко заводит речь», как писала М. Цветаева в одном из стихотворений, но к концу микротекста возвращается

к первому ключевому слову — тоже путем ассоциативного мышления. Вот один из характерных примеров:

*Но есть места с вечным ветром, с каким-то водоворотом воздуха, один дом в Москве, например, где бывал Блок и где я бывала по его следам — уже остывшим. Следы остыли, ветер остался. Этот ветер может быть, в один из своих приходов — одним из своих прохождений — поднял он и навеки приковал к месту. Место, где вещь — всегда, и есть местопребывание — какое чудесное, кстати, слово, сразу дающее и бытность, и длительность положения в пространстве и протяжение во времени, какое пространное, какое протяжное слово. Так Россия, например, местопребывание тоски, о которой так же дико, как о ветре, сказать: **живет**. А — **живет!** И ветер живет. На конце той улочки, чтобы лучше дуть в лицо, там, у ее начала (М. Цветаева, «Наталья Гончарова»).*

Этот микротекст возник после описания улицы, где живет героиня и где всегда ветер. Разворачиваются два ключевых слова — *место* и *ветер*, расходясь и сходясь в их ассоциативных связях. Причем ассоциации возникают как по сходству, так и по контрасту явлений. Ветер ассоциируется с А. Блоком (то же сравнение *Блок – ветер* мы найдем и в «Стихах о Блоке» Б. Пастернака). От Блока — к его следам (опять повтор), от следов по контрасту — опять к ветру, далее по контрасту (ветер — непостоянен, он перемещается, а место — нечто прочное) к месту, местопребыванию, отсюда — к местопребыванию тоски, к России. Далее, *Россия живет*, — и теперь возникает новое повторяющееся слово, мерцающее разными смыслами: в России живет тоска (т. е. для России она характерна), Россия живет (т. е. выжила, несмотря ни на что), а отсюда — *живет ветер* (т. е. дует всегда). Так, пройдя длинную, мерцающую разными смыслами повторяющихся слов цепь ассоциаций, автор возвращается к ветреной «уличке», о которой речь шла вначале. И повествование продолжается, чтобы, зацепившись за другую ассоциацию, путем повтора слова, при котором проявляются его другие значения в другом окружении, снова уйти в сторону и снова вернуться. И сюжет отступает на последнее место, и важно не развитие сюжета (которого, как выяснится, в сущности нет), а эти мерцающие смыслы, всплывающие по ассоциативному принципу, уводящие прочь от сюжета, «прочь от реальности». Так при помощи повтора, его ассоциативно-композиционной функции реализуются принципы модернизма: не воспроизведение реальности, а создание индивидуальной картины мира, вытеснение стилем (потокосом сознания) сюжета.

Усложняюще-перцептивная функция повтора состоит в затемнении смысла, усложнении восприятия текста, активизации со-творчества читателя. Многократный повтор нескольких ключевых для микротекста слов, осложненный повтором корневых

морфем, усложняет и смысл, запутывает читателя (подобно тому, как трудно отыскать смысл у скороговорки, хотя там он вполне элементарен):

Я его [дом] тоже никогда не узнаю, хотя незабвенен. А незабвенны на этой улочке — все. Если современные неотличимы из-за общности, старые — из-за особенности. Какая примета моего? Особый. Все особые. Общность особенности, особь особенности (М. Цветаева, «Наталья Гончарова»); *Каждая улочка, где дует, портовая. Ветер море носит с собой, превносит. Ветер без моря больше море, чем море без ветра* (Там же).

Представляется, что столь «густой» повтор сильно затемняет смысл микротекста. Цветаевой, возможно, и не желающей того, удастся претворить лозунг футуристов об отказе от «чистого, ясного, честного русского языка, оскопленного и сглаженного человеком от критики и литературы», об отказе от «симметричной логики» и «беззубого здравого смысла» (Первый съезд 1913, 5). В этих да и многих других модернистских микротекстах всех названных футуристами «пороков» найти трудно.

Совершенно очевидно, что затемненный смысл характерен для модернистского дискурса и в нем реализуется один из постулатов нового искусства — отказ от рационального постижения мира, алогизм.

Еще одной синтаксической новацией, характерной для дискурса модернизма, стало появление в авторском речевом слое «слабых» конструкций разговорной речи. Последний термин нуждается в определении.

По ассоциации со «слабыми» и «сильными» позициями в фонологии В. Д. Левин разделил разговорно-речевые конструкции на «сильные» и «слабые». «Слабые» обусловлены самой формой бытовой разговорной речи — устностью, спонтанностью, неподготовленностью, выражением мысли по мере ее формирования. Они неосознанны, ненамеренны. «Сильные» элементы создаются намеренно, как следствие неофициальной обстановки, непринужденности общения. Они, в отличие от первых, экспрессивны. В классической русской литературе именно они использовались в прямой речи персонажей для имитации разговорной речи. Однако в дискурсе модернизма «слабые» элементы разговорной речи проникают в книжную речь, преобразуясь в экспрессивные синтаксические конструкции. Таков путь сегментации и парцелляции (Левин 1971, 38).

Представляется, что активизация «слабых» элементов разговорной речи, их проникновение в речь книжную — более мощный процесс. Лишь некоторые «слабые» разговорные конструкций стали книжными экспрессивными; но ведь многие другие вышли за рамки разговорно-речевой стихии и тоже стали употребляться в речи письменной, книжной. Правда, они так и не

стали книжными экспрессивными конструкциями, но у них своя немаловажная роль в письменной художественной речи: в модернистском дискурсе они имитируют устность, непосредственность общения, отсутствие времени на обдумывание фразы до конца, т. е. спонтанность. Объясняя причины появления этих, в общем-то, корявых конструкций в литературе, причем в авторской речи, мы опять возвращаемся к постулатам искусства модернизма, к новой роли автора-творца-демиурга, не воспроизводящего реальность, а своей фантазией создающего свой мир, где все сиюминутно, спонтанно, непосредственно, где мир рождается на наших глазах, здесь, сейчас.

«Достаточно вспомнить картины и рисунки Пикассо и Хемингуэя, фильмы Феллини и Антониони, чтобы стало ясно — художник XX века в большинстве случаев не склонен наделять свое произведение жесткими гранями и тяжелой неподвижностью памятника 'на века'; он приступает к его созданию, будто не ведая, что получится, 'забывая' выделить начало и конец, смазывая структуру сюжета, жанра, повествования, словно бы не поспевая за героями. В вещах Пикассо как бы овеществляется само 'деяние', акт творения. Сама техника создает ощущение только что прерванного становления. Они как бы еще не успели остыть, еще не приняли окончательную форму» (Недошивин 1984, 101).

Эта сторона искусства модернизма будет развиваться на протяжении всего столетия: читая роман М. Фриша «Назову себя Гантенбайн» или глядя на картину С. Дали «Рождение солнца», где кисть художника прорисовывает солнце и на пустом холсте оно, наконец, родилось, мы будем ощущать себя свидетелями рождения произведения нового искусства.

«Писатели, художники, драматурги, режиссеры XX века не однажды обыграют и превратят в прием открытость художественного произведения, которое, почти как частица — волна, может стать в одно и то же время и результатом, и процессом творчества. Такое произведение сочиняется или, вернее, как бы сочиняется по ходу дела, в присутствии читателей, зрителей» (Батракова 1996, 103).

В литературном произведении этот эффект создается самоперебивами, повторами с распространением, уточнением, поисками нужного слова, которые остаются не в черновиках, а в тексте, уточняющими вопросами к себе, автору, конструкциями с плеонастическими компонентами, вставками. Именно это и называется здесь «слабыми» конструкциями разговорной речи:

С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова убили... (М. Цветаева, «Мой Пушкин»); В — каком? — году (несущественность для Гончаровой хронологии, почти нет дат), совсем молодая еще Гончарова едет на Юг, в Тирасполь... (М. Цветаева, «Наталья Гончарова»); Чтобы не забыть. К моему имени-отчеству он прибежал только в крайних случаях, с третьими лицами, и всегда в третьем лице,

говоря обо мне, не мне, со мной же — Вы, просто — Вы, только — Вы (М. Цветаева, «Пленный дух»).

Плеонастическое местоимение в модернистском дискурсе может вовсе не служить для образования экспрессивной конструкции — сегментации; оно может имитировать устность, спонтанность, отсутствие времени на обдумывание фразы, как это бывает в разговорной речи, когда, начиная фразу, мы еще не знаем, чем ее закончим, отсюда — неправильные формы, а также плеонастические и со смысловой, и со структурной, и с коммуникативной точки зрения слова:

При первом заносе ноги, нога же, она же, Узнает никогда не испытанные ступени пирамид (М. Цветаева. «Наталья Гончарова»).

В этом случае типичный разговорно-речевой плеоназм усиливается повтором, единственная функция которого — имитировать устность с ее шероховатостью, необдуманностью слова. В сущности избыточны тут два слова — *ноги* и *она*. Наиболее грамматически и стилистически «правильным» был бы такой трансформ: *При первом заносе нога узнает никогда не испытанные ступени пирамид*. Но теряется ощущение устности, спонтанности, необдуманности, неотработанности.

Автор сам с собой спорит, сам говорит себе «да» и «нет», и опять возникает это ощущение рождающегося на наших глазах текста:

Пушкин есть факт, опрокидывающий теорию. Расизм до своего зарождения был опрокинут Пушкиным в самую минуту его рождения. Но нет — раньше: в день бракосочетания сына арапа Петра Великого, Осипа Абрамовича Ганнибала, с Марьей Алексеевной Пушкиной. Но нет, еще раньше: в неизвестный нам день и час, когда Петр впервые остановил на абиссинском мальчике Ибрагиме черный, светлый, веселый и страшный взгляд (М. Цветаева, «Мой Пушкин»).

Творческая лаборатория настолько открыта читателю, что поиск нужного слова осуществляется прямо на его глазах, в рассуждениях автора о неточности одного слова и поисках другого; при этом используются вопросы, повторы:

Кажется, то на конце его живет ветер, бог с надутыми щеками. Ветер — живет, может ли ветер жить, жить — это где-нибудь, а ветер — везде, а везде — это быть (М. Цветаева, «Наталья Гончарова»).

Подводя итоги, можно сказать, что дискурс модернизма имеет особую синтаксическую организацию по сравнению с классическим иерархическим синтаксисом русской реалистической литературы XIX в. Своеобразие синтаксиса модернизма объясняется тем, что именно на этом языковом уровне в литературном произведении реализуется экспрессия модернизма, новой парадигмы культуры, сменившей традиционную, классическую

кую. Новации синтаксические являются выражением установок, постулатов этой новой культурной парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Батракова 1996 — С. П. Батракова. *Художник XX века и язык его живописи*. Москва: Наука, 1996.
- Гирин 1997 — Ю. А. Гирин. *Авангардизм как пучок смыслов. Опыт исследования художественного сознания 1910–1930-х гг.* Вопросы искусствознания, Москва, 1997, № 2, 280–295.
- Декларация 1991 — *Декларация обэриутов*. Ванна Архимеда. Ленинград: Советский писатель, 1991, 452–458.
- Кандинский 2001 — В. В. Кандинский. *Пустой холст и так далее. Избранные труды по теории искусства. Т. 2*. Москва: Гилея, 2001, 300–303.
- Левин 1971 — В. Д. Левин. *Литературный язык и художественное повествование*. Вопросы языка современной русской литературы. Москва: Наука, 1971, 9–96.
- Малевич 1995а — К. С. Малевич. *От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм*. К. С. Малевич, Собр. соч. в 5 тт. Т. 1. Москва: Гилея, 1995, 27–34.
- Малевич 1995б — К. С. Малевич. *От кубизма и футуризма к супрематизму. Новый живописный реализм*. К. С. Малевич, Собр. соч. в 5 тт. Т. 1. Москва: Гилея, 1995, 35–55.
- Маринетти 1986 — Ф. Маринетти. *Технический манифест футуристической литературы*. Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. Москва: Прогресс, 1986, 163–165.
- Недошивин 1984 — Г. А. Недошивин. *Художники XX века. Пабло Пикассо*. Москва: Советский художник, 1984.
- Первый съезд 1913 — *Первый Всероссийский съезд баячей будущего. Хроника*. За семь дней, 1913, № 32, 5.
- Руднев 1999 — В. П. Руднев. *Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты*. Москва: АГРАФ, 1999.
- Царькова 1994 — Т. С. Царькова. *Слова и краски: надписи на картинах русского авангарда*. Русская литература, Москва, 1994, № 3, 191–198.

Анатолий Федорович Журавлев
Москва

УЧИТЕЛЬ
(ПАМЯТИ АКАД. Н. И. ТОЛСТОГО)

Акад. Н. И. Толстой – вклад в гуманитарную науку – Н. И. Толстой как организатор науки – Н. И. Толстой как личность

Почти семь лет с нами нет Никиты Ильича Толстого. 15 апреля ему исполнилось бы восемьдесят лет.

Он был выдающимся ученым — диалектологом и историком языка, фольклористом, этнографом, специалистом по истории славянских культур, одним из крупнейших славистов современности, проницательным, умным и благородным организатором науки, тонким и талантливым педагогом, удивительным человеком... Мы это знали всегда. Как ученый он был признан во всем мире (восемь европейских академий сочли честью избрать его своим иностранным членом), но только по его уходу из жизни мы приблизились к порогу понимания его настоящей величины. Вакуум, образовавшийся после кончины Никиты Ильича, остро ощущаем до сих пор.

Из заслуг Толстого прежде всего нужно отметить его усилия по устройству науки: он был заместителем академика-секретаря Отделения литературы и языка, членом Президиума РАН; главой Национального комитета славистов Российской Федерации, вице-президентом Международного комитета славистов, организатором славистических съездов; многолетним членом редколлегии и в конце жизни главным редактором журнала «Вопросы языкознания» — одного из самых авторитетных среди подобных в мире; членом множества научных советов, комиссий, комитетов, обществ, редакционных коллегий...

Излишне говорить о том, что Толстой был сторонником сохранения Академии наук. В противовес многим не слишком дальновидным умам, он был решительным противником механического перенесения на нашу почву моделей организации науки, в которых исследовательская работа сосредоточена главным образом в университетах. Российская АН, особое явление в истории научных учреждений, существует скоро три столетия, и драгоценный опыт, накопленный ею, никоим образом не дол-

жен быть утрачен. Умный консерватизм, вообще черта в Н. И. достаточно заметная, в данном случае более чем оправдан. Академия, сосредоточившая в себе наибольший научный потенциал, способна планировать и осуществлять крупные коллективные проекты, требующие долголетних разработок, — такие, как (если мы говорим о филологии) исчерпывающие грамматические описания, многотомные словари, лингвистические атласы, издание серий древних памятников письменности и культуры...

Трудно перечислить научные структуры и направления, которые удалось создать («пробить») Толстому: особое направление в отечественной филологии — этнолингвистика (дисциплина, исследующая связи языка, этноса и культуры), постоянные (с начала 60-х гг.) полесские диалектологические и этнолингвистические экспедиции (к сожалению, прерванные чернобыльской катастрофой), сначала группа, затем сектор, теперь Отдел славянской этнолингвистики и фольклора в Институте славяноведения РАН, энциклопедический словарь «Славянские древности», обновленный им журнал «Живая старина», обязательный университетский курс «Введение в славянскую филологию» (программа которого создана Н. И.), Российский православный университет, одним из вдохновителей создания и добрым гением которого был Н. И., наконец, Российский гуманитарный научный фонд...

Главным смыслом деятельности Толстого было создание атмосферы, благоприятной для развития науки. Ему удалось далеко не все, что он хотел бы сделать, но того, что им свершено, хватило бы на несколько ярких биографий.

* * *

Я был близко знаком с Никитой Ильичом и отважусь сказать несколько слов о его личности, сопроводив этот беглый портрет некоторыми картинками-воспоминаниями.

Неординарность личности Толстого была очевидна всем и сразу, привлекала к нему множество людей — коллег и учеников. Та же незаурядность рождала завистников и недоброжелателей (Бог с ними!).

Н. И. был очень сложным человеком. Это выражение обычно, в нашем бытовом речевом обиходе, отягощено заметными негативными коннотациями. Напротив, слова «простой человек» звучат похвалой (на мой взгляд, нередко сомнительной). «Сложный человек» — это нередко эвфемизм, как бы извиняющий некоторые неудобства, порождаемые самим существованием данной личности. Оценка личности Н. И. не нуждается в извинительных интонациях. Он на самом деле был сложным и да-

леко не всегда удобным человеком. Но это сложность от паразитического богатства его натуры.

В нем можно было увидеть самое разное. С одной стороны, располагающий демократизм (однако при этом ни себе по отношению к другим, ни другому по отношению к себе он не позволял никакого панибратства), — а с другой стороны, утонченную аристократичность. Спокойствие и достоинство, несуетность — и страстный, с трудом сдерживаемый темперамент. Усталая мудрость, отягощенность опытом уживалась с почти детской способностью радоваться и удивляться мелочам и сиюминутным удачам. В нем были терпимость, толерантность, умение уважить иной взгляд, иную позицию — и, другой раз, резкость, едкая ироничность, а то и раздражительность, брезгливость.

Несмотря на сложность натуры, он был предсказуемым и очень надежным человеком. Надежным и красивым, как хорошо сработанный корабль.

Ему была свойственна невероятная работоспособность. Его невозможно было застать в состоянии бездействия, в бездельности. *Dolce far niente* — на это он был попросту не способен по своей природе. Даже на сентябрьском пляже в Гурзуфе (куда, в дом моей матери, я склонил Толстых поехать после Киевского, 83-го года, съезда славистов), между «заплывами», он был занят выписками из какого-нибудь этнографического свода или сборника фольклорных текстов.

В течение жизни, пусть не столь долгой, как нам бы хотелось, его научная продуктивность знает только один вектор — вверх. С возрастом количество пишущихся и публикуемых работ, приходящихся на год, неизменно росло, так же как неизменно высоким оставалось их качество. Реестр печатных трудов Н. И. близок к восьми сотням названий. В один только год, с выходом в свет первого тома энциклопедии «Славянские древности», в котором ему принадлежит множество словарных статей, этот список пополнился сразу 119 позициями!

Как он, обремененный кучей должностей, раздираемый бесконечными обязательствами, успевал писать, остается загадкой: ведь дом Толстых никогда не был тихой гаванью, в нем перебивало множество людей, телефон в иные дни раскалялся докрасна от нагрузки. Н. И. никогда, по крайней мере при мне, не «отшивал» звонящего скороговоркой, но уважал его обстоятельным разговором. Сказывалось воспитание. «Толя, учитеесь отказывать» — такие советы давались не раз. Но подобным урокам недоставало убедительности: сам он этой наукой владел не блистательно.

С уходом Н. И. исчез мощный и необычайно интересный мир.

Он был завораживающим собеседником. Его монологи и рассказы, в домашнем застолье или на дачных и городских прогулках (с каждодневными, по балканской манере, остановками посреди дороги или тротуара: разговаривать с кем-то на ходу — неуважительно), вспоминаются как одно из самых больших удовольствий.

Ему была свойственна поистине бездонная память. Он знал наизусть огромное количество стихов (и сам писал их). У него был огромный интерес к людям, ничуть не слабевший к концу жизни; у него было умение давать точные, ироничные и даже довольно ядовитые оценки людям, свидетельствовавшие о тонком знании человеческой природы.

Н. И. очень любил рассказывать о временах своей балканской юности (он родился в Сербии, родители были эмигрантами), о своих учителях, о войне, о людях на войне, но при этом очень редко говорил о себе самом.

Для него было характерно нежелание писать мемуары; ему говорили, что он непременно должен оставить такие записки, а он отвечал: «Этим я не буду заниматься никогда». В Институте русского языка РАН велись и ведутся магнитофонные записи речи лиц самых разных речевых и языковых навыков. Понятно, что речь Н. И., сохранившая множество черт, свойственных старой русской интеллигенции, любопытных семейных особенностей, не могла не привлечь к себе внимания людей, занятых созданием такой серии речевых портретов. Так вот, Н. И. на просьбы «попозировать» магнитофону неизменно отказывал — вежливо, но твердо. Кажется, один только раз, не найдя способа отбиться от липучих иностранных телевизионщиков (интерес которых к Н. И. был возбужден скорее его родословной, чем делами и идеями), он позволил снять себя видеокамерой.

Н. И. был страстным книжником. Хорошо знал старых московских букинистов. Он собрал огромную и очень ценную славистическую библиотеку в несколько десятков тысяч томов. В московской квартире поместиться она не может, и немалая ее часть хранится в Вербилках на даче — в доме и особом сарае, который он называл Румянцевским музеем. Меня поражало, как он сохранял в памяти содержание едва ли не всех этих книг и даже журналов.

Я был у Толстых на даче, работал над докторской диссертацией. За ужином зашел разговор о моих делах. Выяснилось, что я совсем забыл одну старую, начала 50-х гг., но важную русистскую работу, напрямую посвященную проблеме, которая тогда меня занимала. Неиспользование этой работы было бы ощутимым зиянием в изложении контrovers (и, кстати, в трудах одного слависта с громким именем, специально разрабатывающего

близкую проблему и прочитавшего, кажется, все, что имеет к ней хоть малейшее отношение, ссылок на это сочинение нет). Н. И. как бы между прочим спросил жену, Светлану Михайловну: «Ты не помнишь, в каком выпуске она напечатана и где они у нас стоят?» Светлана, конечно, не помнила. На том разговор кончился. На следующее утро, после обязательных хозяйственных дел, Н. И. скрылся в книжном сарае и долго возился там, время от времени появляясь наружу и о чем-то раздраженно ворча. Смысл этого брюзжания мне был непонятен, да я и не вникал в его заботы. Часам к пяти вечера он вылез из хранилища, держа под мышкой связку журналов. На этот раз его физиономия излучала какое-то ехидное довольство. Сели обедать, и Н. И., опять-таки как бы между прочим, подsunул мне выпуск ученых трудов, где была помещена та старая работа. И очень, уже в шутовском тоне, досталось Светлане, которая позволила себе забыть, где хранится это столь нужное мне издание.

Я любил бывать с Н. И. в Вербилках зимой. Не раз под конец зимы мы с ним ездили туда дня на три-четыре. Днем сбрасывали снег с крыши, вечерами, протопив как следует печку в маленьком (крохотная комнатка и веранда) домике (большой дом согреть было трудно), работали, вернее, работал Н. И., обложившись карточками с экспедиционными записями, — я же листал что-нибудь из вербилковских раритетов. Потом, отложив писанину и чтение, разговаривали чуть ли не до утренних часов, иной раз прихлебывая ракию, захваченную предусмотрительным Н. И. Воспоминания об этих тихих зимних ночах — одни из самых дорогих для меня.

Как-то после одной такой поездки, вернувшись в Москву и прощаясь с Н. И. на Савеловском вокзале, на его вопрос, что я собираюсь делать в ближайшие дни, я сказал, что у меня завтра день рождения. Н. И. поцеловал меня, и мы разъехались. Позвать его к себе я не решился. День рождения отмечали в узком кругу, у родителей жены: так было удобнее всем. Уже ночью, когда мы с женой вернулись домой, я вынул из почтового ящика какой-то сложенный вчетверо листок бумаги. Из записки, написанной не похожим ни на какой другой почерком Н. И., явствовало, что в наше отсутствие он со Светланой приезжал поздравить меня, но, увы... Дальше были шуточные и немного корявые стишки (очевидная импровизация) и следовало указание порыться в потрохах старой газовой плиты, которая пылилась на лестничной площадке возле нашей двери (отволочь ее на помойку все как-то руки не доходили). В духовке я нашел пластиковый пакет с бутылкой восхитительного итальянского красного вина. В те поры в Москве добыть такое вино было не-

возможно. Смешение благодарной нежности и чудовищной досады, всколыхнувшихся в душе, я описать не берусь.

Среди филологов, и наших, и иностранцев, общеизвестны его гостеприимство и щедрость. Он очень любил застолье, хорошую водку, которую сам настаивал на немислимых основах, болгарскую сливовицу и сербскую ракию. Но, разумеется, вовсе не выпивка была главным моментом любого застолья, устраиваемого Н. И.

Н. И. сам умел и любил работать руками — чинить обувь, шить, рыть колодец, клеить коробки для карточек, ремонтировать забор или кровлю, корчевать пни на заросшем дачном дворе, чистить крышу от снега, хотя с возрастом это становилось ему все труднее. Он не стыдился грязи под ногтями, и это была подлинно аристократическая черта. Он не гнушался никакой самой грязной, но необходимой с его точки зрения, работой. Диалектологи и фольклористы, члены университетского семинара Толстого, бывшие с ним в Олтуше, в Брестской области, хорошо помнят гераклов подвиг Н. И., в одиночку управившегося с жутко запущенным отхожим местом при школьном интернате, где расселилась экспедиция.

Н. И. и в других ценил умение делать ручную работу, отыскивать нужные инженерные решения. Эти склонности он однажды, к своему большому удовольствию, нашел у моего сына. Трогательно было смотреть, как эти двое — длиннющий седобородый Никита и едва доходивший ему до пояса восьмилетний Митька, — сидя на корточках, с мелким шанцевым инструментом в руках, увлеченно спорили, каким образом лучше отвести от дачи дождевые потоки, подмывающие ее фундамент.

В последние месяцы жизни проявилось еще одно его свойство (поводов к тому лучше бы, конечно, не было) — необыкновенное мужество. Болел и умирал Н. И. очень тяжело, при этом все время находился в ясном уме и, надо думать, прекрасно понимал, что происходит. Близкий ему человек, в свое время работавший в военном госпитале, видевший множество смертей и знающий в этом толк, говорил мне, что в такое мужество и самообладание перед лицом мучительной кончины, какое было обнаружено Н. И., невозможно поверить, если бы это не происходило на глазах.

Никиты Ильича нет. Но живы, читаемы, будят мысль его книги, жив в благодарной памяти его образ, продолжают начатые им дела. И это останется.

IV. К 10-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1992–2002)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОЗДАНИИ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

До 1992 г. на отделении русской филологии филологического факультета Тартуского университета функционировали кафедры русского языка, русской литературы и методики преподавания русского языка. Другие славянские языки (чешский, польский, сербско-хорватский) преподавались студентам-русистам как обязательные предметы на втором курсе в течение двух семестров. Выбор языков был свободным. Ставилась задача дать грамматические основы соответствующего языка и научить читать и переводить тексты средней трудности. С 1992 г. в связи с реформой университетской системы преподавания и преобразованием филологического факультета в философский было создано отделение русской и славянской филологии, которое составили кафедры русского языка, русской литературы и новоорганизованная кафедра славянской филологии (сотрудники кафедры методики преподавания русского языка перешли в состав секции русского языка Языкового центра). Кафедра создавалась по существу «с нуля». Кроме доктора филологических наук, ординарного профессора (А. Д. Дуличенко), в нее входил еще доктор филологических наук, экстраординарный профессор (С. Г. Исаков). С 1992/93 уч. г. они и начали читать лекции первым студентам, избравшим в качестве специализации чешский язык. Практический курс преподавала магистрант М. Кырвел, которую, к сожалению, не с самого начала учебного года удалось перевести на должность ассистента. Первое время кафедра не имела и помещения. Вообще следует заметить, что идея сформировать отделение, в котором при несомненном преобладании русского языка должны были бы быть представленными и другие славянские языки, — как это характерно для многих крупных европейских университетов, наталкивалась на непонимание и с трудом пробивала себе дорогу. Лишь с выходом экстраординарного профессора на пенсию удалось полу-

чить еще одну ставку ассистента [И. В. Сорока (Абиссогомьян)], что дало возможность к настоящему времени иметь своих преподавателей как чешского, так и польского языков. С 1993/94 уч. г. нашими усилиями удалось также, преодолевая многочисленные юридические, технические и проч. сложности, решить и вопрос о приглашении к нам из Польши лектора польского языка. Большую помощь в этом оказывал первый посол Польши в Эстонии др. Ян Костшак. С этого учебного года была открыта группа польского языка. Запись на избранный язык проводится на кафедре через год.

Перед кафедрой встала задача разработать программы обязательных курсов и спецкурсов по общему языкознанию, общей славистике, чешской и польской филологии, что постепенно и было осуществлено. За прошедшие 10 лет для студентов, магистрантов и докторантов кафедры было разработано и прочитано около 30 разных спецкурсов. Студенты проходят не только практический курс избранного языка, но и систематически изучают обязательные предметы лингвистического и литературоведческого циклов (история языка, история литературы и др.). Кафедра проводит большую работу по обеспечению сотрудников, успешно обучающихся студентов, магистрантов и докторантов стажировками в славянских странах, где они изучают чешский, польский, словацкий, словенский языки. В иные годы число стажеров за границей доходило до полутора десятков. Напомним, что такие стажировки финансируются приглашаемой стороной, а в последнее время и Министерством образования республики на основе договоров с соответствующими министерствами в Польше и Чехии. Студенты и магистранты кафедры проявляют завидную активность в изучении славянских языков и культур. В 1996 г. при поддержке кафедры они начали издавать небольшой журнал-бюллетень «Slavia», в котором печатаются тексты на русском, эстонском, чешском, польском, кашубском, немецком языках. Активно участвуют наши студенты и в научных конференциях. После первого выпуска в 1995 г. специалистов по чешскому языку и литературе появилась возможность готовить магистров славянской филологии, а позднее и приступить к подготовке специалистов с докторской степенью. (В соответствии с реформами начала 90-х гг. было введено магистерское и докторское обучение; в сравнении с принятыми в советское время научными степенями магистерская диссертация — это хорошая или отличная дипломная работа, а нынешнюю докторскую можно приравнять к советской кандидатской диссертации; докторские диссертации советского времени, называемые в других странах габилитационными или как-то иначе, отменены).

Кафедра предпринимала и ныне предпринимает усилия по расширению числа славянских языков. В частности, в некоторые годы читались одно- или двухсеместровые курсы сербско-хорватского, болгарского языков. Неоднократные обращения с обоснованием о необходимости введения в преподавание серб-

ско-хорватского, словенского, болгарского, украинского языков пока не имели результатов. Как и не решается несколько лет назад поставленный нами вопрос о расширении кафедры славянской филологии за счет введения в учебный процесс преподавания балтийских языков — латышского и литовского. Однако сотрудники кафедры все же не теряют надежды на расширение «ассортимента» языков, что будет полезным не только для самой кафедры, но и для отделения и факультета в целом.

Весьма плодотворна научная работа сотрудников кафедры. Исследования проводятся по широкому кругу проблем: славяно-славянские и славяно-эстонские литературные и культурно-исторические связи, вопросы общей теории языка, интерлингвистика, социолингвистика и этнолингвистика, вопросы славянской филологии, синхронные интралингвистические, социолингвистические и исторические проблемы русского, чешского, польского, сербско-хорватского, словенского языков; феномен славянских литературных микроязыков — югославо-русинского (или южнорусинского), градищанско-хорватского (Австрия), молизско-славянского и резьянского (Италия), банатско-болгарского (Румыния), эгейско-македонского и помакского (Греция), кайкавского и чакавского (Хорватия), прекмурско-словенского (Словения), восточнословацкого (Словакия), ляшского (Чехия и Польша), кашубского (Польша), (карпато)русинского, или *lingua ruthenica*, в Закарпатской Украине, Восточной Словакии, Польше, Венгрии и в США и Канаде, серболужицких — верхнелужицкого и нижнелужицкого (Германия) и др.; история языкознания и славистики. При кафедре были созданы и реализованы или реализуются такие научные проекты, как «Русское меньшинство Причудья: язык, традиции, соседство культур и этносов», «Языки малых этнических групп Объединенной Европы: проблемы развития и перспективы сохранения». Кроме того, сотрудники кафедры участвуют также в факультетских проектах, среди которых — «Славяно-балто-германо-уральские языковые и культурные контакты в ареале Балтийского моря», «Современные и исторические языковые и культурные контакты в ареале Балтийского моря». Кафедрой разработан также новый научный проект, рассчитанный на международное сотрудничество, «Русский язык в постсоветской Прибалтике: социолингвистическое исследование».

Публикации членов кафедры появляются во многих престижных международных научных изданиях. Общее число публикаций за 10 лет достигает более 400 позиций, среди них несколько монографий. Работы опубликованы на многих языках — русском, эстонском, сербско-хорватском, словенском, польском, югославо-русинском, градищанско-хорватском и др. славянских языках, на немецком, английском, французском и т. д. Сотрудники кафедры читают по приглашению лекции во многих европейских университетах. По инициативе кафедры в октябре 2002 г. была проведена международная научная конфе-

рениция, посвященная нашему юбилею, — «200 лет русско-славянской филологии в Тарту», материалы которой составили 5-й том кафедральной серии «*Slavica Tartuensia*». Не забудем также, что при кафедре функционирует научный семинар, на котором в форме докладов обсуждаются актуальные проблемы современного теоретического языкознания и славянской филологии, а также новинки лингвистического и литературоведческого характера. Инициативой кафедры славянской филологии был создан Национальный Комитет славистов Эстонии, который со временем стал коллективным членом Международного Комитета славистов.

В настоящем разделе помещен материал, который даст определенное представление об истории и современном состоянии кафедры славянской филологии. Это хроника кафедральной жизни, программы спецкурсов; перечень докладов, прочитанных на научном семинаре; список дипломных (бакалаврских) работ и магистерских диссертаций, а также библиография публикаций за прошедшие 10 лет. Более подробная информация о кафедре содержится в статье: А. Д. Дуличенко. *Славянское языкознание в Тарту в XIX–XX веках. 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. (Slavica Tartuensia IV). Tartu, 2003, 31–67.*

А. Д. Дуличенко

ХРОНИКА КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1992–2002)

Хроника содержит информацию о работе кафедры славянской филологии за 10 лет ее существования — с 1992 по 2002 гг. Здесь, в частности, представлен ежегодный состав кафедры, сведения о магистрантах и докторантах (в том числе и о защитах соответствующих диссертаций), о выступлениях сотрудников кафедры и студентов-славистов с докладами на научных конференциях. Отражены также сведения о языковых стажировках студентов и преподавателей в России, Польше, Чехии, Словакии, Словении, Италии, Франции, о лекциях наших профессоров в зарубежных университетах и зарубежных профессоров — у нас, о выходе сборников и монографий, о гостях кафедры и т. д. Мы старались как можно детальнее отразить многогранную деятельность молодой кафедры. Однако у нас нет полной уверенности в том, что мы не выпустили из нашего внимания некоторых событий, так или иначе связанных с кафедрой. В любом случае хроника дает возможность составить некоторое представление о жизни кафедры, ее сотрудников и студентов.

1992

25–28 мая: Профессора *Савватий Васильевич Смирнов* и *Александр Дмитриевич Дуличенко* приняли участие в Международном конгрессе славянских культур, организованном в Москве (Россия) Международным фондом славянской письменности и культуры.

Июнь: Защита дипломных работ: *Майри Кырвель*. «Лингвостилистические аспекты перевода произведений К. Чапека с чешского на русский и эстонский языки (сопоставительный анализ)»; *Елена Станкевич*. «Микросистема существительных на -ств(о) в русском языке».

1 сентября: *Открытие кафедры славянской филологии на отделении русской и славянской филологии философского факультета Тартуского университета.*

Подготовлен план обучения по двум направлениям: «Чешская филология» и «Польская филология».

Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, экстраорд. проф. др. *Сергей Геннадиевич Исаков*, ассистент *М. Кырвель*. В магистратуру поступили *Оксана Кустова* и *М. Кырвель*.

В сентябре 1992 г. набрана первая группа студентов-богемистов (специальность — «Славянская филология», направление — «Чешская филология»).

9–10 октября: На международной научной конференции в Воронеже (Россия) «Воронежский край и зарубежье: пути и перепутья отечественной культуры в XX веке» с докладом «И. Бунин и Эстония» выступил проф. С. Г. Исаков.

13–15 октября: На международной научной конференции в Казани (Россия) «Польские профессора и студенты в ун-тах России (XIX – начало XX в.)» проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Польские студенты и профессора в Дерптском ун-те в XIX – начале XX в.».

1993

26–28 марта: На состоявшейся в Таллине конференции «Русские в Эстонии (1918–1940)» выступили проф. С. Г. Исаков с докладом «Основные проблемы изучения национального меньшинства в Эстонии в 1918–1940 гг.» и проф. А. Д. Дуличенко с докладом «Русские и проблема дисперсности этноса».

На заседании конференции 28 марта создан *Русский исследовательский центр в Эстонии* и избрано его временное правление (председатель — проф. С. Г. Исаков). Членом Центра избран также проф. А. Д. Дуличенко.

23–24 апреля: На проходившей в Таллине конференции «Литература и периферия. В память Рейна Крууса» проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Эстонские общества и организации в Петербурге в конце XIX – начале XX века и их культурно-просветительная деятельность».

27–28 мая: В Таллине на международной научно-практической конференции «Русская и славянские культуры в новом зарубежье: проблемы и пути развития» проф. С. Г. Исаков прочел доклад «О традициях русской культуры в Эстонии».

31 мая: По инициативе кафедры славянской филологии на учредительном собрании отделения русской и славянской филологии Тартуского ун-та был основан *Национальный комитет славистов Эстонии* (НКСЭ), который вошел в состав Международного комитета славистов. Членами НКСЭ стали многие слависты Эстонии, в основном — представители Тартуского ун-та и Таллинского педагогического ун-та. Президентом НКСЭ избран проф. А. Д. Дуличенко.

3–4 июня: На «Днях Эстонии в Вене» (Австрия) проф. С. Г. Исаков выступил с докладами «Научные связи Тартуского и Венского ун-тов» и «О культуре русского национального меньшинства в Эстонии».

июнь: Защита дипломных работ: *Марина Архипова*. «Лексическая микросистема с препозиционным компонентом *все-* (анализ состава и семантической структуры)»; *Степан Бормотов*. «Текстология и язык тартуского списка (1712 года) латино-славянского словаря Епифания Славинецко-го»; *Тийу Вяндре*. «Система цветообозначения и ее ассоциативные связи в русском, польском и эстонском языках (по данным психолингвистического эксперимента)»; *Наталья Маспанова*. «Социолингвистические исследования на акцентологическом и морфологическом уровнях»; *Нина Козы-*

рева. «Женские образы в поэзии Игоря Северянина»; *Имби Поом*. «Творчество Вл. Гуцика: основные проблемно-тематические комплексы».

июль: В летней школе польского языка при Люблинском ун-те обучались ассистент *М. Кырвель* и студенты *Сигне Маттеус*, *Наталья Синдецкая*, *Ирина Сорока*, *Ольга Шлыткина*, *Анна Федорова*.

1–8 августа: На I-ом симпозиуме Полонии Поморской в Вежице на Кашубах (Польша) принял участие проф. *А. Д. Дуличенко*. Организаторы симпозиума — *Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie*, *Wspólnota Polska*.

31 августа – 8 сентября: В Братиславе (Словакия) состоялся XI Международный съезд славистов. С докладом «Литературная ляпгина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии» выступил проф. *А. Д. Дуличенко*.

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, экстраорд. проф. др. *С. Г. Исаков*, ассистент *М. Кырвель*, приглашенный из Польши лектор *Хенрик Риц* (Торунский ун-т). Поступили в магистратуру *С. Бормотов* и *Т. Вяндре*.

В сентябре 1993 г. набрана первая группа студентов-полонистов (специальность — «Славянская филология», направление — «Польская филология»).

8–12 сентября: На международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг.», проходившей в Москве (Россия), проф. *С. Г. Исаков* выступил с докладом «Русские литературные организации в Эстонии».

4–6 октября: Проф. *С. Г. Исаков* выступил с докладом «Профессор Тартуского ун-та А. Стендер-Петерсен и научные связи Запада и Востока» на XVII Балтийской конференции по истории науки «Наука Балтии между Западом и Востоком» (Тарту).

13–14 октября: На состоявшейся в Нарва-Йыэсуу конференции «Гуманитарное образование в русских школах Эстонии» с докладом «Школа и культура» выступил проф. *С. Г. Исаков*.

16–17 ноября: На конференции «Актуальные проблемы славянской филологии (в связи с 50-летием кафедры славянской филологии)» в Московском ун-те (Россия) с докладом «К принципам создания нормативной грамматики резанского литературного языка в Италии» выступил проф. *А. Д. Дуличенко*.

17 ноября: В Институте языкознания РАН (Москва) состоялись Дрезновские чтения, на которых проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом «Космоглоттика и интерлингвистика (к переориентации идеи международного языка)».

ноябрь: В Институте славяноведения РАН (Москва, Россия) на конференции «Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального Возрождения (конец XVIII – вторая половина XIX в.)» с докладом «К типологии социолингвистических стратегий в эпоху национального возрождения: областные – общенациональные литературные языки – всеславянские лингвопроекты» выступил проф. *А. Д. Дуличенко*.

7–9 декабря: В организации Института польской литературы Варшавского ун-та и Польского ун-та (Вильнюс) прошла конференция «Kresy, Syberia, literatura. Doświadczenia dialogu i uniwersalizmu», на которую представил доклад «И. А. Бодуэн де Куртенэ: среди культур и языков (дерптский период 1883–1893 гг.)» проф. А. Д. Дуличенко.

11–13 декабря: На международную конференцию «Основы практической (нормативной) резьянской грамматики» (Резья, Италия) проф. А. Д. Дуличенко представил доклад «Резьянщина: на путях к литературному языку».

16 декабря: Посол Польши в Эстонии Ян Костиак посетил кафедру славянской филологии и передал в дар литературу по полонистике.

1994

Национальный комитет славистов Эстонии (НКСЭ) был принят коллективным членом Международного комитета славистов (Урбино, Италия).

В Мюнхенском издательстве «Otto Sagner Verlag» в серии «Slavistische Beiträge» (т. 317) вышла монография проф. А. Д. Дуличенко «Русский язык конца XX столетия». В октябре она была представлена на съезде немецких славистов в Лейпциге.

18–20 апреля: Состоялись лекции проф. А. Д. Дуличенко по русскому и славянскому языкознанию в Упсальском и Гетеборгском ун-тах (Швеция).

26 апреля – 5 мая: По приглашению Института славянской филологии Гданьского ун-та (Польша) проф. А. Д. Дуличенко читал лекции по русско-славянскому языкознанию и кашубологии.

8–10 мая: В Леба – Клюки (Польша) состоялась III Словинская конференция, на которой с докладом «К неугасающему спору о словинцах и словинском языке» выступил проф. А. Д. Дуличенко.

июнь: Защита дипломных работ: *Эстри Вахт*. «О некоторых аспектах русской культурной жизни в Таллинне (театр, музыка, балет) 1921–1925 гг.»; *Юлле Олеск*. «Перевод русских реалий на эстонский язык (на материалах переводов произведений Н. С. Лескова)»; *Юрий Фигловский*. «Немецкая периодика начала века и русская культура в Эстонии».

22 июня – 12 сентября: Проф. А. Д. Дуличенко стажировался в Институте словенского языка им. Фр. Рамовша Словенской Академии наук и искусств (Любляна). Работал над «Резьянским словарем» И. А. Бодуэна де Куртенэ и занимался словенистикой.

28 июня: Проф. А. Д. Дуличенко выступил в Институте словенского языка в Любляне (Словения) с лекцией-докладом «Slovensko in rezijanško narečjeslovje na Derptski (Tartujski) Univerzi pred stotimi leti. (Novo gradivo o J. Baudouin de Courtenaju kot slovenistu)».

29 июня – 1 июля: На конференции «Jernej Kopitar in njegova doba. Simpozij ob stoletnici njegove smrti» (Люблинский ун-т, Словения) проф. А. Д. Дуличенко выступил с докладом «У истоков резьянологии / Pri izvirih rezijanologije (od Dobrovskega in Kopitarja do Sreznjevskega)».

4–16 июля: Проф. А. Д. Дуличенко изучал словенский язык на 30-ом семинаре словенского языка, литературы и культуры в Любляне.

11 июля: В Нарве на международном симпозиуме «Проблемы взаимодействия национальных культур в многонациональной среде» с докладом «Нарва — место встречи национальных культур» выступил проф. С. Г. Исаков.

июль, август: Летние школы славянских языков посетили следующие студенты и магистранты: О. Кустова, Елена Тальберг (Люблинский ун-т, Польша); Т. Вяндре, Кристель Тедер (Торуньский ун-т, Польша); М. Кырвель, Сигрид Райтма, Ирина Ягинцева (Краковский ун-т, Польша).

21 августа: Будучи на стажировке в Словении, проф. А. Д. Дуличенко совершил путешествие по местам, где в XIX в. И. А. Бодуэн де Куртэнэ изучал словенские говоры. Маршрут был такой: Любляна – Крань – Худаюжна – Рут – Темлин – (Буково) – Церкно – Закойца – Стржшце – Облоке – Худаюжна – Любляна. Это путешествие помогли ему совершить языковеды *Сильве Торкар* и его брат.

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. А. Д. Дуличенко, экстраорд. проф. др. С. Г. Исаков, ассистент М. Кырвель, приглашенный из Польши лектор *Хенрик Левандовский* (Гданьский ун-т).

30 сентября – 4 октября: На открытии 631-ого академического учебного года в Краковском ун-те (Польша) по приглашению ректора и сената ун-та в качестве гостя присутствовал проф. А. Д. Дуличенко.

сентябрь: В Таллине на годичном собрании Русского исследовательского центра в Эстонии утвержден «Устав» центра и избрано его правление (председатель — проф. С. Г. Исаков).

4–5 октября: По приглашению Института польского языка и Института наук о польской литературе Силезского ун-та (Катовице, Польша) проф. А. Д. Дуличенко посетил Летнюю школу польского языка.

7–9 октября: В Тарту на организованном кафедрой русской литературы Тартуского ун-та международном семинаре «Русская культура XX века: метрополия и диаспора», проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Жизнь Владимира Гущика».

18–21 октября: В Институте славистики Польской Академии наук (Варшава) прошла конференция «Прибалтийское славянское Поморье: язык, культура, соседство языков», на которую был представлен доклад проф. А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки и проблема литературной кашубщины».

23 ноября: Проф. С. Г. Исаков прочел доклад «Проблемы русской культуры в эстонском пограничье (из опыта прошлого и наших дней)» на проходившем в Силламяэ международном семинаре «Опыт жизнеустройства в датско-германском пограничье и возможности использования этого опыта в Эстонии».

30 ноября: На состоявшейся в Тарту научной конференции «75 лет эстонскому Тартускому ун-ту» с докладом «Русская академическая группа в Эстонии и Тартуский ун-т» выступил проф. С. Г. Исаков.

6–7 декабря: Институт славистики Польской Академии наук организовал конференцию «Информатизация библиографической базы славис-

тики и включение ее во всемирную систему научной информации», в которой принял участие проф. *А. Д. Дуличенко*. С этого же года при названном институте организован коллектив, систематически работающий над ежегодной международной «Библиографией славянского языкознания». Ответственный за соответствующий материал по Эстонии — проф. *А. Д. Дуличенко*. Первый том библиографии за 1992 г. вышел в Варшаве в 1995 г.

13 декабря: Кафедру посетили посол Польши в Эстонии *Якуб Волансевич* и консул *Веслав Огурек*.

1995

Проф. *С. Г. Исаков* избран депутатом Рийгикогу (1995–1999). В связи с этим в 1995–1996 гг. он занимал 0,5 ставки экстраординарного профессора.

10–15 января: На проходившей в Вязме и Москве (Россия) международной научной конференции «А. С. Грибоедов и мировая культура» проф. *С. Г. Исаков* прочел доклад «К истории знакомства эстонцев с творчеством А. С. Грибоедова».

27 января: В Братиславе (Словакия) на научном семинаре, посвященном кодификации русинского языка Словакии, с докладом «Карпаторусинский в контексте региональных литературных языков современной Славии» выступил проф. *А. Д. Дуличенко*.

1–4 февраля: На международной конференции «Лингвистика на исходе XX ст.: итоги и перспективы» в Московском ун-те проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом «Некоторые соображения о перспективах лингвистики после XX в.».

февраль – июнь: Магистрант *Т. Вяндре* работала в Краковском ун-те (Польша) лектором эстонского языка.

10–11 февраля: В Таллине на международной конференции «Ethnicity, Nationalism and Political Change – V» проф. *С. Г. Исаков* выступил с сообщением, посвященным проблемам русского национального меньшинства в современной Эстонии.

1–3 марта: В Геттингенском ун-те (Германия) состоялась XVII ежегодная конференция Немецкого общества языкознания «Диалекты и языки меньшинств». На секции «Плановые языки» с докладом «Planlingvo: inter etna lingvo kai lingva konstruo» выступил проф. *А. Д. Дуличенко*.

5 апреля: В Институте славистики ун-та г. Грац (Австрия) состоялась лекция проф. *А. Д. Дуличенко* о русском языке конца XX столетия.

20 апреля: В Обществе славистов Финляндии и на отделении славянских языков Хельсинкского ун-та состоялась лекция проф. *А. Д. Дуличенко* о славянских микроязыках.

21 апреля: В Хельсинкском ун-те для студентов и преподавателей проф. *А. Д. Дуличенко* прочитал лекцию «Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития».

24 апреля: В Институте переводчиков — филиале Хельсинкского ун-та в г. Коуволла проф. *А. Д. Дуличенко* прочитал лекцию «Борьба словами: лингвистическое явление с социальными последствиями (на материале современного русского языка)».

23–25 апреля: В Тарту состоялась международная конференция молодых филологов. Кафедру славянской филологии представляли магистранты *С. Бормотов* с докладом «Латино-славянские словари Е. Славинецкого (1642) и И. Максимовича (1724)», *Т. Вяндре* с докладом «К сопоставительному изучению лексических европеизмов в польском и эстонском языках», *О. Кустова* с докладом «Древнецерковнославянский язык в трудах Н. К. Грунского», *М. Кырвель* с докладом «Чешский демутив и его судьба в русском и эстонском переводах прозы К. Чапека» и студенты IV курса *Н. Синдецкая* с докладом «Русские организации и общества в Таллине 1920-х гг.», *И. Сорока* с докладом «Роль чешского языка в этимологизации русской диалектной лексики (на материале «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера)».

15–17 мая: На международной научной конференции «Literatur und Institutionen der literarischen Kommunikation in nordeuropäischen Städten im Zeitraum vom 16. bis zum 18. Jahrhundert» (Гданьск, Польша) с докладом «Русские писатели в городах Эстонии в XVI–XVIII веках» выступил проф. *С. Г. Исаков*.

8–10 июня: Проф. *А. Д. Дуличенко* представил доклад «Размышления о ляхском литературном языке» на международный коллоквиум «Ондра Лысогорский. 1905–1985. К 90-летию со дня рождения» (Фридек-Мистек, Чехия).

10 июня: Защита первых бакалаврских работ по специальности «Славянская филология» (направление «Чешская филология»): *Александра Васильева*. «Русский слой праславянского словаря (на материале словаря Фр. Копечного 'Základní všeslovenská slovní zásoba')»; *Ольга Данилова*. «Чешско-словацкие языковые отношения (некоторые аспекты словообразовательной специфики)»; *Н. Синдецкая*. «Русская культурная жизнь в Тарту в 1920–1940 гг.»; *И. Сорока*. «Чешская лексика и ее роль в этимологизации русских слов (на материале «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера)»; *Алина Шувалова*. «Лексическая микросистема со значением частей тела в чешском и русском языке».

15 июня: В Новом Саде в издательстве «Руске слово» вышел первый том трудов проф. *А. Д. Дуличенко* по югославо-руси́нской филологии: «Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филологий». **23 июня** в Новом Саде состоялась презентация книги.

19 июня – 3 июля: В Лозаннском ун-те (Швейцария) состоялись лекции проф. *А. Д. Дуличенко* по русскому языку; **2 июля** была прочитана лекция о состоянии русского языка в эмигрантском «Русском обществе» г. Лозанны.

июль, август: Обучение в летних школах славянских языков проходили следующие студенты и магистранты: *Т. Вяндре*, *Янус Силлавере*, *К. Тедер* (Катовицкий ун-т, Польша); *О. Кустова*, *И. Ягинцева* (Торунский ун-т).

14–15 августа: На состоявшейся в Праге (Чехия) международной научной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов» проф. *С. Г. Исаков* прочел доклад «Связи русской общины в Эстонии с пражским центром российской эмиграции в 1920–1930-ые гг.».

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, экстраорд. проф. др. *С. Г. Исаков* (0,5 ставки), ассистент *М. Кырвель*, почасовой преподаватель *С. Бормотов*. К чтению лекций приступили приглашенные из Люблинского ун-та (Польша) преподаватели: проф. др. *Ян Левандовский* и лектор *Романа Скишиньская-Левандовская*. Начали свое обучение в магистратуре *Н. Синдецкая* и *И. Сорока*.

С 1995/1996 учебного года магистрант *Н. Синдецкая* проходила обучение в Краковском ун-те (Польша).

13–14 сентября: На состоявшейся в Таллине международной конференции «Ethnicity, Nationalism and Political Change – VI» с докладом «Взаимоотношения России и Эстонии с точки зрения русского национально-го меньшинства Эстонской Республики» выступил проф. *С. Г. Исаков*.

9–15 октября: По приглашению Института России и Восточной Европы, кафедры славянских языков Хельсинкского ун-та (Финляндия) проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом по русскому языку «Борьба словами: лингвистическое явление с социальными последствиями» на семинаре «Язык власти — власть языка».

12 октября: В ун-те г. Турку (Финляндия) проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с лекцией о новейших процессах в русском языке. Одновременно он работал с библиотекой финского слависта *Й. Миккола* (хранится в университетской библиотеке г. Турку).

26–27 октября: На проходившей в Москве (Россия) конференции «Русские в Эстонии» проф. *С. Г. Исаков* выступил с докладом «Русские в Эстонии 1918–1940».

1–27 ноября: Проф. *А. Д. Дуличенко* находился в Геттингенском ун-те (Германия) в связи с подготовкой к изданию обнаруженной им в архиве рукописи первой кашубской грамматики, написанной *Ф. Цейновой*.

1996¹

январь: Проф. *С. Г. Исаков* вошел в редакционный совет журнала «Таллинн», издаваемого под эгидой Общества русской культуры Эстонии и при содействии Министерства культуры Эстонской Республики, Фонда Открытой Эстонии и издательства «Александра».

14 марта: Вышел справочник «Национальный комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996» (Тарту, 1996, 100 с.).

18 марта – 4 апреля: Проф. *А. Д. Дуличенко* стажировался в Институте России и Восточной Европы в Хельсинки. Основной темой его занятий было написание работы «Й. Миккола и его исследования словинско-кашубского языка в Поморье. (К 100-летию славянской филологии в Финляндии)». Кроме того, он занимался в Национальном архиве Финляндии, в Славянской библиотеке и в библиотеке Хельсинкского ун-та.

1–4 апреля: Проф. *А. Д. Дуличенко* находился в г. Турку (Финляндия) и занимался в библиотеке *Й. Миккола*, находящейся в фондах университетской библиотеки.

26–28 апреля: В Тарту на международной научной конференции молодых филологов выступили магистранты *Т. Вяндре* с докладом «Об адаптационных свойствах польского и эстонского языков», *М. Кырвель* с до-

кладом «Сравнительный лингвостилистический анализ прозы К. Чапека», *Н. Синдецкая* с докладом «Русская театральная жизнь в Тарту в 1920–1930-х гг.», *И. Сорока* с докладом «Значимость чешской лексики в этимологизации русских слов на фоне славянских соответствий» и студенты IV курса *О. Шлыткина* с докладом «Русско-чешские пословично-поговорочные структуры в сравнительном рассмотрении», *И. Ягинцева* с докладом «Кашубская речь в записях А. Ф. Гильфердинга и Ф. Лоренца».

23 мая: Кафедра славянской филологии провела презентацию справочника «Национальный комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996» и кафедрального журнала «Slavia» в Таллинском педагогическом ун-те.

30 мая: Презентация первого номера журнала студентов кафедры славянской филологии «Slavia». (Slavia. (Tartu Ülikooli slaavi fioloogia õppetooli väljaanne), Tartu, 1996, № 1). Редакторы номера — студенты *К. Тедер*, *Мезлис Корка*, *И. Ягинцева*.

6–7 июня: Защита бакалаврских работ: *Марика Кыйв*. «Опыт составления русско-польско-эстонского словаря лингвистических терминов»; *Юлия Кянгсепп*. «Русско-польская межъязыковая омонимия»; *Елена Максимова*. «Устойчивые словесные комплексы в польском и русском языках (на материале пословиц и поговорок)»; *С. Райтма*. «Сопоставительное исследование тематических групп слов, выражающих определяющий компонент в устативных компаративных конструкциях (на материале польского и эстонского языков)»; *К. Тедер*. «Из истории полонистики в Эстонии перед Второй мировой войной»; *О. Шлыткина*. «Пословично-поговорочные структуры в сравнительном рассмотрении (на материале чешского и русского языков)»; *И. Ягинцева*. «Кашубско-словинское наречие в научных исследованиях Александра Федоровича Гильфердинга и Фридриха Лоренца»; *Ирина Колесникова*. «Русские православные издания в Эстонии (1918–1940)»; *Ольга Столярова*. «Выпускники Тартуского ун-та Андрей Яковлев и Федор Матушевский».

24–30 июня: На базе Лингвистического центра С.-Петербургского ун-та состоялось международное научное совещание «История русского языкознания» и работа круглого стола «Советское языкознание 1920–1930-х гг.». С докладом «‘Точное языкознание’ Я. Линцбаха: невестребованные идеи в довоенной советской лингвистике?» выступил проф. *А. Д. Дуличенко*. Намечен проект по созданию истории русского языкознания XVIII–XX вв. с участием представителей С.-Петербургского, Лозаннского, Тартуского (проф. *А. Д. Дуличенко*) ун-тов и Международной Академии наук Сан-Марино.

1 июля: В дер. Кочки недалеко от Ясной Поляны (Россия) был погребен в семейном склепе Толстых правнук Льва Николаевича акад. *Никита Ильич Толстой*. 30 июня в Москве в церкви Всех скорбящих радости на Большой Ордынке состоялось отпевание покойного. На похоронах присутствовал ученик акад. *Н. И. Толстого* проф. *А. Д. Дуличенко*.

июль, август: На курсах славянских языков обучались студенты: *К. Тедер* (Краковский ун-т, Польша), *И. Ягинцева* (Гданьский ун-т, Польша). Ассистент *М. Кырвель* стажировалась в Карловом ун-те (Прага, Чехия).

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, экстраорд. проф. др. *С. Г. Исаков* (0,5 ставки), ассистент *М. Кырвель*.

вель, почасовой преподаватель И. Сорока; приглашенные из Польши проф. др. Я. Левандовский и лектор Р. Скиншинская-Левандовская. Начали свое обучение в магистратуре И. Ягинцева и О. Шлыткина.

С 1996/1997 уч. года магистрант И. Ягинцева находилась на стажировке в Гданьском ун-те (Польша).

7–8 сентября: На состоявшейся в Таллине научно-практической конференции «Русский язык, образование на русском языке и русская культура в Эстонской Республике» проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Размышления о будущем русской культуры в Эстонии».

25–28 сентября: На международной конференции «Модернизация словарного состава языков европейских меньшинств», организованной Серболужицким институтом (Баутцен – Будышин, Германия), с докладом «Современные славянские литературные микроязыки: функциональный статус и проблемы развития словаря» выступил проф. А. Д. Дуличенко.

25–29 сентября: На проводившемся в Тарту и Таллине международном семинаре «Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация» проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Русский писатель в Эстонской республике (творчество Вл. Гушица)».

1–3 октября: Проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «К проблеме культурной интеграции русских в Эстонии (1918–1940)» на международной научной конференции «Русские Прибалтики: механизмы культурной интеграции (до 1940 г.)» (Вильнюс, Литва).

7–10 октября: В Варшаве (Польша) на международной научной конференции «Феномен балтославянского культурного взаимодействия в историческом и современном аспектах» проф. С. Г. Исаков прочел доклад «Русская литература Эстонии 1920–1930-х гг. как феномен литературного и культурного пограничья».

8 октября: 65-летний юбилей проф. С. Г. Исакова. К этой знаменательной дате была приурочена презентация подготовленных юбиларом изданий «Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы для биобиблиографического словаря. I том (до 1940 г.)» и «Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки».

14–15 октября: На заседании президиума Международного комитета славистов (МКС) в Дрездене членом МКС избран проф. А. Д. Дуличенко.

18–20 октября: Проф. А. Д. Дуличенко выступил в Тарту с докладом «Сербско-хорватский язык: сербский, хорватский, боснийский, черногорский — распад договорного языка?» на научной конференции «Родной язык и другие языки. II».

21 октября: На кафедре состоялся поэтический вечер, посвященный лауреату нобелевской премии польской поэтессе В. Шимборской. Организаторы вечера — проф. Я. Левандовский и лектор Р. Скиншинская-Левандовская.

25–27 октября: На международном коллоквиуме «Русские меньшинства в прибалтийских странах. Национальная идентичность и гражданская лояльность» (Любек-Травемюнде, Германия) с докладом «Между ассимиляцией, адаптацией и сохранением самостоятельности. Юриди-

ческая и культурная ситуация русских меньшинств в прибалтийских странах. Эстония» выступил проф. С. Г. Исаков.

30 октября: 55-летие проф. А. Д. Дуличенко.

1 ноября: Состоялась лекция почетного профессора Тартуского ун-та *Илзе Лехисте* (Ун-т в Охайо, США) «Просодия в сербско-хорватском языке».

1 декабря: В честь 77-летия эстонского ун-та и высшего образования на эстонском языке проф. С. Г. Исакову была вручена медаль Тартуского ун-та.

2 декабря: Кафедру посетил посол Польской Республики в Эстонии *Я. Воланевич*.

5 декабря: Состоялась лекция проф. др. *Райнхарда Лауэра* (Геттингенский ун-т, Германия) «А. Шлецер и славистика». Проф. Лауэр посетил Тарту также в связи с подготовкой к изданию в Германии произведений учившегося в Геттингенском ун-те и затем работавшего в Тартуском ун-те А. С. Кайсарова (1811–1812).

6 декабря: Состоялась защита бакалаврских работ: *А. Федорова*. «Наблюдения над праславянским лексическим наследием в чешском языке» и *Я. Силлавере*. «О рецепции чешской литературы в Эстонии».

6–7 декабря: В Лунде (Швеция) проф. С. Г. Исаков принял участие в работе круглого стола «Inter-Ethnic Relations in Estonia», где был заслушан совместный доклад проф. С. Г. Исакова и *Яака Авикусоо* «Education. Comments».

18 декабря: В Научной библиотеке Тартуского ун-та открылась выставка «Потерянное детство», посвященная польским детям, оказавшимся в Сибири. Организатор выставки — посольство Польской Республики в Эстонии.

1997²

Проф. А. Д. Дуличенко включен в состав редколлегии научной серии Тернопольского педагогического ун-та *Slavica Tarnopolensia* (Украина) и международного журнала *Russian Linguistics* (Геттинген – Дордрехт, Германия – Голландия).

Проф. А. Д. Дуличенко избран членом Кашубского института (Гданьск, Польша).

В 1997 г. кафедра славянской филологии Тартуского ун-та получила 2 гранта для разработки двух научных проектов:

- 1) «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике в 1918–1940-е гг.: культурные и интеграционные процессы» (руководитель проекта — проф. С. Г. Исаков);
- 2) «Русское меньшинство Причудья Эстонии: язык, традиционная культура, соседство народов» (руководитель проекта — проф. А. Д. Дуличенко).

14 января: В Научной библиотеке Тартуского ун-та открылась выставка «Общество русских студентов в Дерптском (Тартуском) ун-те», организованная магистрантом кафедры славянской филологии *Н. Синдеукой*.

10 февраля: На совете отделения русской и славянской филологии утверждена ставка ассистента кафедры славянской филологии (за счет 0,5 ставки экстраординарного профессора). Ставку заняла магистрант кафедры *И. Сорока*, проработавшая до этого один семестр в качестве почасового преподавателя.

17 февраля: Защита первой по кафедре славянской филологии магистерской диссертации *О. Кустовой* «Славистическая деятельность и труды профессора Н. К. Грунского в Тарту (Юрьеве) в 1903–1915 гг. (Очерки истории славяноведения в Тарту)»; научный руководитель — проф. *А. Д. Дуличенко*; официальные оппоненты — проф. *С. В. Смирнов* (Тарту) и доц. *Наталья Алексеевна Нечунаева* (Таллин).

20 февраля: Магистрант *Н. Синдецкая*, занявшая II место в республиканском конкурсе студенческих научных работ, получила премию за работу на степень бакалавра «Русская культурная жизнь в Тарту. 1920–1930-е гг.».

апрель – июнь: В качестве приглашенного профессора *А. Д. Дуличенко* участвовал в работе Семинара славянской филологии Геттингенского ун-та (Германия), читал лекции «История русского литературного языка», «Русский язык конца XX столетия» и «Славянские литературные микроязыки».

9 апреля: Переезд кафедры в здание «Общественных наук» (или «Marksumaja»). Наш новый адрес: Юликооли, 16, ком. 111–112.

25–27 апреля:

1) В Юрмале (Латвия) состоялся международный семинар «Русские Балтии: образование как культурное наследие и форма интеграции. Диалог с государством». С докладом «Проблемы русского образования в Эстонии» выступил проф. *С. Г. Исаков*.

2) В Тарту проведена международная конференция молодых филологов. С докладом «Н. К. Грунский и изучение синтаксиса славянских языков» выступила магистр *О. Кустова*, с докладом «О категории отрицания в структуре простого пословичного предложения и суждения» — магистрант *О. Шлыккина*.

5–6 мая: На состоявшемся в Тарту семинаре «Место образования в процессе интеграции в эстонское общество» с докладом «О положении с русским высшим образованием в Эстонии» выступил проф. *С. Г. Исаков*.

12–13 мая: В Люблине (Польша) состоялся симпозиум «Поляки в Эстонии», который был организован Люблинским католическим ун-том. С докладами на симпозиуме выступили четыре представителя кафедры славянской филологии Тартуского ун-та: 1) проф. *С. Г. Исаков*. «Русское национальное меньшинство в Эстонии сегодня»; 2) проф. *А. Д. Дуличенко*. «Odradzenie się studiów polonistycznych na Uniwersytecie w Tartu (Dopracie)»; 3) проф. *Я. Левандовский*. «Polacy — doktorzy honoris causa Uniwersytetu w Tartu w XX. w.»; 4) лектор *Р. Скиньская-Левандовская*. «Z doświadczeń nauczyciela polonisty na Uniwersytecie w Tartu».

6 июня: Защита бакалаврских работ: *Урве Адамс*. «Отделение русской филологии в 1947–1952 г.»; *Бэлла Проос*. «Карл Готтлоб Антон и его славистические исследования».

18 июня: По приглашению кафедры славянской филологии в Трирском ун-те (Германия) состоялись лекции проф. А. Д. Дуличенко по русско-славянскому языкознанию.

19 июня: В Институте славистики Ун-та г. Саарбрюкена (Германия) состоялась лекция проф. А. Д. Дуличенко по русскому языку.

июнь: Проф. С. Г. Исаков выступил в Архиве Польской Академии наук в Варшаве с докладом «Польские материалы в архивах Эстонии».

июнь: Проф. А. Д. Дуличенко избран действительным членом New York Academy of Sciences.

июль, август: Несколько студентов и магистрантов обучались в летних школах языков в Чехии (*Пиргит Лауритс, Кристина Мянд, Аге Петерсон, И. Сорока, Елена Шувалова, Сийри Воми*) и Польше (*Эве Альте, Моника Эльвест, М. Корка, Кая Тамм*).

31 августа – 5 сентября: Лектор М. Кырвель принимала участие в работе VIII семинара переводчиков, организованного Союзом чешских писателей для иностранных богемистов в Праге (Чехия).

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. А. Д. Дуличенко, проф.-эмеритус др. С. Г. Исаков, лектор М. Кырвель, ассистент И. Сорока, приглашенные из Польши проф. др. Я. Левандовский и лектор Р. Скишинская-Левандовская (Люблинский ун-т). В магистратуру поступила А. Федорова.

10 сентября – 24 октября: По приглашению кафедры украинистики Ун-та в Торонто (Канада) проф. А. Д. Дуличенко прочел там курс лекций, а также занимался изучением архивных материалов, посвященных истории литературы и языка Подкарпатской Руси.

14 октября: На кафедре славянской филологии состоялась встреча преподавателей и студентов-полонистов с председателем Фонда «Помощь полякам на Востоке» Тадеушем Самборским, который обещал содействие в укомплектовании польской библиотеки кафедры.

10 ноября: Проф. А. Д. Дуличенко избран действительным членом International Academy of Sciences and Art (Москва).

13–14 ноября: На проходившей в Варшаве международной научной конференции «Русская литература в эмиграции. Новые исследования по истории русской литературы» выступили с докладами: проф. С. Г. Исаков. «Русская литература в Эстонии и Вторая мировая война» и магистрант Н. Синдецкая. «История русского театра в Эстонии в 1920–1930-е гг.».

14–16 ноября: Проф. А. Д. Дуличенко выступил с докладом «Формы существования русского языка в Эстонии: проблемы изучения» на конференции «Язык диаспоры: проблемы и перспективы», организованной кафедрой русского языка Тартуского ун-та.

5 декабря: На научной конференции, посвященной 365-летию Тартуского ун-та и 78-летию эстонского ун-та, выступил с докладом «Новые материалы о польских студентах в Тартуском ун-те» проф. С. Г. Исаков.

10 декабря: Кафедру посетил выходец из Подкарпатской Руси Тибор Тиборович Попович, ныне живущий в Будапеште. Состоялся разговор о русинском движении в Венгрии.

декабрь:

- 1) Кембриджский Международный биографический центр присвоил проф. *А. Д. Дуличенко* почетное звание «International Man of the Year 1997».
- 2) Проф. *А. Д. Дуличенко* стал также лауреатом премии имени М. Кочиша (Новый Сад, Югославия) за исследования по языку, литературе и культуре русин Югославии.

1998

Издан 4-ый том серии *Slavica Tartuensia: Языки малые и большие ... In memoriam acad. N. I. Tolstoi. Tartu, 1998, 317 с.*

Во II семестре проф. *А. Д. Дуличенко* был прочитан спецкурс «История русского языковедения новейшего времени (философские основы советского языковедения 20–30-х гг. XX в.)». Параллельно такой же курс читался проф. *Патриком Сервио* в Лозаннском ун-те (Швейцария).

Геттингенской Академией наук издана первая кашубская грамматика *Ф. Цейновы*, рукопись которой была обнаружена проф. *А. Д. Дуличенко* в архиве РАН в С.-Петербурге: *F. Ceynowa. Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache, als Entwurf zur Grammatik. Hrsg., eingel. und komment. von A. D. Duličenko und W. Lehfeldt. Göttingen, 1998, XI, 151 S.*

февраль:

- 1) Фонд «Помощь полякам на Востоке» преподнес в дар кафедре славянской филологии компьютер с принтером, а также телевизор и видеомагнитофон.
- 2) На кафедре славянской филологии начат цикл «Польских вечеров» (просмотр фильмов, телепередач, дискуссии на польском языке), организованных лектором польского языка *Р. Скришиньской-Левандовской* и проф. *Я. Левандовским*.

12 марта: Проф. *А. Д. Дуличенко* оппонировал по докторской диссертации *В. Ф. Аскоческой* «Семантико-синтаксические функции и синонимика модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом (на материале польского, русского и украинского языков)» (специальность 10.02.03 — славянские языки и 10.02.01 — русский язык). Защита состоялась в Воронежском ун-те (Россия).

17 марта: На кафедре состоялась встреча с послом Польской Республики *Я. Волансевицем* и другими представителями польского посольства.

25 марта: В аудитории имени *И. А. Бодуэна де Куртенэ* в главном здании Тартуского ун-та состоялась встреча посла Польской Республики *Я. Волансевица* со студентами, изучающими польский язык в Тарту.

16–24 апреля: По приглашению кафедры восточнославянских языков и балтийской филологии Будапештского ун-та (Венгрия) проф. *А. Д. Дуличенко* прочел ряд лекций по русскому языку. **24 апреля** он посетил Организацию русин в Венгрии, где имел беседу с ее председателем поэтами *Г. Гаттингером* и *Ю. Кишиш*, а также *Т. Т. Поповичем*.

17 апреля: Проф. *С. Г. Исаков* прочел доклад «Проблемы получения образования представителями национальных меньшинств в Эстонии и законодательство» на семинаре «Эстонское образование: практические вопросы и перспективы», проходившем в Институте имени *Я. Тыннисона* в Таллине.

30 апреля: На проходившей в Таллине международной конференции «Русские Балтики: интеграция и мультикультурность» состоялось выступление проф. *С. Г. Исакова* с докладом «О мультикультурности Эстонского общества: прошлое и настоящее».

24–26 апреля: На тартуской международной научной конференции молодых филологов выступили: магистранты *Н. Синдецкая* с докладом «Становление русского театра в Эстонии: 1919–1921 гг.», *О. Шлыккина* с докладом «О некоторых типах окказионального употребления пословиц (на материале русской прозы XX в.)» и студент IV курса *Александр Шиндяпин* «Принципы выведения именных парадигм из текстов на ляшском литературном языке».

13–15 мая: Выступление проф. *А. Д. Дуличенко* с докладом «Н. И. Толстой и резьянина. (К открытию «Резьянского словаря» И. А. Бодуэна де Куртенэ)» в Институте славяноведения РАН (Москва) на конференции «Слово и культура», посвященной 75-летию акад. Н. И. Толстого. 15 июня участники конференции посетили могилу Н. И. Толстого в дер. Кочаки около Ясной Поляны.

23 мая: На состоявшейся в Нарве международной конференции, посвященной 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ, выступили: проф. *С. Г. Исаков* с докладом «Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии в истории культуры русского зарубежья 1920–1930-х гг.» и студентка *Е. Шувалова* с докладом «Русские культурно-просветительные общества в Принаровье в 1920–1930-е гг.».

29 мая: На отделении русской и славянской филологии состоялась презентация новых изданий кафедры славянской филологии:

1) Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi (Slavica Tartuensia IV). Tartu, 1998. Редактор и автор ряда статей — проф. *А. Д. Дуличенко*. Первая презентация этой книги прошла в Москве (Россия).

15 мая в РАН на конференции «Слово и культура», которая была посвящена 75-летию акад. Н. И. Толстого.

2) Slavia. Tartu Ülikooli slaavi filoloogia õppetooli väljaanne, Tartu, 1998, № 2. — Второй выпуск студенческого журнала «Slavia». Авторы большинства публикаций — студенты, магистранты и преподаватели кафедры славянской филологии. Редактор выпуска — ассистент, магистрант *И. Сорока*.

11 июня: Защита бакалаврских работ: *Э. Альте*. «Польская литература в эстонских переводах в 1888–1920 гг.»; *М. Корка*. «Из польско-кашубских ономастических параллелей (на материале «Польско-кашубского словаря» Яна Трепчика)»; *Марина Третьяк*. «Некоторые грамматические аспекты оригинала и перевода (на материале рассказа И. А. Бунина «В Париже» и его чешского перевода)»; *М. Эльвест*. «Польская и кашубская лексика в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787–1789; 1790–1791)».

28 июня: Защита магистерской диссертации *И. Голинской (Ягинцевой)* «Александр Федорович Гильфердинг и его исследования кашубов и кашубско-словинского наречия»; научный руководитель — проф. *А. Д. Дуличенко*; официальные оппоненты — проф. *С. В. Смирнов* (Тарту), др. *Марек Цибульский* (Гданьск, Польша).

июль, август: В летних школах славянских языков обучались: магистрант *О. Шлыткина* (Любляна, Словения), студенты *Татьяна Белова, Мария Житинская, Юлия Шкурат* (Люблин, Польша).

27 августа – 2 сентября: В Кракове (Польша) состоялся XII Международный съезд славистов. От НКСЭ на Конгрессе выступили: проф. *А. Д. Дуличенко* и доц. Таллинского педагогического ун-та *Н. А. Нечунаева*. Проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом «Языки малых этнических групп: генезис, статус, проблемы выживания». **29 августа** проф. *А. Д. Дуличенко* принял участие в заседании Международного Комитета Славистов и был избран членом Комиссии по славянским литературным языкам.

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, проф.-эмеритус др. *С. Г. Исаков*, лектор *М. Кырвель*, ассистент *И. В. Сорока*, приглашенный из Польши лектор *Веслав Стефаньчик* (Краковский ун-т). Поступила в магистратуру *М. Третьяк*.

13 октября: Проф. *А. Д. Дуличенко* ознакомил преподавателей отделения русской и славянской филологии ТУ с программой и результатами работы Международного съезда славистов в Кракове, выступив с докладом «XII Международный съезд славистов в Кракове и развитие современной славистики».

24–26 октября: На проходившем в Тарту X-ом осеннем семинаре «Человек и язык (прагматический аспект исследования языка)» проф. *А. Д. Дуличенко* прочел доклад «Слова и люди: к смене лексических парадигм и их составляющих в русском языке XX столетия».

3 ноября: На кафедре состоялась встреча с послом Чешской республики в Финляндии и Эстонии *Радеком Пехом*. Посол был проинформирован об учебном плане по специальности «Чешская филология», встретился со студентами, изучающими чешский язык в Тартуском ун-те, и обещал свое содействие в вопросе обеспечения студентов учебной литературой. В Научной библиотеке Тартуского ун-та посол *Р. Пех* открыл выставку современной чешской графики.

11 ноября: Зав. кафедрой славянской филологии проф. *А. Д. Дуличенко* и другие преподаватели приглашены в Польское посольство в Таллин на празднование 80-летия со дня основания Польской Республики.

27 ноября: Проф. *С. Г. Исаков* выступил с докладом «О первом украинском обществе в Эстонии» на международной конференции «100-летие украинских обществ в Эстонии», проходившей в Таллине при поддержке Украинских культурных обществ Эстонии и посольства Украины в Эстонии.

8 декабря: На кафедре состоялась ставшая уже традиционной встреча с послом Польской республики в Эстонии *Я. Волансевицем*.

11 декабря: Защита бакалаврских работ: *А. Шиндяпин*. «К определению графической и морфологической систем ляшского литературного языка Ондры Лысогорского».

14 декабря: В Таллине на семинаре, посвященном интеграционному проекту «Программа открытого обучения», проф. *С. Г. Исаков* прочел доклад «Русское (иноязычное) образование и его место в деятельности Русской фракции в Рийгигогу. Цели. Пути разрешения. Проблемы».

16 декабря: В Научной библиотеке Тартуского ун-та организована выставка, посвященная 200-летию великого польского поэта А. Мицкевича. На открытии выставки присутствовал посол Польской Республики Я. Волансевич.

18 декабря: Защита магистерской диссертации И. Сорока «Роль чешской лексики в этимологизации слов русского языка (На материале «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера)»; научный руководитель — проф. А. Д. Дуличенко; официальные оппоненты — проф. С. В. Смирнов (Тарту), доц. Юрий Сергеевич Кудрявцев (Тарту).

1999

Проф. А. Д. Дуличенко избран членом редколлегии научной серии Вильнюсского ун-та *Slavica Vilnensis* (Литва).

В издательстве Otto Sagner Verlag (Мюнхен, Германия) вышла книга проф. А. Д. Дуличенко «Этносоциоллингвистика 'перестройки' в СССР. Антология запечатленного времени».

15 февраля: Научный семинар на кафедре славянской филологии. Доклад докторанта Марка Бермана (Калифорнийский ун-т, Беркли, США) «Развитие фиксированного ударения в славянских языках: пример македонских диалектов».

23 февраля: Научный семинар на кафедре. Доклад проф. А. Д. Дуличенко «Глагольные отделяемые наречия-приставки в славянском, германском и финно-угорском как объект контактной грамматики».

15 марта – 4 апреля: Стажировка проф. А. Д. Дуличенко в Институте славистики Польской Академии наук (Варшава); **30 марта** проф. А. Д. Дуличенко выступил с лекцией-докладом «Из истории славистики и полонистики в Дерптском (Тартуском) ун-те».

21 марта: Состоялась лекция проф. А. Д. Дуличенко по славянскому языкознанию в Институте польской филологии Опольского ун-та (Польша).

27 марта: В Кашубском институте в Гданьске (Польша) состоялась лекция-доклад проф. А. Д. Дуличенко «О рукописи первой кашубской грамматики Ф. Цейновы и иных кашубских архивных находках».

5 апреля: Международной комиссией проведена аккредитация отделения русской и славянской филологии. Кафедра славянской филологии (как и все отделение) с успехом выдержала этот экзамен.

15–19 апреля: Проф. А. Д. Дуличенко выступил с докладом «Литературный язык бачских русин: опыт векового развития» на II международном научном семинаре по русинскому языку, проходившем в Ун-те Прешова (Словакия).

17 апреля: Проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Рецепция творчества Пушкина в странах Балтии» в Стэнфордском ун-те (США) на международной конференции «Alexander Pushkin and Humanistic Study. Methodological Assumptions, Issues of Translation, East-West Dialogue».

20 апреля: Проф. А. Д. Дуличенко посетил градищанских хорватов в Австрии и выступил в Научном институте градищанских хорватов (Эйзенпгадт/Железно) с лекцией-докладом «Izmael Sreznjevski — istraživač kod Gradišćanskih Hrvatov».

21 апреля: В Институте языкознания Словацкой Академии наук в Братиславе состоялся доклад-лекция проф. *А. Д. Дуличенко* о малых языках современной Славии.

23–25 апреля: На международной научной конференции молодых филологов в Тарту выступили: магистрант *М. Третьяк* с докладом «Некоторые аспекты выражения категории поссесивности в чешском и русском языках (на материале перевода прозы И. А. Бунина)», студенты IV курса *Лиана Пеганова* с докладом «Некоторые особенности чешских указательных местоимений в переводе художественного текста», *Э. Романчик* с докладом «О некоторых особенностях существительных на *-stw(o)* польского и кашубского языков».

18 мая: Научный семинар на кафедре. Тема семинара — «Новейшие процессы в славянских языках: чешский язык. Обсуждение новейших научных изданий». Сообщения подготовили ассистент *И. Сорока*, магистранты *М. Третьяк* и *А. Федорова*.

29 мая – 2 июня: На проходившей в С.-Петербурге и Москве (Россия) международной конференции «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века» с докладом «Рецепция творчества Пушкина в странах Балтии» выступил проф. *С. Г. Исаков*.

15 июня: Защиты бакалаврских работ: *Л. Пеганова*. «Сравнительное изучение указательных местоимений, а также слов-артиклей в русском и чешском языках»; *Э. Романчик*. «Из польско-кашубских сопоставлений (на материале *nomina abstracta* на *-osc, -stwo, -two*)».

июль, август: Летние курсы языков в славянских странах посетили: магистрант *М. Третьяк* (Братислава, Словакия), студенты *Э. Романчик* (Краков, Польша), *Анастасия Авдеева*, *Т. Белова*, *Ирина Табакова* (Люблин, Польша).

30 августа – 4 сентября: Ассистент *М. Кырвель* принимала участие в работе семинара переводчиков, организованного Союзом чешских писателей для иностранных богемистов в Праге (Чехия).

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, проф.-эмеритус др. *С. Г. Исаков*, лектор *И. Сорока*, ассистент *М. Кырвель*, приглашенный из Польши лектор *В. Стефаньчик* (Краковский ун-т). Начали свое обучение в магистратуре *Э. Романчик* и *А. Шиндятин*. В 1999/2000 уч. году в Карловом ун-те (Прага, Чехия) обучалась студентка *Рийна Полтан*.

13–15 сентября: Состоялись лекции профессора Геттингенского ун-та (Германия) *Вернера Лефельдта*: 1) «Славистика в современной Германии»; 2) «Из дипломатической переписки османских султанов и великих моравских князей: лингвистический аспект»; 3) «Проект русской акцентологии».

6 октября: Кафедра славянской филологии переехала в «Здание языков» на Юликооли, 18а, ком. 313, 315.

8–10 октября: Выступление магистранта *О. Шлыпкиной* с докладом «Традиции русско-чешской паремииологии: к вопросу о создании словаря чешских и русских пословиц и поговорок» на II Международном научном семинаре молодых филологов, посвященном 80-летию Галлинского педагогического ун-та.

28 октября: Торжественное открытие кабинета польской филологии на отделении русской и славянской филологии (Юликооли, 18а, Здание языков, ауд. 103; через год кабинет был переведен в ауд. 201). На церемонию открытия приглашены представители посольства Польской Республики, а также консул Эстонской республики в Польше *С. Маттеус*, выпускница отделения русской и славянской филологии Тартуского ун-та.

9 ноября: Научный семинар на кафедре. Доклад докторанта *Силларда Тота* (Будапештский ун-т – Тартуский ун-т, Венгрия – Эстония) «Славянские заимствования и их роль в процессе отпадения конечных гласных в венгерском языке».

10 декабря: Защита бакалаврских работ: *Наталья Бушманова*. «Сопоставительный анализ существительных с суффиксом *-тель/-tel* в русском и чешском языках».

14 декабря: Начало свою работу студенческое научное общество «Славянские мощи». Организатор проекта — магистрант *Э. Романчик*, участники — студенты и магистранты кафедр славянской филологии и русского языка. Тема первого открытого заседания — «Святочный период у южно- и западнославянских народов (краткий обзор)». Заседания общества «Славянские мощи» проходили два раза в месяц в течение полтора лет.

2000

21 января: Магистрант *Э. Романчик* и студентка IV курса *А. Чернышова* (*Авдеева*) дали интервью журналистам Польского телевидения, готовившим программу «Поляки на Востоке».

3–5 февраля: Проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом «Русские недисперсные языковые массивы Эстонии: проблемы и перспективы изучения» на III международном семинаре «Язык диаспоры: проблемы и перспективы», проходившем в Латвийском ун-те в Риге (Латвия).

26–27 февраля: Выступления проф. *С. Г. Исакова* с докладом «Проблемы изучения истории русского национального меньшинства в Эстонии. (Итоги исследований)» и студентки IV курса *Е. Шуваловой* с докладом «Начальный этап деятельности РСХД в Эстонии» на конференции «Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее», организованной Русским исследовательским центром в Эстонии.

20–21 марта: Состоялись лекции проф. *Розанны Бенакьо* (Ун-т в Падуе, Италия): 1) «Резьянско-словенский диалект Северной Италии: основные морфосинтаксические особенности, роль и значение романского влияния»; 2) «Императив и вид (на материале русского и других славянских языков)». Проф. *Р. Бенакьо* выступила также на научном семинаре кафедры с докладом об изучении резьянского диалекта.

22 марта: В зале Ученого Совета Тартуского ун-та состоялась презентация книги, вышедшей под редакцией проф. *С. Г. Исакова* и проф. *Я. Левандовского*, «Тартуский ун-т и поляки»: *Uniwersytet w Tartu a Polacy. Rola doradczyków w polskiej nauce, kulturze i polityce XIX i XX wieku. Pod red. S. G. Isakowa i J. Lewandowskiego. Lublin, 1999.*

7 апреля: Проф. *С. Г. Исаков* выступил в Тарту с докладом «Русская книга в Эстонии 1918–1940-х гг.» на конференции «Роль книги в развитии Эстонии», посвященной году эстонской книги.

18 апреля: Научный семинар на кафедре. Доклад проф. *А. Д. Дуличенко* «О состоянии русского языка в современной Эстонии».

27–29 апреля: Выступление лектора *И. Сорока* с докладом «Роль эксклюзивных лексических связей в этимологии (на материале русско-чешских лексических параллелей)» на проходившей в Риге в Латвийском ун-те I международной конференции молодых филологов.

28–30 апреля: На тартуской международной конференции молодых филологов выступили: магистранты *Э. Романчик* с докладом «Что такое **prosinьsь*?», *М. Третьяк* с докладом «Система предлогов ляшского литературного языка (на фоне родственных языков)», *А. Шиндяпин* с докладом «К принципам описания системы ляшского глагола», студентки III курса *Анна Галкина* с докладом «К проблеме возникновения межъязыковых омонимических отношений (на материале русского и чешского языков)», *Людмила Рябова* с докладом «К вопросу о трансформации реалий в переводе (на материале чешских переводов произведений А. П. Чехова)» и *Ирина Соколова* с докладом «К проблеме перевода русских причастий и причастных оборотов на чешский язык (на материале произведений русской художественной литературы и их чешских переводов)».

12 мая: На проводившемся в Таллине семинаре «Проблемы и пути развития интеграционных процессов в эстонском обществе» проф. *С. Г. Исаков* прочел доклад «Первый опыт интеграции: русские в Эстонии в 20–30-е годы».

13 мая: Преподаватели и студенты кафедры славянской филологии были приглашены посольством Польши в Эстонии на премьерный показ фильма режиссера А. Вайды «Пан Тадеуш».

12–13 июня: Защита бакалаврских работ: *Татьяна Александрова*. «Чешская и словацкая лексика в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787–1789, 1790–1791 гг.)»; *К. Тамм*. «Польский язык в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ»; *К. Мянд*. «Постановки пьес чешских авторов на эстонской сцене»; *Моника Отрокова*. «Творчество Милана Кундеры: переводы и их рецепция в эстонской прессе».

12–30 июня: Лектор *И. Сорока* находилась на стажировке в С.-Петербургском ун-те (Россия).

июль, август: В летних школах славянских языков обучались магистранты *Э. Романчик* (Познань, Польша), *А. Шиндяпин* (Братислава, Словакия), студенты *Вероника Пыльдмаа*, *Наталья Рыжикова* (Люблин, Польша), *Наталья Чумакова* (Катовице, Польша), *Катри Пийскоп*, *Алина Цветкова* (Вроцлав, Польша), *Елена Левочка*, *Юлия Недорезова* (Торунь, Польша), *Светлана Матвеева* (Лодзь, Польша), *Варвара Петрова* (Брно, Чехия).

24–29 июля: На проходивший в Люблине (Польша) III международный конгресс по диалектологии и геолингвистике проф. *А. Д. Дуличенко* представил доклад «Из островной диалектологии. Русские старообрядческие говоры Причудья Эстонии».

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. А. Д. Дуличенко, проф.-эмеритус др. С. Г. Исаков, лектор И. Сорока, ассистент М. Кырвель, ассистент А. Шувалова (временная ставка), приглашенный из Польши лектор Магдалена Василевская (Познаньский ун-т). Начали свое обучение в магистратуре К Мянд и С. Вомм.

В 2000/2001 уч. году студентка Р. Полтан проходила обучение в Ун-те им. Ф. Рабле (Париж, Франция). С этого же учебного года в Ун-те Пльзни (Чехия) обучалась студентка П. Лауритс.

6 сентября: Декану философского факультета кафедрой славянской филологии подана заявка о необходимости расширения кафедры за счет введения преподавания литовского и латышского языков, а также курсов по балгийской филологии.

25–27 сентября: На организованную Польской Академией наук и Институтом славистики в Варшаве конференцию «Иновационные процессы в славянских языках» проф. А. Д. Дуличенко представил доклад «Феномен *lingua ruthenica* в современном славянском мире (текущий момент)».

13–14 октября: Проф. А. Д. Дуличенко прочел доклад «Из архивных кашубологических находок в России (первая кашубская грамматика и другие документы XVIII–XIX вв.)» на научной конференции «Кашубологические исследования в XX в.», организованной Гданьским ун-том и Кашубским институтом (Польша).

20 октября – 1 декабря: Стажировка магистранта Э. Романчик в Гданьском ун-те (Польша).

26–27 октября: На проходившей в Институте славистики Дрезденского Технического ун-та (Германия) научной конференции «Возможности и границы стандартизации славянских литературных языков в современных условиях» проф. А. Д. Дуличенко выступил с докладом «Славянские литературные микроязыки: проблемы кодификации и языковая практика».

27 октября: Проф. А. Д. Дуличенко участвовал в заседании Комиссии по славянским литературным языкам при Международном комитете славистов, на котором обсуждались актуальные проблемы, требующие изучения в международном масштабе (Дрезден, Германия).

19 ноября: Проф. С. Г. Исаков выступил в Нарве с докладом «Русская периодическая печать в Нарве в 1922–1940-е гг.» на конференции «Нарва в зеркале истории», организованной при поддержке Шведского института в Стокгольме (Швеция).

28 ноября: В Институте славистики (кафедра украинистики) Грейфсвальдского ун-та (Германия) состоялась лекция проф. А. Д. Дуличенко по славянскому языкознанию.

15 декабря: Состоялась выставка, посвященная жизни и творчеству создателя ляшского литературного языка и поэта О. Лысогорского. Организаторы выставки — магистранты М. Третьяк и А. Шиндяпин.

2001

12 января: Защита магистерской диссертации О. Шлыткиной «Русские и чешские пословично-поговорочные структуры в сравнительном освещении».

шении»; научный руководитель — проф. *А. Д. Дуличенко*; официальные оппоненты — доц. *Эда Александровна Вайгла* (Тарту) и лектор *И. Сорока* (Тарту).

25–26 января: Выступление с докладом «К вопросу о становлении чешской лексикографии (конец XVIII – первая половина XIX вв.)» лектора *И. Сорока* на XI научных чтениях Даугавпилсского педагогического ун-та (Латвия).

15 февраля: Открытие в Научной библиотеке Тартуского ун-та выставки, посвященной 10-летию польского движения «Солидарность». На мероприятии присутствовал посол Польши в Эстонии *Я. Волансевиц*.

16–18 февраля: На проходившем в Таллине международном научном семинаре молодых филологов «Семантика и картина мира» прочла доклад «К вопросу о передаче имен собственных при переводе текстов художественной литературы (на материале чешских переводов произведений А. П. Чехова)» студентка IV курса *Л. Рябова*.

20 февраля: Научный семинар на кафедре. Доклад магистранта отделения эстонской и финно-угорской филологии Тартуского ун-та *Петера Кехайова* (Болгария) «Опыт составления первого болгарско-эстонского словаря (лексикографические проблемы)».

28 февраля – 2 марта: Выступления лектора *И. Сорока* с докладом «Развитие чешской лексикографии в период национального Возрождения: традиции и новаторство», магистранта *Э. Романчик* с докладом «Проблемы этимологизации славянского календаря: *prosinьсь», студентов IV курса *Л. Рябовой* с докладом «Трансформация единиц измерения при переводе (на материале переводов рассказов А. П. Чехова на чешский язык)» и *Романа Абисогомяна* с докладом «О влиянии идей евразийства на творчество В. Е. Гущика» на II-ой международной научной конференции молодых филологов в Риге (Латвия).

6 марта: В Нарвском колледже Тартуского ун-та состоялась презентация книги «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)», вышедшая под редакцией проф. *С. Г. Исакова*.

13 марта: Лекция-доклад проф. *А. Д. Дуличенко* «Письменность и литературные языки Подкарпатской Руси в прошлом и сейчас» для сотрудников Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

13–16 марта: Проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом «Русский язык ‘после Союза’: взгляд издалека» на организованной Московским ун-том (Россия) I-ом международном научном конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность».

22–23 марта: На международной научной конференции «Языкознание в начале XXI в», организованной Самаркандским ун-том (Узбекистан), был заслушан доклад проф. *А. Д. Дуличенко* «Славянский мир на рубеже XX–XXI столетий: проблемы и перспективы больших и малых языков».

апрель: Проф. *А. Д. Дуличенко* избран членом Института Адама Мицкевича в Варшаве.

9 апреля: В малом зале театра «Ванемуйне» состоялось открытие выставки, посвященной 75-ой годовщине со дня смерти польского художника *В. С. Реймонта* (1867–1925), организованной Музеем литературы

имени А. Мицкевича в Варшаве. Также прошла презентация учебника польского языка «*Poola keel. Podręcznik języka polskiego dla Estończyków*» (Варшава, 2000), который был издан при поддержке фонда «Помощь полякам на Востоке». Авторы учебника — Лемми Эрин и преподававший ранее на кафедре славянской филологии Тартуского ун-та лектор польского языка В. Стефаньчик. В мероприятии принял участие посол Польской республики в Эстонии Я. Волансевич.

17 апреля: Научный семинар на кафедре. Доклад лектора И. Сорока «Развитие чешской лексикографии в период национального Возрождения: традиции и новаторство».

20–22 апреля: На международной конференции молодых филологов в Тарту выступили: магистранты К. Мянд с докладом «Рецепция пьес К. Чапека в Эстонии», Э. Романчик с докладом «Кашубские эквиваленты к польским субстантивным словообразовательным моделям на *-ość* и *-stwo*», М. Третьяк с докладом «К вопросу о союзах в ляшском литературном языке», А. Шиндяпин с докладом «Система местоимений ляшского литературного языка» и студенты IV курса Р. Абисогомян с докладом «К вопросу о влиянии евразийства на русскую литературу», А. Галкина с докладом «К вопросу о межъязыковых омонимических отношениях (на материале чешского и русского языков)», М. Житинская с докладом «Об акцентологических особенностях кашубской лексики (на материале записей XIX в. Ф. Цейновы)», В. Петрова с докладом «К сопоставительному изучению семантической мотивации некоторых типов чешских сложных слов и их русских эквивалентов», Л. Рябова с докладом «Художественный перевод в свете динамики языковой ситуации», И. Соколова с докладом «К вопросу о категориальном статусе чешских причастий и проблема их перевода на русский язык».

26–28 апреля: Проф. С. Г. Исаков выступил в Риге (Латвия) с докладом «Русские в Эстонии (1918–1940) как социально-исторический феномен культуры» на международной научной конференции «Русская культура в балтийских странах в межвоенный период (1918–1940)».

18–20 мая: На проходивших в Даугавпилсе (Латвия) VI Славянских чтениях выступил с докладом «Русская литература в Эстонии (1918–1940) как историко-литературный феномен» проф. С. Г. Исаков.

31 мая – 2 июня: Выступление проф. С. Г. Исакова с докладом «Русская литература в Эстонии (1918–1940) как историко-культурный феномен» на проходившем в Тарту объединенном семинаре исследователей русской литературы и культуры Тартуского и Хельсинкского ун-тов «История и историософия в литературном отражении».

13–14 июня: Защиты бакалаврских работ: Алла Войнова. «Русские общества в Таллинне в 1920–1934 гг.»; Андрей Ачкасов. «Некоторые аспекты сопоставительного изучения интернациональных лексем в чешском и русском языках»; А. Галкина. «Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера (на материале чешского и русского языков)»; В. Петрова. «Некоторые типы чешских сложных слов и их русские эквиваленты»; Л. Рябова. «К вопросу о передаче специфических реалий русского традиционного быта при переводе (на материале переводов рассказов А. П. Чехова на чешский язык)»; И. Соколова.

«Сравнительно-сопоставительное изучение чешских и русских причастий в связи с проблемой их перевода»; *И. Табакова*. «Перевод русской фразеологии на польский язык (на материале перевода И. Левандовской и В. Домбровского романа М. Булгакова 'Белая гвардия')»; *А. Чернышова*. «Польские и русские лексемы с префиксом *ne-/nie-*».

июнь – декабрь: Разработка нового учебного плана бакалаврского и магистерского этапов обучения на отделении русской и славянской филологии (модель «3+2»). От кафедры славянской филологии в работе по составлению новой учебной программы приняли участие проф. *А. Д. Дуличенко* и лектор *И. Сорока*.

июль, август: На языковых курсах в славянских странах обучались следующие студенты: *Александра Ощепкова* (Чешске Будейовице, Чехия и Люблина, Словения), *К. Пийскоп*, *Яна Роотслане* (Люблин, Польша).

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, проф.-эмеритус др. *С. Г. Исаков*, лектор *И. Сорока*, ассистент *М. Кырвель*, приглашенный из Польши лектор *Роберт Белецкий* (Познаньский ун-т). Поступила в магистратуру *Л. Рябова*.

В течение 2001/2002 учебного года на отделении русской и славянской филологии магистрант *П. Кехайов* (Болгария) проводил факультативные занятия по болгарскому языку.

На обучении в Краковском ун-те в осеннем семестре 2001/2002 уч. года находилась студентка *Н. Рыжикова*.

В Ун-те г. Брно (Чехия) в течение осеннего семестра стажировались выпускницы кафедры *А. Галкина* и *В. Петрова*.

6–8 сентября: В Париже на организованной Международной комиссией по истории славистики Института славистических исследований и Института восточных языков и цивилизаций научной конференции «Роль институций в истории славистики» проф. *А. Д. Дуличенко* прочел доклад «Архивные источники как освежение и исправление некоторых идей в славистике».

7 сентября: В Париже на заседании Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов проф. *А. Д. Дуличенко* был избран членом названной комиссии.

14–16 сентября: На организованной в Москве (Россия) Отделением литературы и языка РАН, Институтом иностранных языков и научным журналом «Вопросы филологии» международной научной конференции «Язык и культура» с докладом «Пуризм и опыты стандартизации чешской лексической системы в период национального Возрождения» выступила лектор *И. Сорока*.

21 сентября: На заседании НКСЭ состоялся отбор докладов на XIII Международный съезд славистов в Люблине (15–21 августа 2003 г., Словения). Квота Эстонии — 3 доклада. Решением НКСЭ в состав эстонской делегации вошли: доц. *Светлана Борисовна Евстратова* («Национально-культурная специфика фразеологизмов в аспекте славяно-финно-угорских взаимоотношений»), проф. *А. Д. Дуличенко* («Неизвестная рукопись 1773 г. о словенском языке Юрия Япеля»), доц. *Н. А. Нечунаева* («Рукопись из собрания А. Ф. Гильфердинга О. п. I. 25 и рукопись О. п. I. 28 'Листки Амфилохия' — болгарская Минея празд-

ничная, май – июнь и XII–XIII вв.)). Дополнительно, в соответствии с решением НКСЭ и с согласия Международного комитета славистов, включен также доклад лектора Людмилы Васильевны Дуличенко «Русская антропологическая парадигма: некоторые аспекты изучения системных отношений».

24–25 сентября: Проф. А. Д. Дуличенко представил доклад «Современная типология славянских языков: лексикологический проект» на международной научной конференции «Сопоставление систем и функционирования современных славянских языков» в Ополе (Польша).

3 октября: В Таллине в зале ратуши состоялась презентация составленной проф. С. Г. Исаковым антологии «Эстония в произведениях русских писателей XVIII – начала XX века». В преддверии 70-летия проф. С. Г. Исакова таллинской общественностью было устроено чествование юбиляра. С речами выступили министр по делам народонаселения Катрин Сакс, посол Российской Федерации в Эстонской Республике Константин Провалов и члены Рийгигогу.

8 октября: 70-летний юбилей проф. С. Г. Исакова. Торжественное открытие в Научной библиотеке Тартуского ун-та выставки, посвященной 70-летию проф. С. Г. Исакова.

14 октября: Проф. А. Д. Дуличенко посетил с проф. Р. Бенакьо и проф. Ханом Стеэньвейком Резью (северо-восточная Италия), где проживают словенцы-резьяне; произошла встреча с некоторыми представителями резьянской интеллигенции.

16–18 октября: В Падуанском ун-те (Италия) состоялись лекции проф. А. Д. Дуличенко по русскому языку.

23–25 октября: На проходившей в Варшаве, в Институте славистики Польской Академии наук, международной научной конференции «Языки меньшинств и региональные языки (региолекты)» с докладом «Языки этнических меньшинств и языки региональные (региолекты): некоторые методологические аспекты» выступил проф. А. Д. Дуличенко.

25–26 октября: Проф. С. Г. Исаков прочел доклад «О проблеме рецепции русской литературы в Эстонии в XX в.» на международной научной конференции «Литература русской диаспоры XX в. Новые исследования по истории русской литературы», проходившей в Варшаве (Польша).

30 октября: 60-летний юбилей проф. А. Д. Дуличенко.

конец октября: В Нарвском колледже Тартуского ун-та состоялась вторая презентация антологии «Эстония в произведениях русских писателей XVIII – начала XX века», составленной проф. С. Г. Исаковым. Нарвская общественность поздравила проф. С. Г. Исакова с 70-летним юбилеем.

6–7 ноября: Лектор И. Сорoka выступила с докладом «Способы стандартизации чешской лексики в период национального Возрождения» на проходившей в Каунасе (Литва) международной научной конференции «Парадигматика, синтагматика и функции языка».

8–10 ноября: Выступление проф. А. Д. Дуличенко с докладом «Русский язык в постсоветской Прибалтике (проект социолингвистического исследования)» на организованной кафедрой русского языка Тартуского ун-та международной научной конференции «Язык диаспоры: проблемы и перспективы. IV».

19–20 ноября: Проф. А. Д. Дуличенко прочел доклад «О возможностях и перспективах типологического изучения региональных и малых языков славянского и финно-угорского происхождения (социолингвистический аспект)» на прошедшей в Тарту международной научной конференции «Родной язык и другие языки. III».

4 декабря: Научный семинар на кафедре. Доклады магистранта К. Мянд «Путь Швейка на эстонскую сцену» и магистранта П. Кехайова «Развитие македонского языка сквозь призму контактов с другими языками».

7–9 декабря: На проходившем в Таллине и Тарту II-ом международном семинаре «Петербург и Балтия» проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «О культурно-просветительской деятельности эстонских обществ в Петербурге в XIX – начале XX вв.»

17 декабря: Защиты бакалаврских работ: М. Житинская «Лексические собрания Ф. Цейновы в их отношениях к кашубскому и польскому языкам».

2002

Проф. А. Д. Дуличенко избран членом экспертного совета Эстонского института славистики (Eesti Slavistika Instituut, Tallinn).

Вышел «Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens» (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10). Hrsg. von M. Okuka. Klagenfurt, 2002, 1031 S. В нем опубликованы очерки проф. А. Д. Дуличенко об эгейско-македонском, банатско-болгарском, ляхском, восточнословацком, резьянском, западнополесском и др. микроязыках.

В издательстве Торонтского ун-та (Канада) вышла Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. University of Toronto Press, 2002, 520 p. Один из авторов энциклопедии – проф. А. Д. Дуличенко.

январь: Проф. С. Г. Исакову присужден диплом премии имени Игоря Северянина за литературную деятельность последних лет.

7 февраля: В Лозаннском ун-те (Швейцария) состоялась лекция проф. А. Д. Дуличенко по истории советского языкознания 20–30-ых гг. XX в. («Н. Я. Марр: идея единого глоттогонического процесса и происхождение человеческого языка»).

9–10 февраля: Проф. А. Д. Дуличенко выступил с докладом «Les langues internationales artificielles, object de la linguistique et de l'interlinguistique» на конференции «Les langues artificielles», проходившей в Лозаннском ун-те (Кре-Берар, Швейцария).

18 февраля: В деканат философского факультета кафедрой славянской филологии подана заявка на приглашение лектора украинского языка.

26–27 февраля: На международной научной конференции молодых филологов в Риге (Латвия) с докладом «Экспрессивно окрашенные личные имена в художественном переводе (на материале переводов рассказов А. П. Чехова на чешский язык)» выступила магистрант Л. Рябова.

март–июнь: Магистрант К. Мянд и студентка III курса Марина Пау при поддержке международного фонда «Erasmus» обучались по специальности «Славянская филология» в Ун-те Падуи (Италия).

1 марта: Перед студентами и преподавателями Тартуского ун-та выступил с лекцией «Лингвистика в России, дискурс о языке и геоантропологическое пространство: Ламанский, Гильфердинг и евразийство» проф. *П. Серйо* (Лозаннский ун-т, Швейцария), прибывший в Тарту по приглашению проф. *А. Д. Дуличенко*. После лекции состоялась встреча проф. *П. Серйо* с преподавателями и магистрантами кафедры славянской филологии в рамках научного семинара.

5 марта: В Историческом музее Тартуского ун-та открылась выставка «Искусство реставрации книжных обложек». Организатор выставки — посольство Польши в Эстонии.

11–16 марта: Выступление лектора *И. Сорока* с докладом «Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения)» на XXXI Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов в С.-Петербургском ун-те (Россия).

26 марта: Научный семинар на кафедре. Лектор *И. Сорока* ознакомила участников семинара с программой и результатами конференции в С.-Петербурге.

8–12 апреля: Магистрант *Л. Рябова* прочла доклад «Социокультурный аспект в переводах текстов художественной литературы: А. П. Чехов на чешском языке» на V межвузовской конференции студентов-филологов в С.-Петербургском ун-те (Россия).

9 апреля: Научный семинар на кафедре. Доклад проф. *А. Д. Дуличенко* «Об эгейско-македонском литературном языке в современной Греции».

26–28 апреля: Выступления на международной научной конференции молодых филологов в Тарту магистранта *Л. Рябовой* с докладом «Культурологический аспект перевода художественных текстов» и студентов IV курса *Р. Абисогомяна* с докладом «Евразийство начала 1920-х гг.: проблема границ», *М. Житинской* с докладом «Особенности субстантивной лексики в первом кашубско-русском словаре», *Р. Полтан* с докладом «К проблеме изучения чешского разговорного (обиходно-разговорного) языка», *И. Табаковой* с докладом «Случаи нефразеологического перевода русской фразеологии на польский язык», *Н. Чумаковой* с докладом «О некоторых типах перехода имен собственных в нарицательные в современном польском языке».

1–26 мая: Лектор *И. Сорока* и магистрант *С. Вомм* находились на стажировке в Праге (Чехия). Стажировка была организована в рамках договора между Министерством образования и науки Эстонской республики и Министерством образования, молодежи и физической культуры Чешской республики. Принимающей стороной являлся философский факультет Карлова ун-та.

10 мая: На семинаре, посвященном памяти Р. Крууса, проходившем в Эстонском литературном музее и в Тартуском ун-те, выступили: проф. *С. Г. Исаков* с докладом «О принципах составления антологии русской литературы в Эстонии в 1910–1930-е гг.» и проф. *А. Д. Дуличенко* с докладом «Об интерлингвистических интересах Рейна Крууса».

15 мая: Проф. *А. Д. Дуличенко* оппонировал по докторской диссертации *С. В. Ильясовой* «Словообразовательная игра как феномен языка современности».

менных СМИ) (специальность 10.02.01 — русский язык) в Ростовском ун-те (Ростов-на-Дону, Россия). 16 мая для студентов, аспирантов и преподавателей ун-та и других вузов Ростова он прочитал лекцию «Двигается ли русский язык к аналитическому строю?».

10–13 июня: Защита бакалаврских работ: *Р. Абисогомян*. «Биография и творческое наследие А. К. Баиова»; *Е. Левочка*. «Русский театр в Таллинне (Ревеле) в начале XX века (по материалам газеты «Ревельские известия»)»; *Е. Шувалова*. «Русское студенческое христианское движение в Эстонии в 1927–1940 гг.»; *Ю. Недорезова* «Вопросы ненормативного произношения существительных в современном польском языке»; *К. Пийскоп*. «Вопросы адаптации интернационализмов в польском языке в сравнении с русским и эстонским языками»; *Р. Полтан*. «Výzkum obvespě češtinu» («К изучению чешского обиходно-разговорного языка»); *Т. Раннаэре (Белова)*. «Существительные с суффиксом *-тель/-ciel* в польском и русском языках»; *Н. Чумакова*. «Семантическая структура ономастической лексики в польском языке».

13 июня: Защита магистерской диссертации *Э. Романчик* «Из польско-кашубских языковых сопоставлений (существительные на *-ość, -stwo*)»; научный руководитель — проф. *А. Д. Дуличенко*; официальные оппоненты — проф. *Валерий Николаевич Чекмонас* (Вильнюс, Литва) и лектор *И. Сорока* (Тарту).

5 июля: Проф. *А. Д. Дуличенко* выступил с докладом «Le marxisme et les projets de langue universelle de communisme» на конференции «Le fondements philosophiques, épistémologiques et idéologiques du discours sur la langue en Union Soviétique, 1917–1950» в Лозаннском ун-те (Кре-Берар, Швейцария).

25 июля: В г. Новый Сад (Югославия) вышла книга проф. *А. Д. Дуличенко* «Кнѣжка о руским язѣку. Увод до рускей филологѣи» (Введение в югославо-русинскую филологию).

июль, август: В летних школах славянских языков проходили обучение следующие магистранты и студенты: *Л. Рябова* (Цешин, Польша), *Н. Рьжаникова* (Люблина, Словения), *Йохана Анджулис* (Познань, Польша), *Анника Воот*, *Маргит Максимова* (Торунь, Польша), *Оксана Ваганова*, *Олли Таукуль* (Вроцлав, Польша), *Юлия Кротова*, *Мария Сараль* (Люблин, Польша).

2–29 августа: Проф. *А. Д. Дуличенко* находился на стажировке в Геттингенском ун-те (Германия), где работал с рукописью церковнославянского словаря *А. С. Кайсарова*.

1 сентября: Состав кафедры: зав. кафедрой орд. проф. др. *А. Д. Дуличенко*, проф.-эмеритус др. *С. Г. Исаков*, лектор *И. Абисогомян* (*Сорока*), ассистент *Э. Романчик*, приглашенный из Польши лектор *Р. Белецкий* (Познаньский ун-т). Начали свое обучение в магистратуре *Р. Полтан* и *И. Табакова*.

С нового учебного года отделение русской и славянской филологии ТУ начало работу в здании бывшего анатомикума по адресу: Найтузе, 2, ком. 214 и 215.

В 2002/2003 уч. году магистрант *Р. Полтан* находится на стажировке в Ун-те им. *Ф. Рабле* (Париж, Франция). На обучении в Краковском ун-те в осеннем семестре 2002/2003 уч. года находилась студентка

Н. Рыжикова. В Ун-те Брно (Чехия) в течение осеннего семестра продолжили стажировку выпускницы кафедры А. Галкина и В. Зайцева (Петрова).

3 сентября: В Тарту скончался доктор филологических наук проф. С. В. Смирнов. Похоронен **6 сентября** на кладбище Раади.

12–14 сентября: Проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Игорь Северянин в русской эмигрантской критике в 1920 – начале 1930-ых гг.» на проходившем в Таллине международном научном семинаре «Эмиграция внешняя и внутренняя»

19–20 сентября: На проходившей в Шяуляе (Литва) международной научной конференции «Языковая картина мира» выступили: проф. А. Д. Дуличенко с докладом «Слово и человек в языках банту» и магистрант И. Табакова с докладом «Фразеологический аналог как отражение восприятия мира».

1–31 октября: Студентки III и IV курса М. Паю и Катерина Чернышова обучались в Ун-тах Брно и Праги (Чехия). Обучение было организовано в рамках договора между Министерством образования и науки Эстонской республики и Министерством образования, молодежи и физической культуры Чешской Республики.

10–12 октября: По инициативе и под председательством проф. А. Д. Дуличенко в Тарту проведена международная научная конференция «200 лет русско-славянской филологии в Тарту». В работе конференции приняли участие свыше 40 докладчиков из Венгрии, Латвии, России, Словении, США, Украины и Эстонии, в их числе выступили и многие сотрудники отделения русской и славянской филологии Тартуского ун-та. От кафедры славянской филологии доклады представили: проф. С. Г. Исаков. «Основные этапы развития славянского литературоведения в Тартуском ун-те (1802/03–1950-е гг.)», проф. А. Д. Дуличенко. «Славянское языкознание в Тарту в XIX–XX вв.», лектор И. Абисогмян. «Славянская филология в Тартуском ун-те в последнее десятилетие (1992–2002 гг.)», ассистент Э. Романчик. «И. А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский вопрос», магистрант Л. Рябова. «В. Полевой: один из первых опытов создания сравнительной грамматики славянских языков (Дерпт, 1851)».

16 октября: Празднование 10-летнего юбилея кафедры славянской филологии Тартуского ун-та. См. об этом: *Славные даты — 200 и 10 лет. 10 лет кафедре славянской филологии Тартуского ун-та.* [Интервью И. Табаковой, взятое у проф. А. Д. Дуличенко]. Эстония, Таллин, 2002, № 195, 10 октября; Н. Синдецкая. *Тройной праздник эстонской славистики.* Молодежь Эстонии, Таллин, 2002, 17 октября; В. Василькова. *Сохрани мою речь. День за днем,* Таллин, 2002, № 42, 25 октября; А. Петухов. *Два века тартуской славистики.* Вести неделя плюс, Таллин, 2002, 26 октября.

21 октября: Научный семинар на кафедре. Доклад проф. А. Д. Дуличенко «Лексико-семантические процессы и тенденции развития современных славянских языков».

октябрь 2002 – февраль 2003: Зимний семестр 2002/03 уч. года А. Д. Дуличенко работал в качестве приглашенного профессора в Трир-

ском ун-те (Германия) на кафедре славянской филологии, читал лекции для студентов и аспирантов по истории русского языка и славянскому языкознанию. 7 декабря он был также с лекциями в Институте славистики Ун-та Нюрнберга-Эрлангена.

4 декабря: Проф. С. Г. Исаков выступил с докладом «Евреи в русской общественной и культурной жизни Эстонии (до 1940 г.) и некоторые проблемы филосемитизма и антисемитизма» на научной конференции в Ун-те Хайфы (Израиль).

6 декабря: В Тарту на научной конференции, посвященной 200-летию восстановления Тартуского (Дерптского) ун-та, был зачитан доклад проф. С. Г. Исакова «Е. В. Петухов как историограф Тартуского ун-та», написанный в соавторстве с ведущим специалистом Эстонского Исторического архива, канд. филол. наук Татьяной Кузьминичной Шор.

декабрь: Объединение «Польша – Восток» (Варшава) наградило дипломом и медалью «Mickiewicz – Puszkin» проф. А. Д. Дуличенко за «огромные заслуги в распространении польского языка, а также польской культуры и науки в Эстонии».

Составитель хроники
И. В. Абисогомян

¹ См. также: *Slaavi filoloogia õppetooli kroonika 1996/97*. Slavia (Tartu Ülikooli slaavi filoloogia õppetooli väljaanne), Tartu, 1998, № 2, lk. 3.

² См. там же, с. 3–5.

**ПРОГРАММЫ КУРСОВ
КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1992–2002)**

Создание кафедры славянской филологии в 1992 г. потребовало составления программ различных предметов и курсов. При этом важно было иметь в виду, чтобы состав и содержание самих учебных программ соответствовали полноценному университетскому уровню. Были разработаны программы обязательных предметов лингвистического (практический курс языка с элементами теоретической грамматики, история языка, спецкурсы по соответствующим языкам) и литературоведческого циклов (история литературы изучаемого языка, спецкурсы по соответствующим литературам). В качестве обязательных предметов стали: «Введение в славянскую филологию» (позднее — «Основы славянской филологии»), «Сравнительная грамматика славянских языков», «Обзорный курс славянских литератур».

В настоящем разделе помещены лишь программы спецкурсов либо программы части предметов, которые читались как обязательные и в то же время для некоторых студентов, магистрантов и докторантов — как спецкурсы. Таких курсов в течение 10 лет было разработано и прочитано около 30. Преимущественно это лингвистические курсы по общему языкознанию и общей теории языка, истории языкознания и славянской филологии, интерлингвистике, цыганологии, по русскому, чешскому, словенскому, сербско-хорватскому языкам и по новейшим процессам в современных славянских языках, по славянским литературным микроязыкам и др. Кроме того, читались спецкурсы по славяно-эстонским литературным и культурным связям, по истории и современной польской литературе и др. Такой диапазон курсов дает возможность студентам, магистрантам и докторантам значительно расширить свой научный кругозор и более осознанно определиться в дальнейшей специализации. В то же время это является свидетельством того, что сотрудники скромной по составу кафедры в состоянии читать лекции по фундаментальным проблемам теоретического языкознания и славянской филологии.

КУРСЫ ОРД. ПРОФ. ДР. А. Д. ДУЛИЧЕНКО

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Курс читался с 80-х гг., но его концепция и содержание неоднократно менялись. В 90-е гг. и позднее он предназначался преимущественно магистрантам и докторантам.

- Сущность науки о языке. Языковедение – языкознание – лингвистика. Структура языкознания: традиционная, парадигматическая и манипуляционная модели. Методология и метод. Языкознание и другие науки. Множественность определений языка.
- Из истории языкознания: основные периоды развития с древности до современности (обзор).
- В. фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания: язык как деятельность, язык и мировоззрение, язык и дух народа, языковая форма и языковой тип, система антиномий.
- Сущность языка. Биологические и социальные основания языка.
- Язык и языки. Стратификационная сущность языка. Стратификация внутренняя и внешняя.
- Функции языка. Критерии выделения функций.
- Фундаментальные свойства языка: психологическая (и биологическая) природа, системно-структурный принцип, динамичность, социальная обусловленность, свойство психосферы, свойство «от минимального ко многому».
- Язык и мышление. Роль лингвокреативного мышления.
- Происхождение человеческого языка в связи с антропогенезом. Реконструкции человеческой речи антропологические и лингвистические.
- Теория моногенеза языка и формирование языкового многообразия мира.
- Ностратическая гипотеза.
- Основные направления современного языкознания: а) историческое языкознание и проблема прогресса в языке; б) контактное языкознание; в) лингвотипология и теория языковых универсалий; г) психолингвистика; д) социолингвистика; е) интерлингвистика; ж) этнолингвистика; з) прикладная лингвистика и инженерная лингвистическая технология; и) другие направления.
- Тенденции развития современного языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва, 1984.
- Бюлер К. *Теория языка*. Москва, 1993.
- Бодуэн де Куртене И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I–II. Москва, 1963.
- Соссюр Ф. *Труды по языкознанию*. Москва, 1977.
- Вандриес Ж. *Язык*. Москва, 1937.
- Есперсен О. *Философия грамматики*. Москва, 1958.
- Блумфилд Л. *Язык*. Москва, 1968.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва, 1974.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. Москва, 1970; *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*.

Москва, 1972; *Общее языкознание. Методы лингвистических исследований*. Москва, 1973.

Поливанов Е. Д. *Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва, 1991.

* * *

Березин Ф. М., Головин Б. Н. *Общее языкознание*. Москва, 1979.

Кодухов В. И. *Общее языкознание*. Москва, 1974.

Общее языкознание. Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983.

Философские основы зарубежных направлений в языкознании. Москва, 1977.

История лингвистических учений. Древний Мир. Ленинград, 1980.

История лингвистических учений. Средневековый Восток. Ленинград, 1981.

История лингвистических учений. Средневековая Европа. Ленинград, 1985.

История лингвистических учений. Позднее средневековье. Ленинград, 1991.

Алпатов В. М. *История лингвистических учений*. Москва, 1998.

Журавлев В. К. *Язык. Языкознание. Языковеды*. Москва, 1991.

Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990.

ПРОБЛЕМЫ ГЛОТТОГЕНЕЗА

1991/92 уч. г. (I сем.)

В 1991/92 уч. г. был объявлен двухсеместровый курс «Введение в общую теорию языка и проблемы глоттогенеза». В первом семестре прочитаны были «Проблемы глоттогенеза», во втором — «Введение в общую теорию языка».

- Термин и понятие глоттогенеза (resp. лингвогенеза). Лингвистическая палеонтология (А. Пикте, 1863). Наука о языке и проблема происхождения человеческого языка. Скепсис (Ж. Вандриес, 1914) и поиски. Две проблемы: происхождение человеческого языка и возникновение разнообразия языков на Земле. Необходимость комплексного подхода. Международное общество по исследованию глоттогенеза (Париж, 1984).

- Основные этапы антропогенеза. Жизнь на Земле. «Критерии человека». Антропологическое деление истории человечества: каменный век (нижний палеолит) — австралопитек, средний палеолит — питекантроп → синантроп → неандерталец, верхний палеолит — кроманьонец. Классификация И. К. Ивановой (1966).

- Ранние представления о глоттогенезе: 1) теологические; 2) антропоморфные (антропологические) — человек установитель имен, теория общественного договора (П. Мопертюи, Ж.-Ж. Руссо); 3) биологические (естественные, имитационные) теории — Г. Лейбниц, И. Гердер, В. Вундт и др.

- Звуковые системы у животных. Незвуковые коммуникации (движение, запах). Особенности звуковой коммуникации: дифференциация звуков, мгновенность восприятия, разнообразие. Предшественница человеческой речи — звуковая сигнализация. Ее классификации. Зоолингвистика. Понятие вокально-информативных систем = язык, индивидуальная сигнализация = речь. Гипотеза первичного и вторичного языка.

Отличие человеческого языка от коммуникативных систем животных (Д. Премак): 1) межанализаторные ассоциации только у человека; 2) звуки человеческой речи категориально воспринимаемые; 3) межполушарная асимметрия мозга свойственна только человеку.

• «Язык» и мышление обезьян. Из истории изучения «языка» обезьян. Р. Гарнер (конец XIX в.). Современные исследователи. Вычленение звукокомплексов у обезьян и трудности, связанные с этим. Эксперименты в США: обучение обезьян языку американских глухонемых. Амслен: 1) перенос значений знака; 2) изобретение новых знаков; 3) знаковый выход из наличной ситуации; 4) синтаксирование.

• Детская речь. Психолингвистический подход. Основные этапы развития детской речи: 1) эмоции-команды; 2) слова-предложения; 3) двусловные предложения; 4) многосложные несинтаксированные предложения; 5) грамматически оформленные (синтаксированные) высказывания.

• Жестовая (двигательная) коммуникация. Из истории вопроса. Н. Я. Марр. Э. Бенвенист. Специфика и недостатки жестовой коммуникации. Б. В. Якушин: роль пантомимы.

• Реконструкция человеческой речи. Антропологическая реконструкция В. В. Бунака. Схема А. А. Леонтьева.

• Следы «первобытного языка» в современных языках. Дискуссионность вопроса. А. Тромбетти: языки как архивы человечества. Мнения В. И. Абаева (1970) и А. А. Леонтьева (1990). Возможные следы: 1) феномен «вокалических языков»; 2) фонетико-артикуляционный феномен: а) «шелкающий» феномен; б) «гортанный» феномен; в) феномен языка пирахан; 3) феномен «вокалической растяжки» (и сокращения) (= глоссандирование, речетативы); 4) феномен звукоподражания; 5) феномен языка масаи.

• Теория моногенеза языка. 1) Мифические и религиозные представления о языке. 2) Скепсис и оптимизм в отношении «первозыка»: а) в традиционном языкознании (преобладание мнения о полигенезе); б) Н. Я. Марр, Вяч. В. Иванов; другие исследователи, связанные с интересом к ностратической гипотезе. 3) Термины этого направления. 4) Возможности глубины реконструкции (в рамках сравнительно-исторического метода). 5) Возможная схема реконструкции от современных языков до «первозыка». 6) Стирание языковых элементов во времени. 7) Теория моногенеза А. Тромбетти. 8) «Образ» праязыка у Тромбетти и М. Сводеша.

• Формирование языкового многообразия мира. 1) Две гипотезы о формировании языков Земли: а) моногенетическая; б) полигенетическая (праязыковая гипотеза; первобытная языковая непрерывность — С. П. Толстов). 2) Ареалы распространения языков Земли в древности и на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П. *Становление человечества*. Москва, 1984.

Гельгардт Р. Р. *Источники изучения глоттогенеза в связи с антропогенезом. (Из материалов к курсу общего языкознания)*. Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества Калининского ун-та, 1974, т. 4, 19–90.

- Рулен М. *Происхождение языка: ретроспектива и перспектива*. Вопросы языкознания, Москва, 1991, № 1, 5–19.
- Головин В. А. *К проблеме возникновения элементов языка в антропогенезе*. Вопросы антропологии, Москва, 1961, № 8, 144–152.
- Донских О. А. *Происхождение языка как философская проблема*. Новосибирск, 1984.
- Донских О. А. *К истокам языка*. Москва, 1988.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины*. Москва, 1986.
- Леонтьев А. А. *Возникновение и первоначальное развитие языка*. Москва, 1963.
- Поцелуевский А. П. *К вопросу о древнейшем типе звуковой речи*. Ашхабад, 1944.
- Якушин Б. В. *Гипотезы о происхождении языка*. Москва, 1984.
- Ritter-Schaumburg H. *Die Kraft der Sprache. Vom Wesen der Vokalen und Konsonanten*. München – Berlin, 1985.
- Studies in language origins*. Amsterdam – Philadelphia, 1989.
- The genesis of language. A different judgement of evidence*. New York – Amsterdam, 1988.
- Teorien vom Ursprung der Sprachen. Bd. 1–2*. Berlin – New York, 1989.

ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ТЕОРИЮ ЯЗЫКА

1991/92 уч. г. (II сем.), 1996/97 уч. г. (I сем.)

В 1991/92 уч. г. был объявлен двухсеместровый курс «Введение в общую теорию языка и проблемы глоттогенеза». В первом семестре прочитаны были «Проблемы глоттогенеза», во втором — «Введение в общую теорию языка».

- Наука о языке и ее терминология. Структура и объект языковедения.
- Сущность языка. Происхождение слова и термина «язык». Семантическая структура слова «язык». Множественность определений языка. Беспредельность языка.
- Глоттогенетический экскурс. Возможные следы «первобытного языка» в современных языках мира.
- Биосоциальные основания языка.
- Язык и мышление.
- Фундаментальные свойства языка.
- Функции человеческого языка.
- Стратификационная сущность языка. Язык и языки.
- Язык и человек. Антропоцентризм языка.
- Язык и миропонимание. Язык и языковая картина мира.
- Язык как сила.
- Мужское и женское в языке.
- Прогресс в языке.
- О перспективах языковедения в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва, 1984.
- Гумбольдт В. *Язык и философия культуры*. Москва, 1995.

- Бюлер К. *Теория языка*. Москва, 1993.
- Бодуэн де Куртене И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I–II. Москва, 1963.
- Соссюр Ф. *Труды по языкознанию*. Москва, 1977.
- Вандриес Ж. *Язык*. Москва, 1937.
- Есперсен О. *Философия грамматики*. Москва, 1958.
- Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва, 1993.
- Поливанов Е. Д. *Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва, 1991.
- Блумфилд Л. *Язык*. Москва, 1968.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва, 1974.
- Трубецкой Н. С. *Избранные труды по филологии*. Москва, 1987.
- Мещанинов И. И. *Проблемы развития языка*. Ленинград, 1975.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. Москва, 1970; *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. Москва, 1972; *Общее языкознание. Методы лингвистических исследований*. Москва, 1973.
- Философские основы зарубежных направлений в языкознании*. Москва, 1977.
- Журавлев В. К. *Язык. Языкознание. Языковеды*. Москва, 1991.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Настоящий курс регулярно читался для студентов старших курсов начиная с 80-х гг. С середины 90-х гг. он читается как предмет для магистрантов отделения русской и славянской филологии, а также для студентов других отделений в качестве спецкурса.

- Современное языкознание как результат исторического развития науки о языке.
- Основные этапы истории лингвистических учений.
- Античная философия и филология и вопросы языка. Представления о языке в Древнем Египте. Языковые представления в Древнем Китае. Санскрит и грамматика Панини (Индия). Вопросы происхождения языка, споры о природе слов в греческой и римской античности. Александрийская школа.
- Языкознание от средних веков до появления сравнительно-исторического метода (до конца XVIII в.).
- Многоязычные словари-каталоги. «Сравнительные словари всех языков и наречий» в России (конец XVIII в.). Рационализм и возникновение всеобщей грамматики Пор-Рояля. Проекты всеобщих и философских языков искусственного построения. Язык в трудах философов Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Лейбница и др.
- Языкознание в славянских странах. М. В. Ломоносов и его «Российская грамматика». Нормативные грамматики и словари.
- Возникновение сравнительно-исторического метода и сравнительно-исторического языкознания в конце XVIII – начале XIX вв. Предшественники сравнительно-исторического метода (Скалигер, Крижанич, Лейбниц, Ломоносов, В. Джоунз, Ф. Шлегель и др.). Основоположники

сравнительно-исторического метода: Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Grimm, А. X. Востоков (первый этап развития сравнительно-исторического метода).

- Сравнительно-исторические реконструкции и лингвистическая концепция А. Шлейхера (второй этап). Младограмматизм в Германии (К. Бругман, Н. Остгоф, А. Лескин, Г. Пауль, Б. Дельбрюк и др.), в России (Ф. Ф. Фортунатов — Московская лингвистическая школа, ранний И. А. Бодуэн де Куртенэ — Казанская лингвистическая школа), в других странах (Г. Асколи, М. Бреаль и др.). Принцип историзма и причины языковых изменений (фонетический закон, аналогия и т. д.).

- Психологизм в языкознании. Г. Штейнталь. В. Вундт и его психология народов. А. А. Потебня и его лингвистическая концепция (понятие внутренней формы слова, эволюция языка и мышления и т. д.).

- В. фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания. Язык — дух народа. Языковые антиномии. Язык — деятельность и др.

- Критика младограмматизма и поиски новых подходов к языку. Лингвистическая концепция Бодуэна де Куртенэ (синхронное описание языка, статика и динамика, язык — речь — язык как знаковая система и др.). Школа «слов и вещей» X.Г. Шухардта. Эстетическая философия языка К. Фосслера. Неолингвистика.

- Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра (языкознание и семиология, язык — речь, синхрония, язык как знаковая система, парадигматика и синтагматика и др.). Женевская и Парижская школы. Ш. Балли. А. Мейе.

- Основные направления лингвистического структурализма XX в. Пражская функциональная лингвистика. Н. С. Трубецкой и его фонологическая теория. Достижения в других областях языка. Американская дескриптивная лингвистика. Структура языкознания. Метод дистрибутивного анализа. Метод по непосредственно составляющим (НС). Трансформационный метод и порождающая грамматика. Н. Хомский. Копенгагенская школа структурализма — глоссематика.

- Языкознание в России и Советском Союзе в XX в. Дореволюционные лингвистические традиции. Послереволюционное «языковое строительство». «Марксистское языкознание» и «новое учение о языке» Н. Я. Марра. Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба и др. Лингвистическая дискуссия 50-х гг. (в связи с работой Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»). Критика «нового учения о языке». Типологическая концепция Мещанинова. Другие концепции. Основные достижения в общей теории языка. Деидеологизация советского теоретического языкознания в 80–90-е гг.

- Направления в мировом языкознании последних десятилетий.

- Историческое (и сравнительно-историческое) языкознание. Системно-структурное языкознание. Лингвистическая география. Лингвистическая типология. Психолингвистика. Этнолингвистика. Социолингвистика. Интерлингвистика. Прикладное языкознание и лингвистическая технология и др.

- Основные лингвистические школы на современном этапе. Тенденции развития теоретического языкознания в настоящем. Некоторые прогнозы о перспективах лингвистики в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. *История лингвистических учений*. Москва, 1998.
 Амирова Т. А. и др. *Очерки по истории лингвистики*. Москва, 1975.
 Березин Ф. М. *История лингвистических учений*. Москва, 1975.
История лингвистических учений. Древний Мир. Ленинград, 1980.
История лингвистических учений. Средневековый Восток. Ленинград, 1981.
История лингвистических учений. Средневековая Европа. Ленинград, 1985.
История лингвистических учений. Позднее средневековье. Ленинград, 1991.
 Кондрашов Н. А. *История лингвистических учений*. Москва, 1979.
History of Linguistics. Vol. I-II. London – New York, 1994.

* * *

- Березин Ф. М. *История русского языкознания*. Москва, 1979.
 Березин Ф. М. *История советского языкознания*. Москва, 1981.
 Березин Ф. М. *Русское языкознание конца XIX – начала XX вв.* Москва, 1976.
 Березин Ф. М. *Хрестоматия по истории русского языкознания*. Москва, 1973 (и последующие издания).
 Журавлев В. К. *Язык. Языкознание. Языковеды*. Москва, 1991.
 Звегинцев В. А. *Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX в.* Москва, 1956; *История языкознания XIX и XX в. в очерках и извлечениях. 1–2*. Москва, 1960 (и др. издания).
Советское языкознание за 50 лет. Москва, 1967.
Хрестоматия по истории грамматических учений в России. Москва, 1965.
Хрестоматия по истории грамматических учений в Советском Союзе. Ростов/Дон, 1972.
 Специальную литературу см. также в кн.: А. Д. Дуличенко. *Общее языкознание*. Тарту, 1987, 26–28.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

1992/93 уч. г. (I сем.)

- Славянская филология и ее место в славяноведении. Периодизация истории славянской филологии.
- Предыстория славянской филологии (от возникновения славянской письменности до второй половины XVIII в.). Возникновение и развитие славянской письменности. Ранние филологические сочинения. Константин Костенчский. Максим Грек. Ян Гус и его филологическая деятельность. Перевод Краледворской Библии. Первые чешские, польские и другие славянские грамматики. Средневековые церковнославянские грамматики и словари. Ю. Крижанич. Филологические труды М. В. Ломоносова, его предшественников и последователей.
- Зарождение славянской филологии (конец XVIII – начало XIX вв.). Пробуждение национального самосознания у славян и формирование движений за национальное возрождение. Й. Добровский (1753–1829) — основоположник славяноведения и славянской филологии. Роль А. Х. Востокова (1781–1864) в разработке основ славянской филологии.

Первые русские слависты (О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. Г. Григорович). Путешествия по славянским землям. Е. Кочитар (1780–1844). П. И. Шафарик (1795–1861) и его современники. Й. Юнгман (1773–1847) и становление чешской возрожденческой лексикографии. В. С. Караджич (1787–1864) и его роль в истории сербского литературного языка. Идея славянской взаимности в истории славян (Ю. Крижанич, Я. Коллар, М. Маяр и др.). Славянофильство. Панславизм.

- Формирование и развитие славянской филологии (середина XIX – начало XX вв.). Славяноведение и последующая дифференциация славистических дисциплин. Славянское сравнительно-историческое языкознание. Ф. Миклошич (1813–1891). А. Шлейхер (1821–1868) и его вклад в развитие славянского языкознания. Ф. И. Буслаев (1818–1897). Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914). В. Ягич (1838–1923). Шахматов (1864–1920). И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) и его славистические труды. Деятельность в Тартуском (Дерптском) университете. Начало славистической периодики: «Филологические записки» (с 1860 г.), «Archiv für slavische Philologie» (с 1875 г.), «Русский филологический вестник» (с 1879 г.) и др.

- Первый (предварительный) съезд славянских филологов и историков (1904 г.) и попытка возобновления традиционных съездов в 30-е гг. XX в. «Энциклопедия славянской филологии» (с 1910 г.).

- Славянская филология XX в. Славяноведение — комплекс славистических дисциплин. Развитие славянской филологии в России/СССР. А. М. Селищев (1886–1942) и его «Славянское языкознание» (1941). Труды в области русистики В. В. Виноградова (1895–1969). Н. И. Толстой (1923–1996) и его исследования по славянской семасиологии, истории славянских литературных языков, духовной культуры славян и др. О. Н. Трубачев-этимолог. Другие слависты России, Белоруссии, Украины. Славянская филология у южных славян (А. Белич, Ф. Рамовиц, С. Младенов и др.), у западнославянских народов (Т. Лер-Сплавинский, Ф. Славский, Б. Гавранек, К. Горалек и др.). Славянская филология в неславянских странах. Создание славистических учреждений (институтов). Славистические кафедры и преподавание славянских языков, литератур, истории культур в славянских и неславянских странах. Международные съезды славистов (МСС). XII МСС в Кракове (1998). Международный комитет славистов (МКС) и национальные комитеты славистов. Важнейшие периодические издания по славяноведению и славянской филологии XX в. Важнейшие труды по славянской филологии. Этимологические словари. «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» под ред. Н. И. Толстого (с 1995 г.). Издание памятников письменности. Академические и нормативные грамматики славянских языков. Серия «Славянские языки» под ред. А. Е. Супруна (с 1983 г.). Серия «Najnowsze dzieje języków słowiańskich» под ред. С. Гайды (с 1996 г.). Из истории славянской филологии в Тартуском (Дерптском) университете.

ЛИТЕРАТУРА

Ягич В. И. *История славянской филологии*. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. I.). С.-Петербург, 1910.

- Кравчук Р. В. *История слов'янського мовознавства*. Київ, 1961.
История на славистиката от края XIX и начало на XX в. София, 1981.
- Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. storočia*. Bratislava, 1978.
- Березин Ф. М. *Русское языкознание конца XIX – начала XX вв.* Москва, 1976.
- Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národu od r. 1760. Biografický slovník*. Praha, 1972.
- Методологические проблемы истории славистики*. Москва, 1978.
- Славяноведение и балканистика за рубежом*. Москва, 1980.
- Славяноведение и балканистика в зарубежных странах*. Москва, 1983.
- Булахов М. Г. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. I–III*. Минск, 1976–1978.
- Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР ...* Москва, 1963 →.
- Bibliografia językoznawstwa słowiańskiego za rok 1992* →. Warszawa, 1995 →.

РУССКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕСТРОЕЧНОГО ВРЕМЕНИ
 (→ РУССКИЙ ЯЗЫК КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ)
 (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
 ЭВОЛЮЦИИ)

1992/93 уч. г. (II сем.)

- Русский язык и социальные потрясения XX ст. Социальное и языковое. Два периода экспрессивизации русского языка в XX ст. Из истории вопроса: А. Мазон, С. Карцевский, А. М. Селищев и др. Специфика изменений в русском языке начала (с 1917 г.) и конца (с 80-х – начала 90-х гг.) XX ст.
- «Перестройка» и ее отражение в русском языке конца XX ст. Понятие «перестроечного языка». Мена языковых знаков. Активизация словотворчества. Понятие ключевых слов, или лексических доминант, «перестройки». «Перестройка» — суперслово политического языка конца XX ст. Активизация социальной семантики, словообразовательные и частеречные потенции, функциональное развитие данного слова. Специфика доминант *гласность, демократия – демократизация, застой*. Сегментный оценочно-характеризующий метод исследования политического языка. Поиски смысла «перестройки» в речах М. С. Горбачева.
- Смена лексических парадигм. Из истории советизации русского языка. «Перестройка»: начало лексической десоветизации. Редукция советизмов в речах «отца перестройки» (М. С. Горбачева). Смена в административно-территориальной лексической парадигме. Изменения в номенклатуре денежных знаков. Судьба речезтикетной парадигмы. Адъективно-субстантивная валентность: снятие табу как продолжение языковой десоветизации. Возвращение забытого: «оживление» старых слов. Лексические запасники русского языка. Из анализа нынешней «демократической» терминологии. Новый виток идеологизации языка и общества.
- Русский и российский: от генетического единства к идеологическому разладу. Корреляция *советский ~ российский*. Этнокультурный аспект проблемы.

- Срамословие и грубословие как отражение агрессивных тенденций в современной русской речи. Обсуждение проблемы в обществе и в науке. Грубословие в некоторых текстах советской прозы. Срамословие в современной периодической печати и прозе.
- От агрессии слов к ономастическому перевороту. Массовые изменения в топонимии после революции 1917 г. и их последствия. Советизация ономастики страны (парадигмы «ленинотопонимов» и под.). «Перестройка»: возвращение старого и появление нового. Комиссия по топонимии и ее решения. О переименовании СССР. Новая аббревиатура СНГ. Негативные тенденции процесса. Агрессия извне: изменения в старых именах, утвердившихся в русском языке, в угоду соседним народам и языкам (*Молдова* вм. *Молдавия*, *молдавский* вм. *молдавский* и т. д.).
- Основные тенденции в реализации словообразовательных потенций русского языка конца XX ст. Важнейшие способы образования новых слов. Окациональное и нормативное словообразование.
- Некоторые синтаксические явления новейшего времени. Особенности «малого синтаксиса». Идеологические синтаксемы: замена старых (советских) новыми («демократическими»).
- О языке «перестроечных» политиков и средств массовой информации. Советский языковой субстрат современных речей и текстов. Экспрессивизация как характерная черта.
- Русангл, или: будем ли мы говорить на интеррусском? Отношение к заимствованиям и иноязычным элементам в истории русского литературного языка. Пуризм и негативное отношение к нему в советской русистике. Гибридизация за счет смешения языковых элементов. Опасность лексической англо-американизации русского языка. Необходимость регулирования процесса заимствования. Актуальность проблемы пуризма для «большого» языка.
- Общие тенденции развития и перспективы русского языка в России и в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачевич К. *Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее*. Москва, 1990.
- Дуличенко А. Д. *От агрессии слов к ономастическому перевороту. (Заметки о русском языке перестроечного времени)*. *Russian linguistics, Dordrecht etc.*, 1993, vol. 16, 211–224.
- Карцевский С. *Язык, война и революция*. Берлин, 1923.
- Костомаров В. Г. *Перестройка и русский язык*. Русская речь, Москва, 1987, № 6, 3–11.
- Селшцев А. М. *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)*. Москва, 1928.
- Тошович Б. *Язык перестройки и его отражение в югославских средствах массовой информации*. Русский язык за рубежом, Москва, 1988, № 4, 49–53.
- Haudressy D. *Les mutations de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité/Новые слова отражают события 1991 года*. Paris, 1992.
- Mazon A. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*. Paris, 1920.

СОВРЕМЕННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ МИР
И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ
[С ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫМ ВНИМАНИЕМ К КАШУБСКОМУ ЯЗЫКУ]

1993/94 уч. г. (I сем.)

Курс читался неоднократно с конца 70-х гг., при этом менялось его содержание и концепция в целом. В 90-е гг. он был прочитан трижды. треть объема времени была посвящена общетеоретическим вопросам, две трети — какому-либо конкретному микроязыку.

• Индоевропейский праязык и вопрос о происхождении славянских языков (краткий обзор). Классификации славянских языков. Обзор современных славянских языков. Характеристика грамматического строя и функциональных особенностей современных славянских языков (общие сведения, диалектное членение, письменность и литературный язык, особенности грамматики и графики, сферы использования, литература — грамматики, словари, периодика).

• Южнославянские языки: болгарский язык, македонский язык, сербско-хорватский/хорватско-сербский/сербский/хорватский язык, словенский язык. Западнославянские языки: польский язык, словацкий язык, чешский язык, серболужицкие (верхний и нижний) языки. Восточнославянские языки: белорусский язык, украинский язык, русский язык. Типологические аспекты современных славянских языков.

• Славянские литературные микроязыки. Понятие, отношение к национальным славянским литературным языкам, причины и условия возникновения, состав и краткая характеристика.

• Островные славянские литературные микроязыки. Югославо-руси́нский (руси́нский, бачско-руси́нский). Градишанско-хорватский (бургенландско-хорватский). Молизско-славянский (молизско-хорватский). Банатско-болгарский. Резьянский (резьянско-словенский).

• Матичные (периферийные, региональные) литературные микроязыки: кашубский, чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский, карпаторусинский, восточнословацкий, ляшский, западнополесский.

• Опыты создания славянских литературных микроязыков в Литве.

• История становления, развития и современное состояние одного из славянских литературных микроязыков — кашубского. Общие сведения о кашубах. Кашубы и поляки. Проблема «словинцы – кашубы». Отношение к польскому языку. Из истории изучения кашубов и их языка в России, Германии и Польше. Путешествия к кашубам П. И. Прейса. А. Ф. Гильфердинга, других славистов. Труды Ф. Лоренца, современных исследователей (Ф. Хинце и др.). Кашубский литературный язык. Трудности становления. История кашубской письменности XV–XVII вв. У истоков кашубского культурно-языкового возрождения. К. Ц. Мронговиус и его занятия кашубским языком. Флориан Цейнова — будитель кашубов в XIX в. Иероним Дердовский — классик кашубской литературы. Младокашубское движение и Александр Майковский. Первый кашубский роман «Жизнь и приключения Ремуса» А. Майковского. Вопрос о нормализации кашубского литературного языка и кашубские грамматики. Кашубское культурно-языковое движение в XX в. — до и после Второй мировой войны. Предвоенная и послевоенная кашубская литература. Периодика. «Основы кашубской орфографии» (1975 г., про-

ект 1974 г.) и их значение для унификации норм. Новый виток кашубского этноязыкового и культурного возрождения (в 80–90-е гг. XX в.).

ЛИТЕРАТУРА

Селищев А. М. *Славянское языкознание. I. Западнославянские языки*. Москва, 1941.

Славянские языки. Очерки грамматики западнoславянских и южнославянских языков. Москва: МГУ, 1977.

Языки народов СССР. I. Индоевропейские языки. Москва: Наука, 1966, 44–193. («Восточнославянские языки»).

Толстой Н. И. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука, 1988.

Дуличенко А. Д. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин: Валгус, 1981.

Бодуэн де Куртенэ И. А. *Кашубский «язык», кашубский народ и «кашубский вопрос»*. С.-Петербург, 1897; оттиск из: ЖМНП, С.-Петербург, 1897. ч. СССХ, 306–357; ч. СССХI, 83–126.

Гильфердинг А. Ф. *Остатки славян на южном берегу Балтийского моря*. С.-Петербург, 1862.

Bukowski A. *Regionalizm kaszubski*. Poznań, 1950.

Cenôva F. *Zarés do Grammatikj Kasébsko-Słovjnskje Mòvé*. W Poznaniu, 1879.

Dżeżdżon J. *Współczesna literatura kaszubska. 1945–1980*. Warszawa, 1986.

Lorentz F. *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*. Berlin – Leipzig, 1925.

Lorentz F. *Kaschubische Grammatik*. Danzig, 1919.

Lorentz F. *Slovinzische Grammatik*. S.-Petersburg, 1903; *Slovinzische Texte*. S.-Petersburg, 1905; *Slovinzisches Wörterbuch. 1-2*. S.-Petersburg, 1908–1912.

Majkowski A. *Historia Kaszubów*. Gdańsk, 1991.

Neureiter P. *Geschichte der kaschubischen Literatur*. München, 1978; 2. Aufl., 1991.

Ostrowska R., Trojanowska I. *Bedeker kaszubski*. Gdańsk, 1974.

Popowska-Taborska H. *Kaszubszczyzna*. Warszawa, 1980.

Popowska-Taborska H. *Szkice z kaszubszczyzny*. [Wejherowo], 1987.

Rogaczewski F. *Wśród Słowińców*. Gdańsk, 1975.

Stieber Z. *Stosunek kaszubszczyzny do dialektów Polski lądowej*. Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974.

Zasady pisowni kaszubskiej. Oprac. E. Breza i J. Treder. Gdańsk, 1975.

ВВЕДЕНИЕ В ЧЕШСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

1993/94 уч. г. (II сем.). В дальнейшем курс читается периодически, а со второй половины 90-х гг. его читает лектор И. В. Абисогомян.

- Славистика (славяноведение) как наука о славянах. Богемистика — раздел славистики, место чешской филологии в богемистике. Предмет и задачи курса. Источники.
- Краткий исторический обзор от момента образования чешского этноса и чешской государственности до наших дней. Гипотезы происхождения этнонима *čexь.

- Образование чешского языка и его место в классификации славянских и западнославянских языков. Формирование южного, или чешско-словацкого, диалектного массива. Южная группа западнославянских языков в ее отношении к лехигской до X в.
- Чешские языковые особенности в сравнении со словацкими (в историческом аспекте).
- Формы существования современного чешского языка.
- Распространение чехов и чешского языка. Автохтонные и переселенческие ареалы.
- Основные этапы развития чешской филологии. Предыстория чешской филологии. Конец XIII – начало XIX вв. Научная деятельность основоположника славянской и чешской филологии И. Добровского. XIX в. Роль П. И. Шафарика, И. Юнгмана и других деятелей чешского национального возрождения. Первая половина XX в. Пражский Лингвистический кружок. Вторая половина XX в. Основные направления исследований и достижения. Практические результаты в развитии чешской филологии:
- Издание памятников чешской и другой славянской письменности. Труды по истории чешского языка. Чешские грамматики. Учебники и учебные пособия. Чешская лексикография. Диалектологические исследования. Филологическая периодика. Богемистические центры в Чехии и за ее пределами.
- Изучение и преподавание чешского языка, литературы, истории и культуры в Тартуском (Дерптском) университете.

ЛИТЕРАТУРА

- Cirková M. *Úvod do českého jazyka*. Praha, 1955.
- Dějiny Československá. I–IV. 2 vyd.* Praha, 1967–1971.
- Holub Z. *Úvod do studia českého jazyka*. České Budějovice, 1992.
- Přehled československých dějin. I–III.* Praha, 1958–1960.
- Travniček F. *Úvod do českého jazyka. 2 vyd.* Praha, 1958.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян.* Москва, 1988.
- Широкова А. Г., Нещименко Г. П. *Становление литературного языка чешской нации. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков.* Москва, 1978, 9–85.
- * * *
- Blanár V. *Vzt'ah slovečiny a češtiny ako slavistický problém. Zapisník slovenského jazykovedca. Bulletin Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV, Bratislava, 1992, 11, 61–64.*
- Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník.* Praha, 1972.
- Český jazykový atlas I. Dialektologický kolektiv ÚJČ AV ČR; vedoucí J. Balhár, P. Jančák.* Praha, 1993.
- Holub Z., Janečková M. *Úvod do české dialektologie. S texty.* České Budějovice, 1993.
- Němec I. *Čeština jako nositel národní svěbytnosti a nadnárodních hodnot.* Slavia, Praha, 1993, roč. 62, 9–17.
- Ondruš S. *Úvod do slavistiky.* Brno, 1959.

- Petr J. *Základy slavistiky*. Praha, 1984.
Práce z dějin slavistiky. X. Starší české, slovenské a slovanské mluvnice. Praha, 1985.
 Turek R. *Čechy na usvitě dějin*. Praha, 1963.
 Булич С. К. *Очерк истории языкознания в России. Т. I*. С.-Петербург, 1904.
История Чехословакии. В 3-х тт. Москва, 1956–1960.
История южных и западных славян. Москва, 1969.
Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. Москва, 1982.
Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. Москва, 1970.
 Широкова А. Г. *Достижения чехословацкой лингвистики за 30 лет (1945–1975)*. Вестник МГУ, Филология, 1975, № 5, 3–18.
 Ягич И. В. *История славянской филологии*. С.-Петербург, 1910.

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛЬСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Курс читается с 1994/95 уч. г. (I сем.) как для полонистов, так и для славистов других специализаций.

- Славистика (славяноведение) и ее структура. Полонистика как раздел славистики. Полонистика филологическая (польская филология). Содержание дисциплины. Источники.
- Краткий исторический обзор образования польского этноса. Польская государственность. Происхождение этнонима «поляк».
- Польский язык и его образование. Место польского языка в кругу западнославянских и славянских языков. Взаимоотношения внутри лехитской группы. Польский и кашубский.
- Современное распространение поляков и польского языка. Автохтонные и переселенческие ареалы.
- Основные этапы формирования и развития польской филологии. Начала польской филологии.
- Филологические разработки периода «золотого века» польской литературы (вторая четверть XVI – середина XVIII вв.).
- Развитие польской филологии в связи с расширением функций польского литературного языка (середина XVIII–XIX вв.).
- Основные направления исследований и достижения в области польской филологии в XX в. Практические результаты и достижения польской филологии. Издание памятников польской письменности. Памятники других славянских языков. Филологические издания и серии. Польские грамматики. Учебники и учебные пособия. Польская лексикография. Диалектологические исследования. Другие области полонистики.
- Полонистические центры в Польше и за ее пределами. Из истории полонистики в России. Изучение и преподавание польского языка, литературы, истории и культуры в Тартуском (Дерпгском) университете в XIX–XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Pod red. S. Urbańczyka. Wrocław etc., 1978; wyd. 2, 1992.

- Moszyński L. *Wstęp do filologii słowiańskiej*. Warszawa, 1984.
 Klemensiewicz Z. *Historia języka polskiego*. Warszawa, 1974.
 Dejna K. *Dialekty polskie*. 2 wyd. Wrocław etc., 1993.
 Parył W. *Językoznawstwo polonistyczne. Przewodnik naukowo-bibliograficzny dla studentów i nauczycieli polonistów*. Wrocław, 1992.
 Markowski A. *Polszczyzna końca XX wieku*. Warszawa, 1992.
Nauka o języku dla polonistów. Wybór zagadnień. Warszawa, 1994.

* * *

- История Польши. I–III*. Москва, 1955–1958.
История южных и западных славян. Москва, 1969.
Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. Москва, 1988.
 Ягич И. В. *История славянской филологии*. С.-Петербург, 1910.
 Булич С. К. *Очерк истории языкознания в России. I*. С.-Петербург, 1904.
 Lowmiański H. *Początki Polski. I–V*. Warszawa, 1963–1973.
Język polski w świecie. Zbiór studiów. Warszawa, 1990.
Współczesny język polski. Pod red. J. Bartmińskiego. Wrocław, 1993.
Polszczyzna ali Polacy na schyłku XX wieku. Zbiór studiów. Warszawa, 1994.

ЭТНО-ЯЗЫКОВАЯ МИКРОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНСКОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮГОСЛАВО-РУСИНСКОГО)

1994/95 уч. г. (I сем.)

- Современные славянские народы и языки. Понятие этно-языковой Микрославии. Литературные микроязыки. Соотношение «больших» и «малых» языков.
- Состав и распространение микроязыков в современном славянском мире. Классификация микроязыков. Островные и периферийные (матичные) микроязыки. Вопрос о генетическом статусе. Этнический вопрос. Наличие лингвонимов.
- Условия и факторы формирования литературных микроязыков в современном славянском мире. Вопрос о диалектной (говорной) базе. Функциональные возможности литературных микроязыков. Славянские литературные микроязыки в контексте соответствующих языков Европы.
- Югославо-русинский литературный микроязык. Краткий исторический обзор. Краткий исторический обзор о поселении (с середины XVIII в.) в Бачке, затем — Среме и Славонии. Численность (около 25 тыс. чел.), распространение по селам. Культурные центры — Руски Керестур, Нови Сад, в Хорватии — Вуковар.
- Основные этапы исследования русин и их языка. Сложности русинского глоттогенеза. «Словацкая» (А. Соболевский, Ф. Пастернек и др.) и «украинская» (В. Гнатюк и др.) точки зрения. Вопрос о лингвониме. Этноним и лингвоним.
- Языковая ситуация у бачко-сремских русин до 1904 г. Литературно-языковые традиции: а) церковнославянская украинской и великорусской редакции (в церкви, школе, рукописные сборники религиозного содержания, «Страстослов» 1850–1851 гг., «Церковные песни» 1869 г. Михала Джуни, «Бо́го-гласникъ» 1891 г. и др.); б) угрорусская или т. н.

«язычие» (школа, произведения светского характера — «угрорусские духовные песни», собранные в конце XIX в. В. Гнатюком, личная переписка, роль периодических изданий Угорской Руси); в) народная — местные хроники (Керестурская хроника с 1746 г. и др.); г) сербско-хорватская (административные и проч. тексты).

- Мысль о необходимости создания своего литературного языка — еще с конца XIX в. (свидетельство В. Гнатюка). Зачатки литературно-художественного творчества у русин Югославии. Народный поэт-песенник А. Горняк. Культурно-языковое и этническое возрождение («препород») русин (начало XX в.) 1904 г.: появление первого поэтического сборника Гавриила Костельника (1886–1948) «З моего валала» — начало русинской литературы и русинского литературного языка. Примененная здесь графика. Декларирование фонетического принципа орфографии — «по гласу, як ше вигваря» и отсутствие последовательности в тексте. Поиски решения Г. Костельником фонетических и грамматических вопросов родного языка до 1904–1909 гг. (переписка с А. А. Шахматовым, В. Гнатюком).

- Зарождение в 1913 г. культурно-языкового движения у русин Югославии. Безуспешная попытка издавать на русинском языке газету и ежегодник-календарь. Роль джурджевского священника Д. Биндаса. 1918 г.: обращение Д. Биндаса к русинской интеллигенции с призывом развивать русинское просвещение, культуру и литературный язык «Народна руска шхадзка» в Новом Саде в 1919 г. Создание РНПД — Руске Народне Просвитне Дружтво. Принятие резолюции по языковому вопросу: в основе литературного языка югославских русин должен лежать народный говор. Призыв Д. Биндаса «Тримайме ше нашего дїдовского языка!». Графико-орфографический хаос в первых изданиях РНПД («кельо шіательох, тельо правопісі»). Грамматическая и лексико-словообразовательная вариативность, сильное влияние сербско-хорватского языка.

- Обращение Д. Биндаса и первого председателя РНПД Михала Мудрого к Г. Костельнику с просьбой написать грамматику литературного русинского языка. Появление в 1923 г. «Граматики бачваньско-рускей бешеди» Г. Костельника. В основе литературного языка югославских русин — разновидность говора Руского Керестура. Неопределенность статуса коцурской разновидности. Различия (фонетические, грамматические и лексические) между керестурской и коцурской разновидностями. Характеристика «Граматики бачваньско-рускей бешеди» Г. Костельника. Заимствования и выдвинутый Г. Костельником принцип принимать чужие слова «гу духу нашей бешеди». Определение фонетических и грамматических норм русинского литературного языка. Решение вопросов графики и орфографии. Отход от принципа фонетического написания слов. Обоснование Г. Костельником необходимости использования для литературного языка кириллицы украинского типа. Нерешенные вопросы «Граматики бачваньско-рускей бешеди» Г. Костельника. Роль «Граматики» Г. Костельника в становлении и стабилизации норм литературного языка югославских русин.

- Творчество Г. Костельника, основоположника русинской литературы. Трагедия «Дочь Эфтая» (1924) как начало русинской драматургии. Поэтические произведения Г. Костельника. Сочинения научного, религиоз-

ного, общественно-культурного характера. Другие поэты: Митро Надь, Мафтей Винай, Осиф Костельник, Янка Фейса и др. Их роль в развитии русинского литературного языка. Использование литературного языка в школе, издание учебных пособий. Первая русинская периодика: газ. «Руски новини» (1924–1941), жур. «Наша заградка» (1937–1941), ежегодник-календарь «Руски календар» (1920–1940) и др. Роль этих изданий в становлении молодого литературного языка.

- «Културно-Национални Союз Русинов в Югославији» в Коцуре (1933–1941) и его издания (периодика, книги). Смешанность языка. Засилье калек и заимствований из русского, сербско-хорватского и др. языков. Графико-орфографический хаос. Николай Олеяров и его «История русского народа» (1934).

- Языковая ситуация после Второй мировой войны. Дискуссия в газ. «Руске слово» — 1945–1946 гг.: строить ли культуру на основе своего родного языка или же принять язык какой-либо другой крупной нации? Особенности точек зрения Мафтея Виная, Янко Хромиша и др.

- Важнейшие особенности строя современного русинского литературного языка (в области фонетики, грамматики) и тенденции его развития. Фонетическая и морфологическая вариантность. Влияние сербско-хорватского языка. Особенности лексики: кальки и заимствования из сербско-хорватского и украинского литературных языков. Украинизация отдельных языковых форм как условие сближения с украинским литературным языком. Микола Кочиш (1928–1973) и его учебники родного языка для школы (1965–1968). «Правопис русского языка» (1971) М. Кочиша. «Грамматика русского языка. I» (1974) и терминологический сербско-хорватско-русинско-украинский (1972) словарь М. Кочиша и их значение для стабилизации и дальнейшего развития лексико-грамматических норм русинского литературного языка.

- Расширение сфер использования литературного языка русин после Второй мировой войны. Короткая жизнь общества «Руска матка» (1945–1948). Газ. «Руске слово» (1945 →), ежегодник «(Руски) народни календар» (194 →), литературно-художественный журнал «Шветлосц» (1952–1954, 1966 →), молодежный и студенческий журнал «Мак» (1972 →), в Хорватии — журнал «Нова думка» (1972 →). Другие периодические издания, еженедельные и ежемесячные приложения и т. д. Использование русинского языка на радио (с 1949 г.), на телевидении (с 1975 г.). Русинская типография и издательство «Руске слово». Издание книг и учебников.

- Литература ускоренного развития. Послевоенные антологии поэзии, сборники прозы, авторские поэтические и прозаические сборники. Библиотека молодых поэтов «Жридла» (1969 →) и др. Первый русинский роман — «Жеми моя» Владо Костельника (1967). Другие романы Владо Костельника, Михала Ковача и Штефана Гудака, Еугена М. Кочиша, Владимира Кирды и других авторов. Переводы на русинский мировой литературы, переводы с русинского (на сербско-хорватский, украинский, русский и др. языки). Русинское послевоенное просвещение: школы, классы, гимназия в Руском Керестуре (вторичное открытие в 1970 г.). Учебники и учебные пособия по всем предметам.

- Организация Лектората за руски язык на философском факультете Новосадского университета (1973), с 1981 г. — кафедры русинской филологии. Использование русинского языка в административных органах. Роль культурно-просветительных и культурно-художественных обществ. Научное общество «Дружтво за руски язык и литературу», основанное в 1970 г. в Новом Саде М. Кочишем, его орган — научный журнал «Творчосц», «Studia Ruthenica», цели и задачи «Дружтва». Первое научное совещание по русинскому языку (1978). Дипломные, магистерские и докторские диссертации. Первые сборники научных трудов о русинском языке: «Лингвистични роботи» (1978) Микола М. Кочиша, «Лингвистични статї и розправи» (1983) Гавриила Надя и др.
- Союз Русиных и Украинцов Хорватии (1968). Журнал «Нова думка».
- Создание Союза Руснацов и Украинцов Югославии (1990), его цели и задачи, этническая и языковая ориентация Союза. Возрождение общества «Руска матка» (1990) в Руском Керестуре. Программа и деятельность, этническая и языковая ориентация.
- Положение русинского языка и культурно-просветительных учреждений русин Югославии после развала страны (с 1991 г.): сужение сфер использования, закрытие периодических изданий и под.

ЛИТЕРАТУРА

- Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков.* Москва, 1977.
- Кондрашов Н. А. *Славянские языки. 3-е изд.* Москва, 1986.
- Толстой Н. И. *История и структура славянских литературных языков.* Москва, 1988.
- Дуличенко А. Д. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития).* Таллин, 1981.
- Дуличенко А. Д. *Становление русинской филологии в Югославии.* *Slavica Tartuensia* 1, 1985, 108–142.
- Кочиш М. М. *Грамматика русского языка. I. Фонетика. Морфология. Лексика.* Нови Сад, 1974.
- Кочиш М. М. *Лингвистични роботи.* Нови Сад, 1978.
- Кочиш М. М. *Правопис русского языка.* Нови Сад, 1971.
- Лабош Ф. *История Русиных Бачкей, Сриму и Славониї. 1745–1918.* Вуковар, 1979.
- Надь Г. *Лингвистични статї и розправи.* Нови Сад, 1983.
- Рамач Ю. *Руска лексика.* Нови Сад, 1983.
- Рамач Я. *Привредни и дружтвени живот Руснацов у Южней Угорскей 1745–1848.* Нови Сад, 1990.
- Тамаш Ј. *Русинска књижевност. Историја и статус.* Нови Сад, 1984.
- Библиография Руснацов у Југославиї. II. Библиография о Руснацов у Југославиї.* Нови Сад, 1989.
- Lehr-Splawiński T. etc. *Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich.* Warszawa, 1954.
- Horalek K. *Úvod do studia slovanských jazyků.* Praha, 1962.
- Petr J. *Základy slavistiky.* Praha, 1984.
- The Slavic Literary Languages. Formation and Development.* New Haven, 1980.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА

1995/96 уч. г. (I сем)

- Этнонимы *славяне* и *словенцы*, лингвоним *словенский язык*. История, происхождение, развитие. Обзор истории словенского народа. Современная Словения. Границы распространения словенского языка в прошлом и сейчас.
- Историческое развитие грамматического строя словенского языка. Периодизация истории. Основные процессы в области фонетики, морфологии, синтаксиса. Особенности грамматической структуры современного словенского языка на фоне других славянских языков.
- Исторические контакты словенцев и словенского языка с соседними и иными народами и языками. Следы этих контактов в лексике. Словенский лингвогенез (глотогенез) в истории славистики и словенистики.
- Стратификация современного словенского языка. Членение территориальное и социальное. Из истории классификации словенских наречий. Роль И. И. Срезневского. Классификация Фр. Рамовша и ее современное развитие. Социальные варианты современного словенского языка.
- История словенской письменности и словенского литературного языка. Периодизация истории. Основные памятники письменности. Развитие норм словенского литературного языка, их современное состояние. Грамматическая и лексикографическая кодификации. Социолингвистический статус современного словенского литературного языка
- Региональные литературные языки (микроязыки) на словенской языковой основе.
- Резьянология как раздел словенистики. И. А. Бодуэн де Куртенэ — основоположник резьянологии. Ф. Рамовш и резьянское наречие. История и современное состояние резьянской письменности и попыток создания литературного языка. Важнейшие труды по резьянологии последнего времени.
- История письменности и литературного языка прекмурских словенцев. Основные тенденции развития. Судьба прекмурско-словенского литературного языка.
- Из истории изучения словенского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- История Югославии. I-II.* Москва: АН СССР, 1963.
- Словенцы.* БСЭ, Москва, 1976, т. 23, 575–579.
- Чуркина И. В. *Русские и словенцы.* Москва: Наука, 1986.
- Grafenauer B. *Zgodovina slovenskega naroda. I-V. (do leta 1848).* Ljubljana, 1954–1962.
- Zgodovina narodov Jugoslaviji. I-II.* Ljubljana, 1954–1959.
- Kidrič Fr. *Zgodovina slovenskega slovstva od začetka do Zoisove smrti.* Ljubljana, 1929–1938; 2 izd., 1931–1935.
- Novak V. *Raziskovalci slovenskega življenja.* Ljubljana, 1986.
- Ferenc T., Kacin-Wohinz M., Zom T. *Slovinci v zamejstvu. Pregled zgodovine 1918–1945.* Ljubljana, 1974.

* * *

Ramovš Fr. *Kratka zgodovina slovenskega jezika.* Ljubljana, 1936.

- Rigler J. *Začetki slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1968.
- Lencek R. L. *The Structure and History of the Slovene Language*. Ohio: Columbia University, 1982.
- Toporišič J. *Enciklopedija o slovenskem jeziku*. Ljubljana, 1992.
- Slovenska zvrstna besedila*. Ur. J. Toporišič. Ljubljana, 1981.
- Bajec A., Kolarič R., Rupel M. *Slovenska slovnica*. 2. izd. Ljubljana, 1964.
- Toporišič J. *Slovenski knjižni jezik*. 1–4. Maribor, 1965–1970.
- Toporišič J. *Slovenska slovnica*. Maribor, 1976; 1984.
- Logar T. *Slovenska narečja*. Ljubljana, 1975.
- Плотникова О. С. *Словенский язык*. Славянские языки. Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков. Москва, 1977, 289–332.
- Мечковская Н. Б. *Словенский язык*. Минск, 1991.
- Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. 1. Ljubljana, 1976.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika*. 1–5. Ljubljana, 1970–1990.
- Slovenski pravopis*. 1. Pravila. 3. izd. Ljubljana, 1994.
- Pretnar J. *Rusko-slovenski slovar*. 2. izd. Ljubljana, 1964.
- Kotnik J. *Slovensko-ruski slovar*. 2. izd. Ljubljana, 1972.

* * *

- Jezik in slovstvo*, Ljubljana, 1955 →.
- Slavistična revija*, Ljubljana, 1948 →.
- Linguistica*, Ljubljana, 1955 →.
- Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana, 1965 →.
- Obdobja*, Ljubljana, 1979 →.
- Slovene Studies*, New York, 1979 →.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ 20–30-Х ГГ. XX В.)

1997/98 уч. г. (II сем.)

Спецкурс — результат международного сотрудничества: по данной теме параллельный курс читался проф. П. Серию в Лозаннском университете (Швейцария) и проф. С. Н. Кузнецовым в Московском университете (Россия).

- «Языковое строительство» и социальная диалектология.

ТЕКСТЫ

- Поливанов Е. Д. *Революция и литературные языки СССР* (1927).
- Державин К. *Борьба классов и партий в языке Великой французской революции* (1927).
- Ларин Б. А. *К лингвистической характеристике города* (1928).
- Ларин Б. А. *О лингвистическом изучении города* (1928).
- Жирмунский В. М. *Национальные языки и социальные диалекты* (1936).
- Мировая пролетарская идеология, эсперанто и пути к мировому языку.

ТЕКСТЫ

- Дрезен Э. К. *Очерки теории эсперанто* (1931).
- Жирков Л. И. *Почему победил эсперанто?* (1933).

Марр Н. Я. *К вопросу об едином языке* (1928).

Юшманов Н. В. *Всемирный язык* (1928).

Марр Н. Я. [*На путях к мировому языку*] (1933).

Тезисы о международном языке (1932).

Лоя Я. *Общий язык* (1934).

Горбаченко Г. И., Синельникова Н. П., Шуб Т. А. *Вылазка буржуазной агентуры в языкознании* (1932).

- Технологический подход к языку: рационализация, искусственное (сознательное) регулирование.

ТЕКСТЫ

Дрезен Э. К. *Рационализация орудия связи и взаимопонимания языка* (1926–1927).

Дрезен Э. К. *Искусственное регулирование развития языка* (1928).

Дрезен Э. К. *Основы языкознания, теории и истории международного языка* (1928–1929).

Спиридович Е. *Схема развития языка* (1926–1927).

- Н. Я. Марр, «Языкфронт» и классовые языки.

ТЕКСТЫ

Филин Ф. П. *Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкфронт»* (1932).

- Теория литературных языков и культуры языка. Единый глоттогонический процесс и происхождение языка.

ТЕКСТЫ

Марр Н. Я. [*К происхождению языков*] (1925).

Марр Н. Я. [*Единство глоттогонического процесса*] (1933).

Марр Н. Я. [*Происхождение звуковой речи*] (1933).

- Репрессивная наука: славянская филология.

ТЕКСТЫ

Бернптейн С. Б. *Трагическая страница из истории славянской филологии* (1989).

- Вокруг марксистского языковедения.

ТЕКСТЫ

Мещанинов И. И. *Новое учение о языке* (1936).

Мещанинов И. И. *Новое учение о языке на современном этапе* (1948).

Поливанов Е. Д. *За марксистское языкознание* (1931).

Деборин А. М. *Новое учение о языке и диалектический материализм* (1935).

Волошинов В. *Марксизм и философия языка* (1930).

Дрезен Э. К. *Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса)* (1922).

Н. Я. Золотев. *Против буржуазной контрабанды в языкознании* (1932).

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. *История одного мифа. Марр и марризм*. Москва, 1991.

- Алпатов В. М. *История лингвистических учений*. Москва, 1998.
- Березин Ф. М. *История русского языкознания*. Москва, 1979.
- Березин Ф. М. *История советского языкознания*. Москва, 1981; Москва, 1988.
- Горбаневский М. В. *В начале было слово... Малоизвестные страницы истории советской лингвистики*. Москва, 1991.
- Лоя Я. В. *История лингвистических учений*. Москва, 1968.
- Серио П. *Об истории советского языкознания как пути к осмыслению истории Советского Союза*. Русистика/Russistik, Berlin, 1991, № 2, 24–35.
- Советское языкознание за 50 лет*. Москва, 1967.
- Хрестоматия по истории грамматических учений в Советском Союзе*. Ростов/Дон, 1972.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ

(В СВЯЗИ С ВАРИАНТАМИ *LINGUA RUTHENICA*)

1998/99 уч.г (II сем.)

- Современный славянский языковой мир: состав и общая характеристика исторического развития и современного состояния.
- Понятие литературного микроязыка (ЛМЯ). Основные признаки ЛМЯов. Отличие от национальных литературных языков (ЛЯ).
- Состав современных СЛМЯов. Принципы их классификации. Генетический статус и локальные (географические) связи. Контакты и билингвизм. Условия и факторы возникновения СЛМЯов в типологическом рассмотрении.
- Проблема нормы и кодификации в СЛМЯях. Формирование и развитие функционального спектра СЛМЯов. Зависимость состояния нормы от функционального развития.
- Феномен *lingua ruthenica*. История становления, развития различных вариантов русинского ЛЯа и их современное состояние.
- Югославо-русинский ЛЯ. Общая характеристика. Генетический статус. Становление и развитие письменности и ЛЯа. Г. Костельник и его нормативная грамматика (1923). Общества, периодические издания, учебная литература и проч. (до Второй мировой войны). Развитие югославо-русинского ЛЯа после Второй мировой войны. Орфография и грамматики М. М. Кочиша. Расширение функционального спектра. Общество русинского языка и литературы. Кафедра русинской филологии Новосадского университета. Современное состояние норм и функционального статуса югославо-русинского ЛЯа.
- Попытки создания карпаторусинского ЛЯа в Украинском Закарпатье. Из истории письменности и ЛЯа в Закарпатье. Генетический аспект проблемы. Специфика языковой ситуации. Возрождение идеи карпаторусинского ЛЯа в 90-е гг. XX в. Появление обществ, периодики, произведений художественной литературы. Первые кодификации (грамматики).
- Карпаторусинский ЛЯ в Восточной Словакии. Из истории вопроса. Движение за ЛЯ на Пряшевщине в конце 80–90-х гг. XX в. Генетический аспект проблемы. Периодика, издание книг и учебной литературы,

правила орфографии и орфографический словарь. Функциональный статус.

- Лемковский (карпаторусинский) ЛЯ в Польше. Из истории вопроса. Генетический статус. Движение за собственный ЛЯ до Второй мировой войны и после нее. Возрождение движения в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Периодика, литературно-художественное творчество. Первые учебные грамматики. Статус и перспективы развития.
- Состояние идеи карпаторусинского ЛЯ в Венгрии. Из истории вопроса. Генетический статус. Зачатки литературно-художественного творчества. Периодика и книги. Состояние и движение за ЛЯ.
- Карпаторусинский ЛЯ Америки (США и Канады). Из истории эмиграции в Америку со второй половины XIX в. Сохранение карпаторусинской литературно-языковой традиции на новой родине. Вопрос о генетическом статусе. Общества, периодика, издание учебной и проч. литературы. Использование кириллицы и латиницы. Современное состояние и перспективы развития карпаторусинского ЛЯ в Америке.
- Соотношение графико-фонетических, грамматических, лексико-словообразовательных систем вариантов *lingua ruthenica*. О перспективах сближения русинских вариантов ЛЯ.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко А. Д. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин: Валгус, 1981.
- Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. (Slavica Tartuensia IV)*. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 1998.
- Дуличенко А. Д. *Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. Языки малые и большие...*, 26–36.
- Duličenko A. D. *Kleinschriftsprachen in der slawischen Sprachenwelt. Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 39, Berlin, 1994, H. 4, 560–567.
- Marti R. *Probleme europäischer Kleinschriftsprachen: Sorbisch und Bündnerromanisch*. München, 1990.

* * *

- Дуличенко А. Д. *Jugoslavo-Ruthenica*. Нови Сад: Руске слово, 1995.
- Дуличенко А. Д. *Феномен югославо-русинского (на общеславянском фоне)*. *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н. И. Толстого. Москва: Наука, 1993, 302–310.
- Дуличенко А. Д. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. I. Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии*. Ученые записки ТартуГУ, вып. 486, Тарту, 1979, 56–99.
- Дуличенко А. Д. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. II. Градищанско-хорватский литературный язык в Австрии*. Ученые записки ТартуГУ, вып. 524, Тарту, 1980, 86–146.
- Дуличенко А. Д. *Язык русин Сербии и Хорватии (югославо-русинский язык)*. Основы балканского языкознания. Ч. I. Славянские языки. С.-Петербург, 1998, 247–270.
- Штець М. *Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини (після 1918)*. Братіслава: Словацьке педагогічне вид-во, 1969.

Duličenko A. D. *Carpatho-Rusyn in the Context of Regional Literary Languages of the Contemporary Slavic World. A New Slavic language is Born. The Rusyn Literary Language in Slovakia. (East European Monographs. CDXXXIV)*. New York: Columbia University Press, 1996, 1–17.

Fondamenti per una grammatica pratica resiana. Atti della conferenza internazionale tenutasi a Prato di Resia (UD) 11–12–13 Dicembre 1991. A cura di H. Steenwijk. Padova: Università di Padova, 1993.

Popowska-Taborska H. *Kaszubszczyzna. Zarys dziejów*. Warszawa: PWN, 1980.

НОВЕЙШИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1999/2000 уч. г. (II сем.)

- Социолингвистические аспекты. Славянский языковой мир в конце XX ст. Изменения социального и функционального статуса славянских языков. О влиянии социальных процессов на процессы языковые.
- Социолингвистическая ситуация в СССР до «перестройки» и в «перестройке». Особенности языковой ситуации у восточных славян (Россия, Украина, Белоруссия). Южнославянская этническая и языковая ситуация: распад сербско-хорватского языка, положение словенского и македонского языков. Болгарский язык. Специфика этнической и языковой ситуации у западных славян. Разъединение чехов и словаков и отдаление друг от друга чешского и словацкого языков. Смена процессов сближения славянских языков процессами отдаления (языковая конвергенция → дивергенция).
- Внутрилингвистические аспекты. Изменения на различных уровнях языка — лексико-семантическом, грамматическом, словообразовательном, стилистическом и др.
- Лексико-семантический уровень. Процессы идеологизации (resp. советизации) → деидеологизации (resp. десоветизации). Из истории феномена советизмов. Движение лексики и лексикализованных синтагм в направлении «актив ↔ пассив»: устранение референта и уход слова в пассив, сохранение референта при смене наименований, переориентация референта, сохранение референта при изменении его признаков. Идеологические коннотации. Изменение стилистического статуса слов в связи с процессом деидеологизации. Статус разговорно-просторечной лексики. Активизация субстандартной лексики и процесс вулгаризации. Семантическая неологизация. Деидеологизация имен собственных.
- Словарный состав славянских языков в плане иноязычного влияния на него. Славяно-славянские лексические (взаимо)влияния. Категория воздействующих языков: русский — на все славянские, сербско-хорватский — на македонский и словенский, чешский — на словацкий и др. Процесс выгалькивания русизмов и «русских» интернационализмов. О языках-«фильтрах», через которые проходят иноязычные слова. Славяно-неславянские лексические влияния. Англо-американизация лексики современных славянских языков. Гибридизация словаря. Грамматический уровень. Усиление вариантности в падежной системе. Активизация множественного числа именных частей речи. Активизация аналитизма в склонении имен существительных за счет игнорирования некоторых

флексий косвенных падежей и несклоняемых заимствованных имен. Универсализация именительного падежа. Увеличение числа несклоняемых прилагательных. Англо-американское влияние в синтаксисе. Явление ослабления или исключения грамматики.

- Словообразовательный уровень. Активизация словообразовательных потенций современных славянских языков. Внутренние резервы словообразования. Основные способы создания новых слов. Роль интернациональных аффиксов и аффиксоидов. Гибридные новообразования.
- Калькирование. Словообразовательная вариантность.
- Славянские языки в отрыве от корня. Общий взгляд на состояние и перспективы развития современных славянских языков и взаимоотношения между ними.

ЛИТЕРАТУРА

Коллективные монографии серии «Najnowsze dzieje języków słowiańskich», Opole (Польша): «Српски језик» (1996), «Български език», «Русский язык» (1997), «Serbsčina», «Český jazyk», «Slovenski jezik», «Slovenský jazyk», «Hrvatski jezik» «Беларуская мова», «Македонски јазик» (1998), «Українська мова» (1999), «Kaszubszczyzna/Kaszëbizna» (2001), «Język polski» (2002).

Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя. Мінск, 1998.

Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. (Slavistische Beiträge. Bd. 317). München, 1994, XII, 347 с.

Дуличенко А. Д. Этносоциоллингвистика «перестройки» в СССР. (Slavistische Beiträge. Bd. 378). München, 1999, (8), 583 с.

Основы балканского языкознания. Ч. 2. Славянские языки. С.-Петербург, 1998, 277 с.

Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997, 292 s.

Einführung in die slavischen Sprachen. 3. Aufl. Darmstadt, 1998; 4. Aufl., 2003.

Języki słowiańskie wobec współczesnych przemian w krajach Europy Środkowej i Wschodniej. Opole, 1993, 291 s.

Języki słowiańskie. 1945–1995. Gramatyka – słownictwo – odmiany. Opole, 1995, 226 s.

Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Opole, 2000, 207 s.

Markowski A. Polszczyzna końca XX wieku. Warszawa, 1992, 222 s.

Polshczyzna a i Polacy u schyłku XX wieku. Warszawa, 1994, 408 s.

Przemiany współczesnej polszczyzny. Opole, 1994, 287 s.

Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian Language Today. London – New York, 1999, XI, 369 p.

Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektivy. Bratislava, 1997, 352 s.

Zmeny v súčasných slovanských jazykoch (1945–1995). Jazykovedný časopis. Bratislava, 1998, č. 1–2.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Курс разработан на 2000/01 уч. г. для докторантов. Работа складывается из чтения и реферирования теоретической литературы и выступления с

докладами. Отдельные темы обсуждаются на научном семинаре кафедры.

- Понятие методологии, методов и приемов в науке вообще и в языкознании и славянской филологии в частности.
- Филология как совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих язык и воплощение в нем культуры человечества.
- Сущность языка и множественность его определений. Язык и языки.
- Системный подход к фактам языка как важнейшая характеристика современного общего и славянского языкознания.
- Разграничение биологических и социальных оснований языка.
- Конструктивный подход в науке и, в частности, к исследованию языкового материала.
- Содержание и форма в общефилософском и общелингвистическом плане.
- Противоречие как общефилософская категория и как свойство языковой системы.
- Учет количественных и качественных изменений в исследовании языка.
- Язык как основной элемент мышления.
- Роль моделирования в процессе научного исследования языка.
- Гуманитарный характер языкознания (и славянской филологии) и возможности их математизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.* Москва, 1970.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* Москва, 1972.
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований.* Москва, 1973.
- Теория и методология языкознания.* Москва, 1989.
- Онтология языка как общественного явления.* Москва, 1983.
- Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию.* Москва, 1984.
- Бюлер К. *Теория языка.* Москва, 1993.

* * *

- Козлова М. С. *Философия и язык.* Москва, 1972.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* Москва, 1990.
- Кондаков Н. И. *Логический словарь. 2-е изд.* Москва, 1975.
- Журавлев В. К. *Язык. Языкознание. Языковеды.* Москва, 1991.

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2000/01 уч. г. Курс разработан для магистрантов и докторантов; некоторые темы обсуждаются на научном семинаре.

- Исходные лингвистические постулаты. Язык — биосоциальная сущность. Язык — система условных знаков. Язык — средство мышления. Язык — средство общения.
- Исходные принципы анализа языка. дискретность языка как системы; принцип расчленения (разложения) языкового материала; поиски тождеств и различий; принцип укрупнения и обобщения; горизонтальное

(синтагматическое) расположение языковых элементов и возможности установления зависимостей (resp. правил) между ними; возможность вертикальной (парадигматической) систематизации языковых элементов; аспект времени в языке (диахрония и синхрония); аспект пространства в языке и др. «Человек в языке», или принцип антропоцентризма.

• Лингвистические методы. Возможности классификации научных методов.

• Общенаучные методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, противопоставление (оппозиция), сопоставление и др. и их применение в лингвистике.

• Частные методы, используемые в нескольких или в одной научной области, в том числе в лингвистике.

• Методы, направленные на изучение языкового развития: исторический, сравнительно-исторический, метод глоттохронологии.

• Методы, направленные на изучение современного состояния языка (resp. языков):

а) таксономические методы: сравнительный и типологический методы, ареальный метод, метод лингвистической комбинаторики;

б) структурные методы: оппозитивный, дистрибутивный, по НС (= непосредственно составляющим); функтивный, или метод глоссематики; трансформационный, или метод порождающей грамматики (→ генеративный); метод компонентного анализа, метод лексико-семантических полей;

в) формализованные методы: математические — статистического, или количественного анализа (теоретико-множественный метод), методы теории информации; математической логики, или логического анализа; семиотический метод;

г) дополнительные методы, используемые в социолингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, интерлингвистике и в прикладной лингвистике.

• Комплексный подход к языку. Совмещение различных методов при анализе конкретного языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс, 1994.

Блумфилд Л. *Язык*. Москва: Прогресс, 1968.

Бодуэн де Куртене И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 1–2. Москва: Наука, 1963.

Бюлер К. *Теория языка*. Москва, 1993.

Вандриес Ж. *Язык. Лингвистическое введение в историю*. Москва: Соцэкгиз, 1937.

Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984.

Есперсен О. *Философия грамматики*. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1958.

Пауль Г. *Принципы истории языка*. Москва, 1960.

Сэпир Э. *Язык. Введение в изучение речи*. Москва – Ленинград: Соцэкгиз, 1934.

Соссюр Ф. *Курс общей лингвистики*. Москва: Соцэкгиз, 1933.

* * *

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Москва: Наука, 1970; ... *Внутренняя структура языка*, 1972; ... *Методы лингвистических исследований*, 1973.

Новое в лингвистике → *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1–25.* Москва: Прогресс, 1960–1989.

Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990.

* * *

Глисон Г. *Введение в дескриптивную лингвистику.* Москва: Изд-во иностранной лит-ры, 1959.

Ельмслев Л. *Пролегомены к теории языка.* Новое в лингвистике, Москва, 1960, вып. 1.

Макаев Э. А. *Общая теория сравнительного языкознания.* Москва, 1977.

Марчук Ю. Н. *Математические методы в языкознании.* Москва, 1990. *Основные направления структурализма.* Москва, 1964.

Пражский лингвистический кружок. Москва, 1967.

Прикладное языкознание. С.-Петербург, 1990.

Солнцев В. М. *Язык как системно-структурное образование.* Москва: Наука, 1977.

Степанов Ю. С. *Методы и принципы в современной лингвистике.* Москва: Наука, 1975.

ЦЫГАНЕ В ИХ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

(ОСНОВЫ ЦЫГАНОЛОГИИ)

2000/01 уч. г. (II сем.)

- Введение. 8 апреля – Всемирный день цыган.
- Индологическая дисциплина — цыганология. Ее цели и задачи.
- Наименования цыган (цыганская этнонимия). Этнонимы и нарицательные слова.
- О численности цыган в прошлом и в современном мире.
- Время появления цыган за пределами Индии. Цыганские миграции.
- Встреча с Европой: гостеприимство и преследования. Цыгане в России (XVIII–XIX вв.). XX в. Фашизм и геноцид цыган во время Второй мировой войны.
- Происхождение цыган. Легенды. Письменные источники. Установление происхождения цыган на основе изучения языка (S. Vályi, J. C. S. Rüdiger, M. Grellmann и др.). Касты Индии и предки цыган.
- Цыгане как этнос. Деление цыган на группы. Существующие классификации. Характеристика некоторых этнических групп. Кэлдэрары. Гитаны – синти. Русска рома. Мануши. Боша. Среднеазиатские люли и джути. Другие группы.
- Цыганский язык. Происхождение цыганского языка. Сравнение с санскритом и хинди. Заимствованная лексика как показатель миграции цыган. Особенности цыганского языка. Диалектное членение цыганского языка. Цыганская письменность и проблемы создания цыганского литературного языка.

- Цыгане в СССР и культурно-языковое строительство: организации и прочее, школы и учебники, выпуск периодики, книг; художественная литература и переводы («Интернационал», «Цыгань» А. С. Пушкина и цыганская действительность и т. д.). Цыганские алфавиты на кириллической и латинической основах. Направления в создании цыганского литературного языка. Цыганский язык как международный (проект *Vaṇja de Gila, India, 1973*).
- Традиционный быт и традиционная культура цыган. Пути и средства сохранения самобытности цыган: 1) Табор, жилище, кочевание; 2) Основные традиционные занятия. Выразительные средства. Ремесла. Торговля. Дрессировка. Гадание. Попрошайничество. Выразительные средства («тайные знаки»); 3) Любовь, свадьба, семья, дети. Имена; 4) Смерть и похороны. Обряды; 5) Верования; 6) Фольклор, музыка, песня.
- Проблемы и перспективы цыганского этноса и языка в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

История цыган

- Баранников А. П. *Цыганы в СССР*. Москва, 1931.
- Эмец Г., Д'яченко Б. I. *Циганське населення Закарпаття*. Ужгород: Карпати, 1993.
- Bloch J. *Les Tziganes*. Paris, 1969.
- Clébert J.-P. *Les Tziganes*. Paris, 1961.
- Diósi A. *Cigányút*. Budapest, 1988.
- Ficowski J. *Cyganie Polscy*. Warszawa, 1953.
- Grellmann H. M. G. *Die Zigeuner*. Dessau – Leipzig, 1783.
- Horvátová E. *Cigáni na Slovensku*. Bratislava, 1964.
- Kochanowski J. *Gypsy studies. I–II*. New Dehli, 1963.
- Miklosich F. *Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas, I–XII*. Wien, 1872–1881.
- Mróz L. *Cyganie*. Warszawa, 1971.
- Pott. A. F. *Die Zigeuner in Europa und Asien. T. 1–2*. Halle, 1844–1845; Leipzig, 1964.
- Voux de Foletier F. de. *Mille ans d'histoire des Tsiganes*. [Paris], [1970].

Грамматики и учебники цыганского языка

- Вентцель Т. В. *Цыганский язык*. Москва, 1964.
- Истомин П. (Патканов). *Цыганский язык. (Грамматика и руководство)*. Москва, 1900.
- Сергиевский М. В. *Цыганский язык*. Москва, 1931.
- Cortiade M. *Romani fonetika thay lekhipal/Fonetika i pravopis romskog jezika*. Titograd, 1986.
- Grierson G. A. *Gypsy language*. Calcutta, 1922.
- Hrkal E. H. *Einführung in die mitteleuropäische Zigeunersprache*. Leipzig, 1940.
- Hübschmannová M. *Základy romštiny*. Praha, 1973.
- Lipa J. *Průručka cikánštiny*. Praha, 1963.
- Uhlik R. *Romane chibace*. Sarajevo, 1955.

Словари цыганского языка

- Деметер Р. С., Деметер П. С. *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)*. 5300 слов. Москва: Русский язык, 1990.
- Сергиевский М. В., Баранников А. П. *Цыганско-русский словарь*. Москва, 1938.
- Uhlik R. *Srpskohrvatsko-ciganski rečnik (romane alava)*. Sarajevo, 1947.
- Uhlik R. *Srpskohrvatsko-romsko-engleski rečnik. Romengo alavari*. Sarajevo, 1983.
- Wolf S. A. *Großes Wörterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw)*. Hamburg, 1993; 1. Aufl., 1960.

Библиографии по цыганологии

- Герман А. В. *Библиография о цыганах*. Москва, 1930.
- Black G. F. *A Gypsy bibliography*. Ann Arbor, 1971.

Периодические издания о цыганах

- Journal of the Gypsy Lore Society Edinburgh etc.* (1888 →)
- Études tsiganes. Bulletin de l'Association des études tsiganes*, Paris (1955 →).
- Roma, Chandagarh* (1974 →).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

2001/02 уч. г. (I сем.)

- Введение. Основные вопросы курса. Литература. Народы, говорящие на сербско-хорватском языке. Историческая справка о странах сербско-хорватского языка. Из истории этнонимов *серб*, *хорват* и др.
- Славянские языковые группы. Южнославянские языки: общая характеристика. Литературные микроязыки на сербско-хорватской диалектной основе: градишанско-хорватский (Австрия), молизско-славянский (Италия), чакавский и кайкавский (Хорватия).
- Сербско-хорватский язык и его диалектное членение. Характеристика чакавщины, кайкавщины и штокавщины.
- Из истории сербско-хорватского языка. Проблема лингвонима. Особенности современного сербско-хорватского языка в области фонетики и морфологии.
- История становления и развития сербско-хорватского литературного языка. Периодизация истории сербско-хорватского языка.
- Периодизация истории. Литература вопроса.
- Литературно-языковая ситуация у сербов и хорватов до XIX в.
- Литературно-языковая ситуация у сербов до XIX в. Церковнославянский язык. Русско-славянский язык. Русский литературный язык XVIII в. Народный язык.
- Литературно-языковая ситуация у хорватов и в Боснии до XIX в. Старославянский язык и глаголизм. Старославянско-хорватско-чакавский симбиоз (XI–XIV вв.). Литературный язык и литература на трех диалектах — чакавском, кайкавском, штокавском. Тенденции к преодолению диалектных различий (XV/XVI вв. и далее). Старославянская традиция. Угасание литературной чакавщины (с XVII века). Развитие кайкавского литературного языка и тенденция к штокавизации (XVII–XVIII вв.). Литературная штокавщина и угасание кайкавского литературного языка (первая треть XIX в. и далее).

- Литературно-языковая ситуация в XIX в.
- Движения за национальное возрождение. В. С. Караджич и его языковая реформа. Л. Гай и его языковая реформа. Литературно-языковая ситуация во второй половине XIX в.
- Литературно-языковая ситуация начала XX в. и до Второй мировой войны. Литературно-языковая ситуация после Второй мировой войны (вторая половина XX в.). Анкета «Летописа Матицы сербской» (1953) «Вопросы сербско-хорватского литературного языка и правописания». Новосадское совещание 1954 г. и его основные решения.
- Языковые дискуссии 60-х гг. Хорватия: «экспансия сербского элемента» и под. 1967: «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка» (*Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika*. Telegram, Zagreb, 1967, 17. III, s. 1). Poleмика вокруг «Декларации». Союз писателей Сербии и его «Предложение к размышлению» (*Предлог за razmišljanje*, Борба, Београд, 1967, 3. IV).
- 1971: Матица хорватская и Институт языка Югославской Академии наук и искусств в Загребе. Расторжение Новосадского соглашения 1954 г. 1974: новая конституция Югославии и вопрос о языках. Проекты и варианты языковой модели.
- Литературно-языковая ситуация с 90-х гг. XX в.
- Развал Югославии и образование на базе республик самостоятельных государств. Их конституции и языковая проблема. Лингвонимы.
- Языковая ситуация в Югославии (в Сербии и Черногории). Лингвонимы *srpski jezik* (екавског и ијекавског изговора). Система письма. Языковые особенности. Poleмические публикации (Р. Маревич, Л. М. Костич и др.). Отношение к другим вариантам сербско-хорватского языка. Проблема так наз. черногорского языка (*црногорски jezik/crnogorski jezik*). Публикации В. Никчевича.
- Языковая ситуация в Хорватии. Лингвоним *hrvatski jezik*. О письме. Poleмические публикации. Языковые особенности. Серия различительных словарей (В. Бродняк и др), их оценка. Активизация пуризма. Отношение к другим вариантам сербско-хорватского языка.
- Языковая ситуация в Боснии. Лингвоним *bosanski jezik/bosanski jezik*. Система письма. Различительные словари (А. Исакович). Грамматики боснийского языка. Отношение к другим вариантам сербско-хорватского языка.
- Сербско-хорватский литературный язык к началу XXI в. Генетическое единство и социолингвистическое различие. Усиление процессов дивергенции. О перспективах социолингвистически самостоятельных идиомов.

ЛИТЕРАТУРА

Слово о српском језику. Београд, 1998, 73 с.

Српски jezik на крају века. Београд, 1996, (4), 201 с.

Српски jezik. Opole, 1996, 207 с.

Шипка М. Сербокроатистика на раскршћу. Зборник за филологију и лингвистику, Нови Сад, 1998, XLI/1, 55–67.

Babić S. Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. Zagreb, 1990, 343 s.

Babić S. Hrvatski jučer i danas. Zagreb, 1995, 323 s.

- Brozović D., Ivić P. *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Zagreb, 1988.
- Bugarski R. *Jezik od mira do rata*. 2. izd. Beograd, 1995; 3. izd., 1997.
- Bugarski R. *Nova lica jezika. Sociolingvističke teme*. Beograd, 2002.
- Gudžević S. *Srpskohrvatski jezički rat. Interkulturalnost u multietničkim društvima*. Beograd, 1995, 143–163.
- Halilović S. *Bosanski jezik*. 2. izd. Sarajevo, 1998.
- Hrvatski jezik*. Opole, 1998, 339 s.
- Language planning in Yugoslavia*. Columbus, 1992, 233 p.
- Nikčević V. *Piši kao što zboriš*. Podgorica, 1993, 87 s.
- Nikčević V. *Crnogorski jezik*. Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoj. (Slavica Tartuensia IV). Tartu, 1998, 116–127.
- Okuka M. *Eine Sprache — viele Erben. Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien*. Klagenfurt, 1998, 163 S.
- Okuka M. *Hrvatski kontra srpski*. Сборник за филологију и лингвистику, Нови Сад, 1999, XLII, 277–301.
- Pranjković I. *Kronika hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb, 1993, 187 s.
- Težak S. *Hrvatski naš osebuji*. Zagreb, 1995, 259 s.

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

2001/02 уч. г. (II сем.)

Курс читался неоднократно с 70-х гг. Первоначально он назывался «Введение в интерлингвистику», затем «Основы интерлингвистики». Менялась и обновлялась концепция курса.

- Введение. Проблемы международной языковой коммуникации. Понятие интерлингвистики, ее предмет и задачи. Из истории интерлингвистики. Терминообозначение: *interlinguistique* (1911, J. Meysmans), *interlinguistics* (O. Jespersen, 1931) и т. д. M. Wandruszka (1971): похищение термина.
- Языковая картина современного мира. Открытия языков в XVIII в.: Hervas-y-Panduro, «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787–1789) и др. XIX–XX вв.: обзорные труды по языкам мира.
- Трудности в установлении числа языков мира: «белые пятна» на карте; язык — диалект?; один язык — два языка?; исчезновение языков и т. д. Статистика языков мира. Языки: стена и мост. Проблема преодоления языковых барьеров. Перевод.
- Проблема полиглотизма. Знание языков. Прецеденты полиглотизма в европейской истории. Поэтический полиглотизм. Перспективы полиглотизма.
- Социальная управляемость языка. Глубина социального воздействия на язык (яванский язык, пиджины, оживление мертвых языков — иврит, латынь, санскрит, коптский и др.). Литературный язык как сознательно организованная система. Терминологизация языка.
- Из истории интерлингвистического лингвопроектирования (resp. лингвоконструирования). Возникновение мысли об искусственном языке. Первые эксперименты. Теоретические программы построения искусственного языка. Априорно-философские системы (Бэкон, Декарт и

др.). Пиктография, идеография, пазиграфия. Недостатки пазиграфий. Частичное их практическое использование.

- Лингвопроекты XIX–XX вв. Априорные (Solrésol), априорно-апостериорные (Volapük), апостериорные (Esperanto). Социализованные международные искусственные языки (Volapük, Esperanto).
- Интерлингвистическое движение XX в. Ido, Occidental-Interlingue, Interlingua и др. Интернационализация этнических языков — обзор с древности до современности.
- Современное состояние вопроса о международном языке: международные искусственные языки, этнические языки как международные (resp. транснациональные) языки.
- Критерии вхождения в «клуб мировых языков». Лидеры клуба. Сферы употребления. Причины внешние и внутренние. Формирование разных видов (страт) английского языка (Airpseak, seapeak, copspeak). Последствия англо-американского языкового империализма. Влияние англо-американского языка на структуру других языков и на изменение менталитета. Euro-English и его особенности. Противодействие англо-американскому империализму: французский язык (лингвистические законы и т. д.); другие языки («большие») в различных регионах мира и т. д.
- Международные искусственные языки и их перспективы. Новые лингвопроекты типа Eurolang. Европейское сообщество и проблемы языковой коммуникации. Новые науки — *eurologie/euroлогия* и *eurolinguistics/Eurolinguistik/euroлингвистика*.

ЛИТЕРАТУРА

- Дрезен Э. К. *За всеобщим языком. Три века исканий*. Москва – Ленинград, 1928; на яз. эсперанто: E. K. Drezzen. *Historio de la mondolingvo*. Moskvo, 1991.
- Дуличенко А. Д. *Международные вспомогательные языки*. Таллинн, 1990.
- Кузнецов С. Н. *Теоретические основы интерлингвистики*. Москва, 1987. *Проблемы интерлингвистики*. Москва, 1976. *Проблемы международного вспомогательного языка*. Москва, 1991.
- Свадост Э. П. *Как возникнет всеобщий язык?* Москва, 1968.
- Blanke D. *Internationale Plansprachen*. Berlin, 1985.
- Couturat L., Leau L. *Histoire de la langue universelle*. Paris, 1903; 2 ed., 1979.
- Eco U. *La ricerca della lingua perfetta*. Roma – Bari, 1993.
- Einführung in die Interlinguistik*. Hrsg. T. Carlevaro, G. Lobin. Alsbach, 1979.
- Esperanto, Interlinguistics, and Planned Language*. Ed. by H. Tonkin. Lanham etc., 1997.
- Interlinguistics. Aspects of the Science of Planned Language*. Ed. by K. Schubert. Berlin – New York, 1989.
- Monnerot-Dumaine M. *Précis d'interlinguistique générale et spéciale*. Paris, 1960.
- Sakaguchi A. *Interlinguistik. Gegenstand, Ziele, Aufgaben, Methoden*. Frankfurt am Main, 1998.

Stojan P. *Bibliografio de internacia lingvo*. Genève, 1929; 2a eld., Hildesheim – New York, 1973.

Studoj pri interlingvistiko/Studien zur Interlinguistik. Festlibro por/Festschrift für D. Blanke. Dobřichovice (Praha), 2001.

* * *

Language planning and language problems. Amsterdam (международный научный журнал).

Interlinguistica Tartuensis (серия научных сборников). Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Вып. 1–7. Тарту, 1982–1990.

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ В ИСТОРИИ СЛАВЯН

2002/03 уч. г. (II сем.)

- Славистика и идея славянской взаимности. Понятие взаимности, солидарности, единства, всеславянства. Славянская идея. Славянская интерлингвистика. Проблема общего языка. Язык всеславянский, междуславянский, общеславянский, интерславянский.
- Современное славянство: распространение, статистика 90-гг. XX в. Распад славянских государств и отчуждение между славянскими народами. Актуальность идеи славянской взаимности.
- Возникновение и развитие идеи славянской взаимности до XVIII в. Наличие сознания принадлежности к единой этнической общности в VII–IX вв. Первые государственные объединения славян. Деятельность Кирилла и Мефодия (IX в.) и идея славянской взаимности. Свидетельства сознания славянского единства в памятниках письменности. Славянская идея в политике славянских государств, роль польских и чешских королей. Константин Философ Костенческий (XV в.), его «Житие Стефана Лазаревича». Борьба за «славянский язык» в гуситском движении. «О происхождении и истории славян» Винко Прибоевича (1532 г.). Реформация XVI в. Адам Бохорич (1584). Польское возрождение XV–XVI вв. Я. Кохановский (1530–1584). XVII в.: «Славянское царство» Мавро Орбини (1601), перевод на русский язык (1722). Мысль о государственном объединении всех славян в духе идеи «Москва — третий Рим» (XVII в.).
- Юрай Крижанич (1617/18–1683) и его идея славянского единения. Путешествие в Россию. Мысль о политическом единстве всех славян под эгидой России. Всеславянский язык как одно из средств достижения такого единения. «Грама̀тично изказан̀е об руском језику». Особенности всеславянского языка. Чтение текстов на всеславянском языке Крижанича.
- XVIII в.: Россия как центр славянства в представлениях некоторых польских деятелей; иные взгляды. Словения: национально-просветительное движение, Жига Цойс (1747–1810), Юрий Япель (1744–1807), Антон Линхарт (1756–1795), Блаж Кумердей (1738–1805). Сербия: митрополит Ст. Стратимирович о необходимости всеславянского языка.
- Первые славянские общества и славянские съезды 1848 г. (Прага) и 1867 г. (Москва). 1818 г.: «Orzeł Słowiański» (Вильно), «Jedność Słowiańska» (Варшава), «Соединенные славяне» (Киев), «Бедные славяне»

(1819), «Towarzystwo Zwolenników Słowiańszczyzny» (1821–1826), «Общество соединенных славян» братьев Борисовых (1823). Славянофильство 20/30-х – 60 гг. XIX в. «Кирилло-Мефодиевское общество» (1845). Славянский съезд 1848 г., его австрославистская программа. Съезд 1867 г.: влияние на развитие и укрепление славянской идеи в России.

- Славянская взаимность и единство в южнославянских землях в XIX – первой половине XX вв. Две основные славянские идеи: 1) языковое, литературное и политическое объединение всех южных славян; 2) создание всеславянского языка и культуры. Идея сближения славян в Хорватии (Андрей Айнпшилер, Матия Бан и др.). Словенцы: Варфоломей Копитар, Орослав Цаф и др.; основные точки зрения на языковое развитие: 1) «иллирийский» в качестве всеславянского; 2) развитие собственных языков, сольющихся в будущем в один; 3) старославянский язык; 4) русский как всеславянский.

- Матия Маяр (1809–1892) и его воззрения на проблему славянской взаимности. Два этапа языкового сближения славян: южнославянский («иллирийский») и всеславянский языки. Книга Маяра «Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obče slovenski jezik» (1848). Принципы словенского и «иллирийского» (статья «Ilirskoslovenski jezik», 1849). Идея всеславянского языка. Книга «Узајемні правогіс славјанскі, то је: Uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska» (1863–1865). Особенности проекта «узајемні славјанскі језік/uzajemni slavjanski jezik». Двуалфавитность всеславянского языка Маяра. Журнал «Slavjan» (1873→). Последователи Маяра. Оценка его проекта в славянской интерлингвистике и в истории славянского языкознания вообще.

- Сербы: Д. Медакович, Л. Вукатинович, А. Орешкович, М. Полит-Джанчич, Л. Стоянович, П. Сречкович и др. «Славянская беседа» в Болгарии.

- Идея славянской взаимности у западных славян в XIX в.

- Ян Коллар (1793–1852) и идея литературной взаимности славян. «Slávy dsega» (1824) и мотивы духовного единения славян. «Рассуждение об именах, начале и древностях славянского народа и его ветвей» (1830) и «О литературной взаимности» (1836). Введение и обоснование термина и понятия «литературная взаимность». Четыре «главных славянских наречия» и их изучение. Изучение «второстепенных» славянских языков. Лозунг «Slavus sum, nihil slavici a me alienum esse puto». Изучение славянских языков как препятствие использованию между славянами неславянских языков. Практические шаги по реализации идеи литературной взаимности славян: изучение языков и литератур славянских народов, обмен книгами, сотрудничество в издательском деле и т. д. Идея литературной взаимности Коллара и ее резонанс в славянском мире и на славянском съезде 1867 г.

- И. Юнгманн о необходимости для чехов идти к всеславянскому языку. Идея слияния «славянских наречий». М. Гаттала против попыток искусственного создания всеславянского языка, поддержка идеи Я. Коллара; сербско-хорватский язык как предпочтение в решении языковой проблемы. К Кузmani, М. Годжа, Л. Штур. Книга Штура «Славянство и мир будущего».

- С. Линде и его проект создания всеславянского языка.

- Вопрос о всеславянском языке в России. Роль панславизма (М. П. Погодин, В. И. Ламанский и др.). Взгляд русских деятелей на всеславянскую судьбу русского языка. А. Ф. Гильфердинг и его проект общеславянской азбуки (1871). А. И. Добрянский. А. С. Будилович и его взгляд на языковое развитие славян. Книга «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892). И. А. Бодуэн де Куртенэ и его прогноз судьбы славянских языков и русского в особенности.
- Проекты искусственного всеславянского языка и их роль в достижении славянского единства. Тема о международном славянском языке, предложенная И. А. Бодуэном де Куртенэ на первый съезд славянских филологов и историков (1904).
- Обзор и характеристика важнейших проектов и предложений по созданию рационального средства общения. Проекты: Г. Сапель (1790), Б. Кумердей (1793), Ст. Стратимирович (1796), *Universalis linguae slavicae* Я. Геркеля (1826), *Sveslavjanski jezik* М. Бана (1847–1849), проект Р. Разлага (1850), *Sveslavenski jezik* Б./М. Раича (1853), проект О. Цафа (ок. 1872), *Neuslawisch* Й. Гошека (1907), *Slavina* Й. Конечного (1912), *Slovanština* Э. Колкопа (1912–1913), *Slavski jezik* Б. Голого/Holý (1920), *Свеслав Ч. Джурджевича* (1940), *Mežduslavjanski jezik* Л. Подмеле и его сотрудников (1954–1958) и др. Утопический характер проектов в плане их воплощения в жизнь. Теоретическая значимость проектов всеславянского языка.
- Проявления идеи славянской взаимности в современной жизни славянских государств. Праздники славянской письменности и культуры в честь первоучителей Кирилла и Мефодия. Всеславянские съезды. Всеславянский Собор. Новейшие проекты всеславянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Будилович А. *Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. II. Зарождение языка на славянском Востоке.* Варшава, 1892, [2] 375 с.
- Дуличенко А. Д. *Международные вспомогательные языки.* Таллинн, 1990, 447 с.
- Дьяков В. А. *Политическая интерпретация идеи славянской солидарности и развитие славяноведения с конца XVIII в. до 1939 г.* Методологические проблемы истории славистики. Москва, 1978, 232–260.
- Запольская Н. Н. *«Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии.* Москва, 2003, 237 с.
- Крижаниц Я. *Грамматично изказанје об руском језику.* Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, год 4-й, Москва, 1848, кн. 1-ая.
- Кутаковский П. *Очерк исторических попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян.* Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885; оттиск: (2) + 56 с. + (1) с.
- Лещиловская И. И. *Концепция славянской общности в конце XVIII в. и первой половине XIX в.* Вопросы истории. Москва, 1976, № 12, 75–92.
- Первоульф И. *Славяне. Их взаимные отношения и связи. Т. II. Славянская идея в литературе до XVIII века.* Варшава: тип. К. Ковальского, 1888, 318–332.

- Пыпин А. Н. *Теория общеславянского языка Антона Будиловича. Общеславянский язык в ряду других языков древней и новой Европы. Два тома. Варшава, 1892. Вестник Европы, т. 27, С.-Петербург, 1892, кн. 4., апрель, 762–804; 1892, кн. 5, май, 302–341.*
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.* Москва: Наука, 1982.
- Стоянович Л. *Общеславянский языкъ.* Славянскій вѣкъ, Вѣна, 1901, № 5, 2–12.
- Толстой Н. И. *О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку. Проблемы современной филологии.* Москва, 1965, 260–266.
- Штур Л. *Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная.* С.-Петербург, 1909, XLVII, 176 с.
- Auty R. *Úvahy o všeslovanském jazyku v době obrozenské.* Acta Universitatis Carolinae-Philologica. Slavica Pragensia IV. Praha, 1962, 543–549.
- Duličenko A. D. *Sveslovenski jezik Juraja Križanića u kontekstu slovenske interlingvistike.* Јужнословенски филолог, Београд, 1989, XLV, 71–90.
- Georgijević K. *Kollárova ideja slovenske uzajemnosti kod Hrvata i Srba. Slovanska vzajemnost.* 1836–1936. Sbornik <...>. Praha, 1938, 63–95.
- Herkel J. *Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta.* Budae: Typis Regiae Universitatis Hungaricae, 1826, 164 p.
- Kolejka J. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв.* (Spisy Univerzity v Brně. Filosof: fak. 98). Praha, 1964, 26–33.
- Kollár J. *O literárnej vzájomnosti.* Bratislava, 1954.
- Lewaszkiwicz T. *Panslawistyczne osobliwości leksykalne S. B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego.* Wrocław etc., 1980, 164 s.
- L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica/Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики.* Roma, 1994, 194 p.
- Majar Ziljski M. *Uzajemni pravonic slavjanski, to je: uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska.* Praga, 1863–1865.
- Šumanský J. F. *Jazyk slovanský čili Myslenky o všeslovanském písemním jazyce.* V Praze, 1851, [4] 48 s.
- Weingart M. *Slovanská vzajemnost. Úvahy o jejich základech a osudech.* (Sbirka přednášek a rozprav extense Univerzity Komenského v Bratislavě Sv. 2). Bratislava, 1926, 254 s.
- Wollman F. *Panslavismus, slavjanofilství, slovanská «idea» a pod. emergentní struktury?* Slavia, r. XXXVII, Praha, 1968, seš. 2, s. 253–269.
- Wollman F. *Slovanstvi v jazykově literárním obrození u Slovanů.* Praha: SPN, 1958, 243 s.

КУРСЫ ПРОФ. ДР. С. Г. ИСАКОВА**ОБЗОРНЫЙ КУРС ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР**

Курс читается периодически с начала 90-х гг.

- Славяне. Проблема славянской общности. Понятие «Славянские литературы». Закономерности развития славянских литератур и общеевропейский литературный процесс. Истоки славянских литератур. Праславянская устная словесность. Возникновение славянской письменности. Кирилл и Мефодий и их деятельность.
- Болгарская литература X–XI вв.
- Литература чехов, словаков и других славянских народов периода раннего и зрелого феодализма. Общие черты славянских литератур этого периода.
- Южнославянские и польская литература периода позднего Средневековья. Чешская словесность периода позднего Средневековья. Гуситская литература. Ренессанс в славянских литературах. М. Рей, Я. Кохановский.
- Характерные черты славянского Барокко. Барокко в хорватской, далматинской (дубровницкой) литературе. Барокко в польской литературе. Барокко в чешской литературе.
- Классицизм и Просвещение у славян. Чешская и южнославянские литературы XVIII в. Польская литература XVIII в. И. Красицкий.
- Основные черты развития славянских литератур в первой половине XIX в. Славянский романтизм. Польская литература первой половины XIX в. А. Фредро. Польский романтизм. А. Мицкевич. Ю. Словацкий. З. Красицкий. Чешская и словацкая литературы первой половины XIX в. К. Г. Маха. Б. Немцова. Литература южных славян первой половины XIX в.
- Общие черты развития славянских литератур второй половины XIX в. Реализм у славян. Польская литература второй половины XIX в. Ц. Норвид. Ю. И. Крашевский. Литература польского позитивизма. Э. Ожешко. Б. Прус. Г. Сенкевич. Чешская литература второй половины XIX в. Я. Неруда. А. Ирасек. Словацкая литература XIX в. Болгарская литература второй половины XIX в. Л. Каравелов. И. Вазов. Сербская, хорватская и словенская литературы второй половины XIX в. Б. Нушич, А. Шеноа.
- Общие тенденции развития славянских литератур в начале XX в. Модернизм и неоромантизм у славян. Польская литература начала XX в. «Молодая Польша». С. Выспяньский. Л. Стафф. Б. Лесьмян. С. Жеромский, В. Реймонт. Чешская литература начала XX в. С. К. Нейман. Словацкая литература этого периода. Литература южных славян начала XX в. Пенчо Славейков. П. Яворов. Елин Пелин. В. Назор и др.
- Основные черты развития славянских литератур 1918–1944 гг. Авангардизм. Экспрессионизм и другие течения. Психологический реализм. Специфические черты в истории отдельных славянских литератур 1918–1944 гг. Ю. Тувим. С. И. Виткевич. Я. Гашек. К. Чапек. М. Крлежа. И. Андрич. Й. Йовков и др.
- Основные моменты развития славянских литератур после Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

- История литератур западных и южных славян. Т. 1–2.* Москва, 1997.
 Андреев В. Д. *История болгарской литературы. Изд. 2-е, испр. и доп.* Москва, 1987.
 Зарев П. *Панорама болгарской литературы. Т. 1–2.* Москва, 1976.
История польской литературы. Т. 1–2. Москва, 1968–1969.
История словацкой литературы. Москва, 1970.
 Кузнецова Р. Р. *История чешской литературы.* Москва, 1987.
Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв. Москва, 1963.
- * * *
- Очерки истории культуры славян.* Москва, 1996.
 Топоров В. Н. *Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. (Введение к курсу истории славянских литератур).* Москва, 1998.
 Tschizewskij D. *Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen. Bd. I–II.* Berlin, 1968.
Зарубежные славянские литературы XX в. Москва, 1970.
История всемирной литературы. Т. 2–8. Москва, 1984–1994 (разделы, посвященные славянским литературам).
 Гугнин А. А. *История серболужицкой литературы. Краткий очерк с библиографией.* Москва, 1996.
 Milosz C. *Historia literatury polskiej.* Kraków, 1993.
 Деретић Ј. *Историја српске књижевности.* Београд, 1983.
 Barac A. *Jugoslavenska književnost.* Zagreb, 1954.
 Frangeš J. *Povijest hrvatske književnosti.* Zagreb, 1987.
 Slodnjak A. *Slovensko slovstvo.* Ljubljana, 1968.

ЭСТОНО-СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Курс читается периодически с начала 90-х гг.

- Древнейшие связи предков современных эстонцев со славянами. Источники. Археологические данные. Данные языка и фольклора. Чудь в русских летописях. Эстонцы и Киевская Русь.
- Культурные связи эстонцев с русскими XIII–XVI вв. Русские купеческие колонны в городах Эстонии. «Житие священномученика Исидора и с ним сострадавших 72 юрьевских мучеников». События Ливонской войны.
- Эстонско-польские культурные связи конца XVI – начала XVII вв. Деятельность иезуитов в Тарту. Русские в Эстонии в шведскую эпоху (XVII в.). Леонтий Белоус и его «Плач о реке Нарове». Русские в Алутагузе.
- Русско-эстонские культурные связи и литературные связи в XVIII в. Русские писатели и ученые в Эстонии. Русское население в городах Эстонии. Памятники русского искусства в Эстонии.
- Русские старообрядцы в Причудье, их культура.
- Декабристы и Эстония. Произведения А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Бестужева и В. К. Кюхельбекера об Эстонии.

- Русский культурный центр в Тарту в первой трети XIX в. А. С. Кайсаров. В. А. Жуковский. А. Ф. Воейков. Н. М. Языков. В. И. Даль. Связи дерптского русского культурного центра с А. С. Пушкиным. Школа дерптских русских студенческих поэтов. В. А. Соллогуб. Профессорский институт и Н. И. Пирогов.
- Русские на «ревельских водах» в первой половине XIX в. Формирование русского культурного очага в Ревеле (Таллинне). П. А. Вяземский. Журнал «Радуга» Ф. М. Достоевский.

ЛИТЕРАТУРА

- Исаков С. *Русские писатели и Эстония. Изд. 2-ое, испр. и доп.* Таллин, 1985.
- Postitõllaga läbi Eestimaa: Eestimaa vene kirjanike kujutuses (XVIII sajandi lõpp – XX sajandi algus).* Koost. S. Issakov. Tallinn, 1971.
- * * *
- Будилович А. С. *О русском Юрьеве старого времени в связи с Житием Священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников.* Сборник Учено-литературного общества при Имп. Юрьевском ун-те, Юрьев, 1901, т. 4.
- Liiv O. *Vene asutusest Alutagusel kuni XVIII sajandi esimese veerandini.* Tartu, 1928.
- Moora A. *Peipsimaa etnilisest ajaloost. Ajaloolis-Anograafiline uurimus eesti-vene suhetest.* Tallinn, 1964.
- Рихтер Е. В. *Русское население западного Причудья. (Очерки истории, материальной и духовной культуры).* Таллин, 1976.
- Helk V. *Die Jesuiten in Dorpat, 1583–1625. Ein Vorposten der Gegenreformation in Nordosteuropa.* Odense University Studies in History and Social Sciences, 1977, vol. 44.
- Шаскольский И. П. *Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.* Ленинград, 1978.
- Седов В. В. *Славяне в раннем Средневековье.* Москва, 1995.
- Рябинин Е. А. *Финно-угорские племена в составе Древней Руси.* С.-Петербург, 1997.

ИСТОРИЯ РУССКОГО МЕНЬШИНСТВА В ЭСТОНИИ ДО 1940 Г.

1999/2000 уч. г.

- Древнейшие связи предков современных эстонцев со славянами. Эстонско-восточнославянские культурные и политические связи периода Киевской Руси. Следы их в языке. Эстонский элемент в русском фольклоре. Русский (славянский) элемент в эстонском словесном и музыкальном фольклоре.
- Русско-эстонские контакты XIII–XV вв.
- Русская колония в средневековом Юрьеве-Дерпте. «Житие священномученика Исидора...».
- Русско-эстонские связи в XVI в. Алексей Адапьев. Андрей Курбский.
- Русские в Эстонии в XVII в. «Плач о реке Нарове» Леонтия Белоуса. Г. Котошихин.
- Русское городское население в Эстонии в XVIII в. Русское сельское население в Алутагузе и Причудье. Полуверцы. История старообрядчес-

кой общины в Эстонии. Общественная жизнь и духовная культура причудских старообрядцев. Отражение Северной войны в русском фольклоре и литературе. Памятники русской архитектуры и скульптуры XVIII в. в Эстонии. Деятели русской культуры и науки в Эстонии XVIII в. Абрам Ганнибал. Интерес М. В. Ломоносова к эстонцам и эстонскому языку. Деятели русской литературы и музыки в Эстонии в XVIII в.

- У истоков русского культурного очага в Дерпте. Г. А. Глинка. А. С. Кайсаров. А. Ф. Воейков. В. А. Жуковский в Тарту (Дерпте). Круг дерптских друзей и знакомых В. А. Жуковского.

ЛИТЕРАТУРА

См. спецкурс «Эстоно-славянские культурные и литературные отношения».

КУРСЫ ПРОФ. ДР. Я. ЛЕВАНДОВСКОГО

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

1996/97 уч. г. (I сем.)

- Monarchia wczesnofeudalna (do roku 1138). Powstanie państwa polskiego.
- Polska za panowania Bolesława Chrobrego. Kryzys i odbudowa państwa pierwszych Piastów. Polska w dobie walki o inwestyturę. Rozbicie dzielnicowe (1138–1320). Walki wewnętrzne i straty terytorialne.
- Dążenia zjednoczeniowe w XIII w. Przemiany społeczno-gospodarcze. Powstawanie stanów. Monarchia stanowa (1320–1454). Walki wewnętrzne i straty terytorialne. Monarchia Kazimierza Wielkiego. Unie polsko-litewskie i ich następstwa. Rozwój folwarku i przywilejów szlacheckich. Kultura średniowiecznej Polski.
- Rzeczpospolita Obojga Narodów w dobie demokracji szlacheckiej (1454–1648). Stan szlachecki i jego państwo. Pohtyka zagraniczna państwa polskolitewskiego. Rzeczpospolita «złotego wieku». Kultura renesansu w Polsce. W dobie oligarchii magnackiej (1648–1764). Stosunki wewnętrzne w Rzeczypospolitej w XVII w. Polska wobec sąsiadów w XVII w. «Czasy saskie». Kultura baroku. Sarmatyzm i ideologia przedmurza.
- W dobie reform i rozbiorów (1764–1795). Proby reform w oparciu o Rosję.
- Ożywienie gospodarcze i kulturalne. Walka o uratowanie państwa. Konstytucja 3 maja 1791 r. i insurekcja kościuszkowska. Epoka porozbiorowa (1795–1918). Ziemie polskie i Polacy po III rozbiorze. Księstwo Warszawskie. Królestwo Polskie i zabor rosyjski. Powstanie listopadowe. Wielka Emigracja. Stosunki społeczno-polityczne w dobie międzypowstaniowej. Powstanie styczniowe. Romantyzm w Polsce. Ziemie polskie po uwłaszczeniu chłopów. Powstanie nowoczesnych ruchów politycznych. Rewolucja 1905–1907 na ziemiach polskich. Społeczeństwo polskie i jego kultura w 2 pol. XIX w.
- Ziemie polskie w czasie I wojny światowej. II Rzeczpospolita (1918–1939). Walka o terytorium i ustroj państwa. Demokracja parlamentarna w latach 1918–1926. Przewrót majowy — autorytarne rządy sanacyjne. Sytuacja wewnętrzna i międzynarodowa przed rokiem 1939.

- Polska w latach II wojny światowej (1939–1945). Wrzesień 1939 i walki na frontach II wojny światowej. Polityka władz okupacyjnych na ziemiach II RP. Polskie państwo podziemne. Walka o terytorialny i ustrojowy kształt państwa.
- Polska Rzeczpospolita Ludowa (1944–1989). Walka o władze (1944–1948). Polskie oblicze stalinizmu (1948–1936). «Polski Październik» i jego następstwa (1956–1970). «Przerwana dekada» E. Gierka (1970–1980). «Polski Sierpień» i «I Solidarność» (1980–1981). Od stanu wojennego do «Okragłego Stołu» (1981–1989).
- III Rzeczpospolita (od 1989 r.). Obrady Okragłego Stołu i «kontraktowe wybory». Sytuacja wewnętrzna i międzynarodowa Polski po wyborach w czerwcu 1989 r. Reformy polityczne i ekonomiczne rządu T. Mazowieckiego (1989–1990). Układ sił politycznych po wyborach prezydenckich (1990) i parlamentarnych (1991). Zwycięstwo lewicy w wyborach parlamentarnych (1993) i prezydenckich (1995). Społeczne i polityczne rezultaty przemian. Polska polityka zagraniczna po roku 1989 — stosunki z sąsiadami, dążenia do NATO i Unii Europejskiej. Sytuacja polityczna po wyborach we wrześniu 1997 r.

LITERATURA

Historia Polski. 1–3. Wyd. 3. Warszawa, 1960–1963; 1966, t. 4.

История Польши. Т. I–III. Москва, 1955–1958.

История южных и западных славян. Москва, 1969.

Mała encyklopedia PWN. Warszawa, 1995.

Buszko J. *Historia Polski. 1864–1948. Warszawa, 1983.*

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Literatura dwudziestolecia międzywojennego (1918–1939). Polityczne i społeczne uwarunkowania życia kulturalnego, twórczość pokolenia Młodej Polski (Żeromski, Staff, Leśmian i in. «Skamander», Tuwim, Iwaszkiewicz, Lechoń, Wierzyński, Slonimski — najsilniejsza grupa poetycka w XX w.). Ugrupowania awangardy literackiej.
- Proza międzywojenna (Dąbrowska, Nalkowska i in.) Katastrofizm w literaturze lat 30-ych. Dramaturgia J. Szaniawskiego i S. I. Witkiewicza. Krytyka literacka Boya-Zeleńskiego i Irzykowskiego. Esej, publicystyka i reportaż (Stempowski, Pruszyński, Wankowicz).
- Literatura lat wojny i okupacji (1939–1945). Warunki życia literackiego w kraju i na emigracji. Kontynuacje (Skamandryci, Broniewski, Miłosz) i debiuty (Baczyński, Borowski, Gajcy).
- Literatura okresu Polski ludowej (1945–1989). Warunki funkcjonowania literatury w kraju i na emigracji. Kolejne pokolenia i nurty powojennej poezji (Miłosz, Szymborska, Herbert). Główne kierunki i osiągnięcia prozy («Sława i chwała» J. Iwaszkiewicza, Andrzejewski, Konwicki, Strykowski). Między literaturą a dokumentem (Herling-Grudziński, Moczarski, Dąbrowska). Dramaturgia Gombrowicza, Mrożka i Różewicza. W kręgu kabaretów i estrady. Esej, publicystyka i reportaż.
- Literatura polska po roku 1989. Literatura ludowa i mniejszości narodowych.

LITERATURA

- Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny. T. 1–2.* Warszawa, 1985.
Historia literatury polskiej w zarysie. T. 1–2. Warszawa, 1987.
 Matuszewski R. *Literatura Polska 1939–1991.* Warszawa, 1992.
 Chrzanowski I. *Historia literatury niepodległej Polski. T. 1–3.* Warszawa, 1994.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1996/97 уч. г. (II сем.)

- Wprowadzenie historyczne. Główne tendencje w kulturze polskiej poszczególnych epok.
- Średniowiecze. Główne zabytki piśmiennictwa i architektury. Styl romański i gotycki.
- Renesans jako «złoty wiek» kultury polskiej. Rozwój języka i literatury. Sakralna i świecka architektura, rzeźba i nauka.
- Barok. Ideologia sarmatyzmu i jej odbicie w polskiej kulturze. Barok w polskim krajobrazie kulturalnym.
- Oświecenie i klasycyzm.
- Romantyzm. Malarstwo, architektura i muzyka epoki.
- Pozytywizm i modernizm. Powiązania kultury polskiej z europejską i jej specyfika.
- Kultura polska XX wieku. Geografia współczesnej kultury polskiej. Dyscypliny tradycyjne: architektura, rzeźba, malarstwo, literatura, teatr. «Nowe Muzy»: film, radio, telewizja. Kultura masowa: estrada i sport. Kultura ludowa. Kultura mniejszości narodowych.

LITERATURA

- Historia sztuki polskiej w zarysie T. 1–3. Wyd. 2.* Kraków, 1965.
 Krzyżanowski J. *Słownik folkloru polskiego.* Warszawa, 1965.
 Adrijanski Z. *Złota księga pieśni polskich.* Warszawa, 1997.

КУРСЫ ЛЕКТОРА М. КЫРВЕЛ

ЧЕШСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

(ОБЗОРНЫЙ КУРС ГЕОГРАФИИ, ЭКОНОМИКИ,
 КУЛЬТУРЫ И Т. Д.)

- * Tšehhi Vabariik — põhiandmed riigi ning rahva kohta. Administratiivjaotus. Võimuorganid. Riiklikud ja rahvuslikud sümbolid, rahvuspühad jne.
- Tšehhi Vabariigi geograafiline asend ning koht Euroopas. Naaberriigid.
- Üldandmed rahvastiku kohta. Suuremad linnad. Rahvusvähemused ning nende ajalooline saatus.
- * Ülevaade looduslikest ning kliimaatilistest tingimustest. Mäestikud, kõrgustikud, madalikud. Loodusmälestised ning rahvuspargid. Kuurordid.
- Veestik — jõed, tehis- ning looduslikud järved, veehoidlad.
- Ülevaade tähtsamatest maavaradest ning nende peamised leiukohad.
- Tšehhi Vabariigi tööstus. Elektrijaamad. Peamised tööstusharud ning piirkonnad. Rasketööstus: tööstuskeskused ning peamised tootartiklid.
- * Ülevaade kergetööstusest (tööstuskeskused ning peamised tootartiklid).

- Tšehhi Vabariigi põllumajanduse üldise loomust.
- Ülevaade põhilistest transpordiliikidest ning magistraalidest.
- Tšehhi Vabariigi eksport ja import. Peamised kaubanduspartnerid.
- Ülevaade kaasaegsest tšehhi haridus- ja kultuurielust. Ajakirjandus, TV, raadio. Muusika. Kunst. Sport. Lühiülevaade tšehhi teatri ajaloost. Rahvus-teatri loomine. Kaasaegsed eksperimentaalsed suunad (studioteatrid, Laterna Magika jt.)
- Lühiülevaade tšehhi filmiajalooft. «Oscariga» pärjatud tšehhi filmid.
- Tšehhi ajaloo lühitutvustus eelajaloolisest ajast kuni tänapäevani. Tähtsaimad ajaloo- ning kultuurimälestised Tšehhi Vabariigis ning Prahast.
- Lühiülevaade tšehhi folkloorist (tähtsamad folkloorižanrid, rahvakombed ning tavandid, rahvariided jne.).

KIRJANDUS

- Ekonomické perspektivy České republiky*. Praha, 1993.
- Menci V., Hájek M., Kadlecová E. *Křižovatky XX. století*. Praha, 1990.
- České dějiny v datech 1945–1997*. Praha, 1998.
- Čornej P. *Vše podstatné z českých dějin*. Praha, 1992.
- Polišenský J. V. *History of the Czechoslovakia in Outline*. Praha, 1991.
- Historie Národního divadla*. Praha, 1993.
- Frolec V. a kol. *Vánoce v české kultuře*. Praha, 1989.
- Česká republika. Mapa. Kartografie*. Praha, 1995.
- Čapka F. *Dějiny zemi Koruny české*. Praha, 1998.

ОБЗОРНЫЙ КУРС ИСТОРИИ ЧЕХИИ

- Tšehhima eeljalugu. Esimesed teadaolevad ürginimeste peatuspaigad praeguse Tšehhi Vabariigi territooriumil.
- Tšehhima enne slaavlaste tulekut: ülevaade keldi ning germaani hõimude ajaloost ja kultuurist. Tšehhia ja Moraavia asustamine slaavlaste poolt. Teated slaavlastest tolleaegsetes kroonikates. Esimeste riiklike ühenduste tekkimine lääneslaavi rahvastel. Suur-Moraavia riigi tekkimine ja langus, ühiskondlik ja kultuuriline tähtsus. Ristiusu vastuvõtmine.
- Varakeskaeg, tšehhi maade ühendamine Přemysliidide dünastia esindajate poolt. Tšehhi vürstiriigi majanduslik ja kultuuriline areng. Kuningriigi tekkimine. Tšehhi kuningriigi keskaegne õitseng. Kuulsad valitsejad Luksemburgide dünastiast.
- Hussiitliku liikumise eeldused. Jan Hus kui hussiitide peamine ideoloog. Hussiitide sõjad. Jiří z Poděbradi valitsemisaeg.
- Habsburgide dünastia esindajate valimine tšehhi troonile. Humanistliku kultuuri õitseng 16.–17. saj.
- Nn. Seisuste ülestõus ja 30.-aastane sõda. Tšehhi krooni maade inkorporeerimine Habsburgide poolt, majanduse ning kultuurielu allakäik. Tšehhi põgenikud Euroopa maades.
- Tšehhima üldine areng 18. saj. Eeldused rahvuslikuks taassünniks. Majandus- ja kultuurisaavutused.
- Nn. tšehhi rahvuslik ärkamisaeg — olulisemad sündmused majanduses, kultuuris ning ühiskondlikus elus.
- Tööstuse, tehnika ning kultuuri areng 19. saj. II poolel ning 20. saj. alguses.
- I Maailmasõda ning Tšehhoslovakkia Vabariigi tekkimine.

- Tšehhoslovakkia areng ning tähtsaimad saavutused 1918–1938.
- Fašistlik okupatsioon ja II Maailmasõda.
- Esimesed pärast sõjaaegsed aastad. 1948. a. riigipööre ning sotsialistliku Tšehhoslovakkia edasine areng kuni 1950.-ndate aastate keskpaigani.
- 1960.-ndate aastate reformipoliitika. «Praha kevad» ning selle kurb finaal.
- TSSV peamised arengutendentsid 1970.-1980.-ndatel aastatel.
- Nn. sametrevolutsioon ning Tšehhoslovakkia lagunemine. Ülevaade Tšehhi ühiskonna peamistest arengusuundadest- ning perspektiividest kaasajal.

KIRJANDUS

- Petráň J. a kol. *Dějiny Československa do roku 1648*. Praha, 1990.
 Kvaček R. a kol. *Dějiny Československa 1648–1918*. Praha, 1990.
 Čapka F. *Dějiny zemi Koruny české*. Praha, 1998.
 Adamová K., Mates P. *Česke dějiny v datech*. Praha, 1998.
 Drda P., Rybová A. *Keltové a Čechy*. Praha, 1998.
 Menci V., Hájek M., Kadlecová E. *Křižovatky XX. století*. Praha, 1990.
 Mandelová H. *Na úsvitu českých dějin*. Praha, 1993.
 Čornej P. *Vše podstatné z českých dějin*. Práh. Praha, 1992.
 Polišenský J. V. *History of the Czechoslovakia in Outline*. Praha, 1991.
 Pekař J. *Postavy a problémy českých dějin*. Praha, 1990.
 Filip J. *Sázava ve světle archeologie a dějin kultury*. Praha, 1977.
 Kvaček R. *Landmarks in the history of the Czech State*. Praha, 1994.

КУРСЫ МАГ. ЛЕКТОРА И. В. АБИСОГОМЯН

НОВЕЙШИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

2002/03 уч. год (I сем.)

- Общественно-политические изменения в Чехии и их влияние на процесс эволюции чешского языка: краткая характеристика экономического, политического и социального развития чешских земель, социолингвистические процессы.
- Краткая характеристика исторического развития чешского языка. Язык чехов со времен формирования до эпохи национального Возрождения. Развитие чешского языка с периода национального Возрождения до обретения государственной самостоятельности в 1918 г. Чешский язык в период между двумя мировыми войнами и после Второй мировой войны в Чехословакии. Современная чешская языковая ситуация.
- Функциональная стратификация современного чешского языка. Сколько существует на сегодняшний день «чешских языков»? Проблемы выделения основных форм функционирования чешского языка. Чешский язык как национальный. Коммуникативно-функциональный спектр современного чешского общества. Исторические причины функциональной дифференциации современного чешского языка. Вопрос о социальной дифференциации. Типы коммуникативных ситуаций и функциональной дифференциации. Альтернативные средства выражения. Мотивация для возникновения различных альтернативных средств выражения «code-switching», престижность использования тех или иных языковых единиц, коммуникативные барьеры, коммуникативный дефи-

цит. Разграничение письменного и разговорного чешского языка. Основные характеристики грамматических различий. Письменная и разговорная форма чешского языка и понятие «чешский литературный язык».

- Языковая политика в Чешской республике. Проблема государственного языка. Обучение чешскому языку в школе и вузах. Обучение чешскому языку как иностранному.

- Чешский язык за рубежом: функционирование и изучение. Актуальные задачи чешского языкознания и их выполнение. Материальная основа для новой кодификации чешского языка. Фиксация и изучение норм современного литературного языка. Грамматики чешского языка. Словари современного чешского языка. Изучение различных форм существования чешского языка: диалекты, *obecná čeština* и др.

- Характерные черты современного чешского языка. Изменения в области фонетики. Изменения в оценке фонетических вариантов. Орфоэпия. Развитие литературного произношения. Развитие чешского правописания после 1945 г. Принципы и кодификация чешского правописания. Изменения в кодификации правописания. Формальная морфология. Изменения в системе флексий. Синтаксис современного чешского языка. Динамика развития лексического состава чешского языка в XX в. Влияние иностранных языков на чешский язык. Стиль и наука о нем.

- Чешский язык в различных коммуникативных ситуациях. Язык политики. Язык журналистики. Язык науки. Язык литературы. Язык рекламы и т. д.

- Чешский язык и языки национальных меньшинств. Юридический и языковой аспекты в вопросе о национальных меньшинствах Чешской республики. Чешский и словацкий языки. Сравнительная характеристика чешского и словацкого языков. Чешский и словацкий языки в коммуникативном контакте. О попытках создания так наз. моравского литературного языка. Чешский и польский языки. Сравнительная характеристика чешского и польского языков. Польское меньшинство в Чехии. Обучение польскому языку. Проблема ляхского литературного языка. Языковая ситуация на чешско-польских пограничных территориях. Чешский и немецкий языки. Сравнительная характеристика чешского и немецкого языков. Отношения между чешским и немецким народами и языками с исторической и политической точек зрения. Немецкое меньшинство в чешских землях. Обучение немецкому языку. Тенденция к новому чешско-немецкому двуязычию после 1989 г. Чешский и цыганский языки. Сравнительная характеристика чешского и цыганского языков. Цыганское меньшинство в Чехии. Современное положение цыганского языка в Чехии. Возможности создания цыганского литературного языка. Перспективы развития цыган и цыганского языка в Чешской республике.

- Чешский язык в европейском языковом контексте. Развитие языкового законодательства в Чешской республике. Возможности многоязычной коммуникации. Влияние английского языка на чешский язык. Чешский и другие славянские языки.

ЛИТЕРАТУРА

- Нещименко Г. П. *Несколько мыслей по поводу новых грамматик чешского языка. Вопросы языкознания*, Москва, 2000, № 1, 121–134.
- Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 20. Москва, 1987.
- Český jazyk. (Najnowsze dzieje języków słowiańskich)*. Opole, 1998.
- Daneš Fr. a kol. *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha, 1997.
- Čmejková S., Daneš Fr., Kraus J., Svobodová I. *Čeština, jak ji znáte a neznáte*. Praha, 1996.
- Čeština našich dní*. Praha, 1996.
- Čeština — řeč a jazyk*. Praha, 1996.
- Nebeská I. *Jazyk – norma – spisovnost*. Praha, 1996.
- K diferenciaci současného mluveného jazyka*. Ostrava, 1994.
- Sgall P., Hronek J. *Čeština bez příkras*. Jinočany, 1992.
- Uličný O. *Čeština se vyvíjí i dnes. Čeština doma a ve světě*, 1995, № 3, 124–127.

* * *

- Mluvnice češtiny. I–III. (Ústav pro český jazyk ČSAV)*. Praha, 1986–1987.
- Průruční mluvnice češtiny. 1. vyd. Praha, 1995; 2. vyd. 1996.*
- Havránek D., Jedlička A. *Stručná mluvnice česká. 25. opravené a doplnené vyd. Praha, 1996.*
- Pravidla českého pravopisu*. Praha, 2001.

* * *

- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 2001.
- Slovník spisovného jazyka českého I–IV. Hl. red. B. Havránek*. Praha, 1958–1971; reprint 1989.
- Akademický slovník cizích slov*. Praha, 1995; 2. vyd. 1997.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky. I. Přirovnání*. Praha, 1983; *II. Výrazy neslovesné*. 1988; *III. Výrazy slovesné I, 2*. Praha, 1994.
- Lotko E. *Slovník lingvistických terminů pro filology*. Olomouc, 2000.
- Ouředník P. *Šmirbuch jazyka českého. Slovník nekonvenční češtiny*. Praha, 1992.
- Šroufková M., Vencovská M., Pleský R. *Nový rusko-český, česko-ruský slovník*. Praha – Moskva, 2000.
- Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Red. O. Martincová*. Praha, 1998.

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ДОКЛАДЫ ЗА 1999–2002 ГГ.)

Научные семинары для сотрудников, магистрантов и докторантов при кафедре славянской филологии стали проводиться со второй половины, а с большей или меньшей регулярностью — с конца 90-хх гг. Участие в работе семинара открыто для всех. Кроме славистов кафедры, на семинаре выступали также гости — докторант Калифорнийского ун-та М. Берман (M. Baerman), преподаватель венгерского языка в Тартуском ун-те С. Тот (S. Tóth), магистрант по эстонской филологии П. Кехайов (Болгария). На слушании отдельных докладов [«Двигается ли русский язык к аналитическому строю? (О лингвистических прогнозах XX века)», «Лексико-семантические процессы и тенденции развития современных славянских языков (концепция и проект лексикологического и семасиологического тома)»] присутствовали также некоторые сотрудники кафедры русского языка.

1999

- Дуличенко, Александр Дмитриевич. *Глагольные отделяемые приставки в славянском, германском и финно-угорском как объект контактной грамматики* (23.02.1999).
- Дуличенко А. Д. *О проблематике XII Международного съезда славистов в Кракове* (1998) (9.03.1999).
- Сорока, Ирина Валерьевна. *Новейшие процессы в славянских языках: чешский язык* (18.05.1999).
- Третьяк, Марина; Федорова, Анна. *О сборнике докладов чешской делегации на XII Международном съезде славистов в Кракове* (1998) (18.05.1999).
- Tóth, Szilárd. *Славянские заимствования и их роль в отпадении конечных гласных в венгерском языке* (9.10.1999).
- Романчик Э., Сорока И. В. *О трудах А. С. Мильникова «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы» (СПб., 1996) и «Z polskich studiów slawistycznych: Językoznawstwo» (Warszawa, 1998)* (7.12.1999).

2000

- Исаков, Сергей Геннадьевич. *О сборнике «Uniwersytet w Tartu a Polacy» (Lublin, 1999) (22.02.2000).*
- Дуличенко А. Д. *Новинки в современной русской лексикографии (7.03.2000).*
- Дуличенко А. Д. *О книге «Sprachen in Europa» (Innsbruck, 1999) (7.03.2000).*
- Бенакьо, Розанна. *О некоторых вопросах изучения резьянского диалекта (21.03.2000).*
- Дуличенко А. Д. *Русский язык в Эстонии и формы его существования: проблемы и перспективы изучения (18.04.2000).*

2001

- Кехайов, Петър. *Опыт составления первого болгарско-эстонского словаря (20.02.2001).*
- Дуличенко А. Д. *Русский язык 'после Союза' (3.04.2001).*
- Сорока И. В. *Развитие чешской лексикографии в период национального Возрождения: традиции и новаторство (17.04.2001).*
- Кехайов П. *Македонский язык сквозь призму языковых контактов (4.12.2001).*
- Мянд, Кристина. *Путь Швейка на эстонскую сцену (4.12.2001).*
- Третьяк М. *К вопросу о служебных частях речи в ляшском (18.12.2001).*
- Шиндяпин, Александр. *Система местоимений ляшского литературного языка (на фоне верхнеостравских говоров, словацкого и польского языков) (18.12.2001).*

2002

- Дуличенко А. Д. *Движется ли русский язык к аналитическому строю? (О лингвистических прогнозах XX века) (22.01.2002).*
- Серно, Патрик. *О некоторых аспектах советского языкознания 20–30-х гг. XX в. (1.03.2002).*
- Романчик Э. *Вопросы новейшей кашубской лексикографии (5.03.2002).*
- Сорока И. В. *Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения) (26.03.2002).*
- Дуличенко А. Д. *Об эгейско-македонском литературном (микро)языке в современной Греции (9.04.2002).*
- Дуличенко А. Д. *Лексико-семантические процессы и тенденции развития современных славянских языков (концепция и проект лексикологического и семасиологического тома). Международный проект «Сравнение систем и функционирования славянских языков» (Опольский ун-т, Польша) (21.10.2002).*

**БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1992–2002)**

**БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПРОФ. С. Г. ИСАКОВА
ЗА 1992–2002 ГГ.**

1992

1. Никифоров-Волгин В. Дорожный посох. Избранное*. Сост., послесл. [«Забывтый писатель», 330–339] и коммент. [340–356; Объяснит. словарь, 357–363] С. Исакова. Москва: Русская книга, 1992, 368 с.
2. Mälestusi Tartu ülikoolist 1900–1944. Koost. S. Issakov ja H. Palamets. Tallinn: Olion, 1992. Eessõna — «Tartu ülikool (1900–1944) memuaarikirjanduses», 5–18; osa «1900–1918» koostamine — 35–204; kommentaarid — 485–518.
Рец.: Ü. Tont. *Kultuurilugu ja ajalugu*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1993, № 11, 688–691.
3. Из истории русской периодической печати в Эстонии: Газета «Свободная Россия» («Свобода России», «За свободу России»). Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992, 439–452.
4. Начало нового этапа. Русская общественная и культурная жизнь в Эстонии в 1919–1921 гг. *Studia russica Helsingiensia et Tartuensia* III. Проблемы русской литературы и культуры. (*Slavica Helsingiensia* 11). Helsinki, 1992, 103–154.
5. И. Бунин и Эстония. Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века (Материалы междунар. науч. конф. 9–10 окт. 1992 г.). Воронеж: МИПЛ «Логос», 1992, 107–110.
6. *Неизвестные письма М. Горького В. Ленину*. Радуга, Таллинн, 1992,

* Здесь и далее жирным шрифтом выделены работы, вышедшие в свет отдельными изданиями.

№ 5, 78–85; *Revue des études slaves*, Paris, 1992, т. LXIV, f. 1, 143–156.

1993

7. *Об изучении русского национального меньшинства в Эстонии: проблемы и перспективы*. Teaduslugu ja nüüdisaeg VIII. Tallinn, 1993, 149–162.
8. *Профессор Тартуского университета А. Стендер-Петерсен и научные связи Запада и Востока*. 17th Baltic Conference on History of Science: Baltic Science between the West and the East/XVII Балтийская конференция по истории науки: Балтийская наука между Западом и Востоком. [Тарту, 1993], 32–35.
9. *Забывтый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной Пустыней*. Оптина Пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19–23 апреля 1990 г. Москва: Помовский и партнеры, 1993, вып. I, 227–269.
10. *Петербург в истории эстонской культуры*. Радуга, Таллинн, 1993, № 3, 62–71.
11. *Из истории.... Славянский венок*. С.-Петербург: Лениздат – Таллинн: Союз слав. просветит. и благотворит. обществ, 1993, 9–15.
12. *Русские литературные объединения в Эстонии (1919–1940)*. Радуга, Таллинн, 1993, № 6, 33–48; № 7, 44–50.
13. *Карл Карлович Гершельман*. Радуга, Таллинн, 1993, № 9, 23–25.
14. *Борис Христианович Тагго-Новосадов*. Радуга, Таллинн, 1993, № 12, 49–51.
15. *Игорь Северянин в Эстонии. Материалы к библиографии. Исправления и дополнения*. De visu [Москва], 1993, № 9, 64–68.
16. Рец.: *Raamat Peterburi eesti seltside teatritegevusest*. Keel ja kirjandus. Tallinn, 1993, № 3, 179–182.
17. *Vene koorilaulu ja vene laulupidude ajaloost Eestis*. Teater. Muusika. Kino, Tallinn, 1993, № 5, 27–31.

1994

18. *Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.)*. Словник. (Русский исслед. центр при Союзе слав. просветит. и благотворит. обществ в Эстонии). Тарту, 1994, 114с.
19. *Забывтый писатель В. А. Никифоров-Волгин*. Structure and Tradition in Russian Society. Ed. R. Reid, J. Andrew, V. Polukhina (Slavica Helsingiensia, 14). Helsinki, 1994, 29–51.
20. *Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич*. Вступит. заметка, публ. и коммент С. Исакова. *Studia Slavica Finlandensia* XI. Helsinki, 1994, 189–210.
21. *Из истории русской периодической печати в Эстонии. Эсеровские издания 1920–1922 гг.* Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение I. (Новая серия). Тарту, 1994, 176–203.
22. *О позиции М. Горького во второй половине 1919 – первой половине 1920 г. (в свете новых материалов)*. Литературный процесс и развитие мировой культуры. Материалы и тезисы конференции 30.III–

- 2.IV.1992. Сост. С. Н. Доценко. Таллинн: Aleksandra, 1994, 93–94.
23. *На вершине триумфа... Чёртов мост: О певице Зинаиде Юрьевской.* Вышгород, Таллинн, 1994, № 1, 120–125.
24. *Лаврецовский музей и его основатели. Историко-культурный очерк.* Радуга, Таллинн, 1994, № 5, 27–37; № 6, 40–50.
25. Григорий Сосунов: «Седого утра странник одинокий...». Радуга, Таллинн, 1994, №11, 28–36.
26. *Egy tanár emlékére.* Folia Estonica II. Savariae, 1994, 259–261.
27. *Lotman és Tartu. Jurij Lotman, a tudós és az ember (részletek).* Ibid, 264–267.
28. Рец.: *Eestis ilmunud saksa-, vene- ja muukeelne perioodika, 1675–1940. Toimetanud E. Aimus.* Tallinn, 1993, 477 lk. De visu [Москва], 1994, № 3/4 (15), 92–100.
29. *Ülevaatepilk venekeelsele ajakirjandusele.* Eesti ajakirjanduse teed ja ristteed. Eesti ajakirjanduse arengust (XVII sajandist XX sajandini). Tartu – Tallinn, 1994, 301–324.
30. *Lauljatar, keda imetles kogu Europa.* Teater. Muusika. Kino, Tallinn, 1994, № 4, 39–44.
31. *Valgevene üliõpilased Tartu Ülikoolis ja nende osa valgevene kultuuris ja teaduses.* Kleio (Ajaloo ajakiri), 1994, № 10, 27–32.

1995

32. *Юрьевские частные университетские курсы (1908–1918), их польские профессора и студенты.* Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995, 163–170.
33. *Связи русской общины в Эстонии с пражским центром российской эмиграции в 1920–1930-е гг.* Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Прага, 14–15 августа 1995 г. Сборник докладов. Ч. 2. Прага, 1995, 855–863.
34. *Культурная жизнь русских в Эстонской Республике в 1920–1940 гг.* Записки Русской академической группы в США, New York, 1995, т. XXVII, 65–88.
35. *Евразийцы в Эстонии.* Радуга, Таллинн, 1995, № 5/6, 73–81.
36. *Молодые годы знаменитого социолога [Г. Гурвича]. Запоздавшая юбилейная статья.* Радуга, Таллинн, 1995, № 8–9, 24–30.
37. *Sine ira.* Вышгород, Таллинн, 1995, № 3, 29–35.
38. *Портрет с двойною тенью. О писателе В. Е. Гуцике.* Вышгород, Таллинн, 1995, № 5–6, 138–151.
39. *Zur Geschichte der wissenschaftlichen Beziehungen zwischen der Universität Tartu und Universität Wien.* Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised Humanitaar- ja Sotsiaalteadused, 1995, kd. 44, № 2, 160–167.

1996

40. *Русские в Эстонии, 1918–1940. Историко-культурные очерки.*

Тарту, 1996, 400 с.

Рец.: Т. Шор. *Книга о русских в первой Эстонской республике*. Таллинн, 1996, № 5–6, с. 189; Г. Пономарева. *Русские в Эстонии*. Русская газета, [Тарту], 1996, 19 ноября, № 89, с. 5; Н. Бассель. «Материал культуры», *взращенный к жизни*. Эстония, Таллинн, 1996, 11 декабря, № 290, с. 3; Е. Баханов. *Вернуть бы те времена*. Книжное обозрение, [Москва], 1997, 14 января, № 2, с. 19; А. Иванен. *Новая книга о русских в Эстонии*. Северное побережье: Нарвское издание, 1997, 12 февраля, № 29, с. 4; В. Бойков. *Чтоб мы так жили...* Молодежь Эстонии, Таллинн, 1997, 10 апреля, № 81, с. 2; Т. Шор. *Русские в первой Эстонской Республике*. Даугава, [Рига], 1997, № 4, 155–157; Л. Звонарева. *Русские в Эстонии — раки на суше*. Книжное обозрение, [Москва], 1998, 21 июня, № 29, с. 15; Л. Звонарева. *Новая книга о русских в Эстонии*. Русская мысль, [Париж], 1998, 10–16 декабря, № 4249; W. Kasack. *Russkie v Estonii: 1918–1940; istoriko-kul'turnye očerki/S. G. Isakov*. — Tartu: Kompu, 1996, 400 s. Informationsmittel für Bibliotheken (IFB). Besprechungsdienst und Berichte. Beiheft 9; K. Schreiber, Biographische Informationsmittel, 1999, S. 1024.

41. *Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.)*. Словник. Изд. 2-е, испр. и доп. (Русский исслед. центр при Союзе слав. просветит. и благотворит. обществ в Эстонии). Таллинн, 1996, 140 с.
Рец.: Т. Шор. *Новый справочник о русских в Эстонии*. Русская газета, [Тарту], 1996, 28 ноября, № 93, с. 3; Даугава, [Рига], 1997, № 2, 157–159.
42. *Русская периодическая печать в Эстонии в XIX в.* Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. I. Таллинн: Авенариус, [1996], 26–56.
43. *Жизнь и творчество В. Е. Гузика. Статья I. Биография*. Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. [Тарту]: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996, 244–259.
44. *Научная конференция «Русские в Эстонии (1918–1940)»*. Национальный комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996. Тарту, 1996, 49–52.
45. *Борис Анатольевич Нарциссов*. Радуга, Таллинн, 1996, № 1, 154–163.
46. Рец.: *Новый словарь эстонских писателей глазами русского исследователя*. Таллинн, 1996, № 2, 155–159.
47. Рец.: *Игорь Северянин. Сочинения в пяти томах. Том первый*. Таллинн, 1996, № 3–4, 206–207.
48. *Вернуться в Россию — стихами*. Там же, 208–210.
49. «*Жаль человека — он мерз...*». В. А. Никифоров-Волгин. Вышгород, Таллинн, 1996, № 4, 87–98.
50. *О концепции политики в области культуры и образования. Актуальные проблемы современной Эстонии*. Материалы общепартийной теоретической конференции ОНПЭ. Уускала, 14–15 июня 1996 года. Таллинн: Aleksandra, 1996, 49–58.
51. *Размышления о будущем русской культуры в Эстонии*. Радуга, Таллинн, 1996, № 4, 105–113.
52. *Старейшее русское литературное объединение в Эстонии*. Тал-

линн, 1996, № 5–6, 179–184.

53. *Russische Schriftsteller in estnischen Städten im Zeitraum vom 16. bis zum 18. Jahrhundert*. Literatur und Institutionen der literarischen Kommunikation in nordeuropäischen Städten im Zeitraum vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Hrsg. E. Kotarski. Gdańsk: Wyd-wo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996, 122–133.

1997

54. *К проблеме культурной интеграции русских в Эстонии (1918–1940)*. Русские Прибалтики. Механизмы культурной интеграции (до 1940 г.). Сост. Т. Ясинская. Вильнюс: Русский культурный центр, 1997, 29–47.
55. П. А. Богданов и дело эстонской группы Русской трудовой крестьянской партии. Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. III. Таллинн: Авенариус, 1997, 5–21.
56. Ф. Р. Крейвальд и его сборник «Старинные эстонские народные сказки». Ф. Р. Крейцвальд. Сказки. [Таллинн], 1997, 203–219.
57. *О мемуарах Т. П. Милютиной*. Т. Милютина. Люди моей жизни. Тарту, 1997, 3–6.
58. *Русская литература в Эстонии 1920–1930-х годов как феномен культурного пограничья*. Радуга, Таллинн, 1997, № 2, 105–117.
59. *Свобода «северных Афин». Дерптская Полония*. Вышгород, Таллинн, 1997, № 3, 142–152. Соавтор — П. Сигалов.
60. *Русская школа в Эстонии не может быть полным аналогом школы эстонской*. Народное образование, [Москва], 1997, № 6, 111–117.

1998

61. *Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (1921–1940)*. Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. (Союз слав. просвет. и благотворит. обществ в Эстонии). Таллинн, 1998, 8–42.
62. *К истории знакомства эстонцев с творчеством А. С. Грибоедова*. А. С. Грибоедов. Хмелигский сборник. Смоленск: СГУ, 1998, 218–235.
63. *Забывтый писатель [Послесловие] — Комментарии — Словарь*. В. А. Никифоров-Волгин. Алтарь затворенный. Москва – С.-Петербург: Лествица; Диоптра, 1998, 388–427.
64. *Русские писатели и Эстония*. Предметы по выбору для основной школы и гимназии. Программа факультативного курса. Таллинн, 1998, 68–70.
65. *Русские писатели в Эстонской Республике (1918–1940)*. Программа факультативного курса. Там же, 70–71.
66. *Конец одной литературы. Русская литература Эстонии и события 1939–1945 годов*. Радуга, Таллинн, 1998, № 1, 85–97.
67. *Отчина*. Вышгород, Таллинн, 1998, № 4, 176–178.
68. *Салон в Petseri. Неопубликованное письмо Л. Ф. Зурова*. Вышгород, Таллинн, 1998, № 5, 130–138.
69. *Вклад русских из Эстонии в сокровищницу культуры русского зарубежья 1920–1930-х гг.* Таллинн, 1998, № 12, 159–163.
70. *О мультикультурности эстонского общества: прошлое и настоя-*

щев. Радуга, Таллинн, 1998, № 4, 121–134.

71. *Die russische nationale Minderheit in Estland: Vergangenheit, Gegenwart, Zukunft*. Estland — Partner im Ostseeraum. Hrsg. von J. Hackmann (Travemünder Protokolle. Berichte aus der Ostsee-Akademie. Bd. 2). Lubbeck: Ostsee-Akademie, 1998, 117–138.
72. *New materials concerning Polish students at the University of Tartu*. Annual report 1997. Tartu, 1998, 19–36.
73. *Uusi andmeid esimese eestikeelse ajalehe kohta*. Tartu Maa Rahwa Nädalali Leht. Uurimusija allikmaterjale. Koost. T. Tannberg. Tartu, 1998, 133–156. Соавтор — Ю. Пеэгель.
74. *Rosyjska mniejszość narodowa w Estonii. Polacy w Estonii*. Pod red. ks. E. Walewandra. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1998, 345–375.

1999

75. *Русская литература Эстонии и Вторая мировая война*. Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Pod. red. W. Skrudny. Warszawa, 1999, 171–183.
76. *Извлечения из показаний П. А. Богданова 12–31 июля 1940 г.* Публ. и коммент. С. Исакова. Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. [Т.] IV. Материалы к истории. Материалы к общественной жизни. Литература и искусство. Мемуары. Рига: Даугава, 1999, 48–87.
77. *Рецепция творчества А. С. Пушкина в странах Балтии (Эстония, Латвия)*. А. С. Пушкин и Эстония. Сборник статей к 200-летию со дня рождения поэта. Сост. и научн. ред. С. Г. Исаков. Тарту, 1999, 3–14.
78. *Вступительная статья [к публикации:] О. М. Киви. Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на эстонский язык (1949–1998)*. Там же, 89–94.
79. *Никифоров-Волгин Василий Акимович. «Земля именинница»... «Дорожный посох»*. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940). Т. 3: Книги. Ч. II: 3-II. Москва, 1999, 306–309.
80. *Русская печать в Эстонии (1918–1940)*. Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. [Т.] V. Материалы к общественной жизни. Литература и искусство. Библиография. Мемуары. Рига: Даугава, 1999, 166–226.
81. *Медальон с зеленым изумрудом*. Вышгород, Таллинн, 1999, № 1–2, 225–235.
82. *Из истории русского театра в Эстонии*. Таллинн, 1999, № 13, 130–144.
83. *Історичний та культурний аспекти естонсько-українських відносин. «100 aastat ukraina seltse Eestis»*. Konverentsi materjalid. «100 років українських громад в Естонії». Матеріали конференції. 27. november 1998. а. 27 листопада 1998 р. [Tallinn:] Reor. Reklaam, 1999, 12–16.
84. *А. Н. Вульф — дерптский студент и приятель А. С. Пушкина (по новым материалам)*. Радуга, Таллинн, 1999, № 2, 64–80.
85. *Рец.: Книга полезная, но с изъянами...* Таллинн, 1999, № 15, 78–90.

- 86 → 88. Борис Семенов. *Неведомый невод* [Стихотворения]. [Публ.,] Вступление, примеч. и коммент. С. Г. Исакова. Вышгород, Таллинн, 1999, № 6, 16–27; *Marche funèbre*. Б. К. Семенов — общественный деятель и поэт, 28–47; *Письма Б. К. Семенова к А. Л. Бему*. [Публ. и коммент. С. Г. Исакова], 47–49.
89. Ühest bibliograafiast, kuid mitte üksnes sellest. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1999, № 4, 263–268.
- 90 → 92. *Ukrainlased. Valgevenelased. Venelased*. Eesti rahvaste raamat. Rahvusvahemused, -rühmad ja -killud. Koost. ja toim. J. Viikberg. Tallinn: Entsuklopeediakirjastus, 1999, 479–483; 508–510; 525–539.
93. Рец.: *Malle Salupere tõed ja tõdemused*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1999, № 9, 656–661.
94. *Wprowadzenie*. Uniwersytet w Tartu a Polacy. Rola dorpatczyków w polskiej nauce, kulturze i polityce XIX i XX wieku. Pod red. S. G. Isakowa i J. Lewandowskiego. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999, 7–19.
95. *Związki Uniwersytetu w Tartu ze sprawami polskiej kultury i państwowości w latach 1919–1940*. Ibid, 175–193. Соавтор — Т. Шор.

2000

96. *Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии» (1927)*. Вступит., статья, публ. и коммент. С. Г. Исакова. Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. [Т.] VI. Рига: Даугава, 2000, 94–164.
97. *Проблемы изучения истории русского национального меньшинства в Эстонии (итоги исследований)*. Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей. Таллинн, 2000, 7–20.
98. Рец.: *Не слишком ли много неточностей?* Мир библиографии [Москва], 2000, № 1, 88–90.
99. Рец.: *Новый словарь поэтов русского зарубежья*. Таллинн, 2000, № 16, 125–127.
- 100 → 116. «Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии». Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918–1940. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 61–62; *Литературный кружок [в Ревеле]*, 221–222; *Литературный кружок при обществе «Святогор» в Нарве*, 222–223; «Народное дело», 242–243; «Наша газета», 244–245; «Облака», с. 271; «Панорама», с. 299–300; «Полевые цветы», с. 314–315; «Последние известия», 317–319, Соавтор — Г. Пономарева; «Приневский край», с. 332; «Ревельский цех поэтов», с. 335; «Свободная Россия», «Свобода России», «За свободу России», 420–421; «Свободное слово», с. 421; «Старое и новое», 466–467; «Таллинский русский голос», 475–476; *Эстонские издательства*, 508–511; «Юрьевский цех поэтов», с. 513.
- 117 → 120. *Северянин, Игорь. «Вервэна: Поэзы 1918–1919 гг.»*. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940). Т. 3: Книги. Ч. III: П–Я. Москва, 62–65; [И. Северянин]. «Менестрель: Новейшие поэзы», 65–69; [И. Северянин]. «Фея Eiole: Поэзы 1920–

- 1921 г.», 69–71; [И. Северянин]. «Соловей: Поэзы», 71–73.
121. Русское книгоиздательское дело в Эстонской Республике (1918–1940). Радуга, Таллинн, 2000, № 3, 67–79.
122. «Плач о реке Нарове» — древнейший памятник русской литературы в Эстонии. Радуга, Таллинн, 2000, № 4, 112–118.
123. *Venekeelne raamat Eestis 1918–1940. Eesti Raamatu Aasta avakonverents «Raamatu osa Eesti arengus»*. 6.–7. aprillil 2000. Tartu Ülikooli Raamatu-kogu konverentsisaalis. Ettekannete kokkuvõtteid. Tartu, 2000. lk. 32.
- 124 → 142. *Abovjan, Hatšatur*. Eesti teaduse biograafiline leksikon. Kd. 1. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2000, 32–33; *Andrejev, Nikolai*, 73–74; *Beklemišev, Aleksandr*, 127–128; *Bobrov, Jevgeni*, 148–149; *Bobrov, Vladimir*, lk. 149; *Dal (Dahl), Vladimir*, 190–191; *Desnitski, Vassili*, 196–197; *Endzelīns, Janis*, 241–242; *Garais, Frīdrihs* (Frīdrihs), lk. 283; *Glinka, Grigori*, lk. 290; *Grimm, Ivan*, lk. 307; *Haruzin, Aleksei*, 350–351; *Haruzin, Mihhail*, lk. 351; *Haruzin, Nikolai*, lk. 352; *Iljinski, Grigori*, 418–419 (соавтор — С. Смирнов); *Ivanov, Vassili*, 431–432; *Jakovenko, Pjotr*, lk. 450; *Jaštšenko, Aleksandr*, lk. 458; *Kaissarov, Andrei*, 524–525.

2001

- 143 → 149. Введение. Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту – С.-Петербург: Крипта, 3–20; *Политическая жизнь*, 62–98 (соавторы — В. Бойков, И. Раясалу); *Книгоиздательское дело*, 221–233; *Периодическая печать*, 234–272; *Литература*, 273–320; *Музыка*, 340–361, 367–371; *Заключение*, 413–418.
150. *Venekeelne raamat Eestis 1918–1940. Raamatu osa Eesti arengus*. Toim. T. Tender. Tartu, 2001, 325–331.
151. *Поэт и просветитель Борис Семенов*. Псков, 2001, № 14, 121–130. Соавтор — Н. Ф. Левин.
152. *Русские в эстонских биографических словарях*. Таллинн, 2001, № 21–22, 181–189.
153. *Дважды спасшийся. О жизни и трудах А. И. Макаровского*. Вышгород, Таллинн, 2001, № 3, 144–157.
154. *Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920–1930-е годы*. Радуга, Таллинн, 2001, № 2, 96–106.
155. *Эстония в произведениях русских писателей XVIII – начала XX века. Антология*. Сост., редактор, автор предисловия и комментариев, статей о жизни и творчестве писателей проф. С. Г. Исаков. Таллинн: КПД, 2001, 664 с.
Рец.: Н. Кузнецова. «В очарованьи здешних мест...». Молодежь Эстонии, Таллинн, 2001, 28 сент., № 225, с. 3 (Соотечественник); R. Veidemann. *Kultuuripatriarhi viljakas sügis. Professor Sergei Issakov koostas antoloogia Eesti peegeldusest vene kirjanike teostes*. Postimees, Tartu, 2001, 8. okt., № 233, lk. 18; Н. Н. Карамзин, Лесков, Чёрный... *Эстония в произведениях русских писателей XVIII – начала XX века. Антология*. Вышгород, Таллинн, 2001, № 6, 170–173; Т. Шор. *Эстония глазами русских писателей за два столетия*. Даугава, 2001,

- № 6, 155–157; Б. Ф. Егоров. *Новинки из глубинки. Филологические записки*, Воронеж, 2001, вып. 17, с. 262.
156. *Нарвские русские газеты 1920–1930-х гг. Narva in the Mirror of History. A conference, Narva 17–20. November 2000... Contributions*. Ed. by Th. Lunden. [Stockholm, 2001], 1–22.
157. *Ценный справочник* [Рец. на кн.:] О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. *Художники Русского Зарубежья, 1917–1939. Биографический словарь*. — СПб.: Изд-во «Нотабене», 1999. — 720 с. Таллинн, 2001, № 23, 166–170.
158. *Записка М. И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии» (1929)*. Публ., вступит. заметка и комментарии С. Г. Исакова. Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Таллинн, 2001, вып. 1, 91–104.
159. *Григорий Малахов. В партийной командировке. Из записок русского эмигранта*. Вступит. заметка и комментарии С. Г. Исакова. Таллинн, 2001, № 24, 112–115, 151–155.
160. *Письма Игоря Северянина 1932–1935 гг. к Ирине Борман. (Из архива Рейна Крууса)*. Вступит. статья и публ. Г. Пономаревой. Комментарии С. Г. Исакова. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия IV. [Тарту, 2001], 260–281 (комментарий — с. 277–281).
- 161 → 164. «*Литературный кружок*». Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А. И. Николюкин. Москва: НПК «Интелвак», 2001, стлб. 465–466; *Литературный кружок при обществе «Святогор» в Нарве*, стлб. 466–467; «*Ревельский цех поэтов*», стлб. 964; «*Юрьевский цех поэтов*», стлб. 1255–1256.

2002

165. *На волнах безнадежного реализма. Два лика Нины Рудниковой*. Вышгород, Таллинн, 2002, № 3–4, 40–62.
166. *Нина Рудникова. Бескровное сердце [Стихотворения]*. Публ. С. Исакова. Там же, 63–70.
167. *Estonia ni okeru rosiajin komuniti no rekisi to sono shodankai [Русская община в Эстонии: история и ее основные этапы]*. Estonia. Ratvia ni okeru rosiakei jūmin no rekisi to genjou ni kannsum sōgōteki kenkyū — ōshūtōgō to taminzokushakai keisei ni kannsuru dojidaishiteki kanntenn kara. [Kyoto, Japan]: Kyoto Institute of Economic Research. Kyoto University, 2002, 1–24. На японском языке.
168. *Русская литература Эстонии 1920–1930-х гг. как историко-литературный феномен*. Славянские чтения П. Даугавпилс – Резекне: Изд-во Латгальского культ. центра, 2002, 169–181.
- 169 → 171. *Slavistika. Eesti Entsüklopeedia*. [Kd.] 11. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2001, 531–533; [Trükiajakirjandus] *Vene*, 575–577; *Vene kirjandus Eestis*, 628–629.
172. *Русская литература Эстонии 1920–1930-х гг. как историко-культурный феномен*. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. VIII. История и историософия в литературном преломлении. [Tartu:] Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002, 306–321.

173. *Ukraina üliõpilased ja üliõpilasorganisatsioonid Tartu Ülikoolis 19. sajandil ja 20. sajandi algul*. Ajalooline ajakiri, Tartu, 2002, № 1/2, 231–246.
174. *Основные этапы истории русской общины в Эстонии*. Диаспоры (Независимый научный журнал), Москва, 2002, № 3, 46–77.
175. *Страсти вокруг Шаяпина. О событиях более чем 80-летней давности*. Таллинн, 2002, № 28, 60–77.
176. *Георгий Малахов. Бегство из России*. Публ., вступит. заметка и комментарии С. Г. Исакова. Там же, 143–164. Общее заглавие публикации — «В России и в Эстонии».
- 177 →189. В. Е. Гуцик. *Христовы язычники*. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918–1940. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002, 189–191; В. Е. Гуцик. *На краю*. Рассказы, 191–192; В. Е. Гуцик. *Люди и тени: Сборник рассказов*. Книга третья, 192–194; В. Е. Гуцик. *Забывтая тропа: Четвертый сборник рассказов*. Книга шестая, 194–195; В. Е. Гуцик. *Жизнь*. Пятый сборник рассказов. Книга седьмая, 195–196; В. А. Никифоров-Волгин. *Земля именьница*. *Дорожный посох*, 421–422; Игорь Северянин. *Вервэна: Поэзы 1918–1919 гг.*, 504–506; Игорь Северянин. *Менестрель*. *Новейшие поэзы*, 506–508; Игорь Северянин. *Миррэлия (Новые поэзы)*, 508–509; Игорь Северянин. *Фея Eiole: Поэзы 1920–1921 гг.*, 509–510; Игорь Северянин. *Соловей: Поэзы*, 510–512; Игорь Северянин. *Колокола собора чувств*. *Автобиографический роман в 3-х частях*. *Роса оранжевого часа: Поэма детства в 3-х частях*, 512–513. Игорь Северянин. *Адриатика: Лирика*, 514–515.
190. *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.* Антология. Сост., вступит. статья, биографии, справки и комментарии проф. С. Г. Исакова. Таллинн: КОД, 2002. 351 с.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФ. А. Д. ДУЛИЧЕНКО ЗА 1992–2002 ГГ.

1992

1. *О некоторых проблемах и перспективах европейской славистики в конце XX века.* I Jornadas Andaluzas de eslavística «La eslavística europea: problemas y perspectivas». Resumen de ponencias y comunicaciones. Granada: Consejería de Educación y Ciencia de la Junta de Andalucía, Universidades Andaluzas, 1992, 33–34.
2. *Фран Миклошич и Матия Маяр Зильский: от языка праславянского к языку всеславянскому.* Miklošičev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. (Obdobja 13). Ljubljana, 1992, 431–444. A. D. Duličenko.
3. *Феномен Ondry Лысогорского: один человек — один язык.* Umělec ký a lidský odkaz básníka Ondry Lysohorského. Kolokvium uskutečněné ve dnech 13. a 14. září 1990 v příležitosti nedožitých 85. narozenin básníka. Red. K. Bogar. Frýdek-Místek: Muzeum Beskyd, 1992, 104–113.
4. *О ляхском литературном языке. (Выступление в дискуссии).* Там же, 114–115.
5. *Социолингвистические аспекты серболужицких и островных славянских литературных микроязыков.* Lětopis (Zeitschrift für Sorabistik/Casopis za sorabistiku), Bautzen/Budyšin, 1992, № 2, 17–23.
6. *О синхронно-сопоставительной грамматике двулитературного языка (на материале верхне- и нижнелужицкого литературных языков).* Slavica Slovaca, roč. 27, Bratislava, 1992, č. 2, 129–136.

1993

7. *От агрессии слов к ономастическому перевороту. (Заметки о русском языке перестроенного времени).* Russian linguistics, Dordrecht etc., 1993, vol. 16, 211–224.
8. *О rezijanoloških obravnavah J. Baudouina de Courtenayja v derptskem obdobju 1883–1893.* Slavistična revija, let. 41, Ljubljana, 1993, št. 3, jul. – sept., 381–389. A. D. Duličenko.
9. *Литературная ляхтина Ondry Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии.* Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. (РАН. Отделение литературы и языка. Национальный комитет славистов Российской Федерации). Отв. ред. Н. И. Толстой. Москва: Наука, 1993, 151–161.

10. *Rezijanščina: na poteh h knjižnemu jeziku*. Fondamenti per una grammatica pratica resiana. Atti della conferenza internazionale tenutasi a Prato di Resia (UD) 11–12–13 dicembre 1991. A cura di H. Steenwijk. Padova: Università di Padova, 1993, 29–46. A. D. Duličenko.
11. *Феномен югославо-русинского (на общеславянском фоне)*. *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н. И. Толстого. Москва: Наука, 1993, 302–310.
12. *К принципам создания нормативной грамматики резьянского литературного языка в Италии*. Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции). Москва, 1993, 85–86.
13. *Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [академика Н. И. Толстого]*. Никита Ильич Толстой. Сост. Л. В. Шутько. Автор вступит. статьи А. Д. Дуличенко. (РАН. Материалы к библиографии ученых. Серия литературы и языка. Вып. 23). Москва: Наука, 1993, 9–29.
14. *Литературная ляхтина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии*. XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé (Slovenský komitét slavistov. Vedecký red. J. Doruľa). Bratislava: Veda – Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1993, 515–516.
15. *К типологии социолингвистических стратегий в эпоху национального Возрождения: областные — общенациональные литературные языки — всеславянские лингвопроекты*. Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских языков эпохи национального Возрождения (конец XVIII – вторая половина XIX в.). Тезисы докладов международной конференции. Москва, 1993, 13–18.
16. *Руски язык и культура висловйованя. О учебнікох Миколи М. Кочиша*. *Studia Ruthenica 3*: Зборник радова са научно-стручног скупа о русинској филологији и русинским учителяма и школама у прошлости «Дани Миколе М. Кочиша»/Зборнік роботох зоз науково-фахового сходу о рускеј филологији и руских учителяох и школох у прешлости «Дні Миколи М. Кочиша». Нови Сад, 1992/93, 38–44.
17. *Руска филология — сучасни стан и перспективи*. Там же, 73–77.

1994

18. **Русский язык конца XX столетия**. (*Slavistische Beiträge*. Bd. 317. Hrsgb. von P. Rehder). Предисловие и подготовка к изданию *Werner Lehfeldt*. München: Otto Sagner, 1994, XII + 347 с.
Рец.: Ю. Н. Караулов. *О некоторых особенностях состояния русского языка и науки о нем*. Русистика сегодня, Москва, 1995, № 1, 5–23 (конкретно с. 13 и далее); Л. П. Крысин. Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 6, 129–132; см. ответ: А. Д. Дуличенко. *Письмо в редакцию*. Вопросы языкознания, 1998, № 2, с. 155–158; S. Koester-Thoma. *Russian linguistics*, Dordrecht, 1996, vol. 20, 310–319; R. Comtet. *Revue des études slaves*, t. LXVII, Paris, 1995, fasc. 4, 772–780; N. Kurashova. *The Slavonic and East European Review*, vol. 75, London, 1997, № 7, July, 498–499.

19. Дуличенко А. Д. (изд.). **Костелник Гомзов, Габор. Жалосцинки — Серенчи и милей.** (По народним руск.[ум] шпиваню у IV. шпиваньох). Публикация текста и уводне слово проф. др. Александер Д. Дуличенко. Нови Сад: Руске слово, 1994, 80 с.
20. *Початки русской литературы. Поетични зборник Гавриїла Костельника «Жалосцинки — Серенчи и милей».* Костелник Гомзов Г. Жалосцинки — Серенчи и милей. Публикация текста и уводне слово проф. др Александер Д. Дуличенко. Нови Сад: Руске слово, 1994, 5–11.
21. *Мали язык — непреходна вредносу.* Руски календар 1995. Нови Сад: Руске слово, 1994, 39–44.
22. *О переводах Священного Писания на славянские литературные микроязыки.* Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. (Материалы Международной Библейской конференции 1990 года, посвященной 75-летию Русской Библейской комиссии). С.-Петербург: изд-во СПбГУ, 1994, 101–105.
23. *Еще раз о русском чуре.* Филологические записки (Вестник литературоведения и языкознания), Воронеж, 1994, № 3, 125–127.
24. *Югославская русистика как она есть.* Филологические записки, Воронеж, 1994, вып. 2, 231–233.
25. *К истории этнонимов кашубы и словинцы.* Slavia occidentalis, Poznań, 1994, t. 51, 29–33.
26. *Славянские литературные микроязыки: проблема нормы.* Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков. проблема динамики нормы. Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 24–25 мая 1994 г. Москва, 1994, 17–20.
27. *Кашубський літературний язык.* Русин, Prešov, 1994, № 4, 22–23. А. Дуличенко.
28. *Kleinschriftsprachen in der slawischen Sprachenwelt.* Zeitschrift für Slawistik, Bd. 39, Berlin, 1994, Heft 4, 560–567. А. Д. Дуличенко.
29. *Јуї еден літературний язык: русинсько-поліський.* Русин, Prešov, 1994, № 2, 20–21. А. Д. Дуличенко.
30. *Filologia polska w Uniwersytecie Dorpackim (Tartuskim) w Estonii.* Post scriptum. (Biuletyn Letmej Szkoły, Języka, Literatury i Kultury Polskiej, Uniwersytet Śląski w Katowicach), Katowice, 1994, № 9–10 (10–11), 38–41. А. Д. Duliczenko.
31. *Феномен литературных микроязыков в современном славянском языковом мире.* Bibliotheca Slavica Savariensis II, Szombathely/Szeged, 1994, 76–84.
32. *Muži su visoki, a žene lipotice... (Руски slavist Izmail I. Sreznjevski med Gradišćanskimi Hrvatima u ljetu 1842.).* «Gradišće» kalendar i Ljetopis Gradišćanskih Hrvata za obično ljetu 1995. (Knjiga LVIII Hrvatskoga Štamparskoga Društva u Željeznu). Željezno/Eisenstadt, 1994, 104–107. А. Д. Дуличенко.
33. *Новый Вавилон.* Наука и жизнь, Москва, 1994, № 3, 67–73.
34. *Лингвистическое чудо.* Наука и жизнь, Москва, 1994, № 7, 33–37.
35. *Глагол времен... (Рассказы о языке).* Наука и жизнь, Москва, 1994, № 9, 41–45.

1995

36. **Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филологий.** Нови Сад: Руске слово, 1995, 333 с.
37. *The West Polesian Literary Language. Language, Minority, Migration. (Yearbook 1994/95 from the Centre for Multiethnic Research. Uppsala Multiethnic papers 34).* Uppsala: Center for Multiethnic Research — Uppsala University, 1995, 119–131. A. D. Duličenko.
38. *Процесс лексической десоветизации в перестроечное и послеперестроечное время.* Slovo, Uppsala, 1995, № 44, 107–132.
39. *Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития.* Przegląd Rusycystyczny, Warszawa, 1995, zesz. 3–4 (71–72), 190–204.
40. *Язык наш на исходе века.* Русская газета, Тарту, 1995, № 123 (426), 28 октября, с. 5 (1. *Мы в языке, язык в нас...*); № 124 (427), 31 октября, с. 9 (2. *«Перестройка» и десоветизация словаря*); № 126 (429), 9 ноября, с. 5 (3. *Мэр или городничий?*); № 128 (431), 14 ноября, с. 7 (4. *Господа-товарищи, или: как нас теперь называть?*); № 130 (433), 21 ноября, с. 7 (5. *Возвращение забытых слов ...*); № 136 (439), 12 декабря, с. 6. (6. *Ономастический переворот*); № 139 (442), 22 декабря, с. 5 (7. *От «переворота имен» до разрушения традиций...*);
41. *Питанє початкох друкованого слова при бачванско-сримских Руснацох.* Шветлосц, рок XXXIII, Нови Сад, 1995, № 1, януар – марец, 28–39.
42. *Руска Матка (повойнова) и ей перша кнїжка. (3 нагоди 50-рочнїци Рускей матки и «Руского народного календара на прости 1946. рок»).* Шветлосц, рок XXXIII, Нови Сад, 1995, № 2, април – юний, 195–201.
43. *О принципах философского языка Якоба Линцбаха. (К истокам лингвосемиотики).* Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 4, 111–122.
44. *Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики.* Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 5, 39–55.
45. *Некоторые соображения о перспективах лингвистики после XX века. Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции.* Т. I. Москва, 1995, 162–164.
46. *Резьянология как раздел словенистики (в связи с выходом монографии Х. Стэнвейка «Словенский диалект Резьи Сан-Джорджо» и сборника «Основы практической резьянской грамматики»).* Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 2, 121–128.
47. Рец.: *Haudressy D. Les mutations de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité. Новые слова отражают события 1991 года. Словарь-справочник.* Paris, Institut des études slaves, 1992, 269 p. Russian linguistics, Dordrecht, 1995, vol. 19, 288–290.
48. *Il resiano cento anni fa a Tartu.* All'Ombra del Canin/Ta pod Čanynowo sinco, anno 68, Udine, 1995, № 2, p. 12. A. D. Duličenko.
49. *Jan Ignacy Nieciślaw Baudouin de Courtenay: wśród kultur i języków (okres dorpacki 1883–1893).* Kresy, Syberia, literatura. Doświadczenia dialogu i uniwersalizmu. Pod red. E. Czapplewicz i E. Kasperskiego.

- (Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku). Warszawa: Wyd. TRIO, 1995, 19–29. A. D. Duliczenko.
50. *Сольресоль*. Наука и жизнь, Москва, 1995, № 3, 90–93.
51. *«И порешил я говорить общим языком...»*. Наука и жизнь, Москва, 1995, № 9, 142–146.
52. *«Жалосцинки» Гавриїла Костельника: пред чи после «З мойого вала-ла»*. (Гу виправляю погришней предпоставки). Шветлосци, р. XXXIII, Нови Сад, 1995, № 3–4, 275–276.
53. *К незатухающему спору о словинцах и словинском языке. (Еще один скромный голос)*. Rocznik Gdański, t. LV, Gdańsk, 1995, zeszyt 1, 83–91.
54. *Литературные микроязыки (ЛМЯ)*. Академические тетради, Москва, 1995, № 1, с. 91.
55. *Молізько-славянський літературний язык в Італії*. Русин, Prešov, 1995, № 1, с. 27. А. Дуліченко.
56. *O stratifikacijskome modelu jezika Hrvata u autohtonome i otočkom arealu/O стратификационной модели языка хорватов в автохтонном и островных ареалах*. Prvi Hrvatski slavistički kongres (zbornik sažetaka i nacrtaka). Pula, 19–23. rujna 1995. Uredili S. Damjanović, K. Nemec. Zagreb: Hrvatsko Filološko Društvo, 1995, 8–11. A. D. Duličenko.
57. *Itaalia slaavlastest Hispaania baskideni. Rudolf Gutmanni unustatud elu ja saatus*. Postimees, Tartu, 1995, № 155 (1355), 10. juuli, lk. 15. A. D. Dulitšenko.
58. *От славян Италии до басков Испании. Забытая жизнь и судьба Рудольфа Гутманна*. Русская газета, Тарту, 1995, № 104 (407), 14 сентября, с. 5.
59. *Воеводинские русины и их язык: история, статус и перспективы*. Slavica Tarnopolensia 2, Тернопіль, 1995, 16–21.

1996

60. *У истоков резьянологии*. Kopitarjev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani, 29. junij do 1. julij 1994 «Jernej Kopitar in njegova doba. Simpozij ob stopetdesetletnici njegove smrti». (Obdobja, 15). Ljubljana, 1996, 567–590.
61. *Предыстория литературного языка русин Югославии. (Наброски к перспективной проблеме)*. Руснаци – Русини 1745–1995. Зборник роботох зоз медзинародней науковей конференциї «Приселене и живот Руснацох у Бачкей, Сриму и Славоний 1745–1995» отриманей у Новим Садзе 27–28. септембра 1995/Зборник радова међународне научне конференције «Доселење и живот Русина у Бачкој, Срему и Славонији 1745–1995» одржане у Новом Саду 27–28 септембра 1995. Београд: Завод за удбенике и наставна средства – Нови Сад; Филозофски факултет, Катедра за русински језик и књижевност, 1996, 21–40.
62. *Carpatho-Rusyn in the Context of Regional Literary Languages of the Contemporary Slavic World. A New Slavic Language is Born. The Rusyn Literary Language in Slovakia*. Ed. by P. R. Magocsi. With an introduction by Nikita I. Tolstoj. (East European Monographs. CDXXXIV). New York: Columbia University Press, 1996, 1–17. A. D. Duličenko.

63. *Karpatorusinsky jazyk v kontexte regionálnych spisovných jazykov súčasnych Slovanov. Zrodil sa nový slovanský jazyk. Rusmsky spisovný jazyk na Slovensku.* Zodp. red. P. R. Magocsi. Úvod Nikita I. Tolstoj (Východoeurópske monografie. CDXXXIV). [New York: Columbia University Press], 1996, 1–14. A. D. Duličenko.
64. *Русско-славянское языковедение в Эстонии.* Russian linguistics, vol. 20, Dordrecht etc., 1996, № 1, march, 83–88.
65. *Лісты беларускіх моваведаў Іосіфу Мікале. (Да гісторыі беларуска-фінскіх славістычных сувязей).* Кантакты і дыялогі, Мінск, 1996, № 7–8, ліпень – жнівень, 42–45. А. Дулічэнка.
66. *Сербско-хорватский язык: сербский, хорватский, боснийский, черногорский — распад языка? Ema keel ja teised keeled II.* 18.–20. oktoober 1996. Teesid. Tartu: Tartu Ülikool, 1996, lk. 17.
67. *Рец. Очерк истории славяноведения в России.* Национальный Комитет славистов Эстонии 1996. Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту, 1996, 86–88.
68. *XI Международнѣй съезд славистов (30.VIII. – 8.IX.1993, Братислава).* (Заметки участника). Там же, 43–48.
69. *И. А. Бодуэн де Куртене: сто лет назад в Дерпте.* Там же, 91–93.
70. *Сербский, хорватский, боснийский, черногорский: распад «договорного» языка? Ema keel ja teised keeled II.* 18–20. oktoober 1996. Ettekanded. Tartu, 1996, 155–163.
71. *Rękopis pierwszej gramatyki języka kaszubskiego Floriana Ceynowy. Pomerania, Gdańsk, 1996, Iżekwiót, № 4 (276), 31–33.* Duliczenko A. D.
72. *Язык наш на исходе века.* Русская газета, Тарту, 1996, № 1 (444), 6 января, с. 5 (8. *От агрессии слов к срамословию*); № 10 (453), 6 февраля, с. 6 (9. *«Словообразовательный взрыв» по-русски...*); № 16 (459), 27 января, с. 5 (10. *Говорите ли вы по-интеррусски?*).
73. *Русские и проблемы дисперсности этноса.* Радуга, Таллин, 1996, № 4, 93–98.
74. *Языки малых этнических групп: статус, развитие, модели выживания.* Русинский Жывот, річник III, Будапешт, 1996, № 23, 7. ноября, с. 2.
75. *Потомок роду Толстых.* (Ку кончіні акадэміка Нікіты Ільча Толстого). Русин, Prešov, 1996, № 5–6, 24–26.
76. *О перспективах лингвистики XXI века.* Вестник Московского университета, серия 9 «Филология», 1996, № 5, сентябрь – октябрь, 124–131.
77. *Зарождение славянских литературных языков (до XIII века).* Очерки истории культуры славян. Москва: «Индирик», 1996, 412–427.
78. *Einige Entwicklungstendenzen der russischen Sprache am Ende des 20. Jahrhunderts.* Die Welt der Slaven, München, 1996, Bd. XL1, 261–274. A. D. Dulitschenko.
79. *Úvahy o lašských literárnych jazyce.* Ondra Łysohorský. 1905–1989. Kolokvium uskutečnené ve dnech 8.–10. června 1995 u příležitosti nedožitých 90 narozenin básníka. Frýdek–Místek: Muzeum Beskyd, 1996, 48–54. A. Duličenko.

80. *Рукопись первой кашубской грамматики Флориана Цейновы*. Rocznik Gdański, t. LVI, Gdańsk, 1996, zes. 1, 117–133.
81. *Потомок рода Толстых. (К кончине академика Никиты Ильича Толстого)*. Studia philologica. Rossica slovaca V. (Zbornik pedagogickej fakulty v Prešove Univerzity P. J. Šafárika v Košiciach), Prešov, 1996, 57–60.
82. *Воеводинские русины их язык: история, статус и перспективы*. Русинский Жывот, річник III, Будапешт, 1996, ч. 24, с. 2; ч. 25, с. 2; ч. 26, с. 2.
83. *Из плеяды русских профессоров. (К 65-летию Сергея Геннадьевича Исакова)*. Русская газета, Тарту, 1996, № 73 (515), 28 сентября, с. 6.
84. *Потомок роду Толстойових. (3 нагоди шмерци академика Никити Илича Толстого)*. Studia Ruthenica, Нови Сад, 1996–1997, № 5 (18), 83–87.
85. *Боль о России. (Памяти академика Никиты Ильича Толстого)*. Молодежь Эстонии/Русский телеграф, Таллин, 1996, № 228 (11207), 30.IX.1996, с. 5.
86. *Новая литературно-языковая модель для Европы? Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции (Москва, 22–25 октября 1996)*. Москва, 1996, 8–9.

1997

87. *Славянские литературные микроязыки и проблема литературной кашубины. Образ językowy słowiańskiego Pomorza i Łużyc. Pogranicza i kontakty językowe*. Pod. red. J. Zieniukowej. (Język na pograniczach. 19). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1997, 227–246.
88. *К занятиям академика А. А. Шахматова мордовскими языками. (В переписке с И. Й. Миккола)*. Fenno-Ugristica 21: Western and eastern contact areas of Uralic languages. Ed. by A. Künnap. Tartu: University of Tartu. Division of Uralic languages, 1997, 47–52.
89. *О находке экземпляра издания «P[al]ter Davidou» (1566) Приможжа Трубара*. Slovenski jezik/Slovene Linguistic Studies, Ljubljana – Lawrence, 1997, № 1, 125–132. A. D. Duličenko.
90. *Войводянски Руснаци и их язык: история, статус и перспективы*. Шветлосц, рок XXXV, Нови Сад, 1997, ч. 3, юлий – септембер, 131–136.
91. *Вельке достигнуце рускей лексикографії. (Сербско-руски словник, I: А – Ђ, Нови Сад, 1995)*. Шветлосц, р. XXXV, Нови Сад, 1997, ч. 3, юлий – септембер, 158–164.
92. *Вопросы интернационализации в славянских литературных микроязыках (на материале югославо-русинского)*. Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. Отв. ред. Л. Н. Смирнов. Москва, 1997, 213–229.
93. *И. И. Срезневский. Замечания о наречии кашебском. Публикация, вступительная статья и примечания А. Д. Дуличенко*. Известия Российской Академии наук, Серия литературы и языка, т. 56, Москва, 1997, № 1, январь – февраль, 52–60.

94. *Kašubologičeskie publikacii v «Jahrbücher» Яна Петра Йордана*. (В связи с находкой рукописи первой кашубской грамматики Флориана Цейновы). *Létopis*, Bd. 44, Bautzen, 1997, H. 1, 202–207.
95. *Rękopis znaleziony w Sanktpetersburgu. Słowińsko-kaszubski protograf do «Słowników porównawczych wszystkich języków i narzeczy»*. Pomorania, Gdańsk, 1997, № 1 (285), 12–14. A. D. Duliczenko.
96. *Esperanto: A Unique Model for General Linguistics*. Esperanto, Interlinguistics, and Planned Language. (Papers on the Center for Research and Documentation on World Language Problems. 5). Ed. by H. Tonkin. Lanham – New York – Oxford: University Press of America, 1995, 67–69. A. D. Dulichenko.
97. *N. I. Tolstoj in rezijanščina. (Ob odkritju «Rezijanskega slovarja» J. Baudouina de Courtenayja)*. *Slavistična revija*, let. 45, Ljubljana, 1997, št. 3–4, julij – december, 567–573. A. D. Duličenko.
98. *Рецензия на сербско-руски словник под ред. Ю. Рамача*. *Studia Ruthenica*, Нови Сад, 1996–1997, № 5 (18), с. 19.
99. *Рецензија на српско-русински речник под ред. Ј. Рамача*. Там же, с. 20.

1998

100. **Florian Ceynowa. Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache, als Entwurf zur Gramatik**. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Lehfeldt. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 229). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998, XI, 146, (5) S.
 Ред.: R. Comtet. *Revue des études slaves*, t. LXXIII, Paris, 2001, fasc. 1, 254–257; F. Hinze. *Zeitschrift für slavische Philologie*, Bd. 59, Heidelberg, 2001, H. 2, 460–465; K. H. Schmidt. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, Bd. LXVIII, Stuttgart, 2001, H. 1, 120–123.
101. *Florian Ceynowa und seine Grammatik der kaschubischen Sprache aus der Mitte der 19. Jahrs*. F. Ceynowa. **Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache als Entwurf zur Gramatik**. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Lehfeldt. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 229). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998, 1–25. [A. D. Duličenko].
102. *Bibliographia Ceynoviana et cassubiana*. Там же, 111–146.
103. *Das Russinische*. Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie). 3., verbesserte und erweiterte Auflage. Hrsg. von P. Rehder. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998, 126–140. A. D. Duličenko.
104. *Das Resianische*. Там же, 246–249.
105. *Das Banater Bulgarische*. Там же, 326–330.
106. *Кочишова «Грамматика русского языка»*. Руске слово, рок LIV. Нови Сад, 1998, ч. 50 (2774), 11. децембер, с. 16.
107. *«Кашебский словарик» конца XVIII века из наследия К.-Г. Антона (в копии И. И. Срезневского 1840 г.)*. Предисловие и публикация

- А. Д. Дуличенко. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, Warszawa, 1998, t. 34, 129–144.
108. [Выступление по докладу И. В. Чуркиной «Проблема создания общеславянского языка в конце XVIII–XIX вв. (Национально-политический аспект)»]. *Záznamy z diskusie k predneseným referátom. XI. medzinárodný zjazd slavistov*. Bratislava 30. augusta – 8. septembra 1993. Ved. red. a editor J. Dorul'a. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický kabinet SAV, 1998, 213–214.
109. [Выступление по докладу G. Thomas'a «Ján Kollár's thesis of the intellectual vocabularies of the Czech, Slovak, Slovene and Croatian standard languages»]. Там же, 216–217.
110. [Выступление по докладу Л. Н. Смирнова «Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития»]. Там же, 220–221.
111. [Выступление по докладу K. Gadányi «Становление словарного состава словенского языка (1830–80-е годы)»]. Там же, 234–235.
112. [Выступление по докладу W. Moskovich, E. Mossman «Changing Patterns of Russian Political Discourse 1985 — Present»]. Там же, s. 442.
113. *Размышления о числовой координации в русском языке. I. Собаки бежали, задрав [каждая свой] хвост... Число – язык – текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна*. Минск: Белгос-университет, 1998, 59–71.
114. *Так распался ли Советский Союз? (К лингвистическим поискам ответа на вопрос)*. *Russistik/Русистика*, Berlin, 1998, № 1–2 (19–20), 119–130.
115. *Шtiri забути поетски тексти Г. Костельника*. *Руске слово, рок LIV, Нови Сад*, 1998, № 37 (2761), 11. септембер, 18–19.
116. *Języki małych grup etnicznych (JMGE): status, rozwój, modele przetrwania*. XII Międzynarodowy kongres slavistów. Kraków 27.VIII – 2.IX.1998. Streszczenia referatów i komunikatów. *Językoznawstwo*. Warszawa: Wyd. Energeia, 1998, 319–320. A. D. Duliczenko.
117. *Казимир Буга и вопросы балто-славо-финно-угорских языковых отношений. (В переписке с Й. Миккола)*. *Kalbotyra*, 1997, 46(2). *Slavistica Vilnensis: Язык, история, культура. Сборник статей, посвященный шестидесятилетию профессора Валерия Николаевича Чекмонаса*. [Вильнюс]: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1998, 71–80.
118. *Словенский язык. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки)*. Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. С.-Петербург: Наука, 1998, 58–113.
119. *Язык русин Сербии и Хорватии (югославо-русинский язык). Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки)*. Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. С.-Петербург: Наука, 1998, 247–272.
120. *Odradzanie się studiów polonistycznych na Uniwersytecie w Tartu. Polacy w Estonii*. Pod red. E. Walewandra. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1998, 165–175. A. D. Duliczenko.

121. *О наслідствє Гавриїла Костельника*. Руске слово, рок LIV, Нови Сад, 1998, ч. 11 (2735), 13. марец, с. 14.
122. *Н. И. Толстой и резьяница. К открытию «Резьянского словаря» И. А. Бодуэна де Куртене*. Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Том I. Москва: Индрик, 1998, 394–405.
123. *Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания*. Slavica Tartuensia IV: Языки малые и большие. In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998, 26–36.
124. *Ондра Лысогорский и литературный ляхский язык. К выходу сочинений поэта на ляхском и немецком языках*. Там же, 111–115.
125. *О попытке кодификации русинского литературного языка в Закарпатье (с приложением образцов текстов и факсимиле изданий)*. Там же, 157–164.
126. *Вичский и гал(ь)шанский: два новых славянских литературных микроязыка в Литве? (С образцами текстов)*. Там же, 165–173.
127. *Из серии «Рукописи Дерпта (Тарту)»*. I. *Тартуский список 1712 г. словаря Епифания Славинецкого «Dictionarium latinoslavonicum ex latino idiomate traductum...» (с факсимиле титульного листа)*. Там же, 310–313.
128. *Из серии «Рукописи Дерпта (Тарту)»*. II. *Находка рукописи Г. Корбута «Deutsche Lehnwörter im Polnischen...» (1890) (с факсимиле титульного листа)*. Там же, 314–317.
129. *Живая речь [Причудья]*. Радуга, Таллинн, 1998, № 2, 82–84.
130. *Remarques à propos de l'«accent» finno-ougrien en russe*. Slavica Occitania, Toulouse, 1998, № 6, 245–255. Соавтор — Л. В. Дуличенко. Duličenko Aleksandr et Ljudmila.
131. *О современной резьянской графике и орфографии*. Славистический сборник. В честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева. Под ред. Г. И. Сафронова и Г. А. Лилич. С.-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1998, 48–56.
132. *Письмо в редакцию*. Вопросы языкознания, Москва, 1998, № 2, 155–158.
133. *Сербский, хорватский, боснийский, черногорский: распад «договорного» языка? Jezici kao kulturni identiteti na području bivšega srpsko-hrvatskoga ili hrvatskosrpskoga jezika*. Cetinje, 1998, 51–56. А. Д. Дуличенко.
134. *Srpski, hrvatski, bosanski, crnogorski: raspad «dogovornog» jezika?* Там же, 59–64.

1999

135. *Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР. Антология запечатленного времени*. (Slavistische Beiträge. Bd. 378.). München: Verlag Otto Sagner, 1999, VIII, 583 S.
136. *Языки малых этнических групп: функциональный статус и проблемы развития словаря (на славянском материале)*. Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen. Hrsg. von G. Spieß. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1999, 29–43.

137. *Слова и люди: к смене лексических парадигм и их составляющих в русском языке XX столетия. Прагматический аспект исследования языка.* (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II). Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 1999, 31–37.
138. *Ruski slavist Izmail Sreznjevski i Gradišćanski (tadašnji zapadnougarski) Hrvati u 40-ti ljeti 19.stoljeća.* Hrvatske novine, ljetno 90, Željezno – Eisenstadt, 1999, № 17, 30. april, 6–7.
139. *Об эстонском акценте в русской речи. Võõrkeeled kultuuridevahelises kontekstis.* Tartu, 1999, 126–134. Соавтор — Л. В. Дуличенко.
140. *Verbal subtractive adverbial particles (prefixes) as an object of contact grammar in Slavic, Germanic and Finno-Ugric languages (with special reference to full number of adverbially prefixal verbs in Burgenland-Croatian).* Fenno-Ugristica 22: Indo-European-Uralic-Siberian linguistic and cultural contacts. Tartu, 1999, 47–61. A. D. Duličenko.
141. *A Study of hungarian elements in the vocabulary of the Russian language.* Там же, 44–46. A. D. Duličenko.
142. *On hungarian and slavic linguistics in the collection of papers dedicated Mihály Péter.* Там же, 62–64. D. A. Duličenko. Соавтор — Sz. Tóth.

2000

143. *Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Teil 2.* Hrsg. von Lew N. Zybatow. (Linguistik International, Bd. 4). Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2000, 843–852. A. D. Duličenko.
144. *К вопросу о затухании архаичности современного диалекта. На материале островного русского говора Причудья.* Studia russica, Budapest, 2000, t. XVIII, 340–344.
145. *Русские недисперсные языковые массивы Эстонии: проблемы и перспективы изучения. Язык диаспоры. Проблемы и перспективы. Материалы III международного семинара, Рига, 3–5 февраля 2000 г. Москва: изд-во «Флинта», 2000, 135–141.*
146. *Крижанич и Караджич: в поисках метаязыковых решений.* Kalbotyra, 2000, 49 (2), Slavistica Vilnensis, Vilnius, 25–36.
147. *Языки Объединенной Европы: Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europäischen Länder.* Hrsg. von I. Ohnheiser, M. Kienpointner und H. Kalb. (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Bd. 30), Innsbruck, Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1999, XI, 516 S. Wiener Slawistischer Almanach, Wien, 2000, Bd. 45, 259–265.
148. *Baudouin de Courtenay, Jan Ignacy Niecslaw. Eesti teaduse biograafilise leksikon.* 1. Tallinn, 2000, lk. 125. A. Dulitšenko, Ü. Tedre.
149. *Рец.: Menade bal puki bal. Festlibro por la 50a naskiĝ-tago de Reinhard Haupenthal.* Saarbrücken: Iltis, 1998, 487 p. Esperanto, 93-a jaro, Rotterdam, 2000, № 1124 (4), aprilo, p. 74. A. D. Duličenko.
150. *Рец.: N. Mikhailov. Frühslowenische Sprachdenkmäler. Die schriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550).* (Studies in slavic

- and general linguistics, vol. 26). — Amsterdam, 1998, 449 S. Славяноведение, Москва, 2000, № 1, январь – февраль, 120–123.
151. Jakob Linzbachi filosoofilise keele printsiipidest. (Lingvistilise semiootika allikad). Keel ja kirjandus, Tallinn, 2000, № 1, 25–31. A. Dulitšenko.
152. Рец.: Slavica Gottingensia. Ältere Slavica in der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Hrsg. von R. Lauer. Bearbeitet unter der Leitung von U. Jekutsch. (Opera slavica. Neue Folge, 30). Teile 1–3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995, XLVI, (2), 752 S. (Teil 1); (6), 753–1486 S. (Teil 2); 1487–2288 S. (Teil 3). Studia slavica hung., t. 45, Budapest, 2000, fasc. 1–4, 385–387.
153. Михаил Врубель и его «Искреннее слово к Бачванскимъ Русинамъ». Studia Ruthenica, Нови Сад, 1999–2000, т. 7, 31–35.
154. Über die Prinzipien einer philosophischen Universalsprache von Jakob Linzbach. Zeitschrift für Semiotik, Bd. 22, Tübingen/ Berlin, 2000, H. 3–4, 369–385. A. D. Duličenko.

2001

155. Slovenica XVI–XIX вв. в фондах Научной библиотеки Тартуского (Дептского) университета (в библиографическом представлении). Slovenski jezik/Slovene Linguistic Studies, Ljubljana – Lawrence, 2001, № 3, 190–201. A. D. Duličenko.
156. Planlingvo: inter lingvokonstruo kaj etna lingvo. (La sperto de tipologia analizo). Studoj pri interlingvistiko/Studien zur Interlinguistik. Festlibro omaĝe al la 60-jariĝo de Detlev Blanke/Festschrift für Detlev Blanke zum 60. Geburtstag. Red./Hrsg. S. Fiedler, Liu Haitao. Dobřichovice (Praha): Kava-Pech, 2001, 109–115. A. D. Duličenko.
157. Рец.: Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian Language Today. London, New York, Routledge, 1999, XI + 369 c. Russian linguistics, vol. 25, Dordrecht etc., 2001, № 1, 111–120.
158. Рец.: Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. Москва, МАЛП [=Московская ассоциация лингвистов-практиков], 1998, 243 с. Там же, 121–126.
159. Русский язык «после Союза»: взгляд издалека. Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 года. Труды и материалы. Под общ. ред. М. Л. Ретневой и А. А. Поликарпова. Москва: Изд-во МГУ, 2001, 28–29.
160. Русские составные топонимы и их производные (к специфике формирования катойконимов). Studia russica, Budapest, 2001, t. XIX, 28–34.
161. Славянский мир на рубеже XX–XXI вв.: проблемы и перспективы больших и малых языков. Лингвистика в начале XXI века. Материалы научной конференции. Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2001, 58–62.
162. «... Я тело в душу превращаю», или кое-что о русском срамословии. (Размышления в связи с выходом «Словаря русской бранной

лексики» В. М. Мокиенко). *Studia slavica hung.*, t. 46, Budapest, 2001, fasc. 1–4, 111–128.

163. *Из архивных кашубологических находок в России: первая рукописная кашубская грамматика и другие документы XVIII–XIX вв.* *Badania kaszuboznawcze w XX wieku. Materiały pokonferencyjne pod red. J. Borzyszkowskiego i C. Obracht-Prondzyńskiego.* Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2001, 237–250.

2002

164. *Книжка о русском языке у документоx и коментароx. (Увод до рускей филологий).* Нови Сад, 2002, 220 с.
165. *Agäis-Makedonisch.* Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens.* Hrsg. M. Okuka. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, 183–185. А. Д. Дуличенко.
166. *Banater Bulgarisch.* Там же, 203–208.
167. *Halschanisch.* Там же, 253–255.
168. *Lachisch.* Там же, 287–290.
169. *Mährisch.* Там же, 291–293.
170. *Ostslowakisch.* Там же, 355–358.
171. *Resianisch.* Там же, 395–397.
172. *Vičsch.* Там же, 559–561.
173. *Westpolesisch.* Там же, 581–587.
174. *О формах существования (стратах) русского языка в Эстонии: некоторые проблемы изучения.* *Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания.* Сборник статей. Москва: Наука – «Флинта», 2002, 77–84.
175. *К динамике лексико-семантических процессов в русском языке.* *Russian linguistics,* Dordrecht, 2002, vol. 26, 255–268.
176. *Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI: Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002, 68–91.
177. *Лингвокультурологические аспекты русского синтаксиса XX века и феномен словообразовательной игры современных славянских микроязыков России (в связи с выходом монографий Е. А. Покровской и С. В. Ильясовой).* *Studia slavica hung.*, t. 47, Budapest, 2002, fasc 3–4, 277–293.
178. *Язык и тело.* А. Плуцер-Сарно. Большой словарь мата. Т. 1. С.-Петербург: Лимбус Пресс, 35–48.
179. *Марксизм и проекты всеобщего языка коммунизма/Le markisme et les projets de langue universelle de communisme. Les fondements philosophiques, épistémologiques et idéologiques du discours sur la langue en Union Soviétique, 1917–1950.* Lausanne, 2002, 9–11. А. Д. Дуличенко/А. Д. Duličenko.
180. *August Wilhelm Hupeli 1773. aasta seni tundmatu käsikiri eesti keelest.* *Fenno-Ugristica* 24: Keelekontaktidest keelevahetuseni. Tartu, 2002, 77–83. А. Дулитшенко.

181. Два письма В. А. Богородицкого от 1906 г. Й. Миккола о вакансии по кафедре финно-угорской филологии Казанского университета. Там же, 84–87.
- 182 → 198. *Dudash, Natalia; Feisa, Iankol/Fejsa, Janko; Garianski, Vladimir; Kamenitski, Mikola; Kochish, Mikola M./Kociš, Mikola M.; Kostelnik, Havriil, Gabor; Kovach, Mikhal/Mikhailo; Makai, Silvester; Nad', Havriil; Niaradi, Zvonimir; Papharhai, Diural/Papharhaji, Đura; Ramach, Iuliiian/Ramač, Julijan; Skuban, Mikola; Sopka, Liubomir/Sopkov, Ljubomir; Striber, Miroslav; Tamash, Iuliiian/Tamaš, Julijan*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. Toronto/Buffalo/London: University of Toronto Press, 2002, pp. 95, 115–116, 123, 217, 229, 237–238, 241, 303, 329, 337, 356–357, 388, 432–433, 441–442, 447, 457–458. A. D. Dulichenko.
199. *Language [of Subcarpathian Rus]*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press, p. 263. A. D. Dulichenko.
200. *Language question [of Subcarpathian Rus]*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. Toronto/Buffalo/London: University of Toronto Press, 264–269. Соавтор — P. R. Magocsi. A. D. Dulichenko.
201. *Литературные микроязыки современной Славии: проблемы кодификации и языковая практика. Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart. Beiträge zur Konferenz der Internationalen Kommission für slavische Schriftsprachen*. Dresden, 25.-28. Oktober 2000. Hrsg. K. Gutschmidt. Dresden: Thelem, 2002, 14–32.
202. Рец.: *Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europäischen Ländern*. <...>. Вопросы языкознания, Москва, 2002, № 2, 142–146.
203. *О возможностях и перспективах типологического изучения региональных и малых языков славянского и финноугорского происхождения. Социолингвистические аспекты*. Emakeel ja teised keeled III. Tartu, 2002, 32–38.
204. *Izmail Ivanovič Sreznjevski i Gradišćanski Hrvati*. Znanstveni zbornik, Eisenstadt, 2002, 1, 83–92. A. D. Dulichenko.
205. *200 lat filologii słowiańskiej w Tartu*. Nowe kontrasty, Warszawa, 2002, № 12 (108), 22–23. A. Duliczenko.
206. *О карпагорусиньскім літературнім языку в Америці*. Русин, Prešov, 2002, № 3–4, 26–27; № 5–6, 17–19.

ПУБЛИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ (1996–2002)

Маг. лектор И. В. Абисогомян (Сорока)

- 1) *Роль чешского языка в этимологизации русской диалектной лексики (на материале «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера).* Русская филология 7. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1996, 315–319. И. Сорока.
- 2) *Значимость чешской лексики в этимологизации русских слов на фоне славянских соответствий.* Русская филология 8. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1997, 315–321. И. Сорока.
- 3) *Роль эксклюзивных межъязыковых лексических связей в этимологии (на материале русско-чешских лексических параллелей).* Littera scripta... Труды молодых филологов-славистов. Рига, 2000, 113–120. И. Сорока.
- 4) *К вопросу становления чешской лексикографии (конец XVIII в. – первая половина XIX в.).* Valoda–2001. Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi: Valodas lingvistiskie aspekti. Lingvistikas didaktika. Daugavpils, 2001, 53–57. И. Сорока.
- 5) *Пуризм и опыты стандартизации лексической системы чешского языка в эпоху национального Возрождения.* Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 14–17 сентября 2001 г.: Тезисы докладов. Москва, 2001, 219–220. И. Сорока.
- 6) *Развитие чешской лексикографии в период национального Возрождения: традиции и новаторство.* Littera scripta... Труды молодых филологов-славистов. Рига, 2002, 109–117. И. Сорока.
- 7) *Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения).* Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). Ч. 2. С.-Петербург, 2002, 21–28. И. Сорока.

Маг. ассистент Э. Романчик

- 1) *Кашубские образования на -osc, -ota как соответствия польским существительным на -ość, -stwo в «Польско-кашубском словаре» Я. Тренчика: введение в проблематику.* Русская филология 12. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2001, 229–236.
- 2) *К этимологии славянских названий месяцев: *prosinьсь.* Littera scripta... Труды молодых филологов-славистов. Рига, 2002, 100–109.
- 3) *Польские существительные на -ość/-stwo и кашубские образования на -b(a).* Русская филология 13. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2002, 296–304.

**ПУБЛИКАЦИИ СТУДЕНТОВ И МАГИСТРАНТОВ
КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
(1996–2002)**

Сокращение: РФ — РФ, Сборник научных работ молодых филологов.
Тарту

1996

- Бормотов С. *Латино-славянские словари Елифания Славинецкого (1642) и И. Максимовича (1724). (Замечания к сравнительной характеристике)*. РФ, 1996, 7, 308–314.
- Вяндре Т. *К сопоставительному изучению лексических европеизмов в польском и эстонском языках*. РФ, 1996, 7, 351–354.
- Кустова О. *Древнецерковнославянский язык в трудах Н. К. Грунского*. РФ, 1996, 7, 300–307.
- Кырвель М. *Чешский деминутив и его судьба в русском и эстонском переводе прозы К. Чапека*. РФ, 1996, 7, 355–363.
- Синдецкая Н. *Русские организации и общества в Таллинне 1920-х гг.* РФ, 1996, 7, 203–210.

1997

- Синдецкая Н. *Русская театральная жизнь в Тарту в 1920–1930-ых гг.* РФ, 1997, 8, 172–177.
- Шльпкина О. *Русско-чешские пословично-поговорочные структуры в сравнительном рассмотрении. (О двух типах системы паремиологических параллелей)*. РФ, 1997, 8, 295–300.

1998

- Синдецкая Н. *Становление русского театра в Эстонии: 1919–1921 гг.* РФ, 1998, 9, 148–154.
- Шльпкина О. *О категории отрицания в структуре простого пословичного предложения и выражаемой им мысли*. РФ, 1998, 9, 311–318.

1999

- Шиндяпин А. *Об определении парадигм склонения существительных и прилагательных ляхского литературного языка*. РФ, 1999, 10, 227–232.

2000

- Третьяк М. *Некоторые аспекты выражения категории посессивности в чешском и русском языках (на материале перевода прозы И. Бунина)*. РФ, 2000, 11, 157–163.

2001

- Галкина А. *К проблеме возникновения межъязыковых омонимичных отношений (на материале чешского и русского языков)*. РФ, 2001, 12, 215–219.
- Рябова Л. *К вопросу о передаче реалий в переводе (на материале чешских переводов произведений А. П. Чехова)*. РФ, 2001, 12, 202–206.
- Соколова И. *К проблеме перевода русских причастий и причастных оборотов на чешский язык (на материале произведений русской художественной литературы)*. РФ, 2001, 12, 207–214.
- Третьяк М. *Система предлогов литературного ляхского языка (на фоне родственных языков)*. РФ, 2001, 12, 223–228.
- Шиндяпин А. *К определению глагольной системы ляхского литературного языка*. РФ, 2001, 12, 219–222.
- Шльшквина О. *К вопросу о создании словаря чешских и русских пословиц и поговорок. (Некоторые аспекты изучения русско-чешской паремологии)*. Studia Slavica II. Таллинн, 2001, 235–245.

2002

- Абисогомян Р. *О влиянии идей евразийства на творчество В. Е. Гуцика*. Littera Scripta... Труды молодых филологов-славистов. Рига, 2002, 57–66.
- Абисогомян Р. *К вопросу о влиянии идей евразийства на русскую литературу*. РФ, 2002, 13, 124–129.
- Житинская М. *Об акцентологических особенностях кашубской лексики (на материале записей XIX в. Ф. Цейновы)*. РФ, 2002, 13, 291–295.
- Мянд К. *Рецепция пьес Карела Чапека в Эстонии*. РФ, 2002, 13, 166–173.
- Рябова Л. *Этнореалии в прозе А. П. Чехова (сравнительный анализ на материале чешских переводов начала, середины и конца XX в.)*. РФ, 2002, 13, 285–290.
- Третьяк М. *К вопросу о союзах в ляхском литературном языке*. РФ, 2002, 13, 304–310.
- Mänd K. *Švejski tee eesti teatrilavale. Teatri ja teaduse vahel*. Tartu, 2002.

**МАГИСТЕРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ,
ЗАЩИЩЕННЫЕ ПО КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1996/97–2002)**

Первый выпуск специалистов по славянской филологии («Чешский язык и литература») состоялся в 1995 г. С этого времени было защищено 5 магистерских диссертаций по чешскому, польскому и кашубскому языкам. Диссертации (все в компьютерном наборе — КН) хранятся в Научной библиотеке Тартуского ун-та и на кафедре славянской филологии. В настоящее время при кафедре состоят 7 магистрантов и 2 докторанта.

Научный руководитель проф. А. Д. Дуличенко

1996/97

Кустова, Оксана. *Славистическая деятельность и труды проф. Н. К. Грунского в Тарту (Юрьеве) в 1903–1915 гг. (Очерк истории славяноведения в Тарту)*. Тарту, 1996, 164 с. (КН). Защищена 17.02.1997.

Опп.: доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов (Тарту); канд. филол. наук, доц. Н. А. Нечунаева (Таллин, Педагогический ун-т).

1998

Голинская (Ягинцева), Ирина. *Александр Федорович Гильфердинг и его исследования кашубов и кашубско-словинского наречия*. Тарту, 1998, 95 с. (КН). Защищена 28.06.1998.

Опп.: доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов (Тарту); др. М. Цибульский (Гданьский ун-т).

Сорока, Ирина. *Роль чешской лексики в этимологизации русских слов (на материале «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера)*. Тарту, 1998, 168 с. (КН). Защищена 18.12.1998.

Опп.: доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов (Тарту); доц. Ю. С. Кудрявцев (Тарту).

2000

Шлыпкина, Ольга. *Русские и чешские пословично-поговорочные структуры в сравнительном освещении*. Тарту, 2000, 222 с. (КН).

Защищена 12.01.2001.

Опп: канд. филол. наук, доц. Э. А. Вайгла (Тарту); маг., лектор И. В. Сорока (Тарту).

2002

Романчик Э. *Из польско-кашубских языковых сопоставлений (существительные на -ość, -stwo)*. Тарту, 2000, 169+135 с. (КН).

Защищена 13.06.2002.

Опп: проф. В. М. Чекмонас (Вильнюсский ун-т); маг., лектор И. В. Сорока (Тарту).

**ДИПЛОМНЫЕ/БАКАЛАВРСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
ПО КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1978–1991, 1992–2002)**

За 10 лет существования кафедры славянской филологии было защищено 52 дипломных/бакалаврских сочинения по специальности «Славянская филология. Чешский язык и литература/польский язык и литература» (включая сюда и 3 работы, объектом исследования которых был русский язык). Научная работа со студентами велась и ведется в про-, спец- и постсеминарах профессоров А. Д. Дуличенко («Славяно-славянские и славяно-неславянские языковые отношения») и С. Г. Исакова («Эстонско-славянские культурные и литературные связи»). Во второй половине 90-х гг. к руководству курсовыми и дипломными работами подключились и молодые преподаватели кафедры.

Настоящий перечень включает 83 дипломных/бакалаврских сочинений, из них 31 работа относится к 1978–1991 гг., когда проф. А. Д. Дуличенко, под руководством которого они написаны и защищены, состоял при кафедре русского языка. Работы семинара проф. С. Г. Исакова приводятся здесь только с 1995 г., так как более ранние (а также поздние, но связанные с кафедрой русской литературы) описаны и библиографированы в: *Список дипломных работ по кафедре русской литературы. 1949–1998*. Сост. Г. Пономарева. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение III. Tartu, 1999, 332–371.

Примечания и принятые сокращения: 1) Все работы выполнены на одной (правой) стороне листа; 2) РП — рукопись (т. е. работа написана от руки), МП — машинопись, КН — компьютерный набор; 3) работы хранятся на кафедре славянской филологии.

Семинар доктора филол. наук, орд. проф. А. Д. Дуличенко

1978

1. Тякер, Сента. *Развитие интерлингвистической мысли в Эстонии*. Тарту, 1978, (1), 78 с. (РП). Опп. акад. П. Аристе.

1981

2. Алексеева, Нина. *Некоторые особенности перевода русской поэзии на сербско-хорватский язык*. Тарту, 1981, (1), 85 с.

(РП). Опп. преп. Д. Цискарашвили.

3. Анушова, Лия. *О словообразовательных и функциональных особенностях адъективных композит окказионального характера в прозе И. А. Бунина*. Тарту, 1981, (1), 89 с. (РП). Опп. ст. преп. С. И. Баженова (Таллинский педин-т).

4. Кукк, Хелле. *Моносиллабическая лексика в современном русском языке*. Тарту, 1981, (1), 115 с. (РП). Опп.: доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов; доц. Х. И. Хейтер, ст. преп. Х. Пак.

5. Загорская, Светлана. *О фонетической, грамматической и лексической архаизации русского литературного языка XVIII века (на материале «Истории разных славянских народов» Йована Раича)*. Тарту, 1981, (1), 80 с. (РП). Опп.: доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов; доц. Х. И. Хейтер.

1982

6. Анасевич, Людмила. *Словообразовательные и ассоциативно-семантические особенности окказиональных слов*. Тарту, 1982, (1), 90 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Ф. Д. Климчук (Ин-т языкознания АН БССР, Минск).

7. Антонова, Раиса. *Просторечия и их роль в развитии русской синонимии (на материале академического «Словаря синонимов русского языка»)*. Тарту, 1982, (1), 80 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Ф. Д. Климчук (Ин-т языкознания АН БССР, Минск).

8. Кожадей, Надежда. *Микросистема цвета в прозе И. А. Бунина*. Тарту, 1982, (2), 69 с. (РП). Опп. доц. Х. И. Хейтер.

9. Кяспер, Маргарита. *Интернациональные корневые препозитивные морфемы в составе русской лексики*. Тарту, 1982, (1), 101 с. (РП).

10. Мухаметзянова, Раиля. *Глаголы говорения и типы их заметителей в связном тексте*. Тарту, 1982. (РП).

11. Петухова, Марина. *Особенности наименования лиц в русском и сербско-хорватском языках*. Тарту, 1982. (РП).

12. Тимофеева, Ирина. *Роль однокоренных слов в развитии русского синонимического ряда (на материале академического «Словаря синонимов русского языка»)*. Тарту, 1982, (1), 73 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Ф. Д. Климчук (Ин-т языкознания АН БССР, Минск).

1984

13. Глотов, Рита. *Структурно-грамматические особенности тавтологизмов как устойчивых словесных комплексов*. Тарту, 1984, 70 с. (РП). Опп. доц. А. Родима.

14. Кабраль, Гайда. *Особенности словообразовательной и семантической адаптации интернационализмов латинского происхождения в русском и сербско-хорватском языках*. Тарту, 1984. (РП).

15. Луйст, Тийна. *Состав и семантическая структура омонимов в омонимических словарях*. Тарту, 1984, 97 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

16. Раннасте, Тийна. *Вопросы-повторы и переспросы в разговорной речи*. Тарту, 1984, 70 с. (РП). Опп. доц. А. Родима.

1985

17. Ванатоа, Хели. *Заимствованное слово в академических словарях (на материале «Словаря русского языка» Академии Российской 1891 г. и Большого академического словаря АН СССР)*. Тарту, 1985, 80 с. (РП). Опп. доц. А. Родима.

18. Калиновская, Елена. *Местоименная система всеславянского языка Юрия Крижанича. (К проблемам соотношения нормы и узуса)*. Тарту, 1985, 98 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

19. Лыйвукене, Катрин. *Иноязычные омонимы в русском языке (генезис и транспозиция семантической и морфологической структур)*. Тарту, 1985, 83 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Ф. Д. Климчук (Ин-т языкознания АН БССР, Минск).

20. Мяги, Маре. *Состав и функционально-семантическая интерпретация частиц русского языка (по данным академических грамматик и словарей)*, Тарту, 1985, 115 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

21. Пулле, Светлана. *Исследование антонимических структур в поэтическом тексте*. Тарту, 1985, 142 с. (РП). Опп. доц. А. Родима.

22. Тоомисту, Хилья. *Историзмы в русском языке (происхождение, семантическая структура)*. Тарту, 1985, (1), 85 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Ф. Д. Климчук (Ин-т языкознания АН БССР, Минск).

23. Тынурист, Эрика. *Типы и содержательный аспект нетранслитерированных иноязычных вставок в «Былом и думах» А. И. Герцена*. Тарту, 1985, 78 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Ф. Д. Климчук (Ин-т языкознания АН БССР, Минск).

24. Эспенберг, Лариса. *Проблема средств и форм общения в современной фантастической литературе*. Тарту, 1985, 86 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

1986

25. Кондратьева, Станислава. *Основные приемы и способы адаптации языкового материала применительно к детскому восприятию*. Тарту, 1986, 85 с. (РП). Опп. доц. А. Родима.
26. Мазик, Ольга. *Лингвистическое терминотворчество Романа Федоровича Брандта и его место в контексте русского языкознания конца XIX – начала XX века*. Тарту, 1986, 101 с. (РП). Опп. ст. преп., канд. филол. наук Ю. И. Минералов.
27. Сова, Марен. *Семантико-словообразовательная структура церковнославянской лексики (по данным «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова)*. Тарту, 1986. (РП).
28. Юткевич, Евгений. *Происхождение и специфика функционирования фразеологизмов в языке эсперанто на фоне русского и других индоевропейских языков*. Тарту, 1986, (1), 45 с. (МП). Опп. преп. Т. Э. Кукк.

1989

29. Амер, Ингрид. *К семантической сочетаемостной характеристике систем названий животных в русском и эстонском языках (по данным психолингвистического эксперимента)*. Тарту, 1989, 61 с. (КН). Опп. доц. Э. П. Васильченко.

1991

30. Буторина, Лариса. *Микросистема отглагольных существительных на -ание в современном русском языке*. Тарту, 1991. (РП).
31. Кустова, Оксана. *Лексическая микросистема с препозиционным компонентом благо- (в диахроническом и синхронном аспектах)*. Тарту, 1991, 125 с. (РП). Опп. доц. Э. Вайгла.

1992

32. Станкевич, Елена. *Микросистема существительных на -ств(о) в русском языке*. Тарту, 1992, (1), 91 с. (РП). Опп. доц. Э. Вайгла.
33. Кырвел, Майри. *Лингвостилистические аспекты перевода произведений Карела Чапека с чешского на русский и эстонский языки (сопоставительный анализ)*. Тарту, 1992. (РП).

1993

34. Архипова, Марина. *Лексическая микросистема с препозиционным компонентом все- (анализ состава и семантической структуры)*. Тарту, 1993, 88 с. (РП). Опп. доц. Э. Вайгла.
35. Бормотов, Степан. *Текстология и язык тартуского списка (1712 года) латино-славянского словаря Епифания Славинецкого*. Тарту, 1993. (РП).

36. Вяндре, Тийу. Система цветообозначения и ее ассоциативные связи в русском, польском и эстонском языках (по данным психолингвистического эксперимента). Тарту, 1993, 94 с. (КН).
37. Маспанова, Наталия. Социолингвистические исследования русского языка на акцентологическом и морфологическом уровнях. Тарту, 1993, 75 с. (РП). Опп. доц. Э. Вайгла.

1995

38. Васильева, Александра. Русский слой праславянского словаря (на материале словаря Фр. Копечного «Základní všeslovenská slovní zásoba»). Тарту, 1995, I, 93 с.; II, 164 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.
39. Данилова, Ольга. Чешско-словацкие языковые отношения (некоторые аспекты словообразовательной специфики). Тарту, 1995, 97 с. (КН). Опп. канд. филол. наук, проф. И. П. Кюльмоя.
40. Сорока, Ирина. Чешская лексика и ее роль в этимологизации русских слов. (На материале «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера). Тарту, 1995, (1), 122 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.
41. Шувалова, Алина. Лексическая микросистема со значением частей тела в чешском и русском языках. Тарту, 1995, 105 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

1996

42. Кыйв, Марика. Опыт составления русско-польско-эстонского словаря лингвистических терминов. Тарту, 1996, 171 с. (РП). Опп. лектор М. Кырвель.
43. Кянгсепп, Юлия. Русско-польская межъязыковая омонимия. Тарту, 1996, 89 с. (РП). Опп. доц. Э. Вайгла.
44. Максимова, Елена. Устойчивые словесные комплексы в польском и русском языках (на материале пословиц и поговорок). Тарту, 1995, 86 с. РП. Опп. магистрант И. В. Сорока.
45. Райтма, Сигрид. Сопоставительное исследование тематических групп слов, выражающих определяющий компонент в устойчивых компаративных конструкциях (на материале польского и эстонского языков). Тарту, 1996, 75 с. (РП). Опп. лектор М. Кырвель.
46. Тедер, Кристель. Из истории полонистики в Эстонии перед Второй мировой войной. Тарту, 1996, 52 с. (КН). Опп. лектор М. Кырвель.
47. Федорова, Анна. Наблюдения над праславянским лексическим наследием в чешском языке (с учетом словацкого). Тарту, 1996, 136 с. (РП). Опп. магистрант И. В. Сорока.

48. Шлыпкина, Ольга. *Пословично-поговорочные структуры в сравнительном рассмотрении (на материале чешского и русского языков)*. Тарту, 1996, 120 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

49. Ягинцева, Ирина. *Кашубско-словинское наречие в научных исследованиях Александра Федоровича Гильфердинга и Фридриха Лорентца*. Тарту, 1996, (1), 91 с. (РП). Опп. доктор филол. наук, проф. С. В. Смирнов.

1997

50. Проос, Бэлла. *Карл Готтлоб Антон и его славистические исследования*. Тарту, 1997, 118 с. (РП). Опп. лектор М. Кырвель.

1998

51. Корка, Меэлис. *Из польско-кашубских ономастических параллелей (на материале «Польско-кашубского словаря» Яна Трещика)*. Тарту, 1998, 71 с. (РП). Опп. лектор М. Кырвель.

52. Третьяк, Марина. *Некоторые грамматические аспекты оригинала и перевода (на материале рассказа И. А. Бунина «В Париже» и его чешского перевода)*. Тарту, 1998, 73 с. (РП). Опп. асс. И. В. Сорока.

53. Эльвест, Мооника. *Польская и кашубская лексика в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787–1789; 1790–1791)*. Тарту, 1998, 112 с. (РП). Опп. магистрант И. Голинская (Ягинцева).

54. Шиндяпин, Александр. *К определению графической, фонологической и морфологической систем ляхского литературного языка Ондры Лысогорского*. Тарту, 1998, 85 с. (РП). Опп. асс. И. В. Сорока.

1999

55. Бушманова, Наталья. *Сопоставительный анализ существительных с суффиксом -тель/-tel в русском и чешском языках*. Тарту, 1999, 75 с. (РП). Опп. маг., асс. И. В. Сорока.

56. Романчик Э. *Из польско-кашубских сопоставлений (на материале nomina abstracta на -ość, -stwo, -two)*. Тарту, 1999, (1)+164 с. (КН). Опп. магистрант О. Шлыпкина.

2000

57. Александрова, Татьяна. *Чешская и словацкая лексика в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787–1789, 1790–1791 гг.)*. Тарту, 2000, (1)+159 с. (РП). Опп. магистрант А. Федорова.

58. Тамм, Кая. *Польский язык в трудах И. А. Бодуэна де Куртене*. Тарту, 2000, 73 с. (КН). Опп. магистрант Э. Романчик.

2001

59. Житинская, Мария. *Первый печатный кашубско-русский словарь Ф. Цейновы*. Тарту, 2001, 119 + 10 с. (КН). Опп. магистрант Э. Романчик.

60. Рябова, Людмила. *К вопросу о передаче специфических реалий русского традиционного быта при переводе (на материале переводов рассказов А. П. Чехова на чешский язык)*. Тарту, 2001, 51 с. (КН). Опп. маг., лектор И. В. Сорока.

61. Табакова, Ирина. *Перевод русской фразеологии на польский язык (на материале перевода Ирены Левандовской и Витольда Домбровского романа Михаила Булгакова «Белая гвардия»)*. Тарту, 2001, 93 с. (КН). Опп. магистрант А. Шиндяпин.

62. Чернышова, Анастасия. *Польские и русские лексемы с префиксом не-/nie-*. Тарту, 2001, 66 с. (КН). Опп. асс. М. Кырвель.

2002

63. Недорезова, Юлия. *Вопросы ненормативного произношения существительных в современном польском языке*. Тарту, 2002, 51 с. (КН). Опп. магистрант Л. Рябова.

64. Пийскоп, Катри. *Вопросы адаптации интернационализмов в польском языке в сравнении с русским и эстонским языками*. Тарту, 2002, 67 с. (КН). Опп. асс. М. Кырвель.

65. Раннаэере, Татьяна. *Предметные существительные на -тель в русском и польском языках*. Тарту, 2002, 72 с. (КН). Опп. асс. М. Кырвель.

66. Чумакова, Наталья. *Семантическая структура ономастической лексики польского языка*. Тарту, 2002, 47 + 40 с. (КН). Опп. магистрант А. Шиндяпин.

Семинар доктора филол. наук, проф. С. Г. Исакова

1995

67. Синдецкая, Наталия. *Русская культурная жизнь в Тарту в 1920–1940 гг.* Тарту, 1995, 317 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Г. М. Пономарева.

1996

68. Колесникова, Ирина. *Русские православные издания в Эстонии (1918–1940)*. Тарту, 1996, 169 с. (РП). Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Г. М. Пономарева.

69. Силлавере, Яанус. *О рецепции чешской литературы в Эстонии*. Тарту, 1996, 107 с. (РП). Опп. лектор М. Кырвель.

1997

70. Адамс, Урве. *Отделение русской филологии в 1947–1952 г.* Тарту, 1997, 127 с. (РП). Опп. доц. Ю. К. Пярли.

1998

71. Альте, Эве. *Польская литература в эстонских переводах в 1888–1920 гг.* Тарту, 1998, 168 с. (РП). Опп. проф. Я. Левандовский.

2000

72. Мянд, Кристина. *Постановки пьес чешских авторов на эстонской сцене*. Тарту, 2000, 158 с. (КН). Опп. асс. М. Кырвель.

2001

73. Войнова, Алла. *Русские общества в Таллинне в 1920–1934 гг.* Тарту, 2001, 79 с. (КН). Опп. канд. филол. наук Т. К. Шор.

2002

74. Левочка, Елена. *Русский театр в Таллинне (Ревеле) в начале XX в. (По материалам газеты «Ревельские известия»)*. Тарту, 2002, 81 с. (КН). Опп. канд. филол. наук Т. К. Шор.

75. Шувалова, Елена. *Русское студенческое христианское движение в Эстонии в 1927–1940 гг.* Тарту, 2002. Опп. ст. науч. сотр., канд. филол. наук Г. М. Пономарева.

76. Абисогомян, Роман. *Биография и творческое наследие А. К. Баюва*. Тарту, 2002. Опп. канд. филол. наук Т. К. Шор.

Семинар лектора/ассистента М. Кырвел

1999

77. Пеганова, Лиана. *Сравнительное изучение указательных местоимений, а также слов-артиклей в русском и чешском языках*. Тарту, 1999, 115 с. (РП). Опп. асс. И. В. Сорока.

2000

78. Отрокова, Моника. *Творчество Милана Кундеры: переводы и их рецепция в эстонской прессе*. Тарту, 2000, 94 с. (КН).

2001

79. Ачкасов, Андрей. *Некоторые аспекты сопоставительного изучения интернациональных лексем в чешском и русском язы-*

ках. Тарту, 2001, 63 с. (КН). Опп. доктор филол. наук, проф. А. Д. Дуличенко.

Семинар ассистента/лектора И. В. Абисогомян (Сорока)

2001

80. Галкина, Анна. *Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера (на материале чешского и русского языков)*. Тарту, 2001, 52 с. (КН). Опп. доктор филол. наук, проф. А. Д. Дуличенко.

81. Петрова, Варвара. *Некоторые типы чешских сложных слов и их русские эквиваленты*. Тарту, 2001, 55 с. (КН). Опп. доктор филол. наук, проф. А. Д. Дуличенко.

82. Соколова, Ирина. *Сравнительно-сопоставительное изучение чешских и русских причастий в связи с проблемой их перевода*. Тарту, 2001, 60 с. (КН). Опп. магистрант М. Третьяк.

2002

83. Poltan, Riina. *Výzkum obecné češtiny v literárním textu*. Тарту, 2002, 71 с. (КН). Опп. доктор филол. наук, проф. А. Д. Дуличенко.

A 5) L'enfant ne veut pas le voir. 6) Cette fille

B Оторк нозле Ехати . Ели д'ел'ага,

C Оторк нозле Ехате . Ели д'ел'ага,

D Оторк нозле Ехате . Ели д'ел'ага

A encore ne peut pas marcher. Elle est née

B Она не може ходити . Она је рођена

C Она не може ходити . Она је рођена

D Она не може ходити . Она је рођена

A il y a un an, et deux mois 7) Ces quatre

B један еним л'етам, ина д'вем м'есецама . Четири г'одиње

C један еним л'етам, ина д'вем м'есецама . Четири г'одиње

D један еним л'етам, ина д'вем м'есецама . Четири г'одиње

A jeunes gens se portent tous bien.

B младенци се попутно сви добри *

C младенци се попутно сви добри

D младенци се попутно сви добри

A le premier court, le second saute, le troisième

B Та први скаче, та други скок, та трећи

C Та први скаче, та други скок, та трећи

D Та први скаче, та други скок, та трећи

A chante, le quatrième rit. 8) Cet homme est

B поје, та четврти се смеја . Четири г'одиње је

C поје, та четврти се смеја . Четири г'одиње је

D поје, та четврти се смеја . Четири г'одиње је

A aveugle. La femme est lourde. Elle a nous

B слеп . жена је тежа . Она нас

C слеп . жена је тежа . Она нас

D слеп . жена је тежа . Она нас

1) Tous deux commencent, puis on s'arrête quand
qu'un nomme des filles d'un bel âge.

2) On prononce ce mot, les autres commencent à parler

* C'est la traduction littérale du sujet français; mais
le texte allemand signifie bien "Quand j'en allo
qu'un le bruit de la maison". Suivant "L'été
g'ardi je m'adonne je m'adonne"
CO BCI ЗДРАВИ

Приложение 2

**Кафедра славянской
филологии (19.06.2003).**

Слева направо

сидят:

орд. проф. А. Д. Дуличенко,

проф. С. Г. Исаков;

стоят:

маг-нт Л. Рябова,

лектор И. В. Абисогомян,

маг-нт С. Вомм,

маг-нт И. Табакова;

фотографирует:

ассист. Э. Романчик

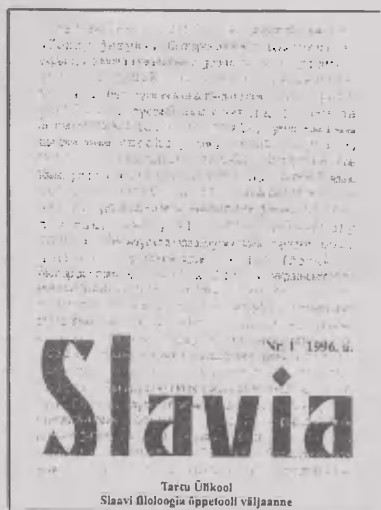


В СЕРИИ *SLAVICA TARTUENSIA* ВЫШЛИ:

- I. *Исследования по истории славянского языкознания. Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 710). Тарту, 1985, 144 с.
- II. *Славянские литературные языки и историография славяноведения.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 811). Тарту, 1988, 171 с.
- III. *Славно-славянские и славно-финно-угорские сопоставления/Slovensko-slovenska i slovensko-ugrofińska porođenja.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 932). Отв. редакторы тома А. Д. Дуличенко и Б. Тошович. Tartu, 1991, 206 с.
- IV. *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi.* Tartu, 1998, 317 с.
- V. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту.* Tartu, 2003, 430 с.
- VI. *Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15–21.08.2003).* Tartu, 2003, 337 с.



Титульный лист сборника
Slavica Tartuensia IV (1998)



Титульный лист кафедрально-
го журнала *Slavia*

Содержание книги:
доклады эстонской делегации
к XIII Международному съезду славистов
(Любляна, 2003);
социолингвистические аспекты
славянских языков
в диахронии и синхронии;
интралингвистические аспекты
современных славянских языков;
к 10-летию кафедры славянской филологии
Тартуского университета (1992–2000) —
хроника,
программы спецкурсов,
доклады,
дипломные сочинения и
магистерские диссертации,
библиография научных трудов.